

ISSN 2587-9340
e-ISSN 2782-3334

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
SCIENTIFIC-PRACTICAL
LEGAL JOURNAL

100
ТАМБОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛЕТ
Державинский

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Том 6

№ 4

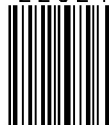
2022

CURRENT
ISSUES
OF THE STATE
AND LAW

ISSN 2587-9340

22024 >

9 772587 934009

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Научно-практический юридический журнал

Основан в феврале 2017 г.

2022. Том 6. № 4
Сквозной номер выпуска – 24

Выходит 4 раза в год

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» ВАК при Минобрнауки России (с 25.12.2020 г.), по юридическим научным специальностям 5.1.1, 5.1.3, 5.1.4 (с 01.11.2022). Индексируется РИНЦ, CrossRef, размещен в EBSCO, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»
(392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: Зелепукин Роман Валерьевич – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), доцент кафедры конституционного и международного права Института права и национальной безопасности

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА:

Андрияшко Марина Васильевна – к.ю.н., доцент. Барановичский государственный университет (г. Барановичи, Республика Беларусь), доцент кафедры общеправовых дисциплин и государственного управления

Афанасьев Сергей Федорович – д.ю.н., профессор. Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, РФ), заведующий кафедрой арбитражного процесса

Блинкова Елена Викторовна – д.ю.н., профессор. Российская государственная академия интеллектуальной собственности (г. Москва, РФ), профессор кафедры гражданского и предпринимательского права факультета управления интеллектуальной собственностью

Воронов Александр Федорович – д.ю.н., профессор. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (г. Москва, РФ), профессор кафедры гражданского процесса юридического факультета

Ельцов Николай Сергеевич – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), заведующий кафедрой теории и истории государства и права Института права и национальной безопасности; Управление Росреестра по Тамбовской области, руководитель; заслуженный юрист Российской Федерации

Золотухин Александр Дмитриевич – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), заведующий кафедрой гражданского и арбитражного процесса Института права и национальной безопасности

Иванова Нелли Александровна – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), заведующий кафедрой гражданского права Института права и национальной безопасности

Камышанский Владимир Павлович – д.ю.н., профессор. Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина (г. Краснодар, РФ), заведующий кафедрой гражданского права, профессор кафедры гражданского и международного частного права

Клименко Таужан Микаиловна – д.ю.н., доцент. Юридический институт Северо-Кавказской государственной гуманитарно-технологической академии (г. Черкесск, РФ), профессор кафедры уголовного права и процесса

Комаров Сергей Александрович – д.ю.н., профессор. Юридический институт (г. Санкт-Петербург, РФ), научный руководитель; Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права (г. Москва, РФ), президент; Башкирский государственный университет (г. Уфа, РФ), профессор кафедры теории государства и права

Кочетков Александр Викторович – к.ю.н., доцент. Арбитражный суд Воронежской области (г. Воронеж, РФ), председатель суда

Лагутин Игорь Борисович – д.ю.н., доцент. Юго-Западный государственный университет (г. Курск, РФ), заведующий кафедрой финансового права, конституционного, гражданского и административного судопроизводства

Лопашенко Наталья Александровна – д.ю.н., профессор. Саратовская государственная юридическая академия, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права; Саратовский Центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции (г. Саратов, РФ), директор

Овсянников Игорь Владимирович – д.ю.н., доцент. Академия ФСИН России (г. Рязань, РФ), главный научный сотрудник научно-исследовательского отдела научного центра

Осокин Роман Борисович – д.ю.н., профессор. Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя (г. Москва, РФ), начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров

Панько Кирилл Константинович – д.ю.н., доцент. Воронежский государственный университет (г. Воронеж, РФ), профессор кафедры уголовного права

Полищук Николай Иванович – д.ю.н., профессор. Академия ФСИН России (г. Рязань, РФ), профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права

Рыбакова Светлана Викторовна – д.ю.н., доцент. Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, РФ), профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой

Соловьева Виктория Викторовна – д.и.н., профессор. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал (г. Липецк, РФ), профессор кафедры теории и истории государства и права

Трофимов Василий Владиславович – д.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), директор Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права Института права и национальной безопасности

Шуняева Вера Анатольевна – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), директор Института права и национальной безопасности

Юдин Андрей Владимирович – д.ю.н., доцент. Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева (г. Самара, РФ), и. о. заведующего кафедрой гражданского процессуального и предпринимательского права юридического факультета

Для цитирования:

Актуальные проблемы государства и права. – 2022. – Т. 6. – № 4. – 200 с. – DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-4

Издание журнал «Актуальные проблемы государства и права / Current Issues of the State and Law» зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-69827 от 18 мая 2017 г.

ISSN 2587-9340 (Print) ISSN 2782-3334 (Online)

Адрес редакции и издателя:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33
Телефон редакции +7(4752)72-34-34 (доб. 3117). Электронная почта: lexnauka.tgu@yandex.ru

Ответственный секретарь объединенной редакции научных журналов *И.В. Ильина*

Редакторы: *Ю.А. Бирюкова, М.С. Жарихина*

Редакторы английских текстов: *Д.Г. Самодуров, М.А. Сенина*

Компьютерное макетирование *Т.Ю. Молчановой*

Дизайн обложки *Т.О. Прокофьевой*

Администратор сайта *М.И. Филатова*

Прием статей:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Советская, 181 Б, каб. 209. Институт права и национальной безопасности
Телефон: +7(4752)72-34-34 (доб. 3117). **Электронная почта:** lexnauka.tgu@yandex.ru

Веб-сайт: <http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law/> (на русском языке)
<http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law-eng/> (на английском языке)

Распространяется бесплатно и по подписке. Индекс 80661 в каталоге ООО «УП Урал-Пресс»

Подписано в печать 25.11.2022. Дата выхода в свет 14.12.2022

Формат А4 (60×84 1/8). Гарнитура «Times New Roman». Печать на ризографе.

Печ. л. 25,0. Усл. печ. л. 24,3. Тираж 1000 экз. Заказ 22462. Свободная цена.

Отпечатано с готового оригинал-макета в отделе оперативной печати Издательского дома «Державинский»

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

392008, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Советская, д. 190г. Электронная почта: izdat_tsu09@mail.ru

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2022

Все права защищены

© Редакционная коллегия журнала «Актуальные проблемы государства и права», 2022

© Редакция журнала «Актуальные проблемы государства и права», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

<i>Асадов Б.Р., Гавриленко В.А., Уткин Н.И.</i> Исторический опыт формирования российско-финляндской границы: теоретические аспекты становления (и формирования) международно-правового регулирования	475
<i>Белянская О.В., Чомаев А.А.</i> Влияние цифровизации на процесс осуществления юридической деятельности	488
<i>Большакова В.М.</i> Исследование правового регулирования медицинского обслуживания судей и членов их семей	496
<i>Борисов А.А.</i> К вопросу о поводах и правовых основаниях к конфискации промышленных предприятий советскими органами	502
<i>Завгородняя А.А.</i> Научный дискурс о балансе интересов в праве	512
<i>Ларина Е.А.</i> Особенности методологии проектной деятельности в юридической науке и образовании	523
<i>Наумов П.Ю., Землин А.И., Утюганов А.А.</i> Актуальные вопросы трансформации норм права о заболеваниях, представляющих опасность для окружающих	532
<i>Савина А.В.</i> К феномену доверия в финансово-правовой сфере	540
<i>Холиков И.В.</i> Теоретико-правовая характеристика современных глобальных вызовов и угроз в сфере здравоохранения	547

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПРАВО

<i>Идрисов Х.В.</i> Отдельные вопросы правового регулирования размещения объектов интеллектуальной собственности в сети Интернет: проблемные аспекты и поиск путей решения	556
<i>Козодаева О.Н., Михина Е.Г.</i> Коррупционные преступления в сфере здравоохранения: анализ и практика	567
<i>Латынцев А.В.</i> Гражданско-правовое регулирование зависимого принудительного лицензирования на примере сферы здравоохранения	576
<i>Орлов П.П.</i> Предупреждение коррупции в сфере земельно-строительных отношений, криминологический аспект	584
<i>Попова Н.А.</i> Противодействие коррупции: современное состояние	591
<i>Синельников А.В.</i> К вопросу об отсутствии понятия уголовно-правового регулирования использования технологии искусственного интеллекта	601
<i>Шуянева В.А.</i> Защита половой неприкосновенности несовершеннолетних в сети Интернет	611

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

<i>Ендольцева Ю.В.</i> Прекращение уголовного преследования и прекращение уголовного дела: современное состояние правоприменения	619
<i>Захаров А.В.</i> Проблемные подходы к понятию и сущности фальсификации доказательств в арбитражном процессе	629
<i>Митрофанов Н.В.</i> Преимущества и недостатки цифровизации гражданского, административного и арбитражного процесса	637

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

<i>Ковалева Н.В., Зозуля А.А.</i> Промышленная безопасность по законодательству Российской Федерации: теоретико-правовой анализ	646
<i>Хапчаев С.Т.</i> Теоретико-правовые аспекты соблюдения прав пациентов в современных условиях	657

Информация	666
-------------------	-----

CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW

Scientific-practical legal journal

Established in February, 2017 **2022. Vol. 6, no. 4**
Continuous issue number – 24

Issued 4 times a year

The journal is on the “Official list of scientific reviewed periodicals for publication principal scientific researches of dissertations for academic degree of candidate of science, doctor of science” by High Attestation Commission at the Ministry of Education and Science of Russia (from December 25, 2020), in law scientific specialties 5.1.1, 5.1.3, 5.1.4 (from November 1, 2022).
Indexed by the RSCI, CrossRef, uploaded to EBSCO, eLIBRARY.RU, CyberLeninka

The establisher and publisher:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Derzhavin Tambov State University”
(33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Tambov Region, Russian Federation)

EDITOR-IN-CHIEF: Zelepukin Roman Valerevich – Candidate of Law, Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Associate Professor of Constitutional and International Law Department of Law and National Security Institute

EDITORIAL BOARD:

Andryashka Maryna Vasilevna – Candidate of Law, Associate Professor. Baranovich State University (Baranovichy, the Republic of Belarus), Associate Professor of General Legal Disciplines and Public Administration Department

Afanasev Sergey Fedorovich – Doctor of Law, Professor. Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation), Head of the Arbitral Procedure Department

Blinkova Elena Viktorovna – Doctor of Law, Professor. Russian State Academy of Intellectual Property (Moscow, Russian Federation), Professor of the Civil and Business Law Department of Intellectual Property Management Faculty

Voronov Alexander Fedorovich – Doctor of Law, Professor. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation), Professor of the Civil Procedure Department, Faculty of Law

Eltsov Nikolay Sergeevich – Candidate of Law, Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Head of the Theory and History of State and Law Department of Law and National Security Institute; Federal Registration Service in the Tambov region, Head of the Office; Honored Lawyer of the Russian Federation

Zolotuhin Aleksandr Dmitrievich – Candidate of Law, Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Head of the Civil and Arbitral Procedure Department of Law and National Security Institute

Ivanova Nelli Aleksandrovna – Candidate of Law, Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Head of the Civil Law Department of Law and National Security Institute

Kamyshanskiy Vladimir Pavlovich – Doctor of Law, Professor. Kuban State Agrarian University (Krasnodar, Russian Federation), Head of the Civil Law Department, Professor of the Civil and Private International Law Department

Klimenko Tazhan Mikailovna – Doctor of Law, Associate Professor. North Caucasian State Academy Law Institute (Cherkessk, Russian Federation), Professor of Criminal Law and Procedure Department

Komarov Sergey Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor. Private Educational Institution of the Higher Training “Institute of Law” (St. Petersburg, Russian Federation), Scientific Advisor; The Interregional Association of Theorists of State and Law (Moscow, Russian Federation), President; Bashkir State University (Ufa, Russian Federation), Professor of State and Law Theory Department

Kochetkov Aleksandr Viktorovich – Candidate of Law, Associate Professor. Arbitral Court of Voronezh Region (Voronezh, Russian Federation), Court President

Lagutin Igor Borisovich – Doctor of Law, Associate Professor. Southwest State University (Kursk, Russian Federation), Head of the Financial Law, Constitutional, Civil and Administrative Court Procedure Department

Lopashenko Natalya Aleksandrovna – Doctor of Law, Professor. Saratov State Law Academy, Professor of the Criminal and Penal Enforcement Law Department; Saratov Research Centre for Organized Crime and Corruption Issues (Saratov, Russian Federation), Director

Ovsyannikov Igor Vladimirovich – Doctor of Law, Associate Professor. Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russian Federation), Chief Research Scholar of Research Department of Scientific Center

Osokin Roman Borisovich – Doctor of Law, Professor. Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Y. Kikot (Moscow, Russian Federation), Head of the Faculty of Scientific-Pedagogical and Scientific Personnel Training

Panko Kirill Konstantinovich – Doctor of Law, Associate Professor. Voronezh State University (Voronezh, Russian Federation), Professor of Criminal Law Department

Polishchuk Nikolay Ivanovich – Doctor of Law, Professor. Academy of the FPS of Russia (Ryazan, Russian Federation), Professor of Theory of the State and Law, International and European Law Department

Rybakova Svetlana Viktorovna – Doctor of Law, Associate Professor. Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation), Professor of the Financial, Banking and Customs Law Department Named After Professor Khimicheva Nina Ivanovna

Solovyova Viktoriya Viktorovna – Doctor of History, Professor. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk Branch (Lipetsk, Russian Federation), Professor of the Theory and History of the State and Law Department

Trofimov Vasilii Vladislavovich – Doctor of Law, Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Director of Research Institute of State Legal Research, Professor of the Theory and History of the State and Law Department of Law and National Security Institute

Chunyaeva Vera Anatolevna – Candidate of Law, Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Director of Law and National Security Institute

Yudin Andrew Vladimirovich – Doctor of Law, Associate Professor. Samara National Research University (Samara, Russian Federation), Acting Head of the Civil Procedure and Business Law Department of the Law Faculty

For citation:

Current Issues of the State and Law. – 2022. – Vol. 6, no. 4. – 200 p. – DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-4

The journal “Aktual’nye problemy gosudarstva i prava / Current Issues of the State and Law” is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor), the mass media registration certificate ПИИ no. ФС 77-69827 dated May 18, 2017.

ISSN 2587-9340 (Print) ISSN 2782-3334 (Online)

Editorial Office and Publisher address:

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Tambov Region, Russian Federation
Editors telephone: +7(4752)72-34-34 (доб. 3117). E-mail: lexnauka.tgu@yandex.ru

Executive Editor of Incorporate Editorial of Scientific Journals *I.V. Ilyina*

Editors: *Y.A. Biryukova, M.S. Zharikhina*

English texts editors: *D.G. Samodurov, M.A. Senina*

Computer layout by *T.Y. Molchanova*

Cover design *T.O. Prokofeva*

Web-site administrator *M.I. Filatova*

Article acceptance:

Office 209, 181 B, Sovetskaya St., Tambov, 392000, Tambov Region, Derzhavin Tambov State University, Law and National Security Institute. **Telephone:** +7(4752)72-34-34 (доб. 3117). **E-mail:** lexnauka.tgu@yandex.ru

Web site: <http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law/> (In Russian)
<http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law-eng/> (In English)

Distributed free of charge and by subscription. Index 80661 in the catalogue LLC “Ural-Press”

Signed for printing 25.11.2022. Release date 14.12.2022

Format A4 (60×84 1/8). Typeface «Times New Roman». Printed on risograph.

Pr. sheet 25,0. Conv. pr. sheet 24,3. Copies printed 1000. Order no. 22462. Free price.

Published basing on ready-to-print file in Instant Print Department of Publishing House “Derzhavinskiy”

FSBEI of HE “Derzhavin Tambov State University”

190g Sovetskaya St., Tambov 392008, Tambov Region, Russian Federation. E-mail: izdat_tsu09@mail.ru

Content of the journal is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

© FSBEI of HE “Derzhavin Tambov State University”, 2022.

All rights reserved

© Editorial board of the journal “Current Issues of the State and Law”, 2022

© Editorial of the journal “Current Issues of the State and Law”, 2022

CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW

Scientific-practical legal journal

Established in February, 2017 2022. Vol. 6, no. 4 Issued 4 times a year

CONTENTS

GENERAL THEORY AND HISTORY OF LAW AND THE STATE

<i>Babek R. Asadov, Vladimir A. Gavrilenko, Nikolay I. Utkin</i> , The historical experience of the formation of the Russian-Finnish border: the main aspects of the formation (and development) of international legal regulation	475
<i>Olga V. Belyanskaya, Albert A. Chomaev</i> , The impact of digitalization on the process of legal activity	488
<i>Valentina M. Bolshakova</i> , Legal regulation study of medical care for judges and their family members	496
<i>Andrey A. Borisov</i> , On the question of the reasons and legal grounds for confiscation of industrial enterprises by the soviet authorities	502
<i>Anastasiia A. Zavgorodniaia</i> , Scientific discourse on the balance of interests in law	512
<i>Elena A. Larina</i> , Methodology features of project activity in legal science and education	523
<i>Petr Y. Naumov, Aleksandr I. Zemlin, Aleksey A. Utyuganov</i> , Current transformations of law about diseases presenting a danger for outside	532
<i>Anna V. Savina</i> , On the phenomenon of trust in the financial and legal sphere	540
<i>Ivan V. Kholikov</i> , Theoretical and legal characteristics of modern global challenges and threats in the field of healthcare	547

SUBSTANTIVE LAW

<i>Hussein V. Idrisov</i> , Certain issues of legal regulation of the placement of intellectual property objects on the Internet: problematic aspects and search for solutions	556
<i>Olesya N. Kozodaeva, Elena G. Mikhina</i> , Corruption crimes in healthcare: analysis and practice	567
<i>Alexander V. Latyntsev</i> , Civil law regulation of dependent compulsory licensing on the example of the healthcare sector	576
<i>Pavel P. Orlov</i> , Prevention of corruption in the field of land and construction relations, criminological aspect	584
<i>Nadezhda A. Popova</i> , Anti-corruption: current state	591
<i>Alexander V. Sinelshchikov</i> , On the issue of the absence of criminal law regulation of the use of artificial intelligence	601
<i>Vera A. Chunyaeva</i> , Protection of sexual integrity of minors on the Internet	611

PROCEDURAL LAW

<i>Yulia V. Endoltseva</i> , Termination of criminal prosecution and termination of a criminal case: current state of law enforcement	619
<i>Alexander V. Zakharov</i> , Problematic approaches to the concept and essence of falsification of evidence in the arbitration process	629
<i>Nikita V. Mitrofanov</i> , Advantages and disadvantages of digitalization of civil, administrative and arbitration process	637

NATIONAL SECURITY

<i>Natalya V. Kovaleva, Aleksandr A. Zozulya</i> , Industrial safety under the Russian Federation legislation: theoretical and legal analysis	646
<i>Sultan T. Khapchaev</i> , Theoretical and legal aspects of observance of the rights of patients in modern conditions	657

Information	666
--------------------	-----

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА GENERAL THEORY AND HISTORY OF LAW AND THE STATE

Научная статья

УДК 342.1

DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-4-475-487

Шифр научной специальности 5.1.1

Исторический опыт формирования российско-финляндской границы: теоретические аспекты становления (и формирования) международно-правового регулирования

© АСАДОВ Бабек Рашид оглы,

кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева», Российская Федерация, 196105 г. Санкт-Петербург, Московский просп., 149, ORCID: 0000-0003-0956-6388, asadovspb@mail.ru

© ГАВРИЛЕНКО Владимир Александрович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева», Российская Федерация, 196105 г. Санкт-Петербург, Московский просп., 149; докторант юридического факультета, Университет Сапиенца, Италия, 00185 г. Рим, пл. Альдо Моро, 5, ORCID: 0000-0002-7357-3526, gv22@mail.ru

© УТКИН Николай Иванович,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права, заслуженный юрист Российской Федерации, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева», Российская Федерация, 196105 г. Санкт-Петербург, Московский просп., 149, utkinnick@mail.ru

Аннотация

Проанализированы проблемы исторических аспектов формирования межгосударственных границ, которые продолжают оставаться в фокусе внимания представителей научного и практического сообщества. Вышеуказанное обусловлено в том числе спецификой геополитического положения отдельных приграничных территорий, бывших предметом разногласий и споров. С позиции теории и методологии права проблемы вокруг государственных границ продиктованы растущими объективными и естественными потребностями государств и юридически оформленными направлениями политики последних в этой области. Предприняты попытки рассмотреть некоторые исторические аспекты формирования правовой основы российско-финляндской границы. На фоне усиления соперничества ключевых центров силы, растущих противоречий и динамичных изменений в международных отношениях особую актуальность приобретает новое переосмысление исторического процесса правового оформления установления

границы между двумя странами. Анализ ранних исторических закономерностей и генезиса становления межгосударственной границы позволяет выстраивать ее в русле пересмотра и переоценки отдельных сторон логики формирования пограничного пространства в рамках историко-правового процесса. Сделаны выводы, что в современных условиях, с одной стороны, готовность к развитию углубленного сотрудничества в рамках формирующейся новой модели поведения в этой области и, с другой стороны, традиционно имевшие место в отдельных политических и общественных кругах Финляндии настроения по возвращению утраченных карельских земель обуславливают применение наиболее устойчивых пограничных режимов и адекватных политико-правовых механизмов, процедур для избегания негативного влияния фактора наращивания процесса милитаризации границы и отдельных рисков. В условиях вероятного изменения политики двух стран большое значение имеет теория правового регулирования исследуемых вопросов, без которой представляется невыполнимым достижение баланса многогранных интересов государств.

Ключевые слова

государственная граница, правовой режим, геополитическое пограничное пространство, карельский вопрос, правовой механизм, эффект государственной границы

Для цитирования

Асадов Б.Р., Гавриленко В.А., Уткин Н.И. Исторический опыт формирования российско-финляндской границы: теоретические аспекты становления (и формирования) международно-правового регулирования // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 4. С. 475-487. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-4-475-487](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-4-475-487)

ORIGINAL ARTICLE

DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-4-475-487

The historical experience of the formation of the Russian-Finnish border: the main aspects of the formation (and development) of international legal regulation

© **Babek R. ASADOV**,

Candidate of Politics, Associate Professor, Associate Professor of Theory and History of State and Law Department, Saint-Petersburg University State Fire Service of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters named after the Hero of the Russian Federation, Army General E.N. Zinichev, 149 Moskovskiy Ave., St. Petersburg 196105, Russian Federation, ORCID: [0000-0003-0956-6388](https://orcid.org/0000-0003-0956-6388), asadovspb@mail.ru

© **Vladimir A. GAVRILENKO**,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of Theory and History of State and Law Department, Saint-Petersburg University State Fire Service of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters named after the Hero of the Russian Federation, Army General E.N. Zinichev, 149 Moskovskiy Ave., St. Petersburg 196105, Russian Federation; Doctoral Candidate of Law Department, Sapienza University of Rome, 5 Aldo Moro Sq, Rome 00185, Italy, ORCID: [0000-0002-7357-3526](https://orcid.org/0000-0002-7357-3526), gv22@mail.ru

© **Nikolay I. UTKIN**,

Doctor of Law, Professor, Professor of Theory and History of State and Law Department, Honored Lawyer of the Russian Federation, Saint-Petersburg University State Fire Service of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters named after the Hero of the Russian Federation, Army General E.N. Zinichev, 149 Moskovskiy Ave., St. Petersburg 196105, Russian Federation, utkinnick@mail.ru

Abstract

The problems of the historical aspects of the formation of interstate borders, which continue to be the focus of attention of representatives of the scientific and practical community, are analyzed. The above is due, among

other things, to the specifics of the geopolitical position of individual border territories, which were the subject of disagreements and disputes. From the standpoint of the theory and methodology of law, the problems around state borders are dictated by the growing objective and natural needs of states and the legally formalized directions of the latter's policy in this area. Attempts have been made to consider some historical aspects of the formation of the legal basis of the Russian-Finnish border. Against the backdrop of increased rivalry between key centers of power, growing contradictions and dynamic changes in international relations, a new rethinking of the historical process of legal registration of the establishment of the border between the two countries will become of particular relevance. An analysis of the early historical patterns and the genesis of the formation of the interstate border makes it possible to build it in line with the revision and reassessment of certain aspects of the logic of the formation of the border space within the framework of the historical and legal process. It is concluded that in modern conditions, on the one hand, the readiness to develop in-depth cooperation within the framework of the emerging new model of behavior in this area and, on the other hand, the moods traditionally taking place in certain political and public circles of Finland regarding the return of the lost Karelian lands determine the use of the most stable border regimes and adequate political and legal mechanisms, procedures to avoid the negative impact of the factor of increasing the process of militarization of the border and individual risks. In the context of a possible change in the policy of the two countries, the theory of legal regulation of the issues under study is of great importance, without which it seems impossible to achieve a balance of the multifaceted interests of states.

Keywords

state border, legal regime, geopolitical border space, Karelian issue, legal mechanism, state border effect

For citation

Asadov B.R., Gavrilenko V.A., Utkin N.I. Istoricheskiy opyt formirovaniya rossiysko-finlyandskoy granitsy: teoreticheskiye aspekty stanovleniya (i formirovaniya) mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya [The historical experience of the formation of the Russian-Finnish border: the main aspects of the formation (and development) of international legal regulation]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2022, vol. 6, no. 4, pp. 475-487. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-4-475-487](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-4-475-487) (In Russian, Abstr. in Engl.)

Введение

Проблемы формирования и попытки изменения государственных границ, «по сей день выступая постоянным фактором обострения международной обстановки» [1, с. 100], обусловлены как необходимостью переосмысления процесса трансформации и значения его роли в условиях динамичных тенденций развития мира, так и обострением соперничества и противоречий между ключевыми центрами силы. При этом в условиях современных реалий сохранения сложных территориальных вопросов, которые, вероятно, и в будущем будут в центре внимания, все больше подвергается сомнению принцип особенно нерушимости государственных границ. Все это свидетельствует об участвующих попытках пересмотра вопросов теории права в сфере концепций защиты государственной границы и правового обеспечения ее реализации.

Наиболее характерным примером в плане рассмотрения этой проблемы может служить часть государственной границы, ставшей с давних времен «окном в Европу». С

выходом на Запад и дальнейшим расширением территорий в данном направлении Россия постоянно сталкивалась с сильным, плотным сопротивлением европейских соседей [2, с. 38]. В историческом прошлом в данном направлении вопросы границы, периодически обретая особую остроту, присутствовали во взаимоотношениях России, особенно с сопредельными государственными образованиями, требовали установления устойчивого правового режима и адаптации его к новым реалиям. В то же время без теории правовой конструкции механизма защиты границы невозможно выстроить адекватную политику в области формирования государственной границы.

В данном направлении граница между Россией и Финляндией остается важным компонентом всего комплекса отношений России с приграничными государствами. В то же время сложные проблемы новых геополитических реалий, вносящие новые акценты в правила международных отношений, создают предпосылки для роста количества сторонников отказа Финляндии от

политики нейтралитета. Последствия этого шага в целом могут разрушить существующий алгоритм сотрудничества и привести к установлению нового режима в рамках межгосударственной границы.

Необходимо отметить, что сегодня Финляндия и Швеция, осуществляя поступательное движение в направлении военно-политической интеграции, еще в 2014 г. инициировали присоединение к программе НАТО – Поддержка принимающей страны. И этим им было предоставлено право в условиях обострения международных отношений немедленно принять военную помощь от США, минуя бюрократические механизмы.

Цель исследования – изучение некоторых исторических аспектов формирования правовой основы межгосударственной границы России и Финляндии. В данном контексте существует необходимость расширения дискурса нового осмысления современного значения границы между двумя странами и становления ее правовой основы, прежде всего, с учетом существующих геополитических реалий и проблем понимания формирующегося новой модели поведения в данном регионе. В новых условиях образ прошлого и значимость отдельных исторических событий, связанные со сложным процессом территориального разграничения и установления границы, все больше становясь объектом внимания, продолжают оказывать определенное влияние на поведение различных политических и общественных кругов, особенно на территории Финляндии.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы познания, в частности такие методы, как историко-описательный, историко-правовой. Вопросы территориального разграничения и установления межгосударственной границы рассматриваются в русле пересмотра и переоценки отдельных как исторических, так и современных теоретико-правовых аспектов роли данного института в межгосударственных отношениях.

Результаты исследования

1. Отдельные аспекты понимания роли феномена государственной границы в современных условиях

В последнее время особый интерес исследователей к вопросам государственных

границ оправдан на фоне быстроменяющихся тенденций и сложных противоречивых процессов мирового развития. Расширение спектра внешних и внутренних факторов влияния на место и роль данного института обуславливали появление различных точек зрения. И это позволяет отметить, что сегодня термин граница трактуется в научных кругах весьма широко. Являясь необходимым атрибутом территориального государства, граница – это не только линия на географической карте мира, край, рубеж некоего географического пространства, территории, а своеобразное особое пространство императивной власти государств.

Современные тенденции последних десятилетий, придавая новые качества государственной границе, безусловно, ключевого типа среди социальных границ и создавая явные предпосылки для ее «стирания», давали повод специалистам ставить под сомнение юрисдикцию государства над территорией и его население. В качестве таких факторов рассматривались усиление миграций, рост сепаратистских тенденций, возрождение этнических движений, групп, стремившихся к получению автономии и созданию собственных государственных образований, перенос все новых аспектов человеческой деятельности в виртуальное пространство. Вместе с тем превращение отдельной территории в пограничную область, как отмечает польский специалист, не из-за функционирования границы на ней, а из-за миграции людей может привести к возникновению новых форм жизни в пограничных районах [3, р. 27]. И данная тенденция не может не оказать влияния на перспективы дальнейшего функционирования исторически сложившихся государственных границ.

В новых условиях стремление государственных образований, направленное на расширение собственных территорий, является целесообразной формой определения приемлемых границ по отношению к окружающим территориальным образованиям. Территориальные вопросы для определенных государственных образований в отдельном пограничном пространстве разрешались в результате длительного влияния сильных и устойчивых государственных образований на соседние территории. Благодаря усиле-

нию роли политических, торговых, этноконфессиональных, культурных составляющих создавались благоприятные предпосылки для постепенного перехода отдельных территорий и ареалов культур в состав более развитых влиятельных государственных образований.

Необходимо отметить, что с ростом интернационализации международной жизни особое значение приобретало и применение новых политико-правовых практик над национальным уровнем. Развитие концепции «экстратерриториальной юрисдикции государств» [4] с использованием такого механизма, как Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ), все больше позволяя использование новой юрисдикции за пределами государственной территории, приводит к стиранию границ юрисдикции внутри «канонической» территории Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ)» [5, с. 184].

Растущее влияние этих и других многогранных факторов, по-прежнему оказывающих ощутимое влияние на политическую карту мира, актуализирует вопросы вокруг государственной границы как важного сложного социально-политического явления, ставшего «постоянным спутником, неотъемлемым элементом государства» [6, с. 4]. И выявление сущности и содержания границы как в широком, так и узком смыслах, которая исторически находилась в постоянном движении и сегодня продолжает обретать новые черты, имеет важное как теоретическое, так и практическое значение.

Расширение направления исследования границ как междисциплинарная область познания имеет и собственную, и внутреннюю логику развития. Соответственно, сегодня повышенное внимание этому феномену со стороны специалистов различных научных направлений в контексте использованных подходов категориального осмысления является объективной необходимостью.

Не вдаваясь в подробности интерпретации и сравнения феномена границы как в географическом, юридическом, так и геополитическом и культурном смыслах, которая имеет место в научном дискурсе, существует понимание того, что она как «особое организованное пространство» [7, с. 61] и фор-

мировавшаяся в результате длительного исторического процесса часть политической и этнической, по мнению Б.В. Дубина, «коллективной идентичности» (цит. по: [8, с. 27]). В свою очередь, сложный и противоречивый процесс установления государственных границ, регулирующийся нормами международного права и отражающий внешне-политические условия, во многом характеризует уровень отношений между государственными образованиями в рамках сложившегося пограничного режима. Сегодня «стабильность границ, их статус, признаки определяются общим характером отношений тех государств или государственных объединений, которые они разделяют» [9, с. 97], имеет большое значение в контексте демонстрации способности последних в области обеспечения как национальной, так и региональной безопасности.

Проблемы защиты и сохранения единого территориального пространства, а также определение новых границ, как и в прошлые столетия, в немалой степени остаются предметом острых межгосударственных и межнациональных споров, приводящих к конфликтам и войнам. Споры могут возникнуть не только из-за конкретного участка территории как такового, а в современных условиях причиной подобных ситуаций во многом выступают конкретные политические, экономические, военно-стратегические и другие факторы. Возрастающее значение этих и других факторов требует от государственных акторов безоговорочного исполнения обязательств, принятых на себя ранее, которые отражаются в основополагающих принципах международного права.

Таким образом, с каждой эпохой возникают новые проблемные аспекты института границы, которые обуславливают по-новому акцентировать внимание на те или иные изменения и, соответственно, понимание влияния последних на роли государств в системе современных международных отношений.

Современные границы, несмотря на сохранение барьерной роли, отличаются большой практичностью и транснациональностью. Новые черты границы, явно проявившиеся в условиях интернационализации межгосударственных отношений, создали

предпосылки для усиления процесса размытия государственного суверенитета и актуализации проблем обеспечения эффективной защиты государственной границы и примыкающих к ней территорий с учетом растущих запросов новых реалий современного мира.

Влияние различных исторических процессов, внешних или внутренних факторов, которые способствовали превращению границ «в своеобразный индикатор реального суверенитета страны» [10, с. 5], позволяет рассматривать ее и ключевым звеном в системе безопасности любого государства. Именно исторический опыт понимания процесса формирования границ и их роль в контексте настоящего времени, придавая ей особую социальную значимость, являются многоаспектным способом переживания прошлого с целью его репрезентации и интерпретации.

Следуя этой логике, необходимо отметить, что рассмотрение государственной границы в качестве ключевого звена в системе национальной безопасности государства и приоритетного направления его политики в этой области, являясь естественной потребностью, предусматривает реализацию широкого набора мероприятий, направленных, в том числе, на развитие каналов сотрудничества с приграничными государственными образованиями согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и договоров.

Безусловно, для понимания широкого спектра вопросов вокруг существующей государственной границы Российской Федерации, которая является самой протяженной в мире, возникает необходимость рассмотрения их в контексте некоторых исторических особенностей непрерывного и целостного процесса формирования отдельных приграничных территорий государства. Процесс установления государственной границы, носящий сложный исторический, зачастую противоречивый характер, требует осмысления многочисленных факторов времени и условий ее формирования. В рамках осмысления значения этих факторов важным является выявление наличия тех неизбежных проблемных исторических аспектов, которые в современных условиях, сохраняя свою

чрезмерную актуальность, оказывают непосредственное влияние на характер поведения, состояние взаимоотношений современных государств вокруг границ и приграничных территорий, где сосредоточиваются их жизненно важные интересы.

2. Некоторые исторические аспекты становления правовой основы межгосударственной границы

В процессе формирования единого геополитического пространства и особенно определения новых границ важное место отводилось сложному процессу создания территориальных образований как фактору обеспечения безопасности в Северо-Западном регионе. Анализ историко-правовых материалов по этой тематике позволяет обнаружить тесную историческую связь формирования приграничных территориальных образований в данном регионе со многими актуальными проблемами, которые присутствовали на фоне этого сложного и длительного процесса.

Сегодня, несмотря на то, что отсутствие территориального вопроса признается официальными властями Финляндии, но действия, направленные на реанимацию повестки в отдельных политических кругах Финляндии вокруг вопросов, касательно исторических приграничных территорий, в немалой степени соответствуют имеющимся запросам отдельной части финского общества. С учетом того, что постоянное стремление к актуализации этой темы в общественно-политическом дискурсе в СМИ присуще потомкам принудительно перемещенных жителей Карелии. Отдельным политическим группам и деятелям необходимо отметить, что на это особе влияние также оказывает существующая политическая конъюнктура в межгосударственных отношениях. Оценки бывшего эксперта МИД Финляндии экс-дипломата, доктора политологии и писателя-документалиста Юкка Сеппинена якобы планов руководства СССР начать переговоры о передаче Карелии в конце 80-х гг. XX века свидетельствует, что оспаривание данного вопроса, по-прежнему сохраняя свою актуальность, периодически будет затронуто в обществе.

Таким образом, понимание сложного и противоречивого процесса становления го-

сударственных границ, которые необходимы любому государству и сегодня выполняют прежде всего его ответственные функции по обеспечению суверенитета и безопасности, невозможно без знания исторической логики их формирования. Именно в данном контексте в научном сообществе порой часто возникающие острые дискуссии обуславливают необходимость выявления социально-политической сущности и содержание государственной границы в рамках конкретного региона и территории.

Процесс формирования и проблемы урегулирования режимов в пограничном пространстве между государствами различного общественно-политического уклада и традициями государственности – России и Финляндии – имеют глубокие исторические аспекты.

Принимая во внимание, что отношения России и Финляндии особое внимание уделяется в рамках событий конца 1930 – начала 1950 гг., в котором окончательно завершается процесс установления существующей государственной границы, считаем необходимым рассмотреть некоторые аспекты ранних периодов процесса становления ее правовой основы. В связи с этим возникает необходимость предложить ретроспективы отдельных аспектов международно-правового регулирования российско-финляндской государственной границы в рамках краткой хронологии и анализа ключевых периодов этого сложного исторического процесса.

Следуя этой логике и исходя из целесообразности понимания исторических особенностей формирования данного пограничного пространства, в первую очередь необходимо выделить договор «Ореховецкий мир» (1323 г.), историческое значение которого заключалось в том, что впервые была проведена официальная граница между Россией и Швеции-Финляндией.

Последствия периодически происходящих конфликтов в этот период дают повод рассматривать их как начало процесса потери карельского народа, который в результате появления границы был разделен на две части – русскую и шведскую (финскую) [11, с. 57].

Восстановление старой границы полностью закрепило за Россией Неву и Ладогу. Швеция же закрепила завоеванные террито-

рии. Вышеуказанное происходило по условиям Тявзинского мирного договора (1595 г.), по сути, заменившего прежний договор. «На практике же, – как описывает этот период известный финский ученый Вильо Расила, – еще до заключения Тявзинского мира, в центральных районах страны финские землепроходцы осваивали земли к востоку от границы, определенной Ореховецким соглашением, и оттесняли карел все далее на восток» [12, с. 30]. И это, с одной стороны, отвечало территориальным интересам Швеции и процессу развития ее политики в данном направлении, и, с другой стороны, сложившаяся ситуация обусловила выдвижение на передний план вопросов обеспечения безопасности приграничных территорий. В сложившихся условиях строительство городов-крепостей для организации обороны и укрепления пограничных территорий стало объективной необходимостью.

Проблемы пересмотра границы имели место после очередных войн, что не могло сказаться на преимущественном положении победившей стороны во время подписания мирных договоров. Превосходство Швеции, полученное по итогам «Столбовского мира» (1617 г.), позволило расширить зоны своего влияния за счет новых территорий. Эти территориальные изменения сохранились в неизменности до побед России в длительной Северной войне.

Расширение территориальных границ путем закрепления завоеванных Россией новых территорий было закреплено Мирным договором в 1743 г. Перенос границы вглубь Финляндии соответствовал изложенным в Манифесте 18 марта 1742 г. идеям о возможности создания финляндского «свободного, ни от кого не зависящего государства» [13, с. 25-26].

Верельский мирный договор завершил очередную войну (1788–1790 гг.) между двумя государствами, результаты которой, укрепляя международное положение России, и подтвердили условия Абоского мирного договора. Именно в этот период постепенно наметились явные предпосылки для определения будущего места Финляндии в сложившемся пограничном геополитическом пространстве. И в дальнейшем завершение процесса формирования такого пространства

в результате завоевания всей ее территории стало исторически логичным и было оформлено мирным договором (г. Фридрихсгам, 5 сентября 1809 г.).

Значительную роль в формировании такой зоны безопасности сыграло установление новых внешних границ, которое требовало формирования новой пограничной политики. Формирование новых геополитических реалий на северо-западных рубежах России обезопасило ее от постоянных угроз со стороны Швеции, которые во многом были связаны с превращением Финляндии в буферную (промежуточную) зону в результате предоставления ей статуса автономии.

Важное геополитическое значение имел шведский нейтралитет, который стал последствием союзных отношений в борьбе против наполеоновских войн.

Таким образом, в данный исторический период наиболее значительным эпизодом стало становление и развитие нового пограничного пространства. Основной причиной объединения «русской Финляндии» с «новой Финляндией» – «шведской Финляндией» служило постоянное стремление к обеспечению безопасности государства в данном направлении. И в этот исторический период были определены новые пределы границы Великого княжества Финляндского.

Разграничивавшее функционирование двух правовых и административных систем, которые имели различные особенности, в дальнейшем стало предметом споров вокруг таких проблем, как установление и демаркации границы. Такое положение приобрело особое значение для Финляндии, которая в сложившихся в начале XX века благоприятных условиях обрела независимость. Вместе с тем, как показывают события, после обретения независимости она стремилась к расширению своих территорий на восточном направлении [14].

В условиях реалий советской власти, когда фактически отсутствовала договорная государственная граница, действия, направленные на установление и охрану границ, приобретали важнейшее политическое значение, становясь борьбой за существование государства. Сложившаяся чрезвычайная ситуация требовала определения государственной границы. Она характеризовалась как

обстоятельством признания независимости отдельных национальных территорий, так и появлением внешней угрозы со стороны капиталистических стран. Вследствие этого формально существующие границы между странами стали линией разграничения двух противоположных мировых социальных систем. Но четкой договорной государственной границы нового государства по существу установлено еще не было [15, с. 137].

В новой сложившейся политической обстановке попытки предъявления Финляндией территориальных претензий стали причиной осложнения напряженной обстановки вокруг молодой социалистической республики. Для советской власти, оказавшейся под внешним воздействием относительно проблем определения границы и обеспечения неприкосновенности Балтийских государств, которые рассматривались как буферная территория против большевизма, а также оплот против влияния германизма, важной задачей стала проблема оформления международно-правовой основы государственной границы с новыми государственными образованиями.

3. Вопросы межгосударственной границы в условиях постсоветских реалий

Политический процесс отделения национально-территориальных образований от России сопровождался решением сложных проблем определения границ новых самостоятельных государств в рамках формирования нового пограничного пространства. Важным шагом в формировании нового пограничного геополитического пространства стало заключение ряда мирных договоров с сопредельными государствами.

Вместе с тем, несмотря на затруднения переговорного процесса с Финляндией по вопросам определения границ, с которой как с бывшей частью империи граница официально не существовала, были определены правовые условия для мирного сосуществования двух государственных образований.

В результате завершения начального этапа дипломатического переговорного процесса, чему способствовало укрепление советской России, были заключены договоры с новыми государственными образованиями. Вышеуказанное обеспечило предпосылки для определения новой границы на северо-

западе в соответствии с нормами международного права.

Началом нового этапа организации нового пограничного пространства осуществляется делимитация линии границы. Это стало началом процесса демаркации и организации охраны границы.

Динамику развития этой практики можно проследить в рамках подписанных многочисленных документов на уровне межгосударственных отношений. В новых условиях в соответствии со сложившимися традициями, на основе соблюдения норм международного права и договоренностей в этой области в существующие договорные отношения были внесены некоторые изменения. Протоколом от 12 мая 1997 г. установлен действующий режим российско-финляндской границы. Наравне Протоколом от 12 мая 1997 г. важным компонентом выступает и Соглашение между правительствами двух стран (от 13 апреля 2012 г.) о содействии приграничному сотрудничеству.

Появление новых официальных правовых документов свидетельствует о том, что вопросы вокруг границы и использование наиболее взаимовыгодных форм приграничного сотрудничества рассматриваются как определяющий фактор развития прилегающих территорий. При этом сегодня важной особенностью развивающихся отношений в контексте рассматриваемой проблемы является то, что в вышеупомянутых документах линия границы до сих пор проходит по границе бывшего СССР.

Таким образом, тенденция открытости границ после распада СССР создала явные предпосылки не только для открытости и интеграции России с внешним миром, но и не способствовала устранению существующих противоречий, которые имелись в прошлом. В то же время геополитические перемены, создавшие благоприятные условия для открытости границ, привели к изменениям в северо-западном направлении России и, соответственно, складыванию определенных стратегических и тактических алгоритмов.

Исторические события, резко изменившие территориальное пространство России и отодвинувшие ее границы от центра Европы вглубь Евро-Азиатского континента, остро ставили вопросы о межгосударственных

границах с отдельными странами Запада, которые стремились в новые военно-политические союзы. В частности, вхождение новых государственных образований в орбиту такой новой военно-политической структуры, как НАТО, оказало непосредственное влияние на состояние архитектуры пограничной безопасности государств региона. По мере развития данного процесса и приближения НАТО к границам России возрастает военное присутствие Запада, вследствие чего возникают новые предпосылки для потенциальной угрозы нерушимости границ. Соответственно, сегодня продолжает наблюдаться резкое обострение отношений России и Запада.

В силу этих и других факторов в сложившемся пограничном геополитическом пространстве значимое место занимает участок границы между двумя государствами региона – Россией и Финляндией, где обстановка в последние десятилетия носила динамичный характер. Существующая линия границы, установленная в 1947 г. (Парижским мирным договором), характеризуясь практичностью, является важным компонентом российской внешней политики не только в вопросах обеспечения безопасности между Востоком и Западом, но и в развитии всестороннего сотрудничества между обоими государствами.

Современная пограничная политика, для которой имеют большое значение вопросы обеспечения пограничной безопасности в данном регионе, в частности учет таких факторов, как сохранение состояния геополитической стабильности, способствует сохранению атмосферы конструктивных межгосударственных отношений. Такое состояние формировалось в результате предыдущей практики межгосударственных отношений, которые развивались с учетом сохранения роли отдельных исторических факторов, по-прежнему сохранивших свое определенное влияние на перспективы их добрососедского сосуществования. И сегодня в стабильном развитии этой тенденции, и особенно в перспективе их добрососедского сосуществования, следует говорить о возрастающей роли региональной специфики пограничной политики и практики приграничного сотрудничества. Заинтересованность обеих стран

позволяет находить адекватные решения актуальных вопросов современной геополитики, экономики и гуманитарной сферы.

Вместе с тем быстроменяющаяся международная обстановка при значительной степени непредсказуемости продолжает выдвигать на передний план вопросы целесообразности учета опыта прошлого и использования практики наиболее гибких правовых механизмов сохранения существующих приоритетов в данной области. Исторический опыт свидетельствует о том, что размышления на тему формирования государственных территорий и границы, геополитическая проблема которой возникает, всегда имеют давнюю историю, и у каждой эпохи сложилось свое понимание относительно процесса формирования этого сложного социально-политического явления.

Сегодня исторически сложившееся неизбежное соседство в рамках установленной межгосударственной границы в этот исторический период, безусловно, накладывает определенный отпечаток на поведение этих государств в данной области. И это обуславливает необходимость учета наличия тех исторических факторов, которые стали причиной и, соответственно, продолжают оказывать определенное влияние на их поведение в пограничном пространстве.

В данном контексте наравне с другими важным аспектом среди существующих факторов можно выделить сложивший статус Финляндии, который последние десятилетия постепенно подвергается определенным изменениям. Например, в связи с ростом уровня разногласий между Западом и Россией сформировалась особая позиция Финляндии, поддерживающей его действия как в контексте применения санкций в отношении России, так и в стремлении интеграции в НАТО.

Такая специфическая геополитическая роль большого буферного государства в немалой степени влияет на существующий пограничный режим, который в последние десятилетия обретал особую динамику на фоне интеграционных процессов, усиления роли приграничных, трансграничных территорий и других тенденций. В то же время, несмотря на сохранение отдельных элементов этой политики и появление новых критических

аспектов во взаимоотношениях двух приграничных государств, в обеих странах существует взаимная заинтересованность в плане перспективы развития сложившегося пограничного режима. Безусловно, это неизбежный объективный процесс, но расширение НАТО за счет Финляндии и Швеции и другие подобные действия, вероятно, приведут к пересмотру традиционно существующих юридических аспектов взаимоотношений двух стран в данном пограничном пространстве. Соответственно, теория правового регулирования международных отношений по вопросам государственных границ нуждается в развитии и совершенствовании с учетом последних событий.

Заключение

Безусловно, рассмотренные нами проблемы в немалой степени поверхностны, и они могут стать предметом отдельной работы и развития теории исторического правового дискурса относительно перспективы существующего правового режима ситуации вокруг сложившегося в Северо-Западном пограничном геополитическом пространстве. Тенденции неопределенности и противоречий современного этапа мирового развития в вопросах безопасности приобретают особую значимость в контексте сохранения устойчивых отношений России и Финляндии.

Вместе с тем миграционный кризис в Европе, который проявился в том числе на польско-белорусской границе, обретая острый характер, привел к актуализации вопроса о необходимости создания новых механизмов на российско-финляндской границе. В последнее время обсуждение в финском обществе идеи строительства забора на границе, получившее новое развитие в планах МВД Финляндии, во многом характеризует возрастающее влияние на это фактора тенденциозности на западном направлении. На развитии этих тенденций неизбежно отразится и процесс дальнейшей интеграции Финляндии и Швеции в НАТО.

Исходя из этого следует отметить, что исторические ретроспективы некоторых сторон формирования правовой основы российско-финляндской границы показывают, что действующий устойчивый правовой режим, являясь одним из важных компонентов всего комплекса межгосударственных от-

ношений, отражает, прежде всего, те актуальные вопросы двух стран, между которыми в историческом плане много общего, и связаны они многими обстоятельствами.

Отмеченные в исследовании отдельные сюжеты и материалы прошлого в целом характеризуют некоторые весьма сложные исторические особенности процесса формирования российско-финляндского пограничного пространства, в котором сегодня невозможно обеспечить суверенитет и защиту национальных интересов государства без эффективного специального правового режим и порядка.

Безусловно, сложные политические процессы на северо-западном рубеже, происходящие особенно после образования Советской России, резко актуализировали проблемы национально-территориального устройства, а также перспективы определения границы между новыми государственными образованиями. Последние все более стремились установить контроль над территориями и определить границы с учетом сложившихся новых геополитических реалий в регионе.

Все это предопределило формирование историко-правовой основы, которая позволила России и Финляндии иметь более стабильные условия для развития отношений в пограничном пространстве на последующие годы.

Необходимо отметить, что новый этап отношений в данной области минимизирует изолирующее значение государственной границы, опирается прежде всего на выработанные историей принципы добрососедства и обеспечения безопасности двух государств, а также таких универсальных организаций, как ООН и ОБСЕ. Неизбежное тесное соседство, к чему обе страны, по сути, обречены, не только имеет ключевое пространственное измерение, но и проявляется в различных формах, является ключевым фактором для этих государств, которые прошли сложные этапы становления геополитического пограничного пространства.

Соответственно, обеспечение безопасности государственной границы и приграничного сотрудничества наравне с другими аспектами данного процесса обусловило необходимость учета существующих образов общего прошлого и влияния новых геополитических реалий на характер отношений Финляндии и России. И сегодня понимание современной роли данного института в развитии межгосударственных отношений наравне с другими вопросами невозможно не принимать во внимание, в том числе значение этого немаловажного исторического фактора. Особую актуальность эти проблемы приобретают в случае вероятных нежелательных сдвигов в направлении политики нейтралитета и появлении внешних рисков, которые приведут к нарушению существующего баланса интересов – «особых взаимоотношений» в данном пограничном пространстве.

В сохранении и формировании новых стереотипов в межгосударственных отношениях и сохранении стабильной ситуации в пограничном пространстве, безусловно, немаловажная роль впредь будет отводиться феномену эффекта государственной границы. В этом активно используются как элементы исторической памяти, так и накопленный потенциал интеграции и сотрудничества. Учитывая повышенный интерес к проблемам пограничных правоотношений, прежде всего, как составной части безопасности государства, целесообразным является расширение рамок научного дискурса с целью осмысления новых вопросов теории права и межгосударственных отношений в новых реалиях современного мира. В то же время, на фоне растущих тенденций новой глобальной нестабильности, которые создают явные предпосылки для геополитической напряженности, особое значение приобретают вопросы теоретической основы правового регулирования межгосударственных отношений.

Список источников

1. Паламарь Н.Г. Генезис взглядов на формирование государственной территории и государственной границы российского государства // *Власть*. 2008. № 4. С. 100-103.
2. Ключевский В.О. Русская история: полный курс лекций. М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2004. 830 с.

3. Opiola W. About the Role of the State Border in the Theory of Borderland // W. Chlebda (ed.). *Open Europe: Cultural Dialogue across Borders. Vol. 2: Historical Collective Memory within Borderlands*. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2014. P. 27-35.
4. Ушаков Н.А. Юрисдикционные иммунитеты государств и их собственности. М.: Наука, 1993. 236 с.
5. Кожеев Я.С. «Эффективный всеобщий контроль» в практике Европейского суда по правам человека: «империализм прав человека» или большая путаница? // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 4 (65). С. 184-193. DOI [10.17803/1994-1471.2016.65.4.184-193](https://doi.org/10.17803/1994-1471.2016.65.4.184-193)
6. Баринов А.А. Формирование государственной границы Отечества: история и современность: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. 24 с.
7. Захарова А.В. Эволюция социально-научного понимания государственной границы // Идеи и идеалы. 2012. Т. 2. № 1. С. 61-66.
8. Россия как цивилизация: устойчивое и изменчивое / отв. ред. И.Г. Яковенко. М.: Наука, 2007. 685 с.
9. Межевич Н.М. Идентичность и граница: некоторые теоретические вопросы и практики в восточной части Балтийского моря // Балтийский регион. 2014. № 3 (21). С. 95-106. DOI [10.5922/2074-9848-2014-3-7](https://doi.org/10.5922/2074-9848-2014-3-7)
10. Садретдинов О.Е. Конституционные основы и законодательное обеспечение государственного суверенитета Российской Федерации в пограничной сфере // Вестник ПИУ. 2019. Т. 9. № 3. С. 4-9. DOI [10.22394/1682-2358-2019-3-4-9](https://doi.org/10.22394/1682-2358-2019-3-4-9)
11. Уткин Н.И. «Карельский вопрос» и безопасность Северо-Запада России // Правовые основы современной геополитики и экономической безопасности России: материалы Межвуз. науч.-практ. конф. СПб.: СПбГИЭУ, 2008. С. 57-97.
12. Расила В. История Финляндии / пер. и под ред. Л.В. Суни. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. гос. ун-та, 1996. 294 с.
13. Ордин К.Ф. Покорение Финляндии: в 2 т. Т. 1. СПб., 1889. 599 с.
14. Уткин Н.И. Карельская национальная государственность и безопасность Северо-Запада России: Историко-правовой анализ: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2000. 467 с.
15. Аблаев Ю.М. Образование советско-финляндской границы в 1918–1922 гг. // Вопросы истории. 2011. № 8. С. 137-143.

References

1. Palamar N.G. Genezis vzglyadov na formirovaniye gosudarstvennoy territorii i gosudarstvennoy granitsy rossiyskogo gosudarstva [The genesis of views on the formation of the state territory and the state border of the Russian state]. *Vlast'* [The Authority], 2008, no. 4, pp. 100-103. (In Russian).
2. Klyuchevskiy V.O. *Russkaya istoriya: polnyy kurs lektsiy* [Russian History: a Complete Course of Lectures]. Moscow, OLMA-PRESS Obrazovaniye, 2004, 830 p. (In Russian).
3. Opiola W. About the Role of the State Border in the Theory of Borderland. *Open Europe: Cultural Dialogue across Borders. Vol. 2: Historical Collective Memory within Borderlands*. Opole, Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego Publ., 2014, pp. 27-35.
4. Ushakov N.A. *Yurisdiktsionnyye immunitety gosudarstv i ikh sobstvennosti* [Jurisdictional Immunities of States and Their Property]. Moscow, Nauka Publ., 1993, 236 p. (In Russian).
5. Kozheurov Y.S. «Effektivnyy vseobshchiy kontrol'» v praktike Evropeyskogo suda po pravam cheloveka: «imperializm prav cheloveka» ili bol'shaya putanitsa? [“An effective global control” in the practice of the European court of human rights: “human rights imperialism” or a great deal of confusion?]. *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava – Actual Problems of Russian Law*, 2016, no. 4 (65), pp. 184-193. DOI [10.17803/1994-1471.2016.65.4.184-193](https://doi.org/10.17803/1994-1471.2016.65.4.184-193). (In Russian).
6. Barinov A.A. *Formirovaniye gosudarstvennoy granitsy Otechestva: istoriya i sovremennost': avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Formation of the State Border of the Fatherland: History and Modernity. Cand. hist. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2002, 24 p. (In Russian).
7. Zakharova A.V. Evolyutsiya sotsial'no-nauchnogo ponimaniya gosudarstvennoy granitsy [Evolution of socioscientific understanding of the concept of state border]. *Idei i ideally – Ideas and Ideals*, 2012, vol. 2, no. 1, pp. 61-66. (In Russian).
8. Yakovenko I.G. (executive ed.). *Rossiya kak tsivilizatsiya: ustoychivoye i izmenchivoye* [Russia as a Civilization. Steady and Changeable]. Moscow, Nauka Publ., 2007, 685 p. (In Russian).
9. Mezhevich N.M. Identichnost' i granitsa: nekotoryye teoreticheskiye voprosy i praktiki v vostochnoy chasti Baltiyskogo morya [Identity and border: some theoretical issues and practices in the eastern Baltic sea].

- Baltiyskiy region* [Baltic Region], 2014, no. 3 (21), pp. 95-106. DOI [10.5922/2074-9848-2014-3-7](https://doi.org/10.5922/2074-9848-2014-3-7). (In Russian).
10. Sadretdinov O.E. Konstitutsionnyye osnovy i zakonodatel'noye obespecheniye gosudarstvennogo suvereniteta Rossiyskoy Federatsii v pogranichnoy sfere [Constitutional bases and legislative support of the state sovereignty of the Russian Federation in the border sphere]. *Vestnik Povolzhskogo Instituta Upravleniya – The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*, 2019, vol. 9, no. 3, pp. 4-9. DOI [10.22394/1682-2358-2019-3-4-9](https://doi.org/10.22394/1682-2358-2019-3-4-9). (In Russian).
 11. Utkin N.I. «Karel'skiy vopros» i bezopasnost' Severo-Zapada Rossii [“The Karelian question” and the security of the North-West of Russia]. *Materialy Mezhvuzovskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Pravovyye osnovy sovremennoy geopolitiki i ekonomicheskoy bezopasnosti Rossii»* [Materials of the Inter-university Scientific and Practical Conference “Legal Foundations of Modern Geopolitics and Economic Security of Russia”]. St. Petersburg, St. Petersburg State Engineering and Economics University Publ., 2008, pp. 57-97. (In Russian).
 12. Rasila V. *Istoriya Finlyandii* [History of Finland]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1996, 294 p. (In Russian).
 13. Ordin K.F. *Pokoreniye Finlyandii: v 2 t.* [Conquest of Finland: in 2 vols.]. St. Petersburg, 1889, vol. 1, 599 p. (In Russian).
 14. Utkin N.I. *Karel'skaya natsional'naya gosudarstvennost' i bezopasnost' Severo-Zapada Rossii: Istoriko-pravovoy analiz: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Karelian National Statehood and Security of the North-West of Russia: Historical and Legal Analysis. Dr. jurid. sci. diss. abstr.]. St. Petersburg, 2000, 467 p. (In Russian).
 15. Ablayev Y.M. Obrazovaniye sovetsko-finlyandskoy granitsy v 1918–1922 gg. [Formation of the Soviet-Finnish border in 1918–1922]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 2011, no. 8, pp. 137-143. (In Russian).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Authors declare no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 12.08.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 22.09.2022

Принята к публикации / Accepted for publication 21.11.2022

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340

DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-4-488-495

Шифр научной специальности 5.1.1

Влияние цифровизации на процесс осуществления юридической деятельности

© БЕЛЯНСКАЯ Ольга Викторовна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», Российская Федерация, 355017 г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1, ORCID: [0000-0002-8936-2766](https://orcid.org/0000-0002-8936-2766), 520877@mail.ru

© ЧОМАЕВ Альберт Ансарович,

ассистент кафедры теории и истории государства и права, ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», Российская Федерация, 355017 г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1, ORCID: [0000-0002-0528-1310](https://orcid.org/0000-0002-0528-1310), albert.chomaev@mail.ru

Аннотация

Цифровизация рассмотрена как фактор влияния на функционирование и развитие юридической деятельности, определена ее роль в развитии правовой жизни российского общества. Развитие цифровизации в правовой сфере является одним из важных условий выхода Российской Федерации на принципиально новые позиции в международных отношениях, утверждения цифрового суверенитета, который стал весьма актуален в свете новых вызов и угроз государственности России. Проанализированы мнения ученых относительно возможности и степени влияния цифровизации на юридическую деятельность. Оценены цифровые технологии с позиции их использования в различных видах юридической деятельности, прежде всего, в правотворчестве и правоприменении и в целом в государственном управлении, которое невозможно без использования цифровых технологий. Задачами анализа влияния цифровизации на процесс осуществления юридической деятельности являются выражение авторской позиции о роли цифровизации в функционировании основных видов юридической деятельности, выявление проблем, которые возникают при использовании цифровых технологий в юридической деятельности. Констатируется, что цифровые компьютерные технологии в юридической сфере должны развиваться по таким направлениям, как автоматизация типовых юридических услуг, применение юридических онлайн-сервисов, «диджитализация» государственных услуг и предоставление их в режиме онлайн, переход к тотальной системе электронного правосудия, моделирование юридических решений на основе искусственного интеллекта и др. Утверждается, что в сфере оказания юридических услуг цифровизация позволит обеспечить их доступность и снизить стоимость, что достигается применением интеллектуальной автоматизации для выполнения действий, которые совершает юрист.

Ключевые слова

юридическая деятельность, цифровизация, цифровые технологии, информация, правовая жизнь, правовая сфера

Для цитирования

Белянская О.В., Чомаев А.А. Влияние цифровизации на процесс осуществления юридической деятельности // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 4. С. 488-495. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-4-488-495](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-4-488-495)

ORIGINAL ARTICLE

DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-4-488-495

The impact of digitalization on the process of legal activity

© **Olga V. BELYANSKAYA,**

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of Theory and History of State and Law Department, North-Caucasus Federal University, 1 Pushkin St., Stavropol 355017, Russian Federation, ORCID: [0000-0002-8936-2766](https://orcid.org/0000-0002-8936-2766), 520877@mail.ru

© **Albert A. CHOMAEV,**

Assistant of Theory and History of State and Law Department, North-Caucasus Federal University, 1 Pushkin St., Stavropol 355017, Russian Federation, ORCID: [0000-0002-0528-1310](https://orcid.org/0000-0002-0528-1310), albert.chomaev@mail.ru

Abstract

We consider digitalization as a factor influencing the functioning and development of legal activity, its role in the development of the legal life of Russian society is determined. The development of digitalization in the legal sphere is one of the important conditions for the entry of the Russian Federation into fundamentally new positions in international relations, the assertion of digital sovereignty, which has become very relevant in the light of new challenges and threats to the statehood of Russia. We analyze the opinions of scientists regarding the possibility and extent of the impact of digitalization on legal activity. We evaluate digital technologies from the standpoint of their use in various types of legal activities, primarily in lawmaking and law enforcement, and in general in public administration, which is impossible without the use of digital technologies. The tasks of analyzing the impact of digitalization on the process of carrying out legal activities are to express the author's position on the role of digitalization in the functioning of the main types of legal activities, to identify problems that arise when using digital technologies in legal activities. We state that digital computer technologies in the legal field should develop in such areas as the automation of typical legal services, the use of online legal services, the "digitalization" of public services and their provision online, the transition to a total system of electronic justice, modeling legal decisions based on artificial intelligence, etc. We claim that in the field of legal services, digitalization will ensure their availability and reduce costs, which is achieved by using intelligent automation to perform the actions that a lawyer performs.

Keywords

legal activity, digitalization, digital technologies, information, legal life, legal sphere

For citation

Belyanskaya O.V., Chomaev A.A. Vliyaniye tsifrovizatsii na protsess osushchestvleniya yuridicheskoy deyatel'nosti [The impact of digitalization on the process of legal activity]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2022, vol. 6, no. 4, pp. 488-495. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-4-488-495](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-4-488-495) (In Russian, Abstr. in Engl.)

Введение. Постановка проблемы

Повседневная жизнь граждан становится все более «цифровой», что повышает развитие электронных форм при получении юридических услуг в случае обращения в органы власти и иные юрисдикционные организации. Цифровизация порождает высокий

уровень ожиданий от органов власти, повышение прозрачности и открытости в их деятельности, более широкое привлечение граждан к принятию управленческих решений.

Россия за последние годы сделала существенные шаги в направлении развития и интеграции цифровых технологий во все

сферы правовой жизни. Цифровизация является неотъемлемой частью правовой сферы общества, однако тормозящим фактором в сдерживании ее развития являются неэффективные модели управления процессом цифровизации.

Проблема внедрения цифровых технологий в публичное управление, судопроизводство и другие виды юридической деятельности вызывает большой научный интерес и дискуссии. Аспекты исследования цифровизации весьма разнообразны – от влияния цифровизации на сохранение ценных видов животных [1] до анализа цифровизации в современной культуре правотворчества [2] и оказания мер социальной поддержки в условиях внедрения цифровых платформ в государственное управление [3].

Очевидно, что цифровизация проникла во все значимые сферы жизни людей и юридической деятельности. Интеграция цифровых технологий в каждое направление и вид юридической деятельности имеет несомненные преимущества, обусловленные возможностями, которые открывает применение таких технологий. При этом само понятие «цифровые технологии» практически не применяется в законодательстве России, а упоминается лишь в некоторых национальных программных документах.

Цифровизация определила на многие годы вперед процесс осуществления юридической деятельности. Цифровые технологии модернизировали все способы реализации правотворческой деятельности, правореализационного процесса в целом и отдельных видов правоприменения в частности. Способствовало ли это повышению качества юридической деятельности или лишь придало иную форму, позволив облегчить рутинный юридический труд? Какие есть перспективы влияния цифровизации на юридическую деятельность?

Целью исследования влияния цифровизации на процесс осуществления юридической деятельности является обоснование авторской позиции о роли цифровизации в процессе функционирования основных видов юридической деятельности, а также выявление проблем, которые неизбежно возникают при использовании цифровых технологий в юридической деятельности.

Методология исследования опирается на такие общенаучные методы, как функциональный, системный, логические методы, прогностический метод. Использован формально-юридический метод, который позволил проанализировать сущность цифровизации через призму отражения данной категории в нормативных актах, сопоставить с аналогичными явлениями.

Результаты исследования и их обсуждение

Позиция ученых о сущности юридической деятельности основана на том, что это разновидность социальной деятельности – «система определенных действий и операций управомоченных субъектов, которая выполняется с применением правовых средств, в соответствующей процессуальной форме, позволяющая получать социально-значимые результаты в целях удовлетворения потребностей и интересов личности, общества и государства» [4, с. 85].

Согласимся, что юридическая деятельность осуществляется с целью получения правового результата, удовлетворения законных потребностей и интересов социальных субъектов в соответствии с требованиями права. Юридическая деятельность охватывает широкие сферы общественных отношений, а основными направлениями ее осуществления являются правотворческая, правоприменительная, правоохранительная деятельность, а также деятельность по толкованию права. Кроме того, разграничивают виды юридической деятельности в соответствии с отраслью права, в которой такая деятельность реализуется. Юридическая деятельность в рамках определенной отрасли права и роль в ней цифровизации обширная и актуальная тематика, требующая самостоятельного исследования, в связи с чем в рамках данной статьи не будет затронута.

Цифровые технологии, применяемые в правовой среде, можно рассматривать как единую систему соответствующих средств, организованную на всех уровнях и во всех основных сферах публичного управления, других видах юридической деятельности, которые в итоге дают возможность повысить эффективность такого управления. Вместе с тем, различая понятия «информационные» и «цифровые» технологии, следу-

ет подчеркнуть родство понятий «цифровые» и «электронные» технологии, поскольку последние в научной литературе и правовых источниках употребляются как тождественные.

Как правило, прилагательное «цифровой» употребляется для обозначения электронной подписи, способа сохранения или выражения информации. Например, Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹ электронная форма представления информации определяется как способ документирования информации, что означает создание, запись, передачу и сохранение информации в цифровой или иной нематериальной форме с помощью электронных, магнитных, электромагнитных, оптических или других средств, способных к воспроизводству, передаче или хранению информации.

Таким образом, законодатель фактически отождествляет понятия «электронная» и «цифровая» форма существования информации. Соответственно, во время употребления словосочетания «цифровая технология» подразумевается электронный способ передачи, хранения, обработки и осуществление иных действий с информацией.

Для обоснования принципиальной разницы между цифровыми и другими видами информационных технологий ученые выделяют несколько их поколений: новые, новейшие, критические и др. Так, И.М. Рассолов формулирует понятие новых информационных технологий как совокупность методов и средств реализации информационных процессов в различных областях человеческой деятельности. Средствами реализации этой деятельности, по мнению ученого, является электронно-вычислительная техника, цифровые средства телекоммуникации, волоконно-оптические системы связи и передачи информации, информационные нанотехнологии, суперкомпьютерные технологии, развитие которых постоянно стимулируется прогрессом информационных отношений. «Новая технология» и «новейшая технология» являются двумя разными

терминами. При этом новейшие технологии в информационной сфере опережают новые примерно на пять лет. Цифровые же технологии, как считает ученый, по своим характеристикам относятся к новейшим [5].

Мы полагаем, что цифровые технологии – это совокупность способов сбора, обработки, фиксации, хранения входящей, а также формирования и распространения исходной информации особым (цифровым) методом.

Определяя сущность цифровых технологий, применяемых в правовой среде, ученые предлагают различные подходы к пониманию информационных процессов и систем, реализуемых в юридической деятельности. Одной из особенностей применения цифровых технологий в управлении, как и в иной юридической деятельности, является то, что в таком процессе всегда присутствует субъект – человек, взаимодействующий с информационными системами и другими средствами цифровых технологий, который направляет соответствующий процесс в нужном направлении путем ввода команд. Иными словами, применение цифровых технологий в праве не может полностью исключить (лишь существенно уменьшить) человеческое присутствие, поскольку в процессе осуществления юридической деятельности, в том числе с применением цифровых технологий, необходимо принятие самостоятельных интеллектуально-волевых решений субъектом управления.

К.А. Свищенкова по этому поводу также замечает, что особенностью юридической деятельности является то, что деятельность юриста по своей сути так же, как и система управления, связана с выработкой и переработкой информации. На этом основании данный ученый делает вывод, что в деятельности юридических учреждений применяются автоматизированные системы управления, а также может использоваться информация, которая поступает из автоматизированной системы управления технологическими процессами, так же как и из других систем [6, с. 293].

Рассуждая о сформированности правового регулирования информационных отношений, отметим, что в России в целом сложилась достаточно широкая система законодательства, в котором регламентированы

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.

различные формы применения цифровых технологий в сферах деятельности, требующих правового регулирования и контроля со стороны государства. Однако некоторые области остаются неупорядоченными или в полном объеме урегулированными, а именно, применение цифровых технологий в таких сферах, как, например, образование и здравоохранение, оказание юридических услуг, правоотношения, возникающие в интернет-среде. Последние весьма динамично развиваются и испытывают много проблем, в том числе такие, как защита персональных данных пользователей инфокоммуникационных технологий, распространение недостоверной информации в сети Интернет и др. Государство не успевает защитить граждан от вала цифрового криминала – ни в области правового регулирования, ни в области правоприменения.

Правоотношения, возникающие в интернет-среде, специфичны, но они включают те же характеристики, что и любые иные правоотношения. Так, Е.Б. Усачева и А.С. Кирса приводят такие признаки «правоотношения, возникающие по поводу функционирования сети Интернет (интернет-отношения): 1) обмен информации происходит в электронной цифровой форме; 2) удаленность субъектов этих отношений в пространстве; 3) наличие субъектов, которые не инициировали эти отношения, однако имели организационно-техническую возможность осуществить влияние на них; 4) использование программного обеспечения, технических стандартов и протоколов» [7, с. 298].

Интересна позиция относительно того, что применение цифровизации в юридической деятельности выражается в наличии урегулированной «системы средств и приемов сбора, фиксации, обработки, хранения и распространения правовой информации, а также создание документов и их проектов в электронной форме с помощью компьютерной техники, интернет-приложений, автоматизированных систем, информационно-коммуникационных сетей и других цифровых средств, организованную на всех уровнях и во всех основных сферах юридической деятельности, которая позволяет повысить эффективность соответствующей деятельности» [8, с. 262]. Таким образом, с приходом

цифровых технологий рационализируется и юридическая деятельность.

В юриспруденции автоматизация применяется повсеместно: конструкторы-шаблоны, скрипты, поисковые системы мониторинга регистрационных данных и данных судебного реестра, электронные базы законодательных актов, интеллектуальные информационные системы и мн. др. Например, все чаще юридические консультации переходят в режим онлайн-чата, за несколько минут можно составить договор с помощью алгоритмов онлайн-конструктора и т. п. Из этого следует, что сегодня происходит настоящая “LEGAL TECH” революция. Она, безусловно, делает работу юристов и адвокатов, а также их юридические услуги доступными и в корне меняет саму работу юристов.

В.Ю. Самородов весьма оптимистично оценивает влияние цифровизации на правотворческую деятельность, отмечая, что процессы цифровизации оказывают положительное влияние на правотворчество, которое нуждается в их последовательном развитии и своевременном внедрении [2, с. 174]. Исследователь рассуждает о том, что процесс цифровизации правотворчества на уровне субъектов активно развивается... что свидетельствует о понимании законодателем востребованности и необходимости своевременной регламентации данных цифровых положений. <...> цифровые изменения в правотворчестве позитивно отражаются на правовой жизни современного общества, но требуют более глубокого и объемного развития и совершенствования [2, с. 173].

Полагаем, что в сфере оказания юридических услуг цифровизация позволяет обеспечить их доступность, в том числе снизить стоимость. Это достигается тем, что применение цифровых технологий выражается в интеллектуальной автоматизации тех действий, которые надо совершать живому человеку (который, как правило, имеет юридическое образование и/или соответствующий опыт работы). К этим действиям относятся такие, как: поиск, редактирование/замена текста, подбор соответствий, выявление несоответствий, перевод на другой язык, анализ, толкование, выбор, принятие решения и т. п. В результате такой автоматизации гарантированно растет скорость, и с высокой

вероятностью растет точность и качество выполняемой работы. Таким образом, происходит снижение себестоимости юридических услуг, поскольку основными ценообразующими факторами в юридической практике являются сложность выполняемой работы и потраченное на это время.

Правоприменительная деятельность органов власти также подверглась цифровизации. Возникли новые понятия: электронное правительство, электронное управление, «цифровая» юриспруденция и др. За последние 5 лет в Российской Федерации созданы сотни всевозможных реестров, выбрав в них тысячи терабайтов данных обо всем, что только можно. Может показаться, что в стране информатизировали уже все возможные государственные услуги. Однако госреестры до сих пор не научились взаимодействовать между собой. Считаем, что именно этот фактор является преградой внедрения «цифровой» экономики России.

Реализация отдельных конституционных прав наших граждан уже сегодня дает возможность практического применения таких электронных государственных услуг, как предоставление медицинских услуг через электронную систему здравоохранения, обеспечение медицинскими препаратами, онлайн-получение государственных услуг и др.

Длительный период государством не осознавались уникальные возможности информационно-коммуникативных технологий, и терялось время для использования их потенциала в решении правовых задач и осуществлении функций государства. Так, справедливо отмечается, что необходимость выполнения экологических функций государством потребовала учитывать цифровые преобразования государственного управления природопользованием, природоохранной деятельностью и обеспечением экологической безопасности [1, с. 20].

Во избежание возможных правовых коллизий следует осуществлять переход от лозунгов к непосредственному правовому регулированию положений концепций и программ развития, основанных на внедрении цифровых технологий, что обеспечит как правомерность, так и их законность использования данных технологий в юридической деятельности. А тезисные формулиров-

ки типа устранение законодательных, институциональных, фискальных и других препятствий, которые мешают развитию цифровой экономики, – скорее идеологический лозунг, чем декларации о намерениях.

На пути к формированию информационного общества в России и совершенствованию форм реализации юридической деятельности сделаны определенные шаги, достигнуты некоторые положительные результаты, в частности: введены отдельные элементы электронного управления (электронная форма правовых актов, предоставления некоторых видов государственных услуг в электронной форме), электронного правосудия и др.

В связи с этим следует констатировать, что дальнейшее развитие цифровизации в правовой сфере является одним из важных условий выхода Российской Федерации на принципиально новые позиции в международных отношениях, утверждения цифрового суверенитета, который стал весьма актуален в свете новых вызов и угроз государственности России.

Анализ нормативного регулирования применения цифровых технологий в различных видах юридической деятельности показывает, что сейчас в Российской Федерации отсутствует унифицированный подход и единая национальная концепция дальнейшего развития цифровых технологий в праве, не урегулированы некоторые важные вопросы практического применения таких технологий в отдельных видах юридической деятельности. Поэтому научная разработка в сфере определения тенденций и перспектив развития цифровых технологий в праве является актуальным направлением исследования современной науки как в рамках общей теории права, так и отдельных отраслевых наук.

Заключение

Цифровизация в юридической сфере является довольно новым, сложным, системным и многоуровневым явлением, с приходом которого юриспруденция рационализируется. Анализ публикаций последних лет позволяет прийти к выводу, что вопросы интеграции цифровых технологий во все сферы юридической деятельности и проблем, которые в этой связи неизбежно возникают

или могут возникнуть, сегодня находятся в центре внимания ученых и политиков. Цифровизация рассматривается как глобальная цель дальнейшего развития человечества. При этом наиболее обсуждаемыми являются вопросы адаптации государства (органов государственной власти) и бизнеса к новым условиям деятельности, общественным потребностям, поскольку в противном случае отставание в технологиях будет иметь негативные последствия для всех сфер государственного развития.

Системный анализ и толкование нормативно-правовой базы по вопросам обеспечения развития цифровизации правовой сферы российского общества свидетельствует, что для этой сферы характерна терминологическая неопределенность и определенные противоречия. Цифровизация правовой сферы общества требует надлежащего нормативного регулирования, где бы четко определялись принципы цифровизации государственных услуг и государственной информационной политики на основе четкого и конкретного понятийного аппарата. Требуется конкретизация сферы реализации цифрови-

зации правовой сферы общества, обеспечение информационной безопасности государства и совершенствование юридической деятельности.

Важно учесть, что необходимыми условиями успешного внедрения цифровых технологий в правовую сферу являются, во-первых, системное нормативно-правовое обеспечение данного процесса, во-вторых, комплексное урегулирование правоотношений, которые возникают в процессе использования соответствующих технологий, в-третьих, упорядочение основных понятий и терминов, которые применяются в этой сфере, их четкое определение и систематизация.

Считаем, что цифровые компьютерные технологии в юридической сфере должны развиваться по следующим направлениям: автоматизация типовых юридических услуг, применение юридических онлайн-сервисов, «диджитализация» государственных услуг и предоставление их в режиме онлайн, переход к тотальной системе электронного правосудия, моделирование юридических решений на основе искусственного интеллекта и др.

Список источников

1. Власова Е.Л., Устьянцева О.В. Влияние цифровизации на сохранение ценных видов животных // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 1. С. 19-26. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-1-19-26](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-1-19-26)
2. Самородов В.Ю. Цифровизация в современной культуре правотворчества: тренд на обновление и позитивная тенденция правовой жизни // Актуальные проблемы государства и права. 2020. Т. 4. № 14. С. 165-179. DOI [10.20310/2587-9340-2020-4-14-165-179](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2020-4-14-165-179)
3. Булгаков В.В., Бросалина А.А. Правовые особенности оказания мер социальной поддержки в условиях внедрения цифровых платформ в государственное управление: российский и зарубежный опыт // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 18. С. 199-213. DOI [10.20310/2587-9340-2021-5-18-199-213](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-18-199-213)
4. Беляев В.П., Кузьменко В.И., Холодова Е.И. Понятие и сущность юридической деятельности // Социально-политические науки. 2018. № 4. С. 83-85.
5. Рассолов И.М. Информационное право. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2017. 346 с.
6. Свищенкова К.А. Перспективы и проблемы цифровизации правосудия в Российской Федерации // Молодой ученый. 2022. № 15 (410). С. 292-294.
7. Усачева Е.Б., Кирса А.С. Право в условиях цифровой реальности // Молодой ученый. 2020. № 51 (341). С. 298-300.
8. Кукеев А.К. Конституционно-правовые основы организации электронного судопроизводства в Республике Казахстан // Технологии XXI века в юриспруденции: материалы Третьей Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Д.В. Бахтеев. Екатеринбург: Урал. гос. юрид. ун-т, 2021. С. 262-272.

References

1. Vlasova E.L., Ustyantseva O.V. Vliyaniye tsifrovizatsii na sokhraneniye tsennykh vidov zhivotnykh [Impact of digitalization on the conservation of valuable species of animals]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2022, vol. 6, no. 1, pp. 19-26. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-1-19-26](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-1-19-26). (In Russian).
2. Samorodov V.Y. Tsifrovizatsiya v sovremennoy kul'ture pravotvorchestva: trend na obnovleniye i pozitivnaya tendentsiya pravovoy zhizni [Digitalization in the modern culture of law-making: a trend for renewal and a positive trend in legal life]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2020, vol. 4, no. 14, pp. 165-179. DOI [10.20310/2587-9340-2020-4-14-165-179](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2020-4-14-165-179). (In Russian).
3. Bulgakov V.V., Brosalina A.A. Pravovyye osobennosti okazaniya mer sotsial'noy podderzhki v usloviyakh vnedreniya tsifrovyykh platform v gosudarstvennoye upravleniye: rossiyskiy i zarubezhnyy opyt [Legal features of the provision of social support measures in the context of digital platforms introduction into public administration: Russian and foreign experience]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2021, vol. 5, no. 18, pp. 199-213. DOI [10.20310/2587-9340-2021-5-18-199-213](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-18-199-213). (In Russian).
4. Belyayev V.P., Kuzmenko V.I., Kholodova E.I. Ponyatiye i sushchnost' yuridicheskoy deyatel'nosti [Concept and essence of legal activity]. *Sotsial'no-politicheskiye nauki – Sociopolitical Sciences*, 2018, no. 4, pp. 83-85. (In Russian).
5. Rassolov I.M. *Informatsionnoye pravo* [Information Law]. Moscow, Urait Publ., 2017, 346 p. (In Russian).
6. Svishchenkova K.A. Perspektivy i problemy tsifrovizatsii pravosudiya v Rossiyskoy Federatsii [Prospects and problems of digitalization of justice in the Russian Federation]. *Molodoy uchenyy – Young Scientist*, 2022, no. 15 (410), pp. 292-294. (In Russian).
7. Usacheva E.B., Kirsya A.S. Pravo v usloviyakh tsifrovoy real'nosti [Law in the context of digital reality]. *Molodoy uchenyy – Young Scientist*, 2020, no. 51 (341), pp. 298-300. (In Russian).
8. Kukeyev A.K. Konstitutsionno-pravovyye osnovy organizatsii elektronnoy sudoproizvodstva v Respublike Kazakhstan [Constitutional and legal framework for organizing e-justice in the Republic of Kazakhstan]. *Materialy Tret'yey mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Tekhnologii XXI veka v yurisprudentsii»* [Proceedings of the Third International Scientific and Practical Conference “Technologies of the 21st Century in Jurisprudence”]. Yekaterinburg, Ural State Law University Publ., 2021, pp. 262-272. (In Russian).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Authors declare no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 23.08.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 19.09.2022

Принята к публикации / Accepted for publication 21.11.2022

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 34.04

DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-4-496-501

Шифр научной специальности 5.1.1

Исследование правового регулирования медицинского обслуживания судей и членов их семей

© БОЛЬШАКОВА Валентина Михайловна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права, Нижегородский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Российская Федерация, 603950 г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, 46; адвокат Нижегородской областной коллегии адвокатов, Палата адвокатов Нижегородской области, Российская Федерация, 603005 г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, 25, ORCID: [0000-0002-7490-3443](https://orcid.org/0000-0002-7490-3443), SPIN-код: [8988-0871](https://www.spin-код.ru/8988-0871), AuthorID: [656384](https://www.authorid.ru/656384), valentinabolsha-kova@rambler.ru

Аннотация

Представлены результаты сравнительного правового исследования правового регулирования медицинского обслуживания судей в Российской Федерации. Отмечено, что в настоящее время в теоретической и прикладной юридической литературе не в полном объеме представлены исследования медицинского обслуживания судей судов различной юрисдикции (мировых судей, судей районных, военных, городских, областных, арбитражных, кассационных судов общей юрисдикции). В качестве методологии исследования применялся системный, диалектический, сравнительно-правовой и формально-юридический методы. Сформировано представление о нормативных правовых основах медицинского обслуживания судей и обоснованы компоненты такого обслуживания. Решение задач статьи осуществляется на основании изучения соответствующих законодательных и научных источников, методом сравнительного правового исследования. Сделан вывод о необходимости повышения их социальной защищенности путем совершенствования соответствующих правовых норм и механизмов их реализации. Отмечается, что в данном аспекте обязательно необходимо учитывать мнение и рекомендации судейского сообщества. Авторские разработки позволяют познать систему и структуру, а также порядок организации медицинского обслуживания судей в современной отечественной правовой системе. Подобные исследования ведут к систематизации научных представлений о столь значимом виде социального обеспечения судейского корпуса и возможности его совершенствования в общей системе их социальных гарантий.

Ключевые слова

судоустройство, медицинское обслуживание, судебная система, медицинское обеспечение, медицинская помощь, статус судей

Для цитирования

Большакова В.М. Исследование правового регулирования медицинского обслуживания судей и членов их семей // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 4. С. 496-501. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-4-496-501](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-4-496-501)

Legal regulation study of medical care for judges and their family members

© Valentina M. BOLSHAKOVA,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of Constitutional and Administrative Law Department, Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 46 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod 603950, Russian Federation; Lawyer of the Nizhny Novgorod Regional Bar Association, Chamber of Lawyers of the Nizhny Novgorod Region, 25 Bolshaya Pokrovskaya St., Nizhny Novgorod 603005, Russian Federation, ORCID: [0000-0002-7490-3443](https://orcid.org/0000-0002-7490-3443), SPIN-код: [8988-0871](https://sp.in/8988-0871), AuthorID: [656384](https://author.elsevier.com/author/656384), valentinabolshakova@rambler.ru

Abstract

The results of a comparative legal study of the legal regulation of medical care for judges in the Russian Federation are presented. We note that at present, in the theoretical and applied legal literature, studies of medical care for judges of courts of various jurisdictions (magistrates, judges of district, military, city, regional, arbitration, cassation courts of general jurisdiction) are not fully represented. As a research methodology, systemic, dialectical, comparative legal and formal legal methods are used. An idea is formed about the regulatory legal framework for medical care for judges and the components of such service are substantiated. The solution of the problems of the article is carried out on the basis of the study of the relevant legislative and scientific sources, by the method of comparative legal research. We conclude that it is necessary to increase their social protection by improving the relevant legal norms and mechanisms for their implementation. We note that in this aspect it is imperative to take into account the opinion and recommendations of the judiciary community. Author's developments allow to know the system and structure, as well as the procedure for organizing medical care for judges in the modern domestic legal system. Such studies lead to the systematization of scientific ideas about such a significant type of social security for the judiciary and the possibility of its improvement in the general system of their social guarantees.

Keywords

judicature, medical care, judicial system, medical supplies, medical service, judges status

For citation

Bolshakova V.M. Issledovaniye pravovogo regulirovaniya meditsinskogo obsluzhivaniya sudey i chlenov ikh semey [Legal regulation study of medical care for judges and their family members]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2022, vol. 6, no. 4, pp. 496-501. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-4-496-501](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-4-496-501) (In Russian, Abstr. in Engl.)

Введение

Современная социальная среда в настоящее время активно трансформируется, находясь под влиянием актуальных тенденций политического, правового и экономического развития страны. Происходят реформационные изменения отдельных правовых норм, их групп и целых подсистем права, которые направлены на совершенствование функционирования общественных отношений. Совсем недавно были реформированы конституционные нормы, многочисленные изменения внесены в нормы, регулирующие процессуальную деятельность и основы построения единой правоприменительной практики [1, с. 376]. В законодательстве об

основах организации судебной системы и деятельности судебной власти закреплены нормы о том, что таковая осуществляется лишь судами (или присяжными и арбитражными заседателями). Никакие другие органы и лица не вправе принимать на себя осуществление правосудия. Это следует из предписаний конституционных норм¹ и процессуального законодательства по видам судопроизводства [2, с. 450].

Российская Федерация является социальным государством. В «социальную» со-

¹ О судебной системе Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ. Ч. 1. Ст. 118; Ч. 1. Ст. 1. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ставляющую входит и медицинское обслуживание граждан, прежде всего бесплатное, иначе говоря, за счет государственных средств. Трудно переоценить значимость этого положения для населения, вопрос медицинского обеспечения всегда являлся одним из основных в сфере социальных гарантий граждан. Во время пандемии этот вопрос встал еще более остро. Нехватка лекарств, трата больших денежных сумм на лечение, покупку средств индивидуальной защиты, препаратов стали частью жизни многих людей, особенно в период 2020 г., до начала массовой вакцинации (стоит заметить – бесплатной) [3, с. 35; 4]. Построение всех видов социального обеспечения судей в единой системе, объединяющей ключевые компоненты (организационный, нормативный, финансовый, материальный, кадровый, реализационный), является социально-значимой задачей, поскольку позволяет укрепить независимость и объективность деятельности судебной системе, а также будет способствовать повышению эффективности [5, с. 32].

Результаты исследования

Система социального обеспечения судей является, в некотором роде, неким катализатором для проявления общей картины уровня развития мер социального обеспечения [6, с. 84]. В части 3 статьи 11 ФКЗ «О судебной системе РФ» установлены различные по своему характеру меры социального (в том числе медицинского) обеспечения и обслуживания судей, которые направлены на поддержание за счет государства их статуса и защищенности [7, с. 3]. В указанном аспекте ключевым законодательным актом, регулирующим материальное и социальное обеспечение судей, является Закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в РФ». В названном законе соответствующим образом урегулированы вопросы и медицинского обслуживания судей и членов их семей.

Судья и члены семьи судьи (*далее – судьи*) имеют право на получение различной медицинской помощи в медицинских организациях государственной и муниципальной системы здравоохранения, как в объеме обязательного медицинского страхования, так и в объеме дополнительного медицинского страхования по договору, заключаемому

Судебным департаментом при Верховном суде Российской Федерации.

Также судья и члены его семьи в рамках оказания им бесплатной медицинской помощи имеют право на обеспечение лекарственными препаратами, оплачиваемыми за счет средств федерального бюджета. Предоставляется им и санаторно-курортное лечение, которое судье, его супруге (супругу) и несовершеннолетним детям оплачивается за счет средств федерального бюджета.

Эти права сохраняются за судьей и после ухода (удаления) его в отставку или на пенсию. При этом находящийся в отставке или на пенсии судья и члены его семьи получают медицинскую помощь за счет средств федерального бюджета в тех же медицинских организациях, в которых они состояли на учете².

Указанные гарантии и компенсации в области медицинской помощи, бесплатного обеспечения лекарственными препаратами и санаторно-курортным лечением действуют и в отношении всех мировых судей.

Судьи военных судов, кроме указанных ранее прав на получение медицинской помощи, имеют право на получение медицинской помощи в военно-медицинских организациях и подразделениях (при отсутствии иных медицинских организаций по месту нахождения судов)³. Следовательно, нормы федеральных конституционных законов допускают определенную специфику медицинского обслуживания для судей военных судов [8, с. 87].

Рассматривая структуру медицинской помощи, отметим, что на территории России оказывается медицинская помощь по видам (первичная медико-санитарная помощь; специализированная, в том числе высокотехнологичная, медицинская помощь; скорая, в том числе скорая специализированная, медицинская помощь; паллиативная медицинская помощь) [9, с. 80]. Документами, определяющими основы и методы ее организации и оказания, являются положения об

² О статусе судей в Российской Федерации: закон от 26.06.1992 № 3132-1. Ч. 5. Ст. 19. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ О военных судах Российской Федерации: федеральный закон от 23.06.1999 № 1-ФКЗ. Ч. 6. Ст. 1. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ее организации, порядки ее оказания, клинические рекомендации и стандарты организации [10, с. 109].

Медицинскую помощь по видам, форме и условиям, определенным в законодательстве об основах охраны здоровья граждан, судьи могут получать в объеме, установленном для граждан⁴.

Нормативно устанавливается перечень видов, форм и условий предоставления медицинской помощи, оказание которой осуществляется бесплатно, перечень заболеваний и состояний, при которых оказание медицинской помощи осуществляется бесплатно, категории граждан, базовую программу обязательного медицинского страхования, средние нормативы объема медицинской помощи, средние нормативы финансовых затрат на единицу объема медицинской помощи, средние подушевые нормативы финансирования, порядок и структуру формирования тарифов на медицинскую помощь и способы ее оплаты [10, с. 111].

Медицинская помощь, оказываемая личному составу судебной системы по видам (первичная медико-санитарная помощь; специализированная, в том числе высокотехнологичная, медицинская помощь; скорая, в том числе скорая специализированная, медицинская помощь; паллиативная медицинская помощь), формам (экстренная; неотложная; плановая) и условиям (амбулаторно, в дневном стационаре и стационарно), должна соответствовать критериям оценки качества такой помощи⁵. Согласно нормативным предписаниям, критериями оценки ее качества являются: своевременность оказания медицинской помощи; правильность выбора методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации; степень достижения запланированного результата. Выбор указанных критериев вполне логичен, поскольку зависит от временных, содержательных и целевых характеристик

успешности проводимых медицинских мероприятий [10, с. 112].

В случае временной нетрудоспособности судьи, ему выдается листок нетрудоспособности, который формируется по результатам проведения экспертизы временной нетрудоспособности в связи с заболеваниями, травмами, отравлениями и иными состояниями, связанными с временной потерей трудоспособности⁶.

О состоянии здоровья судей, об обращении за медицинской помощью, их диагнозах, прохождении различных видов осмотров и освидетельствований, проведенном обследовании и лечении составляется соответствующая медицинская документация (справки и медицинские заключения)⁷.

Помимо указанных видов медицинской помощи есть еще санаторно-курортное лечение, осуществляемое в профилактических, лечебных и реабилитационных целях на основе использования природных лечебных ресурсов⁸. В юридической литературе отмечается, что формулировка статьи 19 Закона «О статусе судей» имеет не лучшую конструкцию, поскольку отделяет санаторно-курортное лечение от других видов медицинской помощи и не определяет порядка реализации указанной нормы на практике [11, с. 196].

Заключение

Рассматривая правовое регулирование медицинского обслуживания судей, а также нормативные основы оказания им медицинской помощи, стоит отметить, что необходимо повышение их социальной защищенности путем совершенствования соответствующих правовых норм и механизмов их реализации. В данном аспекте обязательно

⁴ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ. Ст. 80. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Об утверждении критериев оценки качества медицинской помощи: Приказ Минздрава Российской Федерации от 10.05.2017 № 203н. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Об утверждении порядка выдачи и оформления листков нетрудоспособности, включая порядок формирования листков нетрудоспособности в форме электронного документа: Приказ Минздрава Российской Федерации от 1.09.2020 № 925н. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Об утверждении Порядка выдачи медицинскими организациями справок и медицинских заключений: Приказ Минздрава Российской Федерации от 14.09.2020 № 972н. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Об утверждении Порядка организации санаторно-курортного лечения: Приказ Минздрава Российской Федерации от 5.05.2016 № 279н. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

необходимо учитывать мнение и рекомендации судейского сообщества, поскольку профессиональная судебная деятельность связана с большими физическими и психологи-

ческими нагрузками, а органы судейского сообщества вправе и могут объективно оценить потребность в тех или иных социальных услугах.

Список источников

1. Большакова В.М., Наумов П.Ю. О некоторых вопросах гармонизации законодательства о судопроизводстве и представительстве: сравнительно-правовая характеристика // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 19. С. 373-387. DOI [10.20310/2587-9340-2021-5-19-373-387](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-19-373-387)
2. Большакова В.М. Динамика судебных преобразований в России во второй половине XIX – начале XXI века (историко-правовое исследование) / под науч. ред. А.А. Демичева. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2021. 660 с.
3. Холиков И.В. Распространение эпидемий, пандемий и массовых заболеваний как глобальный вызов современности // Пути к миру и безопасности. 2020. № 2 (59). С. 27-40. DOI [10.20542/2307-1494-2020-2-27-40](https://doi.org/10.20542/2307-1494-2020-2-27-40)
4. Chernogor N.N., Zemlin A., Kholikov I., Mamedova I. Impact of the spread of epidemics, pandemics and mass diseases on economic security of transport // Ecological and Biological Well-Being of Flora and Fauna: E3S Web of Conferences. Blagoveshchensk, 2020. Vol. 203. Art. 05019. DOI [10.1051/e3sconf/202020305019](https://doi.org/10.1051/e3sconf/202020305019)
5. Кузнецов Е.В. Организационное обеспечение судов общей юрисдикции: сравнительно-правовой аспект // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2013. № 3 (23). С. 30-33.
6. Баранков В.Л. Правовое регулирование социальной защиты сотрудников правоохранительных органов // Журнал российского права. 2012. № 1 (181). С. 82-88.
7. Мохов А.А. Федеральные конституционные законы как источники медицинского права // Медицинское право. 2015. № 3. С. 3-5.
8. Холиков И.В. Правовые аспекты социального обеспечения военнослужащих в Российской Федерации // Сборник научных трудов: доклады, научные сообщения, статьи. М.: Моск. новый юрид. ин-т, 2011. С. 86-94.
9. Наумова Л.Ю., Наумов П.Ю., Пятилышнова О.М., Гибизов А.С. Особенности правового регулирования возмещения расходов за оказание услуг военнослужащим войск национальной гвардии Российской Федерации высокотехнологичной медицинской помощи // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2019. № 10 (267). С. 77-82.
10. Большакова В.М., Холиков И.В., Наумов П.Ю. Медицинское обеспечение судебной системы Российской Федерации // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2022. Т. 14. № 1. С. 103-127. DOI [10.12731/2658-6649-2022-14-1-103-127](https://doi.org/10.12731/2658-6649-2022-14-1-103-127)
11. Ануфриева А.В. Правовое регулирование санаторно-курортного лечения судей и членов их семей // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2016. № 1 (46). С. 191-199.

References

1. Bolshakova V.M., Naumov P.Y. O nekotorykh voprosakh garmonizatsii zakonodatel'stva o sudoproizvodstve i predstavitel'stve: sravnitel'no-pravovaya kharakteristika [On some issues of legislation harmonization on legal proceedings and representation: comparative legal characteristics]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2021, vol. 5, no. 19, pp. 373-387. DOI [10.20310/2587-9340-2021-5-19-373-387](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-19-373-387). (In Russian).
2. Bolshakova V.M. *Dinamika sudebnykh preobrazovaniy v Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XXI veka (istoriko-pravovoye issledovaniye)* [The Dynamics of Judicial Transformations in Russia in the Second Half of the 19th – Early 21st Centuries (Historical and Legal Research)]. Tambov, Publishing House “Derzhavinsky”, 2021, 660 p. (In Russian).
3. Kholikov I.V. Rasprostraneniye epidemiy, pandemiy i massovykh zabolevaniy kak global'nyy vyzov sovremennosti [The spread of epidemics, pandemics, and mass diseases as a contemporary global challenge]. *Puti k miru i bezopasnosti – Pathways to Peace and Security*, 2020, no. 2 (59), pp. 27-40. DOI [10.20542/2307-1494-2020-2-27-40](https://doi.org/10.20542/2307-1494-2020-2-27-40). (In Russian).
4. Chernogor N.N., Zemlin A., Kholikov I., Mamedova I. Impact of the spread of epidemics, pandemics and mass diseases on economic security of transport. *Ecological and Biological Well-Being of Flora and Fauna: E3S Web of Conferences*. Blagoveshchensk, 2020, vol. 203, art. 05019. DOI [10.1051/e3sconf/202020305019](https://doi.org/10.1051/e3sconf/202020305019)

5. Kuznetsov E.V. Organizatsionnoye obespecheniye sudov obshchey yurisdiktsii: sravnitel'no-pravovoy aspekt [Organizational support of courts of general jurisdiction: comparative legal aspect]. *Vestnik instituta: prestupleniye, nakazaniye, ispravleniye – Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction*, 2013, no. 3 (23), pp. 30-33. (In Russian).
6. Barankov V.L. Pravovoye regulirovaniye sotsial'noy zashchity sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov [Legal regulation of social protection of law enforcement officers]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*, 2012, no. 1 (181), pp. 82-88. (In Russian).
7. Mokhov A.A. Federal'nyye konstitutsionnyye zakony kak istochniki meditsinskogo prava [Federal constitutional laws as sources of medical law]. *Meditsinskoye pravo – Medical Law*, 2015, no. 3, pp. 3-5. (In Russian).
8. Kholikov I.V. Pravovyye aspekty sotsial'nogo obespecheniya voyennosluzhashchikh v Rossiyskoy Federatsii [Legal aspects of social security of military personnel in the Russian Federation]. *Sbornik nauchnykh trudov: doklady, nauchnyye soobshcheniya, stat'i* [Collection of Scientific Works: Reports, Scientific Reports, Articles]. Moscow, Moscow New Law Institute Publ., 2011, pp. 86-94. (In Russian).
9. Naumova L.Y., Naumov P.Y., Pyatilyshnova O.M., Gibizov A.S. Osobennosti pravovogo regulirovaniya vozmeshcheniya raskhodov za okazaniye uslug voyennosluzhashchim voysk natsional'noy gvardii Rossiyskoy Federatsii vysokotekhnologichnoy meditsinskoy pomoshchi [Features of the legal regulation of reimbursement of expenses for the provision of high-tech medical care services to military personnel of the troops of the National Guard of the Russian Federation]. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh – Voenno-pravovoye obozreniye – Law in the Armed Forces – Military-Legal Review*, 2019, no. 10 (267), pp. 77-82. (In Russian).
10. Bolshakova V.M., Kholikov I.V., Naumov P.Y. Meditsinskoye obespecheniye sudebnoy sistemy Rossiyskoy Federatsii [Medical support of the judicial system of the Russian Federation]. *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*, 2022, vol. 14, no. 1, pp. 103-127. DOI [10.12731/2658-6649-2022-14-1-103-127](https://doi.org/10.12731/2658-6649-2022-14-1-103-127). (In Russian).
11. Anufriyeva A.V. Pravovoye regulirovaniye sanatorno-kurortnogo lecheniya sudey i chlenov ikh semey [Legal regulation of sanatorium treatment of judges and members of their families]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo – Herald of Omsk University. Series Law*, 2016, no. 1 (46), pp. 191-199. (In Russian).

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 21.07.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 25.09.2022

Принята к публикации / Accepted for publication 21.11.2022

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Научная статья

УДК 340.158

DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-4-502-511

Шифр научной специальности 5.1.1

К вопросу о поводах и правовых основаниях к конфискации промышленных предприятий советскими органами

© БОРИСОВ Андрей Андреевич,

адвокат адвокатской палаты города Санкт-Петербурга и Ленинградской области, коллегия адвокатов «Лапинский и партнеры», Российская Федерация, 191186 г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 42 лит. "А", пом. 7-Н, ORCID: 0000-0002-1958-9965, andreu.borisow@yandex.ru

Аннотация

Актуальность выбранного направления исследования обусловлена постоянным интересом научной юридической общественности к различным аспектам легитимизации власти в различные исторические периоды. Проблематика правовых форм реализации власти позволяет выделить один из таких аспектов, который связан с мотивами социальных преобразований в переходные периоды социально-экономического развития общества. Октябрьская революция привела к смене общественно-экономического строя, и устойчивость Советской власти определялась не только поддержкой народных масс, но и состоянием экономики. Однако многие промышленные предприятия из-за действий собственников оказались под угрозой прекращения производства или закрытия. Цель исследования – показать, какие поводы и правовые основания обуславливали принятие актов о конфискации и национализации предприятий в послереволюционной России. Методы – историко-правовой, конкретно-исторический, юридической логики, индуктивно-дедуктивного анализа. Основываясь на научных исследованиях и архивных источниках, некоторые из которых впервые вводятся в научный оборот, сделано предположение, что социально-политическая активность трудовых коллективов на многих предприятиях проявилась в обращениях к органам власти, давших социологические поводы к принятию декретов и постановлений о конфискации предприятий и ускорявших процесс национализации промышленности. Кроме них выделяются идейно-политические и ситуационные (связаны с отчуждением собственности на местах без санкций ВЦИК и СНК) поводы. Правовые основания к принятию таких актов – конституционные, законодательные акты, в том числе положение о рабочем контроле, и протокольные решения уполномоченных органов.

Ключевые слова

воля трудовых коллективов, декрет, конфискация, повод и правовое основание, постановление, правосознание, протоколы СНК и ВСНХ, национализация

Для цитирования

Борисов А.А. К вопросу о поводах и правовых основаниях к конфискации промышленных предприятий советскими органами // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 4. С. 502-511. DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-4-502-511

On the question of the reasons and legal grounds for confiscation of industrial enterprises by the soviet authorities

© Andrey A. BORISOV,

Attorney at the Chamber of Advocates of St. Petersburg and the Leningrad Region, Bar Association “Lapinskiy and Partners”, office 7-N, 42 lit. “A” emb. river Moika, St. Petersburg 191186, Russian Federation, ORCID: 0000-0002-1958-9965, andreu.borisow@yandex.ru

Abstract

The relevance of the chosen direction of research is due to the constant interest of the scientific legal community in various aspects of the legitimization of power in various historical periods. The problem of legal forms of the exercise of power allows us to single out one of these aspects, which is associated with the motives for social transformations in transitional periods of the socio-economic development of society. The October Revolution led to a change in the socio-economic system, and the stability of Soviet power was determined not only by the support of the masses, but also by the state of the economy. However, many industrial enterprises, due to the actions of the owners, were under the threat of cessation of production or closure. The purpose is to show what reasons and legal grounds led to the adoption of acts of confiscation and nationalization of enterprises in post-revolutionary Russia. Methods - historical-legal, concrete-historical, legal logic, inductive-deductive analysis. Based on scientific research and archival sources, some of which are introduced into scientific circulation for the first time, it is assumed that the socio-political activity of labor collectives at many enterprises manifested itself in appeals to authorities, which gave sociological reasons for the adoption of decrees and resolutions on the confiscation of enterprises and accelerating the process of nationalization of industry. In addition to them, ideological, political and situational (associated with the alienation of local property without the sanctions of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars) reasons stand out. The legal grounds for the adoption of such acts are constitutional, legislative acts, including the regulation on worker control, and protocol decisions of authorized bodies.

Keywords

liberty of labor collectives, decree, confiscation, reason and legal basis, resolution, sense of justice, protocols of the Council of People's Commissars and Supreme Council of National Economy, nationalization

For citation

Borisov A.A. K voprosu o povodakh i pravovykh osnovaniyakh k konfiskatsii promyshlennykh predpriyatiy sovetскими organami [On the question of the reasons and legal grounds for confiscation of industrial enterprises by the soviet authorities]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2022, vol. 6, no. 4, pp. 502-511. DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-4-502-511 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Введение

Актуальность выбранного направления исследования обусловлена постоянным интересом научной юридической общественности к различным аспектам легитимизации власти в различные исторические периоды. Проблематика правовых форм реализации власти имеет различные аспекты и один из них связан с мотивами социальных преобразований в переходные периоды социально-экономического развития общества. История России богата социальными потрясениями, но каждое из них сопровождалось определенными трансформациями права. Революционный события 1917 г. имели итогом об-

разование первого в мире социалистического государства, руководство которого при главенствующей роли большевиков сумело обеспечить социальную базу для смены общественно-экономического строя, в значительной мере определив политическое и правовое сознание населения. Основываясь на установках партийной программы большевиков и соответствующих тому периоду представлениях о теории государства и права, высшие органы Советской власти, зная о чаяниях большинства трудящихся, приступили к переустройству базиса экономических отношений, связанного с характером собственности на средства производства,

имея целью уничтожение эксплуатационных отношений в системе воспроизводственной деятельности. Несомненно, революционное правотворчество в этом направлении отвечало принципу народовластия, как его сущность определил О.Г. Шадский – «выявление и выражение в нормах права воли народа» [1, с. 18], что означает обязательность создания законов «в результате учета общественного мнения» [1, с. 18].

Смена общественно-экономической формации в России предполагала практическую реализацию идей обобществления имущества и новую организацию воспроизводственно-экономических отношений на основе общественной собственности на средства производства. Начальная форма этой деятельности – рабочий контроль – во многих случаях саботировалась прежними собственниками и администрациями предприятий, что лишало заработка работников этих предприятий и угрожало безопасности нового Советского государства.

Основная проблема исследования связана с правовыми формами огосударствления собственности в Российской Социалистической Федеративной Советской Республике. Определив целью изучение особенностей процесса принятия соответствующих правовых форм, мы полагаем необходимым рассмотреть виды поводов и правовых оснований для принятия таких актов.

Методы

Методологическую основу исследования составляют историко-фактологический и антропоцентристский подходы, требующие сочетания общенаучных (описания событий и документов, анализа их содержания, предположений и обобщений) и частных научных (формально-юридический, конкретно-социологический) методов.

Результаты и обсуждение

Изучение российских революционных событий вековой давности требует беспристрастного научного анализа [2, с. 4] и особого внимания к формам проявления общественного мнения относительно тех или иных социальных проблем как к актам выражения политической воли народа.

К 1917 г. высокий уровень политизированности демонстрировали требовавшие или ждущие социально-экономических перемен

крестьянство, рабочие, студенчество, солдатские массы и иные слои населения, в том числе представители либеральной буржуазии. По ряду причин создавалась ситуация изолированности императорской власти и ее институтов, которая в итоге завершилась падением самодержавия. Как отмечают Ш.М. Мунчаев и В.М. Устинов, «Никто не намеревался защищать монархию» [3, с. 121], «крупные города, фронт, вся обширная периферия, в сущности, вполне мирно приняли то, что в конце февраля – начале марта свершилось в Петрограде» [3, с. 121].

Почти через восемь месяцев, 25 октября (7 ноября) 1917 г., пало Временное правительство, к концу ноября (по старому стилю) «советская власть победила в 28 губернских городах» [3, с. 144], и к марту 1918 г. она «была установлена почти по всей территории России» [3, с. 144].

Каковы оценки происшедших кардинальных социально-политических перемен современников революции?

По мнению русского правоведа и политического мыслителя Н.Н. Алексева, «в XX веке диктатура удалась только потому, что она встретила поддержку среди народа» [4, с. 245], в ней «выразилось известное народное настроение» [4, с. 245], основанное на идее вольницы, сильной власти и социального устройства на началах справедливости [4, с. 248], а Н.А. Бердяев писал, что революция «всегда говорит о том, что власть имеющие не исполнили своего назначения» [4, с. 258]. Уже в 1910 г. А.С. Изгоев (Лянде) утверждал, что русский марксизм «сыграл огромную и очень благотворную роль в истории русского общественного развития» [4, с. 268] (общественная собственность на средства производства – одна из центральных идей марксизма), а Н.В. Устрялов считал, что «Октябрь был великим выступлением русского народа, актом его самосознания и самоопределения» [4, с. 376]. Размышляя о русской революции, С.Л. Франк основной темой новой истории определил свободу, свободное творчество человека, верховные права творческого человеческого духа, добывание истины и строительство жизни из внутреннего источника человеческой личности [4, с. 401].

В триаде «государство – народ – личность» каждый из ученых видел особое значение интересов отдельного человека и вряд ли можно отрицать очевидное: истоки современного антропоцентризма, принципиальная сторона которого «состоит в повышенном внимании к субъекту права» [2, с. 6], обнаруживаются в наследии мировой политико-правовой мысли, в том числе в работах русских ученых – современников революционных преобразований.

Антропоцентристский подход предполагает особое внимание к проблемам правосознания и идеям, определяющим поведение субъектов права в период революционных событий [2, с. 6]. Поэтому, рассматривая вопросы перехода в собственность Советской республики объектов промышленности, мы выделили идейно-политические поводы к принятию соответствующих мер и задались вопросом о роли производственных коллективов и их членов в осуществлении государственной политики национализации промышленных предприятий.

Крестьянство мечтало о социализации земли, а такие призывы исходили в 1906 г. даже от депутатов Государственной думы I-го созыва, представлявших консервативную партию конституционных демократов (депутат от Полтавской губернии П.И. Чижевский выступал с предложениями о конфискации земель для решения крестьянских проблем) [5, с. 212], рабочие – об уничтожении власти капитала, и эти два класса являлись большинством населения России и ее окраин, составляли большинство в армии. Это большинство и составило социальную базу революционных преобразований.

Чаяниям крестьянства отвечал Декрет о земле и его скорейшая реализация. В частности, Резолюция 9-го Львовского Уездного съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, внесенная по земельному вопросу 12 января 1920 г., практически после освобождения Курской губернии от деникинских войск, признавала, что «земельный вопрос в настоящее время необходимо разрешить путем поднятия производительности земли, через посредства

коллективной обработки»¹ (данный документ впервые введен в научный оборот). Первый пункт этой резолюции гласил: «Учитывая современное настроение широких крестьянских масс Советской республики, Съезд решительно отстаивает проведение в жизнь закона о СОЦИАЛИЗАЦИИ земли, ибо им упраздняется всякая собственность на землю и устанавливается распределение земли на основе потребительно-трудовой нормы»².

Организация коллективного труда на земле, по уточненным данным инспекции Наркомзема (Главсовхоза), позволила иметь в Курской губернии к середине лета 64 организованных совхоза³. Эти данные, несмотря на уточнение о 106 учтенных по другим ведомствам, например, по Губземотделу, но не переданных под начало Губсовнархоза (неорганизованных) советских хозяйств⁴, позволяют признать достаточно результативной эту менее чем полугодовую по срокам работу Курского губернского совнархоза и местных Советов.

Дело обобществления частной собственности промышленного назначения (заводы, фабрики, добывающие и перерабатывающие предприятия) не было простым, поскольку оно связывалось с проблемными вопросами экономического, социального и военно-политического значения – сохранение производственной деятельности и занятости, с одной стороны, и с другой – невозможность проведения мер органами советской власти (по причинам нахождения предприятий на территории самоопределяющихся в государственном строительстве окраин, в удаленных от центра регионах и регионах, охваченных Гражданской войной, захваченных интервентами или контролируемых различными бандами, а также отсутствием кадровых ресурсов для организации управления производством). В некоторых случаях национализация отменялась.

Например, в 1920 г. Курским Габсовнархозом были национализированы 105 предприятий, поставлены на учет, но остав-

¹ ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. Р-325. Оп. 1. Д. 25. Л. 308а.

² Там же.

³ Там же. Д. 34. Л. 65.

⁴ Там же.

лены в руках частных предпринимателей, товариществ, кооперативов около 245, и в отношении четырех (кожевенные заводы В.М. Лаврова, И.С. Сальмана, «Комета» и обувная мастерская Евдокимовых⁵) национализация была отменена.

Тем не менее, трудовые коллективы, зачастую с участием инженеров и техников, с профсоюзным активом или без него сами инициировали через местные органы управления принятие решений о национализации, а порой на местах рабочие коллективы и советские органы самостоятельно отстраняли от руководства нелояльные к революционным переменам администрации предприятий и проводили конфискации предприятий.

По этому поводу всем Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и всем Советам народного хозяйства был разослан циркуляр такого содержания: «Ввиду того, что местные Советы... продолжают конфискацию и национализацию предприятий без ведома Высшего совета народного хозяйства, напоминаем о следующем постановлении ВСНХ от 16-го февраля 1918 г.: конфискация промышленных и иных предприятий производится по соображениям государственно-хозяйственного свойства: а) Высшим советом народного хозяйства и б) Советом народных комиссаров»⁶ (далее – ВСНХ и СНК). Однако этот процесс охватывал многие губернии до принятия этого акта об исключительной компетенции в вопросах национализации ВСНХ и СНК, да и после его рассылки на места.

Например, 27 ноября 1917 г. Фабрично-заводской комитет (Фабзавком) Ростокинской красильно-аппретурной фабрики (Московская губерния) направил в Экономический отдел Совета рабочих и солдатских депутатов по г. Москве заявление, в котором сообщалось о назначении Фабзавкомом совместно с Профессиональным союзом текстильщиков заведующего А.А. Шайдинга, пуске фабрики «в полный ход» и принадлежности имущества фабрики В.В. Ферману⁷. Выражалась просьба выдать удостове-

рение в том, что объявление фабрики и земли при ней собственностью Российской республики является необходимым, поскольку для правильного хода дела, ремонта строений и машин «крайне нежелательно расходовать средства... с ущербом нашим, в пользу Фермана»⁸, против которого собран богатый материал. «В противном случае мы ведя его (В.В. Фермана. – А. Б.) фабрику будем увеличивать и так богатый его карман набитый во все время войны»⁹ (орфография и пунктуация сохранены по оригиналу документа). Также уточнялось, что удостоверение необходимо для представления в СНК с ходатайством об издании декрета¹⁰, а заводоуправление будет работать под руководством Фабзавкома и контролем Ревизионной комиссии, состоящей из трех лиц от профсоюза, от Экономического отдела местного Совета и от Московского комиссара труда¹¹. Текст заявления продолжен припиской от Профсоюза текстильщиков от 28 декабря того же года, в которой профсоюз «удостоверяет, что отчуждение фабрики Фермана является необходимым для продолжения на фабрике производства работ»¹².

Экономический отдел Моссовета przeprowadил двойное заявление в Совет народных комиссаров с текстом о том, что он рассмотрел заявление на заседании 30 декабря и «единогласно присоединился к резолюции Союза текстильщиков»¹³.

Пакет документов, направленный Фабзавкомом в СНК 31 декабря 1917 г., включал копии заявления, препроводительной Экономического отдела Моссовета, прошение и, как ни удивительно, гарантийные обязательства рабочего коллектива, которые свидетельствуют о серьезной подготовке рабочим активом документов, коллегиальном характере этой работы и открытости всех материалов для коллектива фабрики.

В Прощении Фабзавком в старом стиле «покорнейше просил» об издании и обнародовании декрета в том, что фабрика, «принадлежащая Вольдемару-Эдуарду-Карлу (он

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Л. 4об.

¹² Там же.

¹³ Там же. Л. 5.

⁵ ГАКО. Ф. Р-325. Оп. 1. Д. 25. Л. 248об, 250об.

⁶ Там же. Ф. Р-865. Оп. 2. Д. 14. Л. 143.

⁷ РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 19. Оп. 1. Д. 40. Л. 4.

же Владимир Владимирович) Ферман, состоящая из фабричных, жилых и хозяйственных зданий, машин и земли как его собственной так и на правах аренды отчуждается бесплатно в собственность Российской Республики»¹⁴ и просил дать Московскому комиссару труда распоряжение о соответствующей организации управления фабрикой согласно предложений в заявлении и прошении.

Представители Фабзавкома от имени фабрики давали обязательства перед СНК поднять производительность всех предприятий и работ, представлять отчет Наркому торговли и промышленности не реже двух раз в месяц, устанавливать заработную плату по тарифам профсоюзов, установить на предприятии полный порядок и трудовую дисциплину, заявлять о потребностях рабочих в Наркомат труда, организовать вооруженную охрану имущества и свободы рабочих и крестьян, войти в соглашение с ближайшими Советами для охраны фабрики и поселка от контрреволюционных посягательств, все продукты учитывать и распределять согласно плану Наркомата торговли и промышленности, представлять для финансирования фабрики смету расходов¹⁵.

На заседании СНК 2 января 1918 г. рассмотрение вопроса было отложено, а 4 января, как следует из соответствующего протокола, четвертым пунктом был рассмотрен вопрос «О конфискации Ростокинской Красильно-апретурной фабрики в г. Росткино», по которому состоялось следующее решение: «Конфисковать, приняв декрет, предложенный тов. Шляпниковым»¹⁶.

Декрет Рабочего и крестьянского правительства Совета народных комиссаров не имел соответствующего названия и указывал, что причиной конфискации является категорический отказ владельца фабрики продолжать производство, несмотря на имеющиеся запасы сырья и топлива. СНК постановил «конфисковать все имущество упомянутой фабрики, в чем бы это имущество ни состояло, и объявить его собственностью

Российской республики»¹⁷ (в акте также оговаривались вопросы о положении персонала, об ответственности и о порядке управления).

Таким образом, основной пункт прошения рабочих фабрики, а по политическому значению это было требование пролетариата, было воплощено в жизнь достаточно быстро (не многим более одного месяца). Принятые и направленные в СНК обязательства свидетельствуют о высоком уровне политической сознательности трудового коллектива, а избранный путь, подключающий к решению проблемы местные Совет и обращение в СНК – о соответствующем революционной ситуации правосознании и ясно выраженной изначальной установке рабочих на правовое, соответствующее новому законодательству решение вопроса о судьбе фабрики.

Это один из многочисленных примеров, в котором мы видим проблему поводов и оснований к принятию актов о национализации.

К поводам мы относим фактические обстоятельства, имеющие определенную связь с конечным результатом огосударствления собственности. Классифицируя поводы по их природе происхождения, можно выделить идейно-политические, социологические и ситуационные поводы.

К первым следует отнести программные документы РКП(б), в которых ясно обозначается цель – уничтожение эксплуатационных отношений в производстве и установление общественной собственности на средства производства, и к таким документам относятся Манифест коммунистической партии¹⁸, программы РСДРП(б).

Вторая группа – акты выражения воли заинтересованных и уполномоченных лиц, итоги и резолюции собраний (конференций) трудовых коллективов и совместных заседаний с администрациями предприятий, которые отражались в телеграммах, прошениях, заявлениях коллективов или уполномоченных органов в высшие органы Советской власти.

¹⁷ Декреты Советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М., 1957. С. 327-328; ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 130. Оп. 2. Д. 44. Л. 7 (копия для печати).

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. Гос. изд-во полит. лит., 1955. С. 441-447.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 40. Л. 6.

¹⁵ Там же. Л. 7.

¹⁶ Там же. Л. 1.

ных органов в высшие органы Советской власти.

Кроме вышеописанного случая по Ростовской фабрике были и другие аналогичные ситуации. Так, в заявлении рабочей дирекции Петроградского металлического завода, рассмотренном на заседании СНК 16 января 1918 г. (приложение к пункту 3 Протокола заседания СНК от 16 января 1918 г. № 48), указывается, что на соединенном заседании старого заводоуправления и Исполнительного комитета, а также Контрольной комиссии от рабочих представители заводоуправления в категорической форме отказались открыть завод, почему он «должен перейти в пользу государства»¹⁹. Исполнительный комитет и Контрольная комиссия обратились в СНК, который принял такое решение: «Признать принципиально желательным конфискацию Петроградского металлического завода и предложить Комиссариату торговли и промышленности разработку практических мероприятий по вопросу о конфискации этого завода»²⁰.

Первое Советское правительство уделяло особое внимание доведению до населения политических и правовых актов, информации о действиях трудовых коллективов и органов управления в центре и на местах, а также о проблемах строительства нового государства, что оказывало определяющее, факторное значение на рост политического и правового сознания населения. Одним из примеров является обращение в ВСНХ (в Отдел национализации торговли и промышленности) и Президиум Моссовета коммуниста Железнодорожного района г. Москвы гравера Главных московских паровозных мастерских Московско-Казанской железной дороги И.М. Семенова-Красовского. Заявитель указывает, что «столь важное производство, каким является граверно-механическое каучуковых штампов производств, находится в частных кулацких руках»²¹, что приводит к чрезмерным затратам народных денег разными организациями на штамп и печати, «которые производите-

лю стоят грош»²², и изготовлению массы фиктивных печатей. Автор обращения предлагает объявить о национализации этого производства²³.

Также в СНК поступала информация о намерениях собственников и заводоуправлений прекратить производство и закрыть предприятия, о неисполнении обязанностей должностными лицами администраций предприятий или о выезде собственников или должностных лиц заводоуправлений в неизвестном направлении.

Ситуационные поводы – акты, принятые местными революционными комитетами, съездами, Советами или трудовыми коллективами, по которым уполномоченными органами, а это, повторимся, СНК и ВСНХ, позднее принимались акты о конфискации и национализации, в том числе в отраслевом масштабе. Такие акты принимались на местах в духе революционных идей и преобразований, поддерживались трудящимися, но они противоречили правовым установкам СНК, которые не допускали принятия экспроприационных мер неправомерными органами и предполагали только введение рабочего контроля.

Так, 1 июня в СНК и ВСНХ поступила телеграмма от советских органов (Уралсовнархоз) г. Екатеринбурга, в которой сообщалось о национализации асбестовых копей «Товарищества на вере Муханов и К°» актом Пермского съезда советов и обращении бывших владельцев копей с протестом по этому решению в СНК²⁴. Другой пример – 5 июня 1918 г. в уездный Совдеп Малмыж Вятской губернии от ВСНХ был направлен запрос такого содержания: «Немедленно... сообщите... какие заводы Вами национализированы (производство, количество рабочих, обеспеченность их сырьем, топливом, средствами, введен ли тариф и пр.). Сообщите, согласен ли Вятский Совдеп на национализацию этих заводов. Лишь после получения всех этих материалов Комитет хозяйственной политики сможет дать свое заключение по возбуждаемому Вами вопросу»²⁵. Подотдел хозяйственной политики Отдела

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 48. Л. 3.

²⁰ Там же. Л. 1-1об.

²¹ РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 3429. Оп. 2. Д. 394. Л. 11.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ ГА РФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 308. Л. 8.

²⁵ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 1. Д. 238 (3). Л. 204.

запрошено Уральское областное правление национализированных предприятий «относительно всех предприятий, национализированных в местном порядке, для оформления таковой национализации центральной властью»²⁶.

Еще один пример информирования с мест: из копии телеграммы Народному комиссару торговли и промышленности РСФСР, направленной из Усоля по солеваренным заводам Комиссаром промышленного горно-фабрично-заводского отдела А. Потемкиным, следует, что несколько солеваренных заводов уездными и местными Советами были объявлены национализированными²⁷.

Таким образом, зная о подобной практике по поступающим из разных губерний телеграммам, обращениям, докладам, руководство ВСНХ прилагало усилия для того, чтобы обеспечить юридическую безупречность перехода в собственность государства имуществ промышленников.

Аналогичные случаи, связанные с нелегитимными действиями местных советских властей, вскрывались и позднее. Например, в марте 1920 г. председатель Урало-Сибирской комиссии Совета Труда и Оборона А.В. Шотман направил телеграмму в Президиум ВСНХ, в которой сообщал, что «при перевороте местными революционными властями проведена национализация приисков Ленского товарищества, включая местную золотопромышленность»²⁸.

Правовые основания актов о национализации – Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, принятая 3 (16) января 1918 г., в которой основной задачей Советского государства определялось уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, установление социалистической организации общества и подтверждался «советский закон о рабочем контроле»²⁹. Декларация имела конституционное значение и, безусловно, к правовым основаниям следует отнести Конституцию РСФСР 1918 г. Также следует упомянуть Положение о рабочем

контроле (принято 14 (27) ноября и опубликовано 16 (29) ноября 1917 г.), которое предшествовало первым актам о национализации промышленных предприятий³⁰. Рабочий контроль вводился на предприятиях, в крупных городах, губерниях и промышленных районах в интересах планомерного регулирования народного хозяйства, осуществлялся рабочими через свои выборные органы с участием служащих и технического персонала и предполагал широкие полномочия органов рабочего контроля: наблюдение за производством; определение норм выработки и принятие мер по вопросу о себестоимости производимой продукции; контроль переписки и др. Третья группа правовых оснований – принятые в установленном правовом порядке соответствующие протокольные решения СНК и ВСНХ, которым предшествовало изучение ситуации на предприятиях и которые также правомерно отнести к правовым основаниям. Таким образом, правовые основания могут быть трех видов – конституционного, законодательного и организационно-обеспечительного значения.

Заметим, что изучение архивных источников убеждает в том, что принятию протокольных решений и последующему изданию декретов или постановлений о конфискации (национализации) предприятий предшествовало изучение положения дел на этих предприятиях. В частности, Секретариат отдела металла ВСНХ 4 июля 1918 г. направил в Вятский губернский Совет народного хозяйства письмо, в котором предлагалось областному Управлению «детально обследовать Холуницкие горные заводы согласно прилагаемым листам анкеты и весь собранный материал, а также свое заключение препроводить в Отдел металла ВСНХ»³¹.

Как нам представляется, условия кризиса государственности, а тем более ее смены могут быть связаны с пересмотром правовых начал общественного устройства или же с отказом от определенных правовых предписаний прежней власти [6; 7]. Тогда известные право и закон по каким-то предметным отношениям могут утрачивать свое

²⁶ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 4. Д. 128. Л. 2.

²⁷ Там же. Д. 469 (2). Л. 74.

²⁸ Там же. Оп. 1. Д. 1690 (3). Л. 250.

²⁹ Декреты Советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М., 1957. С. 321.

³⁰ Там же. С. 77-85.

³¹ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 4. Д. 128. Л. 1.

юридическое значение перед новыми требованиями общества об обеспечении справедливости [8]. В такие периоды особое значение приобретают доминирующие идейно-политические ценности и общественная активность масс, в сплаве которых рождается новое право и новые законы.

Заключение

Резюмируя вышеизложенное, подчеркнем, что послереволюционный период характеризовался политическим подъемом в среде промышленных работников, в том числе специалистов, и повышенным их вниманием к новому, советскому законодательству, определяющему основания и порядок формирования общенародной собственности.

Большинство населения поддерживало политические цели программы партии большевиков (политически-властный аспект), определяющей государственную политику, и выражало свое мнение в коллективных или единоличных обращениях в органы Советской власти (социологический

аспект). Политическая активность граждан новой Советской республики, удаленность от центральных советских органов и сложности внутриполитической обстановки обусловили принятие конфискационных актов (актов огосударствления собственности, в том числе на промышленных объектах) на местах вразрез с установленным порядком (нелегитимный характер), что впоследствии потребовало особых усилий ВСНХ в работе по юридическому оформлению принятых на местах мер по национализации собственности в соответствии с законодательством. Таким образом, поводы к принятию актов об огосударствлении собственности имеют идейно-политический, социологический и ситуационный характер.

Правовые основания национализации образовывали нормы актов конституционного и законодательного содержания, а также протокольно оформленные решения уполномоченных органов.

Список источников

1. Шадский О.Г. Исторические и теоретико-методологические аспекты и проблемы правотворчества в России // Право: история и современность. 2020. № 2 (11). С. 14-21. DOI [10.17277/pravo.2020.02.pp.014-021](https://doi.org/10.17277/pravo.2020.02.pp.014-021)
2. Пашенцев Д.А., Боголюбов С.А., Алексеева Л.Л. и др. Правовые основы российских революционных преобразований 1917 года / под ред. Д.А. Пашенцева, С.А. Боголюбова. М.: ИНФРА-М, 2019. 199 с.
3. Мунчаев Ш.М., Устинов В.М. История Советского государства. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Норма, 2008. 719 с.
4. История российской политической науки / под ред. Ю.С. Пивоварова, А.И. Соловьева. М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2015. 471 с.
5. Ленин В.И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 годов. Сочинения. 4-е изд. Т. 13. М.: ОГИЗ: Госполитиздат, 1947. 492 с.
6. Дорская А.А. Кризисные явления в праве и пути их преодоления: теоретический и историко-правовой анализ. СПб.: Астерион, 2021. 160 с. DOI [10.53115/9785001881100](https://doi.org/10.53115/9785001881100)
7. Антонченко В.В. Право и закон // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 2. С. 123-131. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-2-123-131](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-2-123-131)
8. Сырых В.М. Становление основ Советского законодательства в 1918–1920-е годы // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2013. № 6. С. 174-191.

References

1. Shadskiy O.G. Istoricheskiye i teoretiko-metodologicheskiye aspekty i problemy pravotvorchestva v Rossii [Historical, theoretical and methodological aspects and problems of law-making in Russia]. *Pravo: istoriya i sovremennost'* – Law: history and modernity, 2020, no. 2 (11), pp. 14-21. DOI [10.17277/pravo.2020.02.pp.014-021](https://doi.org/10.17277/pravo.2020.02.pp.014-021). (In Russian).
2. Pashentsev D.A., Bogolyubov S.A., Alekseyeva L.L. et al. *Pravovyye osnovy rossiyskikh revolyutsionnykh preobrazovaniy 1917 goda* [Legal Foundations of the Russian Revolutionary Transformations of 1917]. Moscow, INFRA-M Publ., 2020, 199 p. (In Russian).
3. Munchayev S.M., Ustinov V.M. *Istoriya Sovetskogo gosudarstva* [History of the Soviet State]. Moscow, Norma Publ., 2008, 719 p. (In Russian).

4. Pivovarova Y.S., Solovyeva A.I. (eds.). *Istoriya rossiyskoy politicheskoy nauki* [History of Russian Political Science]. Moscow, Aspect Press, 2015, 471 p. (In Russian).
5. Lenin V.I. *Agrarnaya programma sotsial-demokratii v pervoy russkoy revolyutsii 1905–1907 godov. Sochineniya. T. 13* [The Agrarian Program of Social Democracy in the First Russian Revolution of 1905–1907. Works. vol. 13]. Moscow, OGIZ, Gospolitizdat Publ., 1947, 492 p. (In Russian).
6. Dorskaya A.A. *Krizisnyye yavleniya v prave i puti ikh preodoleniya: teoreticheskiy i istoriko-pravovoy analiz* [Crisis Phenomena in Law and Ways to Overcome Them: Theoretical and Historical-Legal Analysis]. Saint-Petersburg, Asterion Publ., 2021, 160 p. DOI [10.53115/9785001881100](https://doi.org/10.53115/9785001881100). (In Russian).
7. Antonchenko V.V. Pravo i zakon [Law and legislation]. *Aktual'nyye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2022, vol. 6, no. 2, pp. 123–131. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-2-123-131](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-2-123-131). (In Russian).
8. Syrykh V.M. Stanovleniye osnov Sovetskogo zakonodatel'stva v 1918–1920-e gody [Formation of bases of the Soviet legislation in the 1918–1920s]. *Istoriko-pravovyye problemy: Novyy rakurs – Historical-Legal Problems: the New Viewpoint*, 2013, no. 6, pp. 174–191. (In Russian).

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 11.06.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 02.09.2022

Принята к публикации / Accepted for publication 21.11.2022

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Научная статья

УДК 34.01

DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-4-512-522

Шифр научной специальности 5.1.1

Научный дискурс о балансе интересов в праве

© ЗАВГОРОДНЯЯ Анастасия Александровна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, ГБОУ ВО «Донбасская юридическая академия», Донецкая Народная Республика, 283049 г. Донецк, ул. Лебединского, 9, ORCID: 0000-0001-5120-7018, nastacija@mail.ru

Аннотация

Рассмотрены особенности, проблемы и перспективы научного дискурса о балансе интересов в праве. Отмечено, что на сегодня баланс интересов в праве приобрел значение не только ценностного, но рационального дискурса, в основу которого положен поиск некоего разумного соотношения между частными и публичными интересами. Приведены разные подходы к определению, установлению баланса интересов в праве, рассмотрены подходы к исследованию сущности баланса интересов и в теории права, а также их отраслевое отличие в разных юридических науках, которые рассматривают такое явление, как баланс интересов, как согласие, как согласованный результат, как состояние оптимальной конфликтности либо отсутствие конфликтности, как общеправовую, конституционную ценность, юридический метод, как средство и т. д. Многообразие подходов подтверждает сложность феномена баланса в праве. Основная дискуссия ведется в отношении иерархии ценностей и интересов, а также критериев допустимости приоритета интересов в процедурах их уравнивания. На основе анализа широкого спектра научных исследований о балансе в праве рассмотрен баланс интересов в праве как элемент более общего явления в праве. Целью исследования является установление системных характеристик баланса как многоаспектного явления в праве (действительности), его предпосылок. Методологическая основа включает в себя использование общенаучных и специальных методов исследования. Использованы отдельные методы анализа, обобщения, реконструкции теорий, примененные в рамках аксиологического, структурно-функционального, формально-юридического, сравнительно-правового подходов. Сделан вывод, что на сегодня баланс в праве остается концептом, смысловая и содержательная наполненность которого является достаточно неопределенной, а плюрализм взглядов на определение сущности баланса интересов обусловлен различными методологическими подходами в его изучении и целями, поставленными исследователем, в связи с чем использование телеологического подхода позволяет признавать его целью, при инструментальном, прагматичном – средством эффективности правового регулирования, при структурно-функциональном (системном) подходе к праву – баланс является элементом правового сознания и правовой идеологии, принципом; при формально-юридическом (юриспруденция понятий) – понятием; при социогуманитарном подходе – как состояние социальных интересов.

Ключевые слова

право, баланс, баланс интересов, согласованность, равновесие, соразмерность, уравниваемость, конфликтность, компромисс, соотношение, компенсация, динамичное равновесие

Для цитирования

Завгородняя А.А. Научный дискурс о балансе интересов в праве // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 4. С. 512-522. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-4-512-522](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-4-512-522)

ORIGINAL ARTICLE

DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-4-512-522

Scientific discourse on the balance of interests in law

© Anastasiia A. ZAVGORODNIAIA,

Candidate of Law, Associate Professor of Civil Law Disciplines Department, Donbass Law Academy, 9 Lebedinsky St., Donetsk 283049, Donetsk People's Republic, ORCID: [0000-0001-5120-7018](https://orcid.org/0000-0001-5120-7018), nastacija@mail.ru

Abstract

The features, problems and prospects of scientific discourse on the balance of interests in law are considered. It is noted that today the balance of interests in law has acquired the value of not only value, but rational discourse, which is based on the search for some reasonable relationship between private and public interests. Different approaches to the definition, establishment of a balance of interests in law are given, approaches to the study of the essence of the balance of interests in the theory of law, as well as their branch differences in different legal sciences, which consider such a phenomenon as a balance of interests, as consent, as an agreed result, are considered, as a state of optimal conflict or lack of conflict, as a general legal, constitutional value, a legal method, as a means, etc. The variety of approaches confirms the complexity of the phenomenon of balance in law. The main discussion is in relation to the hierarchy of values and interests, as well as the criteria for admissibility of the priority of interests in the procedures for their balancing. Based on the analysis of a wide range of scientific studies on the balance in law, the balance of interests in law is considered as an element of a more general phenomenon in law. The purpose of the study is to establish the systemic characteristics of balance as a multidimensional phenomenon in law (reality), its prerequisites. The methodological basis includes the use of general scientific and special research methods. Separate methods of analysis, generalization, reconstruction of theories are used, applied within the framework of axiological, structural-functional, formal-legal, comparative-legal approaches. It is concluded that today the balance in law remains a concept, the semantic and content completeness of which is rather uncertain, and the pluralism of views on the definition of the essence of the balance of interests is due to various methodological approaches in its study and the goals set by the researcher, in connection with which the use of teleological approach allows us to recognize it as a goal, with an instrumental, pragmatic one – a means of effective legal regulation, with a structural-functional (systemic) approach to law – balance is an element of legal consciousness and legal ideology, a principle; with the formal legal (jurisprudence of concepts) – the concept; in the socio-humanitarian approach – as a state of social interests.

Keywords

law, balance, balance of interests, coherence, equilibrium, proportionality, poise, conflict, compromise, correlation, compensation, dynamic balance

For citation

Zavgorodniaia A.A. Nauchnyy diskurs o balanse interesov v prave [Scientific discourse on the balance of interests in law]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2022, vol. 6, no. 4, pp. 512-522. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-4-512-522](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-4-512-522) (In Russian, Abstr. in Engl.)

Введение

Достижение оптимального баланса между социально значимыми и признанными в праве интересами является предметом дискурса во множестве научных юридических исследований, судебной практике, практике Конституционного суда РФ, Европейского

суда по правам человека. Процесс конституционализации правового порядка в условиях постоянных экономических, политических и социальных изменений может быть успешен в случае осуществления государством последовательной, научно обоснованной и внутренне непротиворечивой правовой по-

литики, ориентированной на достижение правовых целей, значимых для человека и гражданского общества.

В.М. Жуйков отмечает, что баланс является средством ограничения государства правом при приоритете права над законом, разумном приоритете прав и интересов личности над правами и интересами государства [1, с. 535].

Н.А. Власенко наличие баланса интересов в правовом регулировании рассматривает как проявление принципа разумности, целью которого является обеспечение реального действия права, его эффективности и гибкости [2, с. 53]. В связи с этим современная государственная идеология должна обеспечить правовой порядок на основе правовой стратегии, ориентированной на человека, выступающей одной из средств достижения эффективности правовой системы, в которой определяющими являются оценка состояния обеспечения социальных ожиданий, прав человека, достижение баланса частных и публичных интересов, устранение противоречий между действующим правом и юридической практикой, правом и правосознанием [3, с. 6]. Указанные противоречия, существующие в правовой действительности перманентно, обуславливают поиск концепций, методик, средств обеспечения согласования интересов, необходимых для уравнивания, реализация или препятствия к реализации которых позволят указанные противоречия в определенной степени устранить. Эти положения отражают важный коммуникативный и инструментальный аспект права, призванный и способный к упорядочиванию и организации определенных сфер социума как системы, в которой оно функционирует.

Определение сущности права в современных правовых исследованиях, не ограниченных статическими догмами, а учитывающих социальную обусловленность права, обуславливает поиск такого соотношения между значимыми и признанными интересами, которое будет адекватно отражать социальные потребности и ожидания. Нахождение же адекватного механизма такого согласования является процессом, являющимся важной предпосылкой для формирования гражданского общества [4, с. 8-9], а,

по мнению Н.С. Бондаря, правовой феномен согласования интересов на современном этапе приобрел признаки конституционной доктрины [5, с. 126].

Согласование интересов в праве было предметом исследований Р. Иеринга и его последователей, а также Г.И. Иванца, В.Н. Карташова, Д.И. Керимова, И.П. Кожокаря, А.В. Малько, Н.И. Матузова, В.В. Лапаевой, С.В. Полениной, Ю.А. Тихомиров, О.И. Цыбулевской, В.И. Червонюка, В.Е. Халиулина, А.И. Экимова; баланс интересов составляет предмет исследований и указанных исследователей, и других, в частности, В.М. Ведяхина, В.А. Мальцева, С.Н. Хорунжего, В.С. Эбзеева. Тем не менее, невзирая на практическую и теоретическую актуальность баланса интересов в праве и правового баланса, указанные понятия понимаются по-разному, приравниваясь к компромиссу, согласию, равенству, согласованию и т. д. Понятие баланса интересов настолько вошло в правовой терминологический обиход, что используется достаточно произвольно и не всегда оправданно для отражения анализируемых в определенных научных работах либо интерпретационных, правоприменительных актах проблем.

Результаты исследования

Основные подходы к исследованию баланса интересов в праве

Поскольку право на современном этапе развития науки и общества исследуется и как юридическое, и как социальное явление, существует необходимость решать новые проблемы, связанные с соответствием нормативно-правового регулирования современным динамичным социально-правовым запросам общества, эффективностью правового воздействия и механизма правового регулирования, в частности, среди которых важное место занимают правовые средства и способы, которые способны обеспечить справедливый полилог и уравновешенные возможности реализации интересов в обществе. Эти проблемы в современных исследованиях объединяет поиск баланса, который приобретает признаки новой правовой парадигмы. Установление путей и выбор средств обеспечения равновесия в правовой системе общества является важнейшей задачей, которая стоит перед современным правоведе-

нием, поскольку от оптимального соотношения интересов, формируемых и реализуемых в обществе, зависит и эффективность права как важнейшего регулятора, так и состояние общества.

Подходы к исследованию сущности баланса интересов и в теории права, и в отраслевых юридических науках отличаются существенным образом. Эта общеправовая проблема изучается в ракурсе согласования (процесса), согласия, согласованного результата (состояния), состояния оптимальной конфликтности либо отсутствия конфликтности, общеправовой, конституционной ценности, юридического метода, средства (инструмента), принципа и понятия. Соответствующий плюрализм в исследованиях лишь подтверждает сложность феномена баланса в праве. Основная дискуссия ведется в отношении иерархии ценностей и интересов, а также критериев допустимости приоритета интересов в процедурах их уравнивания. Непосредственно баланс интересов как необходимый для эффективности правового регулирования результат соответствующих процедур согласования остается одной из самых дискуссионных, неопределенных категорий по сущности и содержанию.

Баланс интересов является необходимым условием правовой системы демократического государства, его признают важнейшей составной частью технологии согласования интересов в законодательной деятельности как результата ее применения. В.И. Червонюк в связи с этим указывает, что баланс интересов не достаточно изучен в специальной литературе, не являясь лишь предметом общей теории права и требуя привлечения внимания научной общественности как к важнейшей социально-правовой проблеме [6, с. 70].

В.Е. Халиулин определяет баланс интересов субъектов права как «закрепленное на правовом уровне особое состояние, объективно необходимое *соотношение* юридически значимых интересов субъектов права», предназначение которого состоит в обеспечении условий реализации интересов, «статичный слепок иерархии интересов определенной общности в определенный период времени» [4, с. 9, 18]. К условиям баланса

автор относит необходимость соответствия прав и обязанностей (обеспечение права соответствующей обязанностью), равные правовые возможности, четко определенные пределы и порядок осуществления прав и свобод, соразмерность интересов в зависимости от их иерархии, усилий по обеспечению, наличие компенсационных правовых средств [4, с. 22].

В.А. Мальцев, исследуя баланс интересов в сфере обеспечения безопасности, формулирует общетеоретические положения и признает за балансом характеристику *равновесности*, соразмерности, необходимость установления пределов осуществления прав и свобод граждан, справедливого (с учетом наличия приоритетов) *соотношения прав и обязанностей* [7, с. 6-9]. В контексте неизбежных приоритетов ученый указывает, что предназначением соразмерности является «умножение вероятности наступления большего вреда в результате ограничения интересов одних субъектов и предоставления режима наибольшего благоприятствования другой стороне». В аргументах В.А. Мальцева остается спорным тезис о способствовании режиму благоприятствования лучшему отстаиванию этих приоритетных интересов, что скорее наоборот, но согласимся, что «закрепление приоритета интересов одного из субъектов правоотношений должно *компенсироваться* установлением льгот и гарантий другим субъектам правоотношений, уравнивающих предоставление приоритета и предотвращающих ущемление интересов других субъектов правоотношений» [7, с. 8].

В.Д. Зорькин, определяя баланс интересов через их *определенное соотношение*, указывает, что установление приоритета частных (индивидуальных) или публичных интересов всегда должно определенным образом компенсироваться, а любое ограничение какого-либо основного права человека должно оборачиваться усилением иного, связанного с ним права¹. Таким образом, поскольку реализация одних интересов неизбежно сталкивается с ограничениями в силу определенных приоритетов других интере-

¹ Соблюсти баланс интересов // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации: сайт. 15.05.2018. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/soblyustibalans-interesov/> (дата обращения: 29.05.2022).

сов, важным показателем баланса исследователи аргументированно выделяют правовые средства, позволяющие восполнять ограниченные возможности.

Также существуют определенные различия в определении баланса интересов в различных отраслевых юридических науках. Его не базовые сущностные, а процедурные характеристики в частноправовой сфере определяются своеобразно по той причине, что правоограничение как неотъемлемый признак ситуации взвешивания и балансировки интересов в определенной степени отсутствует, поскольку стороны самостоятельно определяют содержание и объем своих прав и обязанностей в результате корреляции своих интересов. Тем не менее, признаки баланса в частных регулятивных отношениях *составляют* основу *аргументации* сущности баланса в общетеоретических исследованиях [8, с. 43], поскольку система этих отношений позволяет демонстрировать процесс и результат согласования в чистой, упрощенной модели, в которой нет необходимости проводить оценку возможности согласования интересов в их многомерности, конкуренции или противостоянии, как это необходимо в технологиях при установлении соотношения частных и публичных интересов, интересов в охранительных правоотношениях.

Е.В. Вавилин, интерпретируя *соразмерность прав и обязанностей*, также связывает ее максимальным уравниванием возможностей реализации прав всех участников [9, с. 291]. Как было указано выше, уравниванием является восполнение возможностей в случае невозможной равной их реализации. А.Ф. Пьянкова, обобщая определенные признаки баланса частных интересов, также относит к ним соразмерность в установлении прав и обязанностей субъектов, отдельно рассуждает об их осуществлении и защите, однако, определяя возможности сторон в реализации своих законных интересов, говорит об их равенстве. Отдельно следует отметить выделяемые А.Ф. Пьянковой характеристики сбалансированного правоотношения, такие как сотрудничество и динамичность [10, с. 120].

Указанные признаки баланса интересов обоснованы для их соотношения в частных

правоотношениях и довольно просто достижимы, особенно для отношений без множественности участников. Кроме того, баланс интересов в праве проявляется не только в правореализации, являясь целью правового регулирования, в связи с чем необходимо делать оговорку об особенностях достижения баланса в законотворческих процедурах, в которых возможно усмотрение законодателя (иного нормотворческого органа государственной власти), для ограничения которого необходимы соответствующие механизмы.

Также отметим, что *равенство, сотрудничество и динамичность* являются сложно достижимыми в тех отношениях, в которых само равенство возможно установить лишь посредством сотрудничества, если это возможно по природе интересов и отношений, в которых они реализуются. Кроме того, равенство возможностей не применимо при установлении соотношения интересов частного и публичного характера, поскольку блага и цели являются разновеликими, и только соразмерность при установлении прав и обязанностей субъектов (полномочий органов государственной власти) соответствующих правоотношений, правовые средства недопущения, ограничения и контроля произвола при осуществлении властных полномочий, восполнение допущенных ограниченных правовых возможностей могут стать показателями баланса указанных интересов.

По мнению Е.И. Никологорской, признаком баланса, который она определяет в качестве цели правового регулирования, является *отсутствие конфликта интересов* [11, с. 11]. Указанный тезис имеет важное методологическое и практическое значение, поскольку свидетельствует о характере состояния и конструктивных, стабильных правовых возможностях субъектов – носителей интересов. Именно критерий конфликтности, как указывает В.В. Трофимов, является критерием допустимости императивного установления приоритета интересов в «конфликтных» или «потенциально конфликтных» отраслях и институтах права (уголовном, административном и др.), что позволит «обеспечить должную упорядоченность в данной системе взаимодействия» [12, с. 88].

Аналогичный критерий, связанный со способами взаимодействия субъектов при согласовании интересов в общетеоретическом аспекте, обосновывает В.И. Червонюк, указывая на *согласие как свидетельство баланса* и результат согласительных процедур, либо презумпции согласия, возможное в публично-правовой и частноправовой [13, с. 44].

Следует отметить, что *наличие согласия* (отсутствие конфликта интересов, конфликта между интересами различных субъектов), хотя и достаточно сложно определяется, например, в законотворческих процедурах согласования, однако при его наличии можно с большой вероятностью утверждать об уравновешенном состоянии интересов, даже если результатом согласования стало не равенство возможностей, а компромисс.

Баланс в праве как согласованный интерес, принцип, идея, ценность

В отношении категории согласования отметим, что в рамках социогуманитарного правопонимания *право рассматривается отдельными исследователями в качестве нормативно выраженного согласованного интереса*, и непосредственно связывается с балансом, основу которого, как указывалось выше, составляет «общее согласие по поводу возможностей каждого из этих субъектов, их пределы, обременения» [13, с. 41]. Однако один из авторов концепции указывает на баланс как *итог согласительных процедур, где балансом является достигнутое согласие* [8, с. 43]. Как справедливо указывает исследователь, важными показателями баланса являются наличие механизма компенсации слабой стороне и противодействие нежелательным интересам, по всей видимости, нарушающим сложившийся баланс/правопорядок, в том числе, относит сюда злоупотребления.

М.В. Шугуров, исследуя категорию баланса, определяет его как системную *идею* современного права, его *принцип и принцип правовой политики, как цель* и как итог правового воздействия, *как ценность*. По мнению ученого, баланс не является неподвижным, абсолютным равновесием, стабильностью, отсутствием противоречий, а «*подвижной согласованностью*», состоянием «определенной стабилизации и устойчивости, которая может носить временный ха-

рактер». Эта согласованность предполагает «согласованность интересов и притязаний субъектов социальных отношений и далее, ввиду оформленности последних в правовые – согласованность прав и законных интересов субъектов и их притязаний» [14, с. 88]. Указанные положения могут быть положены в основу суждений по поводу неконфликтности интересов как признака их баланса, а именно: в случае изменения обстоятельств возникшее противоречие нарушает стабильность соотношения и вынуждает к последующему согласованию.

Таким образом, *согласованность* признается многими исследователями важнейшей предпосылкой баланса, однако содержание согласованности остается достаточно неопределенным для многих сфер правовой действительности, кроме автономного правового регулирования. *Механизм согласованности предопределяет легитимацию согласованности и соответственно действительности определенных выработанных правил, эффективности правового регулирования*. Реальная согласованность свидетельствует о низком уровне противоречивости интересов, а соответственно и достаточном уровне организованности, при котором «*балансом*» признается *соотношение между различными интересами в конкретной ситуации, при котором система, в которой они реализуются, функционирует не разрушительно*.

Также в доктрине права баланс рассматривают как *показатель, признак правовой системы (непосредственно связывая его с балансом интересов)*: сбалансированное соотношение частного и публично права, а также системы права. Так, С.Н. Хорунжий устанавливает, что на балансе частных и публичных интересов основывается конституционная доктрина и что целью действия правовых норм и государственных институтов является справедливый и добросовестный баланс интересов в сферах частноправового и публично-правового характера. По его мнению, соответствующий *баланс преэмулируется* [15, с. 72], а *юридическое закрепление баланса общественных (публичных) и государственных интересов является условием легитимации государственной идеологии*, целью которой при развитии

гражданском обществе является выбор четких ориентиров, приоритетов и системы ценностей. Несоблюдение этих условий может привести к умалению общественных интересов, свобод личности в угоду государственной идеологии [15, с. 95]. Основываясь на доказанных в современных исследованиях положениях [16, с. 22], отметим, что неверная расстановка приоритетов приводит к дисбалансу в правовой системе и дисбалансу законодательному как к непропорциональности, несогласованности, несоразмерности [17, с. 32], к социальной неэффективности права, которая зависит от обеспечения баланса в реализации социальных интересов [17, с. 32]. Придерживаемся в отношении определения критериев баланса аргументов С.И. Пунченко о том, что *эффективность права является важным показателем определенного баланса социальных интересов и обеспечения максимально возможной меры свободы* [18, с. 34], а «снижение уровня применения принуждения, связанного, в первую очередь, с реализацией и ограничением социальных интересов, представляет собой важный критерий, позволяющий оценить состояние сбалансированности социальных интересов и оптимальный уровень их конфликтности» [18, с. 112].

Таким образом, еще одним критерием и важным показателем реконструкции сбалансированности либо несбалансированности (в том числе функционирования отдельных элементов правовой системы) кроме неконфликтности является соразмерное использование правовых стимулов и правовых ограничений. Это особенно касается тех сфер общественной жизни, которые связаны с реализацией свобод, экономической деятельностью. В свою очередь, эффективность права как его действенность вследствие легитимности и полезности позволяет оценить постфактум сбалансированность интересов при правовом регулировании.

Дихотомия понятий баланса и дисбаланса в праве

Указанные особенности привлекают внимание к дихотомии понятий «баланс и дисбаланс». Р.А. Ромашов отмечает, что дисбаланс интересов в праве (а не только в системе права и системе законодательства), является негативным проявлением, однако

может играть и конструктивную роль. При дисбалансе в контексте системы права, в частности, соотношения публичного и частного права, прежде всего, идет речь о дисбалансе интересов субъектов-носителей правового статуса [16, с. 12, 14]. Дисбаланс в рассматриваемом конструктивном аспекте является закономерным состоянием, в котором на определенном этапе развития может находиться один или несколько элементов правовой системы как системы с синергетическими характеристиками. В первую очередь, это объяснимо тем, что в принципе *достижение абсолютного баланса как равенства не является объективно возможным в такой метасистеме как право*. На данную особенность, явление обращают внимание, в частности, авторы С.Н. Хорунжий и П.В. Репьева, которые, исследуя баланс права и баланс интересов, справедливо указывают, что в правовой действительности не существует четких количественных и качественных единиц измерения баланса интересов [15, с. 95; 19, с. 89-90].

Баланс интересов как возможностей социально-правового взаимодействия в виде гармонии, равенства, состояния устойчивого равновесия является пусть не утопичным, но как минимум должным, а не сущим в праве. И это долженствование может быть выражено лишь через динамическое, временное равновесие. Тем не менее, каким-то образом оценить состояние, приближенное к равенству, возможно лишь в некоторых случаях, чаще контекстуально, поскольку идет речь о социогуманитарных показателях. Подобная оценка возможна при сопоставлении интересов и выборе их типа соотношения в частном праве при саморегулировании, во многих случаях в правоприменительной практике, когда объект интереса можно конкретизировать через сопоставление цели, процесса и результата их соотношения как состояния. В правотворчестве же при выборе методов и способов правового регулирования возможно лишь руководствоваться определенным общепризнанным *ценностным, а значит и целевым приоритетом и апробированным инструментарием* (основываясь на эффективном опыте), отражающим соответствующие общие интересы в определенной сфере отношений и принятом в соци-

ально-правовой или государственной идеологии. Результат же может быть оценен на этапе правореализации.

По изложенным причинам, законодательно установленный баланс интересов презюмируется и реконструируется, и о его наличии можно судить по эффективности правореализации.

Правовая фиксация, формализация ценностных установок составляют, по мнению С.Н. Хорунжего, необходимые предпосылки для *создания баланса* [15, с. 95], основой чего является все то же согласование в отношении общих значимых ценностей, подлежащих конституционализации. То есть нормативное закрепление на конституционном уровне приоритетов и оснований их изменения, а также сам механизм их установления, согласования на законодательном и правоприменительном уровне следует признать факторами, детерминирующими сбалансированное регулирование и предупреждающими необоснованность приоритетов интересов.

Инструментальная роль баланса интересов в праве

Также следует отметить фактор взаимозависимости права и баланса интересов, а также инструментальной роли права в политической и правовой действительности, который является «формой отражения достигнутого баланса и баланса интересов», «способен обеспечить как достижение, так и защиту баланса и баланса интересов в системе социально-экономических связей» [19, с. 91]. Поддержим в связи с этим сформулированные П.В. Репьевой суждения о том, что *баланс является самостоятельным, но производным от права, определяясь с его помощью* [19 с. 89]. Этот тезис является ключевым в определении инструментальной роли права, которое должно и может обеспечить процедуры его нахождения, установления, обеспечения, изменения. Действительно, не ограничиваясь юридико-догматическим подходом к исследованию права, учитывая социальное предназначение права, отметим, что оно как социальный регулятор предназначено для упорядочивания и организации социальных связей на основе сложившихся закономерностей в конкретном обществе. При наличии патерналистских черт в социальном взаимодействии конкретного обще-

ства с учетом особенностей правового менталитета баланс является хрупким и условным, поскольку согласованность обусловлена согласием (молчаливым) на основе невысокой гражданской активности, а государство монополизирует право на принятие решений в целях «общего блага». При паритете и соразмерности во взаимодействии гражданского общества и государства согласование имеет признаки дискурса, а отношения – партнерства, а поиск соотношения частных и публичных интересов характеризуется динамичным установлением их баланса.

Учитывая и обобщая изложенное, к теоретическому исследованию баланса и практическому применению соответствующих уравнивающих интересы технологий следует подходить не как к сущностному, объективному явлению, а как к *презумпции*: к предположению согласованности интересов в том соотношении, при котором произойдет компромиссный вариант при приоритете одного из них и при восполнении возможностей при реализации других, а также выраженное в каком-то приемлемом (традиционно сложившемся в социуме или в отношениях) способе согласия, принятом на определенном уровне (установленном на нормативном уровне), а также в случае отсутствия социального/правового конфликта на данном уровне отношений и/или незначительной степени мер государственного принуждения. Однако подобные критерии баланса не всегда применимы к оценке баланса интересов в охранительных правоотношениях.

Критерий согласия, отсутствия конфликтности нельзя признать допустимым для интересов, подлежащих уравниванию в конфликтных и потенциально конфликтных ситуациях. Соответственно критерии оценки баланса либо подлежат дифференциации в зависимости от отношений (где приоритет, в частности, публичных интересов будет компенсирован дополнительными правовыми гарантиями «слабой стороны»), подлежащих правовому регулированию, или получающих реализацию, либо остается полагаться на соблюдение четко определенной процедуры (законодательной и правоприменительной) как презумпции наличия согласия и, как следствие, баланса.

С точки зрения состояния и результата процедуры согласования более точных критериев определения уравновешенного соотношения между интересами в правоведении не выработано. Кроме того, баланс интересов, учитывая правоприменительную практику, должен быть найден и в сфере регулирования и реализации правоохранительных отношений, которые характеризуются многоплановостью и конфликтностью интересов, которая без применения специальных и квалифицированных согласительных процедур в некоторых видах судопроизводства (например, процедур медиации) может быть преодолена с затруднениями.

Заключение

Баланс интересов в праве как элемент более общего явления баланса в праве, не взирая на его общепризнанное теоретико-правовое и практическое правовое значение и приобретаемые наравне с согласованием интересов парадигмальные признаки, *остается концептом*, смысловая и содержательная наполненность которого является достаточно неопределенной. Сущность баланса интересов возможно определить через характеристики цели в праве и цели права, средством достижения которых является согласование интересов. Баланс интересов для достижения социальной цели права является необходимым результатом нормотворчества, что определяет соответствующие способы социально-правовой коммуникации субъектов, интересы которых подлежат уравниванию, и правоприменения. Инструментальная же роль права позволяет соответствующий баланс поддерживать, в определенных сферах – формировать, а в охранительных отношениях – восстанавливать.

Соразмерность прав и обязанностей как критерий баланса можно определить лишь

через уравновешенные возможности, установленные через состояние сотрудничества, для которого применимо согласие (вследствие согласования). Отсутствие конфликта лишь в регулятивных правоотношениях может свидетельствовать о таком соотношении между частными либо публичными интересами как баланс. Индивидуальное девиантное, в том числе, делинквентное поведение в данной ситуации не учитываются, однако в перспективе должно быть оценено его массовое проявление как свидетельство о несбалансированности регулирования определенных отношений в обществе.

Поскольку достижение сбалансированного соотношения интересов предопределяет конструктивное развитие общества, само его достижение является благом, являющимся общей потребностью, а соответственно в объективном системном смысле предметом общих интересов. Эти положения при использовании аксиологического подхода к исследованию баланса позволяют определять его сущность как ценность. Плюрализм взглядов на определение сущности баланса интересов обусловлен различными методологическими подходами в его изучении и целями, поставленными исследователем, в связи с чем использование телеологического подхода позволяет признавать его целью, при инструментальном, прагматичном – средством эффективности правового регулирования, при структурно-функциональном (системном) подходе к праву – баланс является элементом правового сознания и правовой идеологии, принципом; при формально-юридическом (юриспруденция понятий) – понятием; при социогуманитарном подходе – как состояние социальных интересов.

Список источников

1. Жуйков В.М. Принцип верховенства права и правовые стандарты осуществления правосудия: проблемы их реализации в России // Верховенство права как фактор экономики / под ред. Е.В. Новиковой, А.Г. Федотова, А.В. Розенцвайга, М.А. Субботина. М.: Мысль, 2013. 673 с.
2. Лебедев В.М. Правосудие в современном мире / под ред. Т.Я. Хабриевой, В.М. Лебедева. М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2014. 720 с.
3. Подорожна Т.С. Правовий порядок: теоретико-методологічні засади конституціоналізації: дис. ... д-ра юрид. наук. Киев, 2017. 503 с.
4. Халиулин В.Е. Согласование интересов субъектов права как предпосылка формирования гражданского общества в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. 228 с.

5. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М.: Норма, Инфра-М, 2011. 544 с.
6. Червонюк В.И. Механизм и закономерности правообразования (действия позитивного права) в современной России: юридическая конструкция и правовая реальность (в шести выпусках). Вып. 4. Согласование интересов как метод правового регулирования и инновационный вид (тип) современных законодательных технологий // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 3. С. 67-74.
7. Мальцев В.А. Баланс интересов в сфере обеспечения безопасности: понятие и механизм государственно-правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 18. С. 5-10.
8. Калинин И.В., Червонюк В.И. Баланс интересов как идея права, общеправовой концепт (правовая ценность), юридическая конструкция и технологии обеспечения // Криминологический журнал. 2021. № 3. С. 37-43. DOI [10.24412/2687-0185-2021-3-37-43](https://doi.org/10.24412/2687-0185-2021-3-37-43)
9. Вавилин Е.В. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Волтерс Клувер, 2009. 338 с.
10. Пьянкова А.Ф. Концепция баланса интересов и ее место в гражданском праве России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 2 (24). С. 117-130.
11. Никологорская Е.И. Гражданско-правовая характеристика интересов акционеров и акционерного общества и их баланса: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 186 с.
12. Трофимов В.В. Интересы в праве: социально-интерактивная природа и роль в формировании элементов правовой материи // Интересы в праве. Жидковские чтения = Interests in Law. Zhidkov's readings: материалы Всерос. науч. конф. / отв. ред. М.В. Немытина. М.: РУДН, 2017. С. 82-98.
13. Червонюк В.И. Инновации в праве: современные юридические технологии в контексте цифровой реальности. Статья 5. Технологии согласования (легитимации согласованных) интересов в законодательной деятельности // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2. С. 37-45. DOI [10.24412/2414-3995-2021-2-37-45](https://doi.org/10.24412/2414-3995-2021-2-37-45)
14. Шугуров М.В. Баланс и дисбаланс как категории правовой реальности: системно-синергетический подход // Российский журнал правовых исследований. 2016. Т. 3. № 1 (6). С. 87-98.
15. Хорунжий С.Н. Правовой баланс как самостоятельная юридическая ценность: механизмы его обеспечения и регулирования. Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2019. 526 с.
16. Ромашов Р.А. Право: нормативность и девиантность. СПб.: Алетейя, 2018. 272 с.
17. Белоусов С.А. Законодательный дисбаланс (Доктрина. Теория. Практика) / под ред. И.Н. Сенякина. Саратов: ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2015. 472 с.
18. Пунченко С.И. Социальная эффективность права в современной России (теоретический аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. 169 с.
19. Репьева П.В. К проблеме исследования юридической природы категории баланса // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 9-1 (40). С. 88-91.

References

1. Zhuykov V.M. Printsip verkhovenstva prava i pravovyye standarty osushchestvleniya pravosudiya: problemy ikh realizatsii v Rossii [The rule of law principle and legal norms for implementation: problems of implementation in Russia]. *Verkhovenstvo prava kak faktor ekonomiki* [The Rule of Law as a Factor in the Economy]. Moscow, Mysl Publ., 2013, 673 p. (In Russian).
2. Lebedev V.M. *Pravosudiye v sovremennom mire* [Justice in the Modern World] Moscow, Norma Publ., Scientific Publishing Center INFRA-M, 2014, 720 p. (In Russian).
3. Podorozhna T.S. *Pravovyy poryadok: teoretyko-metodolohichni zasady konstytutsionalizatsiyi: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Legal Order: Theoretical and Methodological Principles of Constitutionalization. Dr. jurid. sci. diss.]. Kyiv, 2017, 503 p. (In Ukrainian).
4. Khaliulin V.E. *Soglasovaniye interesov sub'yektov prava kak predposylka formirovaniya grazhdanskogo obshchestva v Rossiyskoy Federatsii: dis. ... kand. yurid. nauk* [Coordination of Interests of Subjects of Law as a Prerequisite for the Formation of Civil Society in the Russian Federation. Cand. jurid. sci. diss.]. Saratov, 2008, 228 p. (In Russian).
5. Bondar N.S. *Sudebnyy konstitutsionalizm v Rossii v svete konstitutsionnogo pravosudiya* [Judicial Constitutionalism in Russia in the Light of Constitutional Justice]. Moscow, Norma Publ., Infra-M Publ., 2011, 544 p. (In Russian).
6. Chervonyuk V.I. Mekhanizm i zakonomernosti pravoobrazovaniya (deystviya pozitivnogo prava) v sovremennoy Rossii: yuridicheskaya konstruktsiya i pravovaya real'nost' (v shesti vypuskakh). Vyp. 4. Soglasovaniye interesov kak metod pravovogo regulirovaniya i innovatsionnyy vid (tip) sovremennykh zakonodatel'nykh tekhnologiy [The mechanism and regularities of right education (action of a positive law) in modern Russia: legal construction and legal reality (in six issues). Vol. 4. Coordination of interests as a method of legal regulation and innovative type (type) of modern legal technologies].

- ern Russia: a legal design and legal reality (in six releases). Release 4. Coordination of interests as method of legal regulation and innovative type (type) of modern legislative technologies]. *Vestnik Moskovskogo universiteta Ministerstva vnutrennikh del Rossii – Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2013, no. 3, pp. 67-74. (In Russian).
7. Maltsev V.A. Balans interesov v sfere obespecheniya bezopasnosti: ponyatiye i mekhanizm gosudarstvenno-pravovogo regulirovaniya [Balance of interests in the field of security: the concept and mechanism of state and legal regulation]. *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo – Constitutional and Municipal Law*, 2007, no. 18, pp. 5-10. (In Russian).
 8. Kalinskiy I.V., Chervonyuk V.I. Balans interesov kak ideya prava, obshchepravovoy kontsept (pravovaya tsennost'), yuridicheskaya konstruktsiya i tekhnologii obespecheniya [Balance of interests as an idea of law, general legal concept (legal value), legal construction and security technologies]. *Kriminologicheskij zhurnal – Criminological Journal*, 2021, no. 3, pp. 37-43. DOI [10.24412/2687-0185-2021-3-37-43](https://doi.org/10.24412/2687-0185-2021-3-37-43). (In Russian).
 9. Vavilin E.V. *Osushchestvleniye i zashchita grazhdanskikh prav* [Exercise and Protection of Civil Rights]. Moscow, Wolters Kluwer Publ., 2009, 338 p. (In Russian).
 10. Pyankova A.F. Kontseptsiya balansa interesov i yeye mesto v grazhdanskom prave Rossii [The notion of the balance of interests and its place in Russian civil law]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskiye nauki – Bulletin of Perm University. Legal Sciences*, 2014, no. 2 (24), pp. 117-130. (In Russian).
 11. Nikolozorskaya E.I. *Grazhdansko-pravovaya kharakteristika interesov aktsionerov i aktsionernogo obshchestva i ikh balansa: dis. ... kand. yurid. nauk* [Civil Law Characteristics of the Interests of Shareholders and a Joint-Stock Company and Their Balance. Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2009, 186 p. (In Russian).
 12. Trofimov V.V. Interesy v prave: sotsial'no-interaktivnaya priroda i rol' v formirovanii elementov pravovoy materii [Interests in law: the social and interactive nature and role in the formation of legal matter]. *Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii: «Interesy v prave. Zhidkovskiy chteniya»* [Materials of the All-Russian Scientific Conference: “Interests in Law. Zhidkov’s Readings”]. Moscow, Peoples’ Friendship University of Russia Publ., 2017, pp. 82-98. (In Russian).
 13. Chervonyuk V.I. Innovatsii v prave: sovremennyye yuridicheskiye tekhnologii v kontekste tsifrovoy real'nosti. Stat'ya 5. Tekhnologii soglasovaniya (legitimatsii soglasovannykh) interesov v zakonodatel'noy deyatel'nosti [Innovation in law: modern legal technologies in the context of digital reality. Article 5. Technologies for reconciliation (legitimization of agreed) interests in legislative activity]. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti – Bulletin of Economic Security*, 2021, no. 2, pp. 37-45. DOI [10.24412/2414-3995-2021-2-37-45](https://doi.org/10.24412/2414-3995-2021-2-37-45). (In Russian).
 14. Shugurov M.V. Balans i disbalans kak kategorii pravovoy real'nosti: sistemno-sinergeticheskiy podkhod [Balance and Unbalance as Categories of Law Reality: Systematic and Synergetic Approach]. *Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy – Russian Journal of Legal Studies*, 2016, vol. 3, no. 1 (6), pp. 87-98. (In Russian).
 15. Khorunzhiy S.N. *Pravovoy balans kak samostoyatel'naya yuridicheskaya tsennost': mekhanizmy ego obespecheniya i regulirovaniya* [Legal Balance as an Independent Legal Value: Mechanisms for its Provision and Regulation]. Voronezh, Voronezh State University Publishing House, 2019, 526 p. (In Russian).
 16. Romashov R.A. *Pravo: normativnost' i deviantnost'* [Law: Normativity and Deviance]. Saint-Petersburg, Aletheia Publ., 2018, 272 p. (In Russian).
 17. Belousov S.A. *Zakonodatel'nyy disbalans (Doktrina. Teoriya. Praktika)* [Legislative imbalance (Doctrine. Theory. Practice)]. Saratov, Saratov State Law Academy Publ., 2015, 472 p. (In Russian).
 18. Puchenko S.I. *Sotsial'naya effektivnost' prava v sovremennoy Rossii (teoreticheskiy aspekt): dis. ... kand. yurid. nauk* [Social Efficiency of Law in Modern Russia (Theoretical Aspect). Cand. jurid. sci. diss.]. Krasnodar, 2016, 169 p. (In Russian).
 19. Repyeva P.V. K probleme issledovaniya yuridicheskoy prirody kategorii balansa [The problem of research of the legal nature of the category balance]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal – International Research Journal*, 2015, no. 9-1 (40), pp. 88-91. (In Russian).

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 28.07.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 23.09.2022

Принята к публикации / Accepted for publication 21.11.2022

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340

DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-4-523-531

Шифр научной специальности 5.1.1

Особенности методологии проектной деятельности в юридической науке и образовании

© ЛАРИНА Елена Александровна,

кандидат педагогических наук, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Института права и национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», Российская Федерация, 392000 г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, ORCID: 0000-0002-5892-1959, ya.lari2011@yandex.ru

Аннотация

Рассмотрен популярный и зарекомендовавший себя на практике метод проектов в контексте его применения в деятельности органов государственной и муниципальной власти по разработке проектов нормативных правовых актов, деятельности общественных организаций, задействованных в правовой сфере, практикующих юристов, деятельности университетов и студентов. Обоснована возможность применения проектного метода в практической юридической деятельности, а также в процессе обучения молодых специалистов как одного из самых эффективных методов осуществления указанной деятельности. Применен сравнительный метод при рассмотрении зарубежного опыта, а также анализ при рассмотрении возможностей применения проектного метода применительно к каждой из названных сфер. Синтез применен при обобщении различных направлений участия студентов в проектной деятельности. В ходе исследования сформулирована авторская классификация видов проектной деятельности в юриспруденции с учетом ключевого лица, осуществляющего проектную деятельность, а также масштаба проекта. Результаты данного исследования применимы как в рамках указанных областей проектной деятельности, сформулированных в исследовании, так и при обучении специалистов в сфере юриспруденции в рамках формирования у них новых компетенций – навыка работы с проектами. Результаты исследования могут найти применение в общем виде и в других областях знания, поскольку рассматриваемый метод не связан лишь с юридической деятельностью. Сделан вывод о том, что реализация проектов происходит по различным направлениям, имея различные цели, и их наиболее эффективное достижение возможно при участии различных субъектов: органов власти, общественных организаций, бизнеса, учебных заведений (школ, колледжей, техникумов, вузов), студентов, обучающихся по юридическим и неюридическим специальностям, и т. д.

Ключевые слова

проектная деятельность, проект, юридическая деятельность, органы власти, студенты, общественные организации

Для цитирования

Ларина Е.А. Особенности методологии проектной деятельности в юридической науке и образовании // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 4. С. 523-531. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-4-523-531](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-4-523-531)

Methodology features of project activity in legal science and education

© Elena A. LARINA,

Candidate of Pedagogy, Candidate of Law, Associate Professor of Theory and History of State and Law Department of Institute of Law and National Security, Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation, ORCID: [0000-0002-5892-1959](https://orcid.org/0000-0002-5892-1959), ya.lari2011@yandex.ru

Abstract

We consider the popular and proven method of projects in the context of its application in the activities of state and municipal authorities in the development of draft regulations, the activities of public organizations involved in the legal field, practicing lawyers, the activities of universities and students. We substantiate the possibility of using the project method in practical legal activities, as well as in the process of training young professionals as one of the most effective methods for implementing this activity. We apply the comparative method when considering foreign experience, as well as analysis when considering the possibilities of applying the project method in relation to each of these areas. Synthesis is used to generalize various areas of student participation in project activities. In the course of the study, the author's classification of types of project activities in jurisprudence is formulated, taking into account the key person carrying out project activities, as well as the scale of the project. The results of this study are applicable both within the specified areas of project activities formulated in the study, and in the training of specialists in the field of jurisprudence as part of the formation of new competencies in them – the skill of working with projects. The results of the study can be used in general terms in other areas of knowledge, since the method under consideration is not associated only with legal activity. We conclude that the implementation of projects takes place in different directions, having different goals, and their most effective achievement is possible with the participation of various actors: authorities, public organizations, businesses, educational institutions (schools, colleges, technical schools, universities), students who are trained in legal and non-legal specialties, etc.

Keywords

project activity, project, legal activity, authorities, students, public organizations

For citation

Larina E.A. Osobennosti metodologii proyektnoy deyatel'nosti v yuridicheskoy nauke i obrazovanii [Methodology features of project activity in legal science and education]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* – *Current Issues of the State and Law*, 2022, vol. 6, no. 4, pp. 523-531. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-4-523-531](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-4-523-531) (In Russian, Abstr. in Engl.)

Введение. Постановка проблемы

В настоящее время в России действует Национальная доктрина образования в Российской Федерации до 2025 г. Данный документ является одним из основополагающих в сфере образования. Одной из целей данной доктрины является повышение качества образования. Путей достижения данной цели множество. Одним из них является привлечение учащихся к участию в проектной деятельности.

Одной из известных книг в сфере исследования специфики проектной деятельности является «Управление проектами: основы профессиональных знаний, национальные требования к компетенции специалистов»,

выпущенная Российской ассоциацией управления проектами в 2010 г. В этой книге дано следующее определение проекта: «Проект – это комплекс взаимосвязанных работ, обеспечивающих достижение конкретным лицом или организацией заданных целей проекта в рамках составленного расписания и выделенного бюджета, а также соблюдение прочих условий и ограничений» [1, с. 12]. Данное определение носит универсальный характер для проектов всех типов. (А их классификация достаточно обширна: в зависимости от сложности, длительности и пр.)

Результаты исследования

Перспективность проектной деятельности была обоснована в США в XX веке

Дж. Дьюи и его учеником У.Х. Килпатриком. У.Х. Килпатрик высказался о таком подходе следующим образом: «Это метод планирования целесообразной (целеустремленной) деятельности в связи с разрешением какого-либо учебно-школьного задания в реальной жизненной обстановке» (цит. по: [2, с. 61]). Практически одновременно к методу проекта обратились и отечественные ученые. Педагог С.Т. Шацкий стал своего рода экспериментатором в данной деятельности. Начиная с 1905 г., он ориентировал учеников на их участие в проектно-исследовательской деятельности. Его идеи были затем восприняты властью. Но с 1931 г. Постановлением ЦК ВКП(б) подобный подход в обучении был раскритикован, и длительное время к нему не обращались.

В зарубежных странах при этом активно использовался метод проектов, в то время как в России он находился в состоянии застоя. В современной России вновь осуществлен возврат к методу проектов, осознана его оправданность и востребованность.

Особое значение проектная деятельность приобретает для студентов, поскольку они уже непосредственно осваивают ту профессию, которую желают получить в будущем. Освоение навыков любой профессии невозможно при этом без практической составляющей, а такую составляющую содержит, в том числе, и проектная деятельность. Проследим особенности такой деятельности на примере юридической сферы. Как уже было отмечено выше, проекты подразделяются по множеству оснований. Выделим в качестве отдельного вида правовые проекты (проекты правовой направленности).

Что же представляет собой правовой проект и чем он отличается от проектов иных типов? Главное отличие касается его реализации в правовой среде. Используются правовые инструменты, знания в области теории права, законодательства, правоприменительной практики. Заметим также, что правовые проекты – это проекты, реализуемые не только в сфере образования.

Студенты юридических специальностей, юристы, адвокаты и пр. как никто другой участвуют в правовой жизни общества. Правовая жизнь общества представляет собой различные виды и формы деятельности

субъектов в сфере права, которые направлены на реализацию личных, групповых и публичных интересов [3, с. 169]. Правовая жизнь состоит из теории и практики. Вопрос состоит в том, каким образом будет усваиваться теория и каким образом следует действовать на практике. Одного лишь изучения учебного материала, судебной практики, законодательства недостаточно. Студентов, юристов, общество следует уметь вовлечь в правовую жизнь.

Проектная деятельность может проводиться локально (например, на территории одного субъекта РФ, между университетами, в отношении отдельных субъектов), так и иметь большой охват аудитории. Так, в России действует постановление Правительства РФ от 31 октября 2018 г. № 1288 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации», содержащее основы по регулированию внедрения национальных, федеральных, региональных, ведомственных проектов¹. Суть данных проектов – это целеполагание, то есть определяются цели, которые необходимо достичь в той или иной сфере. Также определяется круг задач, какие мероприятия следует провести, какие субъекты будут ответственны за реализацию того или иного проекта, с участием каких субъектов будет происходить его реализация и т. п.

При разработке проектов (национального масштаба, регионального и пр.) следует опираться на действующее законодательство, учитывать материальную, техническую составляющую. Таким образом, подобные проекты должны учитывать не только право, но и иные сферы (экономику, политику и т. д.). Иными словами, ставится вопрос: «Возможно ли сделать это»? Если в настоящее время невозможно, то разработать план действий, которые сделают реализацию возможной. То есть любой проект ориентирован на будущее. Все проекты имеют указание, в какой период они будут реализовываться и на каком этапе какие цели нужно достичь, что для этого нужно сделать.

¹ Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 31.10.2018 № 1288 (10.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. 5 нояб. № 45. Ст. 6947.

Можно сказать, что подобные проекты носят обобщенный характер (в них указания, какие конкретно действия необходимо совершить), они являются декларативными.

Проекты федерального, регионального масштаба разрабатывают не только органы власти. В этом процессе активно участвуют некоторые общественные организации. Например, отдельную роль в разработке проектов федерального значения в 2008–2010 гг. (время экономического кризиса) сыграла российская ассоциация акционерно-коммерческих промышленно-строительных банков «Россия». Ею был разработан не один проект нормативных правовых актов [4, с. 87]. То есть общественные организации выдвигают свой вариант проекта нормативного акта, а соответствующий орган власти анализирует его, дорабатывает и по возможности принимает.

Таким образом, данные проекты имеют более масштабный характер, в реализации данных проектов участвуют органы власти, более «популярные» общественные организации. При этом основой для последующих реализаций масштабных проектов служат проекты меньшего масштаба, которые формируют и развивают профессиональные, коммуникативные навыки, способствуют социальной активности.

Большую нагрузку в организации проектной деятельности несут в себе общественные организации, существующие в лоне права, юриспруденции. В числе таких организаций самой популярной является Ассоциация юристов России, имеющая множество территориальных региональных отделений. Таким образом, проекты, которые разрабатываются при участии данной общественной организации, имеют как федеральное значение, так и региональное (то есть в конкретном субъекте РФ определяются свои задачи, которые требуют разрешения). В качестве примера проекта федерального масштаба можно назвать проект «Защита социальных, трудовых прав граждан и малого бизнеса», который стал победителем Фонда президентских грантов в 2021 г.² Суть дан-

ного проекта заключается, во-первых, в том, чтобы помочь разрешить на безвозмездной основе правовой вопрос. Причем вопрос, с которым столкнулось не только физическое лицо (а именно на физических лиц и делается упор в большинстве случаев, поскольку они наиболее часто обращаются за правовой помощью к общественным организациям, юридическим клиникам), но и юридические лица. Учитывая, что в названии проекта фигурируют субъекты малого бизнеса, то предполагается, что потенциальными клиентами могут стать индивидуальные предприниматели, и это объяснимо, поскольку именно у малого бизнеса, у начинающих предпринимателей недостает того уровня правовой поддержки, которая существует у среднего и крупного бизнеса. Во-вторых, планируется правовое просвещение населения.

Тамбовским региональным отделением «Ассоциации юристов России» также реализовывается множество проектов. Так, организацией на территории Тамбовской области был реализован проект «Правовое просвещение и защита прав граждан в сфере труда и занятости в Тамбовской области». Его актуальность связана с распространением новой коронавирусной инфекции, возникшими на фоне данной инфекции проблемами в сфере труда и занятости.

Еще одной общественной организацией в сфере юриспруденции можно назвать Межрегиональную общественную организацию «Молодые юристы», целевой группой которой выступает в основном молодежь.

Но реализация общественными организациями социально-значимых проектов в области юриспруденции с трудом может происходить вне поддержки государства. При этом речь идет не только о финансовой стороне вопроса. Так, представители органов власти могут дать необходимую информацию для целевой аудитории.

Таким образом, общественные организации в качестве направления того или иного проекта выбирают наиболее актуальную, сложную, проблемную сферу, ставят соответствующие задачи и достигают поставленные цели.

Что касается проектов, реализуемых юристами, то такие проекты, как правило, связаны с бизнесом. Например, проект по

² Ассоциация юристов запускает проект бесплатной правовой помощи. URL: <https://rg.ru/2021/02/10/associaciia-iuristov-rossii-zapustila-proekt-besplatnoj-pravovoj-pomoshchi.html>.

приобретению какого-либо актива. Особенность проектной деятельности такого юриста заключается в том, что он сотрудничает с иными подразделениями, отделами. При этом считается, что деятельность в проектной сфере для юриста представляет собой сравнительно небольшой процент работы. Но здесь вопрос скорее в том, что следует считать под проектной деятельностью. Например, следует ли рассматривать планирование судебной деятельности как проект? Полагаем, что в настоящее время это возможно, поскольку с развитием справочно-правовых систем стали доступными многие решения судов. Анализ данных решений позволяет действовать таким образом, а не другим.

Т. Одабашян описывает проекты, реализуемые юристами в бизнес-сфере, следующим образом.

Проект проходит несколько стадий. Среди них:

1) подготовительный.

На данном этапе прогнозируются возможные риски, определяется круг ответственных субъектов, оформляется бизнес-кейс;

2) определение с вариантом (вариантами) решения.

Из нескольких вариантов выбирается наиболее оптимальный, а также выбираются способы его реализации;

3) реализация проекта.

К этому этапу привлекаются практически все структурные подразделения компании. Он является самым объемным и сложным, поскольку теория сталкивается с практикой, возможно появление тех рисков, которые изначально не фигурировали. Желательно составлять карту рисков с описанием способов их избежания;

4) приведение всех процессов, существующих в той или иной компании, в соответствие с реализуемым проектом;

5) стадия стабильности³. Полагаем, что на данной стадии проект либо уже реализован (имеется в виду проект, который реализуется в конкретный промежуток времени), либо сотрудники привыкли к новым услови-

ям (если проект не ограничен временными рамками).

Вообще, если в компании юрист вместе иными сотрудниками, структурными подразделениями принимает активное участие в проектной деятельности, то и компания будет более успешной. Однако такого рода деятельность более характерна для крупных компаний, нежели для малого и среднего бизнеса. К слову, в европейских странах подобная практика весьма популярна и активно используется.

Но, как правило, юрист участвует именно в бизнес-проектах. В более масштабных проектах они участвуют сравнительно редко.

Довольно часто в проектах юридической направленности принимают участие учащиеся. Проектная деятельность в образовательной сфере требует отдельного внимания, поскольку она является важной составляющей обучения. Данной теме посвящено множество научных статей, книг, диссертаций и прочих научных работ. Во всех таких работах авторы приходят к выводу о необходимости участия учащихся в проектной деятельности, расхождения существуют лишь в вопросах, каким образом следует это делать. Например, в 20-е гг. XX века учащиеся занимались исключительно проектной деятельностью, в рамках которой решались те или иные задачи, ставились те или иные вопросы. Уроков как таковых и не было, а были лишь консультации учеников с учителями. Итогом такого эксперимента стало падение уровня базовых знаний учеников. Поэтому следует говорить об умеренности участия школьников, студентов в проектной деятельности и недопущении полного замещения «классических» уроков на проектную деятельность.

Проект – это практическая составляющая процесса. Юрист – это такая профессия, которая не может существовать исключительно на теоретической составляющей. Важна практика, о нюансах которой в учебниках по праву часто не говорится. В данном случае уместно привести следующее выражение: «Знания приходят с опытом». Подобный опыт можно получить в процессе участия в практической деятельности.

Уже длительное время действуют государственные образовательные стандарты

³ Искусство управления проектами. URL: <http://legalinsight.ru/iskusstvo-upravleniya-proektami/>

федерального уровня, предполагающие осуществление проектной деятельности в ходе образовательного процесса.

В 2022 г. в России планируется внедрить в образовательную среду нового метода обучения – метода проекта. Необходимость использования данного метода обосновывается Министерством науки и высшего образования РФ тем, чтобы привести содержание образования к реалиям рынка.

Основываясь на классификации проектов, предложенной Е.С. Полат, полагаем, что студенты-юристы могут участвовать в проектах следующих видов:

- исследовательские (студент пишет научно-исследовательскую работу);
- информационные (студентом осуществляется сбор, анализ и обобщение информации теоретического плана, а также существующей практики, на основе которых делаются соответствующие выводы, предложения);
- творческие (развивают творческие навыки студентов во взаимосвязи с их будущей профессиональной деятельностью);
- телекоммуникационные (проекты реализуются при помощи информационных технологий);
- прикладные, то есть практико-ориентированные проекты, которые имеют под собой целью получить конкретный продукт (например, в виде повышения правовой грамотности населения) [5, с. 4].

Соответственно, в более сложных проектах участвуют студенты старших вузов, поскольку для них задача – получить знания и умения практического плана, которые пригодятся им непосредственно в осуществлении в профессиональной деятельности. Для студентов младших курсов, а также для школьников первоочередной целью для начала должна быть цель формирования правового сознания, правовой культуры. Так, довольно популярными являются социально направленные проекты, популяризирующие право. Например, проекты «Знай свои права», «Я имею право», «Закон и мы» и пр. Подобные проекты развивают правовое сознание, формируют правовую культуру, а также закладывают в школьнике, студенте основополагающие знания в области права.

Как правило, все высшие учебные заведения и средние учебные заведения, обучающие по специальности «Юриспруденция» в качестве проектной деятельности используют:

1) проекты, представляющие собой создание студентами ранее не существовавшего продукта, при помощи которого возможно решить ту или иную задачу, достигнуть ту или иную цель. Проекты могут реализовываться как в стенах одного учебного заведения, так и в партнерстве с другими учебными заведениями, общественными организациями, органами государственной и муниципальной власти, юридическими лицами и пр.;

2) проектные семинары, представляющие собой аудиторное занятие и нацеленные на подготовку обучающихся к реализации при их участии отдельных проектов в области права;

3) подготовку и участие в конкурсах, представляющих собой дополнительную форму проектной деятельности, организуются при помощи педагогов, тренеров;

4) юридическую клинику, в рамках которой студенты под контролем преподавателя оказывают бесплатную правовую помощь.

И.А. Маланов и Б.А. Бальжиев, проведя экспериментальную работу среди студентов-юристов по реализации двух видов учебных проектов, пришли к следующим выводам.

Во-первых, посредством интеллектуально-информационного проекта происходит сбор необходимой информации о том или ином объекте, явлении, затем происходит анализ и обобщение такой информации, которая в последующем представляется аудитории. Он является более предпочтительным для студентов, обучающихся на государственно-правовом профиле. Объясняется это следующим. Многим государственным и муниципальным служащим в профессиональной деятельности приходится участвовать в разработке законопроектов. Для того чтобы получить результат в виде законопроекта, необходимо провести определенную работу, а именно, определить необходимость принятия соответствующего закона, подзаконного акта, проверить, не существует ли уже такой закон, подзаконный акт, не

будет ли будущий закон противоречить вышестоящим законам и пр.

Во-вторых, посредством практико-ориентированного проекта происходит воздействие на профорIENTATION. Главным критерием оценки в данном случае называется практическая польза получаемого продукта, поскольку он способен решить ту или иную насущную проблему [6, с. 82].

В качестве интеллектуально-информационного проекта, например, можно отнести составление таблицы, схемы по теме «Виды юридических лиц». По каждому виду выделить:

- субъектный состав;
- основания создания;
- вопросы распоряжения имуществом;
- особенности управления;
- специфику распределения расходов и доходов;
- ответственность.

В данном случае как таковой новый продукт не образовывается, но таблица помогает усвоить имеющуюся информацию по представленной тематике. Для этого студенту необходимо собрать, проанализировать, сгруппировать имеющуюся информацию.

Практико-ориентированный проект сложнее, поскольку предполагает создание нового продукта. Например, организация проекта по правовому просвещению. Для этого требуется не только обладание юридическими знаниями на должном уровне, но и умение взаимодействовать с иными субъектами (органами власти, гражданами и пр.).

При этом педагогически ценным является то, что продукт проектной деятельности студента является результатом опредмечивания его субъектного опыта и познавательных интересов. Важная особенность состоит в том, что в процессе проектно-исследовательской деятельности студент, как правило, создает уже известный в контексте истории, культуры, права, но новый для себя (субъективно неизвестный) продукт [7, с. 246].

Помимо использования метода проекта в обучении студентов, необходимо также обращать внимание на методы преподавания

права. Они могут выступать или как составная часть технологии, или как самостоятельный инструмент педагогической деятельности [8, с. 189].

В.С. Никольский и другие ученые ключевыми принципами проектной деятельности называют ориентирование на решение практических проблем и междисциплинарность [9, с. 59]. Таким образом, во-первых, проблема, которую требуется решить, должна быть связана с реальным миром, что обеспечит взаимосвязь университета, студентов с иными заинтересованными лицами; во-вторых, междисциплинарный характер позволит подойти к разрешению проблемы комплексно, а не только с правовой точки зрения.

Заключение

Классификация проектов в юридической сфере выглядит следующим образом:

- 1) в зависимости от ключевого субъекта:
 - реализуемые органами власти (государственной и муниципальной);
 - реализуемые юристами, адвокатами;
 - реализуемые с участием учащихся (школьников, студентов, абитуриентов);
- 2) в зависимости от масштабов:
 - национальные;
 - региональные;
 - местные;
 - локальные.

Таким образом, и реализация проектов происходит по различным направлениям, имея различные цели (направленность на получение прибыли, правовое просвещение, защита прав граждан и пр.).

Реализация того или иного проекта по мере возможности должна происходить с участием различных субъектов: органов власти, общественных организаций, бизнеса, учебных заведений (школ, колледжей, техникумов, вузов), студентов, обучающихся по юридическим и неюридическим специальностям, и т. д. Вовлечение в работу большего количества субъектов будет способствовать более быстрому достижению цели.

Список источников

1. Управление проектами: основы профессиональных знаний, национальные требования к компетенции специалистов / под ред. В.И. Воропаева. М., 2010. 246 с.
2. Казаров Е.Г. Метод проектов в трудовой школе. Л.: Брокгауз-Ефрон, 1926. 88 с.
3. Ларина Е.А., Абрамова П.В. Правовая жизнь и правовая политики в современном государстве // Проблемы современных интеграционных процессов и пути их решения: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Уфа, 2017. Ч. 2. С. 168-172.
4. Ларина Е.А., Кузнецова В.А. Политическая роль общественных объединений на примере Тамбовского региона // Правовое регулирование в условиях модернизации государственности: национальный и международный аспекты: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Челябинск, 2017. С. 86-91.
5. Полат Е.С. Метод проектов на уроках иностранного языка // Иностранные языки в школе. 2000. № 3. С. 4-8.
6. Маланов И.А., Бальжиев Б.А. Проектная деятельность как средство повышения профессиональной подготовки будущих юристов // Вестник Бурятского государственного университета. 2017. № 4. С. 80-85.
7. Ларина Е.А. Проектные технологии как средство формирования экологической культуры студентов средних специальных учебных заведений // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 4 (120). С. 241-246.
8. Рыжкова И.В. и др. Значение проектной деятельности в профессионально-правовой подготовке студентов, осуществляемой в рамках технологии проектного обучения дисциплины «Правоведение» // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 10 (52). С. 187-189.
9. Проектное обучение. Практики внедрения в университетах / под ред. Л.А. Евстратовой, Н.В. Исaeвой, О.В. Лешукова. М., 2018. 154 с.

References

1. Voropayev V.I. (ed.). *Upravleniye proyektami: osnovy professional'nykh znaniy, natsional'nyye trebovaniya k kompetentsii spetsialistov* [Project Management: Basics of Professional Knowledge, National Requirements for the Competence of Specialists]. Moscow, 2010, 246 p. (In Russian).
2. Kagarov E.G. *Metod proyektov v trudovoy shkole* [Method of Projects in the Labor School]. Leningrad, Brockhaus-Efron Publ., 1926, 88 p. (In Russian).
3. Larina E.A., Abramova P.V. *Pravovaya zhizn' i pravovaya politiki v sovremennom gosudarstve* [Legal life and legal policy in the modern state]. *Sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Problemy sovremennykh integratsionnykh protsessov i puti ikh resheniya»: v 2 ch.* [Collection of Works of the International Scientific and Practical Conference "Problems of Modern Integration Processes and Ways to Solve Them": in 2 pts]. Ufa, 2017, pt 2, p. 168-172. (In Russian).
4. Larina E.A., Kuznetsova V.A. *Politicheskaya rol' obshchestvennykh ob'yedineniy na primere Tambovskogo regiona* [The political role of public associations on the example of the Tambov region]. *Sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Pravovoye regulirovaniye v usloviyakh modernizatsii gosudarstvennosti: natsional'nyy i mezhdunarodnyy aspekty»* [Collection of Works of the International Scientific and Practical Conference "Legal Regulation in the Conditions of Statehood Modernization: National and International Aspects"]. Chelyabinsk, 2017, pp. 86-91. (In Russian).
5. Polat E.S. *Metod proyektov na urokakh inostrannogo yazyka* [Project method in foreign language lessons]. *Inostrannyye yazyki v shkole – Foreign Languages at School*, 2000, no. 3, pp. 4-8. (In Russian).
6. Malanov I.A., Bal'zhiyev B.A. *Proyektная deyatelnost' kak sredstvo povysheniya professional'noy podgotovki budushchikh yuristov* [Project activities as a means of improving vocational training of future lawyers]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta – The Buryat State University Bulletin*, 2017, no. 4, pp. 80-85. (In Russian).
7. Larina E.A. *Proyektnyye tekhnologii kak sredstvo formirovaniya ekologicheskoy kul'tury studentov srednikh spetsial'nykh uchebnykh zavedeniy* [Design technology as form of ecological culture of students of secondary specialized schools]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki – Tambov University Review: Series Humanities*, 2013, no. 4 (120), pp. 241-246. (In Russian).
8. Ryzhkova I.V. et al. *Znachenie proyektnoy deyatelnosti v professional'no-pravovoy podgotovke studentov, osushchestvlyayemoy v ramkakh tekhnologii proyektного obucheniya distsipliny «Pravovedeniye»* [Importance of the project activities in vocational training students legal implemented under technology project learning courses "Law"]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal – International Research Journal*, 2016, no. 10 (52), pp. 187-189. (In Russian).

9. Evstratova L.A., Isayeva N.V., Leshchukov O.V. (eds.). *Proyektnoye obucheniye. Praktiki vnedreniya v universitetakh* [Project-based learning. Implementation Practices at Universities]. Moscow, 2018, 154 p. (In Russian).

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 10.07.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.08.2022

Принята к публикации / Accepted for publication 21.11.2022

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.114

DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-4-532-539

Шифр научной специальности 5.1.1

Актуальные вопросы трансформации норм права о заболеваниях, представляющих опасность для окружающих

© **НАУМОВ Петр Юрьевич**,

кандидат педагогических наук, помощник начальника госпиталя по правовой работе – начальник отделения правового обеспечения, ФГКУЗ «Главный военный клинический госпиталь войск национальной гвардии Российской Федерации», Российская Федерация, Московская обл., 143914 г. Балашиха, мкр. Никольско-Архангельский, Вишняковское ш., владение 101, ORCID: [0000-0002-2875-2322](https://orcid.org/0000-0002-2875-2322), SPIN-код: [2750-3053](https://spinerussia.org/2750-3053), AuthorID: [664164](https://eindex.ru/664164), petr.naumov.777@mail.ru

© **ЗЕМЛИН Александр Игоревич**,

доктор юридических наук, кандидат философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой «Транспортное право» Юридического института, ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта (МИИТ)», Российская Федерация, 127994 г. Москва, ул. Образцова, 9, стр. 9, ORCID: [0000-0001-8988-8517](https://orcid.org/0000-0001-8988-8517), SPIN-код: [1741-0737](https://spinerussia.org/1741-0737), AuthorID: [326650](https://eindex.ru/326650), zemlin.aldr@yandex.ru

© **УТЮГАНОВ Алексей Анатольевич**,

доктор психологических наук, доцент, заместитель начальника военного института по научной работе – начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела, ФГКВБОУ ВО «Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации», Российская Федерация, 198206 Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1, ORCID: [0000-0001-9641-7174](https://orcid.org/0000-0001-9641-7174), SPIN-код: [2516-8646](https://spinerussia.org/2516-8646), outioganov@mail.ru

Аннотация

Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления феномена пандемии новой коронавирусной инфекции в социальной практике и тенденций развития правовых норм в связи с ее возникновением. Основным предметом исследования выступают трансформации законодательства в области правового регулирования вопросов противодействия заболеваниям, представляющим опасность для окружающих. Решая задачи изучения законодательства о заболеваниях, представляющих опасность для окружающих, изучаются актуальные изменения, которые были внесены в нормы права в связи с пандемией новой коронавирусной инфекции. Проанализированы и синтезированы изменения, оперативно внесенные законодателем в Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», постановление Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. № 715 «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих». Также исследовательское внимание обращено на утвержденные постановлением Правительства РФ от 2 июля 2020 г. № 973 «Об особенностях организации оказания медицинской помощи при угрозе распространения заболеваний, представляющих опасность для окружающих» особенности, нормы и правила, а также на новые санитарно-эпидемиологические правила СП 3.1.3597-20 «Профилактика новой коронавирусной инфекции (COVID-19)», утвержденные Роспотребнадзором.

Ключевые слова

пандемия, заболевание, новая коронавирусная инфекция, опасность для окружающих, особые условия (обстоятельства), непреодолимость, социальный риск

Для цитирования

Наумов П.Ю., Землин А.И., Утюганов А.А. Актуальные вопросы трансформации норм права о заболеваниях, представляющих опасность для окружающих // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 4. С. 532-539. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-4-532-539](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-4-532-539)

ORIGINAL ARTICLE

DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-4-532-539](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-4-532-539)

Current transformations of law about diseases presenting a danger for outside

© Petr Y. NAUMOV,

Candidate of Pedagogy, Assistant of Head of Hospital for Legal Work – Head of the Legal Support Department, Main Military Clinical Hospital of the National Guard Troops of the Russian Federation, possession 101, Vishnyakovskoye Hwy, Arkhangelsky Microdistrict, Balashikha 143914, Moscow Region, Russian Federation, ORCID: [0000-0002-2875-2322](https://orcid.org/0000-0002-2875-2322), SPIN-code: [2750-3053](https://spinerussia.org/2750-3053), AuthorID: [664164](https://authorid.ru/664164), petr.naumov.777@mail.ru

© Aleksandr I. ZEMLIN,

Doctor of Law, Candidate of Philosophy, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Head of “Transport Law” Department of Law Institute, Russian University of Transport (MIIT), 9 bldg 9 Obraztsova St., Moscow 127994, Russian Federation, ORCID: [0000-0001-8988-8517](https://orcid.org/0000-0001-8988-8517), SPIN-code: [1741-0737](https://spinerussia.org/1741-0737), AuthorID: [326650](https://authorid.ru/326650), zemlin.aldr@yandex.ru

© Aleksey A. UTUGANOV,

Doctor of Psychology, Associate Professor, Deputy Head of the Military Institute for Scientific Work – Head of the Research-Editing and Publishing Department, Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, 1 Lyotchika Pilyutova St., St. Petersburg 198206, Russian Federation, ORCID: [0000-0001-9641-7174](https://orcid.org/0000-0001-9641-7174), SPIN-code: [2516-8646](https://spinerussia.org/2516-8646), outioganov@mail.ru

Abstract

The relevance of the study is due to the need to understand the phenomenon of the pandemic of a new coronavirus infection in social practice and the development trends of legal norms in connection with its occurrence. The main subject of the study is the transformation of legislation in the field of legal regulation of issues of combating diseases that pose a danger to others. Solving problems of studying legislation on diseases that pose a danger to others, the current changes that have been made to the law in connection with the pandemic of a new coronavirus infection are being studied. We analyze and synthesize the changes promptly introduced by the legislator into the Federal Law “On the Basics of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation”, Decree of the Government of the Russian Federation dated December 1, 2004 No. 715 “On Approval of the List of Socially Significant Diseases and the List of Diseases that Constitute a Danger to Others”. Also, research attention is drawn to the features, norms and rules approved by the Decree of the Government of the Russian Federation of July 2, 2020 No. 973 “On the features of organizing the provision of medical care in the event of a threat of the spread of diseases that pose a danger to others”, as well as to the new sanitary and epidemiological rules SP 3.1.3597-20 “Prevention of a new coronavirus infection (COVID-19)”, approved by Rospotrebnadzor.

Keywords

pandemic, disease, new coronavirus infection, danger to others, special conditions (circumstances), irresistible, social risk

For citation

Naumov P.Y., Zemlin A.I., Utyuganov A.A. Aktual'nyye voprosy transformatsii norm prava o zabolevaniyakh, predstavlyayushchikh opasnost' dlya okruzhayushchikh [Current transformations of law about diseases presenting a danger for outside]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2022, vol. 6, no. 4, pp. 532-539. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-4-532-539](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-4-532-539) (In Russian, Abstr. in Engl.)

Введение

Складывающиеся в ходе исторического процесса социально-экономические, политические, технические, культурные и иные условия определяют и обуславливают поведение социальных субъектов в различных областях социальной практики. При этом верны наблюдения о том, что в аналогичных ситуациях люди действуют примерно одинаково и шаблонно. Это в полной мере относится и к обыденным условиям, и к условиям особым – отличающимся чрезвычайностью и непредсказуемым характером, а порой и непреодолимостью наступления [1, с. 17].

Вопросы осмысления происходящих социальных процессов являются актуальной научной задачей. Последние два года в истории человечества характеризовались определенным изменением привычного социального уклада, когда индивидуальные и коллективные субъекты на ходу учились осуществлять свою деятельность в условиях ограничения их прав и свобод, а также при реальной угрозе их жизни и здоровью. Без преувеличения можно говорить о том, что это были особые условия, пусть и не совсем оформленные законодательно. Указанные обстоятельства не остались без своевременного внимания со стороны ученых и практиков в научной литературе [2; 3]. При этом анализу были подвергнуты как собственно сущность и структура этих обстоятельств, так и организация оказания медицинской помощи в этот период и порядок предоставления социальных гарантий лицам, оказывающим такую помощь [4–15]. В конце 2019 г. – начале 2020 г. современная цивилизация столкнулась с новой угрозой – стремительным распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19), которая без преувеличения изменила жизненный уклад и облик человечества [16, с. 84].

Результаты исследования

Социально-экономические процессы, которые происходят (происходили) во всем мире и в России в связи с пандемией новой коронавирусной инфекции, затронули большинство сфер общественной жизни, изменили режим и порядок повседневной деятельности людей, организацию и осуществление деятельности органов публичной вла-

сти, сферы образования, потребления и услуг, транспортной сферы и безопасности.

Вводимые законодательные (властные) ограничения со стороны уполномоченных должностных лиц, принимаемые медицинские рекомендации и предпринимаемые меры профилактики заболеваний, представляющих опасность для окружающих, существенно отразились на режиме и порядке работы всех сфер жизни. Это потребовало не только уточнения системы действующего нормативного правового регулирования указанной сферы, но и детерминировало новое/старое требование – необходимость неукоснительного соблюдения сторонами взятых на себя обязательств и условий заключенных сделок. Это оказалось сложной задачей, поскольку при их заключении произошедшие впоследствии события трудно было предусмотреть или спрогнозировать.

Под особыми условиями понимаются законодательно закрепленные особые правовые режимы – чрезвычайные ситуации, режимы чрезвычайного положения, военного положения, правового режима контртеррористической операции и т. п. При выполнении задач в особых условиях необходимы соответствующие материальные и духовные ресурсы [17, с. 64].

Помимо традиционных характеристик особых обстоятельств природного или техногенного характера (непреодолимость, чрезвычайность, непредсказуемость, неотвратимость) пандемия новой коронавирусной инфекции (COVID-19) в России с социально-правовой точки зрения обладала следующими признаками: условия пандемии были пусть и отличными от «нормальных», но при этом особых правовых режимов не вводилось; актуализировалась необходимость поддержания баланса частных, государственных и общественных интересов; возникла дополнительная необходимость поддержания законности и соблюдения прав и свобод человека и гражданина. Пандемия COVID-19 обнажила многие латентные социальные противоречия и нормативные несовершенства регулирования отдельных сфер деятельности, повлияла на правоприменительную функцию государства и отношение к праву в обществе.

Ввиду быстрого распространения и тяжелого течения у пациентов COVID-19 был очень оперативно отнесен Роспотребнадзором к микроорганизмам II группы патогенности. Оформлено это сейчас в Санитарно-эпидемиологических правилах СП 3.1.3597-20 «Профилактика новой коронавирусной инфекции (COVID-19)», утвержденных постановлением Главного государственного санитарного врача РФ от 22 мая 2020 г. № 15, которые регулируют требования к комплексу организационных, профилактических, санитарно-противоэпидемических мероприятий, проведение которых обеспечивает предупреждение возникновения и распространения случаев заболевания новой коронавирусной инфекцией (COVID-19) на территории страны.

Согласно пункту 1.2 указанных Правил новая коронавирусная инфекция (COVID-19) является острым респираторным заболеванием, вызванным новым коронавирусом (SARS-CoV-2). Вирус SARS-CoV-2 в соответствии с санитарным законодательством Российской Федерации отнесен ко II группе патогенности.

Распространение новой коронавирусной инфекции (COVID-19) показало частичную нестабильность отечественной правовой системы, поскольку таковое оперативно обусловило необходимость внесения различных изменений в соответствующие нормативные правовые акты разной юридической силы и сфер правового регулирования. Этим изменениям подверглись и нормы, регулирующие вопросы диагностики и лечения заболеваний, представляющих опасность для окружающих, которые до этого оставались относительно неизменными.

Здесь несколько слов следует сказать о том, что нормативно вопрос оказания медицинской помощи гражданам, страдающим заболеваниями, представляющими опасность для окружающих, является социально-значимым и урегулирован статьей 43 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ».

В указанной статье закона нормативно установлено, что гражданам, страдающим заболеваниями, представляющими опасность для окружающих, оказывается медицинская помощь и обеспечивается диспан-

серное наблюдение в соответствующих медицинских организациях (часть 1), также императивно предоставлены полномочия Правительству России утвердить соответствующий перечень заболеваний (часть 2). Также указанная статья посвящена иным вопросам, касающимся лечения, обследования и освидетельствования соответствующих лиц.

Первым изменением законодательства стало издание постановления Правительства России от 31 января 2020 г. № 66 «О внесении изменения в перечень заболеваний, представляющих опасность для окружающих», которым перечень заболеваний, представляющих опасность для окружающих, дополнен путем внесения в число этих заболеваний коронавирусной инфекции (2019-nCoV) с кодировкой по Международной классификации болезней (10-й пересмотр) «В 34.2».

Также довольно оперативно были утверждены, а затем и обновлялись (и сегодня продолжают обновляться) Временные методические рекомендации «Профилактика, диагностика и лечение новой коронавирусной инфекции (COVID-19)», которые выступили реальным практическим пособием и инструментом в руках медицинских (фармацевтических) работников при реальном осуществлении профилактики, диагностики, лечения и реабилитации лиц с подтвержденной новой коронавирусной инфекцией. Указанные рекомендации были сформированы и внедрены своевременно, и они явились адекватным ответом на вызовы и угрозы пандемии, а также эффективным инструментом и настольной книгой врачей.

Федеральным законом от 8 июня 2020 г. № 166-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в целях принятия неотложных мер, направленных на обеспечение устойчивого развития экономики и предотвращение последствий распространения новой коронавирусной инфекции» статья 43 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» дополнена частью 4, которая устанавливала нормы как об установлении особенностей оказания медицинской помощи, так и порядок сбора соответствующей информации.

Во исполнение части 4 статьи 43 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» постановлением Правительства РФ от 2 июля 2020 г. № 973 «Об особенностях организации оказания медицинской помощи при угрозе распространения заболеваний, представляющих опасность для окружающих» утверждены особенности организации оказания медицинской помощи при угрозе распространения заболеваний, включенных в перечень заболеваний, представляющих опасность для окружающих, утвержденный постановлением Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. № 715 «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих».

Заключение

К основным особенностям, которые установлены для организации оказания медицинской помощи при угрозе распространения заболеваний, представляющих опасность для окружающих, относятся: установление возможности перепрофилирования отделений медицинской организации; упрощение установленной процедуры лицензирования; упрощенный порядок привлечения врачей иных специальностей к обследованию и лечению; право перехода на временное штатное расписание; внедрение дистанционных методов в подготовку медицинской документации и процедуры обследования и лечения.

Вводимые изменения законодательства, регулирующего деятельность в области борьбы с заболеваниями, представляющими опасность для окружающих на коротком временном отрезке в локализации и ликвидации последствий новой коронавирусной инфекции, показали свою эффективность. В длительной ретроспективе аналогичен ли будет указанный эффект, покажет, собственно, время и практическая реализация способности этих норм актуально регулировать соответствующие общественные отношения.

Дальнейшему изучению подлежат вопросы маршрутизации пациентов с указанными заболеваниями, соблюдения в отношении них режима врачебной тайны, оперативного обмена медицинскими документами между организациями здравоохранения, регулирование оплаты труда медицинского персонала и предоставления социальных гарантий и компенсаций лицам, переболевшим такими заболеваниями.

С учетом происходящих событий в области пандемии правовое регулирование организации деятельности медицинских организаций в борьбе с заболеваниями, представляющими опасность для окружающих, может быть уточнено с целью отказа от переходных и временных (ситуационных) норм и введения постоянно действующих нормативных правовых актов, поскольку именно это будет способствовать их эффективному применению на практике.

Список источников

1. *Большакова В.М.* Характер и сущность судебных реформ 1864 г. и конца XX – начала XXI в. // Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8. № 11А. С. 13-19.
2. *Бабайцева Е.С., Большакова В.М., Наумов П.Ю.* Вопросы исполнения обязанностей военной службы при оказании военным медицинкой помощи или прохождения ими медицинского освидетельствования // Военное право. 2021. № 5 (69). С. 78-86.
3. *Бакалкин С.В., Наумов П.Ю., Большакова В.М.* Структура способности будущих офицеров выполнять задачи в «особых условиях» // Профессиональное образование в современном мире. 2021. Т. 11. № 4. С. 130-139. DOI [10.20913/2618-7515-2021-4-14](https://doi.org/10.20913/2618-7515-2021-4-14)
4. *Большакова В.М., Землин А.И., Наумов П.Ю.* Вопросы единовременной выплаты военным и сотрудникам в связи с пандемией новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 38-43. DOI [10.24412/2073-0454-2021-6-38-43](https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-38-43)
5. *Большакова В.М., Землин А.И., Наумов П.Ю.* Вопросы осуществления единовременных выплат военным (сотрудникам) в связи с Указом Президента России от 1 февраля 2021 года № 60 // Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако: материалы 5 Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2021. Т. 2. С. 243-246.
6. *Большакова В.М., Наумов П.Ю., Енгибарян Г.В.* Нормативное правовое регулирование обязанности медицинских организаций войск национальной гвардии Российской Федерации по информированию

- граждан о получении медицинской помощи в рамках программ государственных гарантий // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2021. № 4 (285). С. 30-38.
7. *Большакова В.М., Наумов П.Ю., Енгибарян Г.В., Лаптев А.А.* Реализация мер правовой и социальной защиты военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей: к проблеме правового регулирования соответствующих обязанностей федеральных судов общей юрисдикции // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2021. № 5 (286). С. 83-91.
 8. *Большакова В.М., Енгибарян Г.В., Наумов П.Ю.* Медицинское обеспечение как особый вид обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов: комментарий к статье 17.1 Федерального закона «Об обороне» от 31 мая 1996 года // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2021. № 2 (283). С. 30-37.
 9. *Большакова В.М., Наумов П.Ю., Кононов А.Н.* Доказательства и доказывание при осуществлении судебной защиты интересов военно-медицинских организаций // Военное право. 2021. № 2 (66). С. 210-217.
 10. *Большакова В.М., Енгибарян Г.В., Наумов П.Ю.* Отдельные аспекты организации и осуществления судебной защиты интересов медицинских организаций федеральных органов исполнительной власти, где федеральным законом предусмотрена военная служба // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10. № 12-1. С. 49-56.
 11. *Большакова В.М., Наумов П.Ю.* О некоторых вопросах гармонизации законодательства о судопроизводстве и представительстве: сравнительно-правовая характеристика // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 19. С. 373-387. DOI [10.20310/2587-9340-2021-5-19-373-387](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-19-373-387)
 12. *Большакова В.М., Наумов П.Ю., Бакалкин С.В.* Нормативная правовая характеристика особых правовых режимов в российском праве // Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако: материалы 5 Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2021. Т. 1. С. 341-344.
 13. *Землин А.И.* Некоторые аспекты обеспечения безопасности на транспорте в условиях распространения инфекционных заболеваний (на примере пандемии коронавирусной инфекции COVID-19) // Военное право. 2020. № 6 (64). С. 15-29.
 14. *Землин А.И., Кленов М.В., Холиков И.В.* Организационно-правовые проблемы предупреждения завоза и распространения массовых инфекционных заболеваний на транспорте (на примере пандемии коронавирусной инфекции COVID-19). М.: РУСАЙНС, 2020. 126 с.
 15. *Землин А.И.* Актуальные вопросы защиты прав и законных интересов участников транспортных правоотношений в условиях пандемии COVID-19 // Роль и значение права в условиях пандемии. Монография по итогам международного онлайн-симпозиума / под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. М.: Проспект, 2021. С. 232-251.
 16. *Алешукина С.А.* Проблемы организации и оплаты труда в период пандемии COVID-19 // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2020. № 2 (62). С. 75-85.
 17. *Бакалкин С.В., Наумов П.Ю.* Структура педагогических условий формирования способности будущих офицеров выполнять профессиональные задачи в особых условиях // Педагогический журнал. 2020. Т. 10. № 6-1. С. 62-69.

References

1. Bolshakova V.M. Kharakter i sushchnost' sudebnykh reform 1864 g. i kontsa XX – nachala XXI v. [The nature and essence of judicial reforms in 1864 and the end of the 20th – beginning of the 21st century]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava – Matters of Russian and International Law*, 2018, vol. 8, no. 11A, pp. 13-19. (In Russian).
2. Babaytseva E.S., Bolshakova V.M., Naumov P.Y. Voprosy ispolneniya obyazannostey voyennoy sluzhby pri okazanii voyennosluzhashchim meditsinskoy pomoshchi ili prokhozhdeniya imi meditsinskogo osvidetel'stvovaniya [Issues of performing the duties of military service when providing medical care to military personnel or passing a medical examination by them]. *Voyennoye pravo – Military Law*, 2021, no. 5 (69), pp. 78-86. (In Russian).
3. Bakalkin S.V., Naumov P.Y., Bolshakova V.M. Struktura sposobnosti budushchikh ofitserov vypolnyat' zadachi v «osobykh usloviyakh» [The ability structure of future officers to perform tasks in “special conditions”]. *Professional'noye obrazovaniye v sovremennoy mire – Professional Education in the Modern World*, 2021, vol. 11, no. 4, pp. 130-139. DOI [10.20913/2618-7515-2021-4-14](https://doi.org/10.20913/2618-7515-2021-4-14). (In Russian).
4. Bolshakova V.M., Zemlin A.I., Naumov P.Y. Voprosy edinovremennoy vyplaty voyennosluzhashchim i sotrudnikam v svyazi s pandemiyei novoy koronavirusnoy infektsii (COVID-2019) [Issues of one-time payment to military and employees in connection with the new coronavirus infection pandemic]

- (COVID-2019)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii – Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 6, pp. 38-43. DOI [10.24412/2073-0454-2021-6-38-43](https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-38-43). (In Russian).
5. Bolshakova V.M., Zemlin A.I., Naumov P.Y. Voprosy osushchestvleniya edinovremennykh vyplat voyennosluzhashchim (sotrudnikam) v svyazi s Ukazom Prezidenta Rossii ot 1 fevralya 2021 goda № 60 [Issues of making lump-sum payments to military personnel (employees) in connection with Decree of the President of Russia dated February 1, 2021 no. 60]. *Materialy 5 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Tambovskie pravovyye chteniya imeni F.N. Plevako»: v 2 t.* [Proceedings of the 5th International Scientific and Practice Conference “Tambov Legal Readings named for F.N. Plevako”: in 2 vols.]. Tambov, Publishing House “Derzhavinsky”, 2021, vol. 2, pp. 243-246. (In Russian).
 6. Bolshakova V.M., Naumov P.Y., Engibaryan G.V. Normativnoye pravovoye regulirovaniye obyazannosti meditsinskikh organizatsiy voysk natsional’noy gvardii Rossiyskoy Federatsii po informirovaniyu grazhdan o poluchenii meditsinskoy pomoshchi v ramkakh programm gosudarstvennykh garantiy [Normative legal regulation of the obligation of medical organizations of the troops of the National Guard of the Russian Federation to inform citizens about the receipt of medical care under the programs of state guarantees]. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh – Voyenno-pravovoye obozreniye – Law in the Armed Forces – Military-Legal Review*, 2021, no. 4 (285), pp. 30-38. (In Russian).
 7. Bolshakova V.M., Naumov P.Y., Engibaryan G.V., Laptev A.A. Realizatsiya mer pravovoy i sotsial’noy zashchity voyennosluzhashchikh, grazhdan, uvolennykh s voyennoy sluzhby, i chlenov ikh semey: k probleme pravovogo regulirovaniya sootvetstvuyushchikh obyazannostey federal’nykh sudov obshchey yurisdiktсии [Normative legal regulation of the obligation of medical organizations of the troops of the National Guard of the Russian Federation to inform citizens about the receipt of medical care under the programs of state guarantees]. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh – Voyenno-pravovoye obozreniye – Law in the Armed Forces – Military-Legal Review*, 2021, no. 5 (286), pp. 83-91. (In Russian).
 8. Bolshakova V.M., Engibaryan G.V., Naumov P.Y. Meditsinskoye obespecheniye kak osoby vid obespecheniya Vooruzhennykh Sil Rossiyskoy Federatsii, drugikh voysk, voinskikh formirovaniy i organov: kommentariy k stat’ye 17.1 Federal’nogo zakona «Ob oborone» ot 31 maya 1996 goda [Medical support as a special type of support for the Armed Forces of the Russian Federation, other troops, military formations and bodies: commentary on Article 17.1 of the Federal Law “On Defense” of May 31, 1996]. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh – Voyenno-pravovoye obozreniye – Law in the Armed Forces – Military-Legal Review*, 2021, no. 2 (283), pp. 30-37. (In Russian).
 9. Bolshakova V.M., Naumov P.Y., Kononov A.N. Dokazatel’sstva i dokazyvaniye pri osushchestvlenii sudebnoy zashchity interesov voyenno-meditsinskikh organizatsiy [Evidence and proving in the exercise of judicial protection of interests of military medical organizations]. *Voyennoye pravo – Military Law*, 2021, no. 2 (66), pp. 210-217. (In Russian).
 10. Bolshakova V.M., Engibaryan G.V., Naumov P.Y. Otdel’nyye aspekty organizatsii i osushchestvleniya sudebnoy zashchity interesov meditsinskikh organizatsiy federal’nykh organov ispolnitel’noy vlasti, gde federal’nym zakonom predusmotrena voyennaya sluzhba [Certain aspects of the organization and implementation of judicial protection of the interests of medical organizations of federal executive bodies, where military service is provided for by federal law]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava – Matters of Russian and International Law*, 2020, vol. 10, no. 12-1, pp. 49-56. (In Russian).
 11. Bolshakova V.M., Naumov P.Y. O nekotorykh voprosakh garmonizatsii zakonodatel’sstva o sudoproizvodstve i predstavitel’stve: sravnitel’no-pravovaya kharakteristika [On some issues of legislation harmonization on legal proceedings and representation: comparative legal characteristics]. *Aktual’nyye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2021, vol. 5, no. 19, pp. 373-387. DOI [10.20310/2587-9340-2021-5-19-373-387](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-19-373-387). (In Russian).
 12. Bolshakova V.M., Naumov P.Y., Bakalkin S.V. Normativnaya pravovaya kharakteristika osobykh pravovykh rezhimov v rossiyskom prave [Regulatory legal characteristics of special legal regimes in Russian law]. *Materialy 5 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Tambovskie pravovyye chteniya imeni F.N. Plevako»: v 2 t.* [Proceedings of the 5th International Scientific and Practice Conference “Tambov Legal Readings named for F.N. Plevako”: in 2 vols.]. Tambov, Publishing House “Derzhavinsky”, 2021, vol. 1, pp. 341-344. (In Russian).
 13. Zemlin A.I. Nekotoryye aspekty obespecheniya bezopasnosti na transporte v usloviyakh rasprostraneniya infektsionnykh zabolevaniy (na primere pandemii koronavirusnoy infektsii COVID-19) [Some aspects of ensuring transport safety in the context of the spread of infectious diseases (on the example of the COVID-19 coronavirus pandemic)]. *Voyennoye pravo – Military Law*, 2020, no. 6 (64), pp. 15-29. (In Russian).

14. Zemlin A.I., Klenov M.V., Kholikov I.V. *Organizatsionno-pravovyye problemy preduprezhdeniya zavoza i rasprostraneniya massovykh infektsionnykh zabolevaniy na transporte (na primere pandemii koronavirusnoy infektsii COVID-19)* [Organizational and Legal Problems of Preventing the Importation and Spread of Mass Infectious Diseases in Transport (on the Example of the COVID-19 Coronavirus Infection Pandemic)]. Moscow, RUSCIENCE Publ., 2020, 126 p. (In Russian).
15. Zemlin A.I. Aktual'nyye voprosy zashchity prav i zakonnykh interesov uchastnikov transportnykh pravootnosheniy v usloviyakh pandemii COVID-19 [Topical issues of protecting the rights and legitimate interests of participants in transport legal relations in the context of the COVID-19 pandemic]. *Rol' i znachenie prava v usloviyakh pandemii. Monografiya po itogam mezhdunarodnogo onlayn-simpoziuma* [The Role and Importance of Law in a Pandemic. Monograph Based on the Results of The International Online Symposium]. Moscow, Prospekt Publ., 2021, pp. 232-251. (In Russian).
16. Aleshchikina S.A. Problemy organizatsii i oplaty truda v period pandemii COVID-19 [Problems of organization and payment of labor in the covid-19 pandemic period]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo – Herald of Tver State University. Series: Law*, 2020, no. 2 (62), pp. 75-85. (In Russian).
17. Bakalkin S.V., Naumov P.Y. Struktura pedagogicheskikh usloviy formirovaniya sposobnosti budushchikh ofitserov vypolnyat' professional'nyye zadachi v osobykh usloviyakh [Structure of pedagogical conditions for forming ability of future officers to perform professional tasks under special conditions]. *Pedagogicheskiy zhurnal – Pedagogical Journal*, 2020, vol. 10, no. 6-1, pp. 62-69. (In Russian).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Authors declare no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 27.07.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 03.08.2022

Принята к публикации / Accepted for publication 21.11.2022

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 34.09

DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-4-540-546

Шифр научной специальности 5.1.1

К феномену доверия в финансово-правовой сфере

© САВИНА Анна Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Института права и национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина», Российская Федерация, 392000 г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, ORCID: [0000-0002-2107-8769](https://orcid.org/0000-0002-2107-8769), anna.savina56@mail.ru

Аннотация

Ежедневно на стремительно меняющиеся общественные отношения оказывает воздействие ряд факторов, как позитивных – развитие искусственного интеллекта, удобство осуществления финансовой деятельности путем использования гаджетов, общение в социальных сетях, формирование электронного государства и расширение роли принципа открытости государственной деятельности перед своими гражданами, так и негативных – кризисы (эпидемиологический, финансовый, демографический и др.), санкции иностранных государств, динамический спад/подъем уровня безработицы и т. п. Так или иначе, все эти факторы способствуют изменениям индекса доверия как общества к государству, так и государства к обществу. Вместе с тем процессы, которые неизменно происходят в обществе, порождают необходимость соответствия государства уровню их развития, а также необходимость оправдывать доверие граждан своей страны. Финансово-правовая сфера – не исключение, тем более что именно она подвержена радикальным изменениям ввиду становления новой эры цифровых технологий и рыночной экономики в цифровом формате. Исследование представляет собой многоаспектное размышление о доверии, его проявлении в публичном и частном праве, сравнение механизмов, определяющих уровень доверия, анализ нормативных правовых актов и судебной практики на предмет проявления доверия в тех или иных отношениях.

Ключевые слова

доверие, экономика доверия, механизмы государственного управления, бюджетные правоотношения, гарантия, поручительство

Для цитирования

Савина А.В. К феномену доверия в финансово-правовой сфере // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 4. С. 540-546. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-4-540-546](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-4-540-546)

On the phenomenon of trust in the financial and legal sphere

© Anna V. SAVINA,

Candidate of Law, Associate Professor of Civil Law Department of Institute of Law and National Security, Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation, ORCID: 0000-0002-2107-8769, anna.savina56@mail.ru

Abstract

Every day, rapidly changing social relations are influenced by a number of factors, both positive – the development of artificial intelligence, the convenience of financial activities through the use of gadgets, communication in social networks, the formation of an electronic state and the expansion of the role of the principle of openness of state activity to its citizens, and negative ones – crises (epidemiological, financial, demographic, etc.), sanctions of foreign states, dynamic decline/rise in unemployment, etc. One way or another, all these factors contribute to changes in the index of trust, both of society in the state and the state in society. At the same time, the processes that invariably take place in society give rise to the need for the state to comply with the level of their development, as well as the need to justify the trust of the citizens of their country. The financial and legal sphere is no exception, especially since it is it that is subject to radical changes due to the emergence of a new era of digital technologies and a digital market economy. The study is a multidimensional reflection on trust, its manifestation in public and private law, a comparison of the mechanisms that determine the level of trust, an analysis of regulatory legal acts and judicial practice for the manifestation of trust in certain respects.

Keywords

trust, trust economics, public administration mechanisms, budget legal relations, guarantee, suretyship

For citation

Savina A.V. K fenomenu doveriya v finansovo-pravovoy sfere [On the phenomenon of trust in the financial and legal sphere]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2022, vol. 6, no. 4, pp. 540-546. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-4-540-546](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-4-540-546) (In Russian, Abstr. in Engl.)

Введение

Феномен доверия исследуется во многих научных областях: политике, праве, психологии, экономике, медицине, социологии и т. п.

История осмысления доверия, как особого явления, уходит корнями в философские труды Аристотеля, Гегеля, Канта, Спинозы и других и в совокупности определяет-ся как феномен, отражающий нравственные нормы, которые связаны с добровольными взаимными обязательствами в жизни человека. Однако, несмотря на то, что данный феномен вызывает интерес у ученых давно, предметно он начал анализироваться лишь с XX века, когда возникла необходимость преодоления дефицита доверия в обществе.

Как отмечает глава Лондонской школы финансов и менеджмента, директор Центра исследований доверия R. Bachmann, «до 1990-х гг. доверие почти не рассматривалось в контексте социально-экономических отношений. Но сейчас оно признано фунда-

ментальным механизмом, координирующим предвидение и интеракции участников этих отношений» (цит. по: [1, с. 151]).

Учеными выделяются три основные модели формирования доверия: первая основана на непосредственном личном опыте; вторая – на схожих социальных характеристиках; третья – на внешних источниках (институтах), способных гарантировать, что ожидания доверяющей стороны будут оправданы [2, с. 176].

Результаты исследования

1. Историко-философская компонента понятия «доверие»

В философии доверие рассматривается через призму этического аспекта, которое призвано отражать именно нравственную основу взаимоотношений людей. В философских трудах XVI–XVII веков вопрос доверия и недоверия рассматривается с позиции политики и экономики, и недоверие представляется как проявление необходимого поведения. В трудах Н. Макиавелли мож-

но уловить мысль о неблагодарности и непостоянстве человеческой натуры, ее склонности ко лжи и лицемерию, что порождает необходимость проявления недоверия как меры по предупреждению опасности. Ученый подчеркивает, что доверие всегда связано с риском, а излишняя доверчивость в действиях опасна, но то же он говорит и о чрезмерной недоверчивости. В знаменитом философском трактате «Государь» Н. Макиавелли упоминает, что излишняя недоверчивость государя может озлобить и оскорбить подданных [3].

Т. Гоббс утверждает, что для каждого человека важнее его собственная безопасность, каждый будет стремиться нанести удар первым, поэтому доверие и сотрудничество являются невозможными; отождествляет феномены веры и доверия и подчеркивает, что в вере в человека или в доверии к человеку заключаются два мнения: о высказывании человека и его качествах. Верить в человека или доверять ему означает мнение о правдивости человека. Нарушение доверия и соглашений Т. Гоббс называет неблагодарностью (цит. по: [4, с. 97]).

Вопросы правового регулирования и повышения его эффективности также связаны с ролью и степенью доверия в обществе. В мире меняется экономическая ситуация, что непосредственно формирует потребность общества в стабильности, уверенности в «завтрашнем дне». Сам термин «регулирование» (“regulare”) в переводе с латинского языка означает правило, упорядочение, налаживание, приведение чего-либо в соответствие с чем-либо [5]. По утверждению С.С. Алексеева, термин «правовое регулирование» представляет собой эффективное, нормативноорганизационное воздействие на общественные отношения с помощью правовых средств (юридических норм, правоотношений, индивидуальных предписаний) в целях их упорядочения, охраны и развития» [6, с. 211].

2. Вопросы «доверия» в современном государстве

Однако в настоящее время, когда активно развивается электронная коммерция, у определенной части общества формируется заработок в сети Интернет, становится все сложнее упорядочить и организовать право-

вые средства в таких правовых областях, как взимание налогов с доходов, полученных при использовании цифровых ресурсов и «продажи» себя как бренда.

Видится, что перед государством стоят более масштабные задачи: сформировать в обществе законопослушное поведение, выработать устойчивую общественную осознанность, что электронное государство не сможет полностью заменить реальное государство, а может лишь создать иллюзию нового государства, что рано или поздно повлечет за собой хаос и раздробленность.

Формирование взаимоотношений государства и общества – важная направленность государственной политики, которая приобретает все большую актуальность. Поэтому стратегия правового регулирования разных групп общественных отношений должна быть строго выверенной и ориентированной на повышение роли доверия в качестве важнейшего принципа построения взаимоотношений между обществом и государством. Ф. Фукуяма считает, что доверие является «ключевой характеристикой развитого человеческого общества, проявляющейся как на индивидуальном уровне, так и на уровне социальном (доверие к общественным институтам и государству в целом)» [7].

Целесообразно предположить, что доверие общества к государству можно справедливо рассматривать, например, через призму доверия к финансовой системе, что, как следствие, является показателем финансовой стабильности населения. Существует мнение, что доверие к финансовой денежной системе включает в себя множество взаимосвязанных форм доверия: доверие к директивным органам (политика, Центральный банк), доверие к банкам и другим финансовым учреждениям, доверие к банкирам, деньгам и будущему, а также межличностное доверие. Доверие к деньгам в решающей степени зависит от таких институтов, как Центральный банк и система гарантирования вкладов, и, следовательно, доверие к этим институтам. Финансовые кризисы не только снижают доверие к финансовым институтам, но и связаны со снижением межличностного доверия в целом [8].

Парадоксально, но любой актив может служить деньгами только тогда, когда люди уверены, что другие примут его как таковой [8]. Ценность денег основана не на материале, из которого они сделаны, а на уверенности в том, что они будут приняты другими. Таким образом, на протяжении истории деньги принимали множество различных форм: монеты, раковины, соль, кораллы, банкноты и цепочки единиц и нулей в компьютерных системах.

Следует предположить, что доверие, так или иначе, зависит от уровня определенности последствий в той или иной деятельности. Напротив, по мере роста неопределенности человек теряет доверие к миру, а вместе с этим теряется доверие к себе и другим людям. Э. Гидденс подчеркивает некоторые особенности доверия к власти и государству, поскольку обезличенные институты на практике функционируют при помощи конкретных лиц и ассоциируются с ними. Утрата доверия к этим лицам, согласно его представлениям, может привести к социально-политической турбулентности [9, с. 101].

Поэтому доверие граждан к государству является одним из важных факторов устойчивости политического режима в стране, и поддержание такого доверия, гарантирование финансовой стабильности и безопасности должно стать определяющим принципом любой власти. Это связано с тем, что «финансовая неопределенность представляет собой в первую очередь риск, и одна из главных задач государства заключается в том, чтобы нацелить политико-экономические реформы на их минимизацию или на создание адекватной нормативной правовой среды, в которой участники финансового рынка при совершении сделок могут быть признаны надлежаще проинформированными и в полной мере принимающими факт неблагоприятных последствий при участии в таких сделках» [10, с. 79].

3. Теоретико-правовые основы «доверия»

Интересна позиция Верховного суда РФ в Определении от 12 октября 2021 г. № 305-ЭС16-20779 (64, 65) по делу

№ А 40-154909/2015¹ в котором идет речь о феномене утраты доверия к должнику с точки зрения обеспеченности вкладов граждан в споре о несостоятельности (банкротстве).

Вместе с тем одним из важных показателей проявления доверия в праве являются институты поручительства и независимой (банковской) гарантии. Согласно статье 361 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), по договору поручительства поручитель обязывается перед кредитором другого лица отвечать за исполнение последним его обязательства полностью или в части.

Статья 368 ГК РФ устанавливает: «По независимой гарантии гарант принимает на себя по просьбе другого лица (принципала) обязательство уплатить указанному им третьему лицу (бенефициару) определенную денежную сумму в соответствии с условиями данного гарантом обязательства независимо от действительности обеспечиваемого такой гарантией обязательства»².

Как видится из приведенных статей, поручитель и гарант выступают объектом, закрепляющим факт доверия кредитора к должнику. Вместе с тем в подобных правоотношениях имеет место субъективная основа доверия, когда поручитель и гарант доверяют лицу, в пользу которого выступают таковыми.

В науке вопросы доверия исследуются в самых различных аспектах. Так, в финансово-правовой науке С.В. Рыбакова рассматривает феномен доверия через призму нормы-дефиниции, формулирующей определение понятия «кредитная организация», и этимологии термина «кредит» [11, с. 138], подчеркивая, что банковская деятельность представляет собой сложный механизм функционирования специализированных организаций по поводу одновременного оказания банковских услуг и денежно-кредитного регулирования [12]. Необходимо подчеркнуть, что в банковской сфере (в области

¹ Верховный суд РФ. Определение от 14.10.2019 № 305-ЭС16-20779 (47) г. Москва. Дело № А40-154909/2015. URL: https://www.vsr.ru/stor_pdf_ec.php?id=1821408

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

кредитования) применяется широкий инструментарий по обеспечению возвратности должником денежных средств, который, как представляется очевидным, включает в себя принцип формирования и обеспечения доверия (*предложено автором*): гарантии, залог, страхование ответственности и т. п.

Видится справедливой позиций С.В. Рыбаковой, отмечающей: «Доказательством того, что необходимость укрепления доверия к банкам является одним из приоритетных направлений государственной политики современного Российского государства в указанной сфере исторических отношений, служат как выводы ученых, так и заявления, исходящие из уст органов управления, а главное, содержание нормативных правовых актов, регулирующих достаточно широкий на сегодняшний день круг общественных отношений, складывающихся в связи с осуществлением банковской деятельности» [13, с. 12].

Важным инструментом, наряду с этим, является ведение и использование базы кредитных историй, формируемых специальными организациями – Бюро кредитных историй. Ценно предположить, что уровень платежной дисциплины физического или юридического лица определяет уровень доверия банков к этим лицам.

Примечательно, что основы доверия особым (косвенным) образом закреплены и в Законе РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-I «О статусе судей в Российской Федерации»³ и в Кодексе судейской этики, утвержденном VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 г. В нормах указанных актов концептуально закреплено, что каждый судья должен соблюдать правила профессиональной этики, честно и добросовестно исполнять свои обязанности, проявлять должную заботу о сохранении как своих личных чести и достоинства, так и достоинства и авторитета судебной власти. Наряду с этим также закреплено, что соблюдение Кодекса судейской этики должно быть внутренним убеждением судьи, правилом его жизни, должно способствовать укреплению доверия общества к судебной системе, его уверенно-

сти в том, что правосудие осуществляется компетентно, независимо, беспристрастно и справедливо.

Помимо гражданских и административных отношений, вопрос доверия свойственен также и финансовым правоотношениям. Однако проявляется он в них несколько иным образом, в силу публичности таких отношений. Например, согласно статье 202 Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее – БК РФ)⁴, в случае отклонения в первом чтении проекта федерального закона о федеральном бюджете на очередной финансовый год и плановый период Государственная Дума может поставить вопрос о доверии Правительству РФ.

Наряду с этим особое внимание необходимо уделить проявлению доверия в институте дотаций. Согласно БК РФ дотации представляют собой межбюджетные трансферты, предоставляемые на безвозмездной и безвозвратной основе без установления направлений их использования. Видится, что предоставление средств на безвозмездной и безвозвратной основе участникам бюджетных отношений – это проявление определенной убежденности в том, что эти средства будут направлены на нужные цели. Так, допустимо предположить, что одним из признаков доверия в публичном праве является убежденность так называемого доверителя в благонамерении лица, органа власти или публично-правового образования, которому такое доверие оказано. Несомненно, для достижения поставленных задач изначально должна происходить формализация осмысленных целей, формирование определенного алгоритма действий и планирование результата [14, с. 239].

В публично-правовых (в частности, финансовых) отношениях доверие имеет свою специфику. Эту специфику можно наблюдать в институте государственной или муниципальной гарантии. В позитивном аспекте проявление доверия не влечет обременение бюджетных средств, но в негативном аспекте (если доверие было оказано напрасно и была представлена государственная или

³ О статусе судей в Российской Федерации: Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-I // Российская газета. 1992. 29 июля.

⁴ Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3823.

муниципальная гарантия), это приводит к тому, что при невыполнении должником основных требований гарант обязан выплатить бенефициару, в пользу которого гарантия была предоставлена, денежную сумму за счет средств соответствующего бюджета.

Заключение

Таким образом, можно резюмировать, что феномен доверия в праве представляет собой причинно-следственную интерпретацию, является определенной предпосылкой для позитивного либо негативного развития общественных отношений в различных областях. От того, как выстроена система доверия в стране, какие механизмы использует государство для повышения уровня доверия среди населения к органам власти и друг к

другу, зависит общий фон социального сознания, рыночная экономика, инвестиционная сфера. Однако содержание доверия в сфере публичных интересов и в сфере частных интересов заметно различается. В большей степени это различие исходит из концепции риска. В первом случае доверие приводит к риску возникновения неблагоприятных ситуаций, связанных с общественными интересами, во втором случае следует говорить о личных интересах субъектов доверительных отношений. Осмысление данных вопросов приводит к необходимости дальнейшего изучения доверия в публичном праве, выделения его признаков, анализа положительных и отрицательных сторон проявления.

Список источников

1. *Вдовиченко Л.Н.* Международная конференция по доверию в Японии // Социологические исследования. 2018. № 6. С. 151-154.
2. *Столяр В.Ю.* Социально-философский и междисциплинарный дискурс о доверии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 77. С. 176-182.
3. *Макиавелли Н.* Государь. М.: Планета, 1990. 80 с.
4. *Скрипкина Т.П.* Доверие к себе как условие развития личности // Вопросы психологии. 2001. № 1. С. 95-103.
5. Словарь иностранных слов / отв. ред. В.В. Бурцева, Н.М. Семенова. М., 2003. 817 с.
6. *Алексеев С.С.* Теория права. М.: Изд-во БЕК, 1995. 320 с.
7. *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: пер. с англ. М.: ООО «Изд-во АСТ», ЗАО НПП «Ермак», 2004. 730 с.
8. Stellinga B., de Hoog J., van Riel A., de Vries C. Introduction // Money and Debt: The Public Role of Banks. The Hague: Springer, 2021. DOI [10.1007/978-3-030-70250-2_1](https://doi.org/10.1007/978-3-030-70250-2_1)
9. *Гидденс Э.* Последствия модернити // Новая постиндустриальная волна на Западе. М.: Academia. 1999. С. 101-122.
10. *Бородавина М.К., Рыбакова С.В., Савина А.В., Хахулина А.П.* К вопросу о финансовой неопределенности // Правоприменение. 2020. Т. 4. № 1. С. 75-84.
11. *Рыбакова С.В.* Теоретико-правовые основы банковского надзора в России. Тамбов, 2004. 142 с.
12. *Рыбакова С.В.* К вопросу о систематизации банковского законодательства // Банковское право. 2006. № 2. С. 4-6.
13. *Рыбакова С.В.* Повышение доверия к отечественной банковской системе как одно из направлений финансово-правовой политики российского государства // Финансовое право. 2008. № 4. С. 11-13.
14. *Савина А.В.* Правовые основы государственного финансового планирования // 25 лет Гражданскому кодексу Российской Федерации: традиции и новации частноправового развития: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (с элементом школы молодого ученого). Тамбов, 2019. С. 236-241.

References

1. Vdovichenko L.N. Mezhdunarodnaya konferentsiya po doveriyu v Yaponii [International conference on trust in Japan]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya – Sociological Studies*, 2018, no. 6, pp. 151-154. (In Russian).
2. Stolyar V.Y. Sotsial'no-filosofskiy i mezhdistsiplinarnyy diskurs o doverii [Sociophilosophical and interdisciplinary discourse on trust]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2008, no. 77, pp. 176-182. (In Russian).
3. Makiavelli N. *Gosudar'* [Sovereign]. Moscow, Planeta Publ., 1990, 80 p. (In Russian).

4. Skripkina T.P. Doveriye k sebe kak usloviye razvitiya lichnosti [Self-confidence as a condition for personal development]. *Voprosy psikhologii – Issues of Psychology*, 2001, no. 1, pp. 95-103. (In Russian).
5. Burtseva V.V., Semenova N.M. (executive eds.). *Slovar' inostrannykh slov* [Dictionary of Foreign Words]. Moscow, 2003, 817 p. (In Russian).
6. Alekseyev S.S. *Teoriya prava* [Theory of Law]. Moscow, BEK Publ., 1995, 320 p. (In Russian).
7. Fukuyama F. *Doveriye: sotsial'nyye dobrodeteli i put' k protsvetaniyu* [Trust. The Social Virtues and the Creation of Prosperity]. Moscow, LLC "AST Publ.", CJSC RPE "Ermak", 2004, 730 p. (In Russian).
8. Stellinga B., de Hoog J., van Riel A., de Vries C. Introduction. *Money and Debt: The Public Role of Banks*. The Hague, Springer Publ., 2021. DOI [10.1007/978-3-030-70250-2_1](https://doi.org/10.1007/978-3-030-70250-2_1)
9. Giddens E. Posledstviya moderniti [Consequences of modernity]. *Novaya postindustrial'naya volna na Zapade* [New Post-Industrial Wave in the West]. Moscow, Academia Publ., 1999, pp. 101-122. (In Russian).
10. Borodavina M.K., Rybakova S.V., Savina A.V., Khakhulina A.P. K voprosu o finansovoy neopredelennosti [The essence of financial uncertainty]. *Pravoprimeneniye – Law Enforcement Review*, 2020, vol. 4, no. 1, pp. 75-84. (In Russian).
11. Rybakova S.V. *Teoretiko-pravovyye osnovy bankovskogo nadzora v Rossii* [Theoretical and Legal Foundations of Banking Supervision in Russia]. Tambov, 2004, 142 p. (In Russian).
12. Rybakova S.V. K voprosu o sistematizatsii bankovskogo zakonodatel'stva [To the question of systematization of banking legislation]. *Bankovskoye pravo – Banking Law*, 2006, no. 2, pp. 4-6. (In Russian).
13. Rybakova S.V. Povysheniye doveriya k otechestvennoy bankovskoy sisteme kak odno iz napravleniy finansovo-pravovoy politiki rossiyskogo gosudarstva [Increasing confidence in the domestic banking system as one of the directions of the financial and legal policy of the Russian state]. *Finansovoye pravo – Financial Law*, 2008, no. 4, pp. 11-13. (In Russian).
14. Savina A.V. Pravovyye osnovy gosudarstvennogo finansovogo planirovaniya [Legal basis for state financial planning]. *Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (s elementom shkoly molodogo uchenogo) «25 let Grazhdanskomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii: traditsii i novatsii chastno-pravovogo razvitiya»* [Collection of Materials of the International Scientific and Practical Conference (with an Element of the Young Scientist School) "25 Years of the Civil Code of the Russian Federation: Traditions and Innovations of Private Law Development"]. Tambov, 2019, pp. 236-241. (In Russian).

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 06.06.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 10.08.2022

Принята к публикации / Accepted for publication 21.11.2022

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 34.04

DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-4-547-555

Шифр научной специальности 5.1.1

Теоретико-правовая характеристика современных глобальных вызовов и угроз в сфере здравоохранения

© **ХОЛИКОВ Иван Владимирович,**

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного и европейского права, главный научный сотрудник отдела международного права, ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации», Российская Федерация, 117218 г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, 34, ORCID: [0000-0003-0421-5829](https://orcid.org/0000-0003-0421-5829), SPIN-код: [7311-5596](https://spiner.ru/7311-5596), AuthorID: [946405](https://authorid.ru/946405), iv_kholik@mail.ru

Аннотация

Целью исследования является выявление и обоснование международно-правовой характеристики современных вызовов и угроз в сфере общественного здравоохранения. Актуальность исследования заключается в том, что международную обстановку в целом нельзя охарактеризовать как благополучную. В мире нарастают демографические проблемы, все более масштабно проявляются нищета, голод, недостаток питьевой воды. Остро встает вопрос о появлении новых и возврате уже, казалось бы, побежденных болезней. Эпидемии и пандемии имеют комплекс причин, условий и последствий политического, медицинского, технологического, психологического, экономического, социального и организационного характера. Обосновано, что одной из реальных тенденций социальной практики становится проблема распространения эпидемий, пандемий и массовых заболеваний как возможное основание международной ответственности государств и международных организаций. Важным юридическим аспектом является использование действий отдельных государств, так и международных организаций. Один из путей выхода из кризиса видится в постоянном и своевременном укреплении национальных систем здравоохранения, исходя из чего сделан вывод, что это обеспечит раннее прогнозирование возникающих угроз, выработку соответствующих мер и их локализацию.

Ключевые слова

благополучие человека, медицинская помощь, международно-правовой режим, инфекционные болезни, общественное здоровье, пандемия и эпидемия

Для цитирования

Холиков И.В. Теоретико-правовая характеристика современных глобальных вызовов и угроз в сфере здравоохранения // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 4. С. 547-555. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-4-547-555](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-4-547-555)

Theoretical and legal characteristics of modern global challenges and threats in the field of healthcare

© Ivan V. KHOLIKOV,

Doctor of Law, Professor, Professor of International and European Law Department, Chief Scholar Researcher of International Rights Department, The Institute of Legislation and Comparative Law under the Russian Federation Government, 34 Bolshaya Cheremushkinskaya St., Moscow 117218, Russian Federation, ORCID: 0000-0003-0421-5829, SPIN-код: 7311-5596, AuthorID: 946405, iv_kholik@mail.ru

Abstract

The purpose of the study is to identify and substantiate the international legal characterization of modern challenges and threats in the field of public health. The relevance of the study lies in the fact that the international situation as a whole cannot be characterized as favorable. Demographic problems are growing in the world, poverty, hunger, lack of drinking water are becoming more and more widespread. The question of the emergence of new and the return of already seemingly conquered diseases is acute. Epidemics and pandemics have a complex of causes, conditions and consequences of a political, medical, technological, psychological, economic, social and organizational nature. It is substantiated that one of the real trends in social practice is the problem of the spread of epidemics, pandemics and mass diseases as a possible basis for the international responsibility of states and international organizations. An important legal aspect is the use of the actions of individual states and international organizations. One of the ways out of the crisis is seen in the constant and timely strengthening of national health systems, on the basis of which it was concluded that this will ensure early forecasting of emerging threats, the development of appropriate measures and their localization.

Keywords

human well-being, medical care, international legal regime, infectious diseases, public health, pandemic and epidemic

For citation

Kholikov I.V. Teoretiko-pravovaya kharakteristika sovremennykh global'nykh vyzovov i ugroz v sfere zdavookhraneniya [Theoretical and legal characteristics of modern global challenges and threats in the field of healthcare]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2022, vol. 6, no. 4, pp. 547-555. DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-4-547-555 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Введение. Постановка проблемы

Темпы изменения мировой политической и экономической ситуации, а также общественной жизни постоянно растут. Повсеместная цифровизация, изменения и динамика происходящих событий становятся главными тенденциями современности.

Складывающуюся сегодня международную обстановку никак нельзя назвать благополучной или стабильной. Неравновесные социально-политические процессы грозят будущим поколениям социальными потрясениями и изменениями характера и масштаба угроз [1, с. 39; 2, с. 243]. Наряду с объективными процессами, противоречия между странами усугубляются искусственно. Так, ряд стран, например США, продолжают опасные исследования в области разработки биологического оружия.

Предметом проведенного исследования являются глобальные социальные и правовые проблемы, касающиеся общественных отношений, возникающих в современном мире в силу существующих вызовов и угроз в сфере здравоохранения. Целью работы является анализ конкретных проблем, влияющих на общественное здравоохранение, и международно-правовых механизмов регулирования данного процесса. Необходимо выяснить, как международные организации, предназначение которых заключается в создании общей правовой среды для регулирования важнейших вопросов охраны здоровья человечества, могут влиять на складывающиеся неблагоприятные ситуации, несущие опасность для всей планеты.

Статья подготовлена с применением общенаучных методов познания, таких как

анализ, синтез, индукция, дедукция и т. п. А также с использованием частно-правовых методов: формально-юридического, сравнительно-правового. Новизна предпринятого исследования заключается в рассмотрении современных вызовов и угроз с точки зрения правового воздействия специализированных международно-правовых организаций на них, изучения механизма действия для предотвращения неблагоприятных ситуаций.

Результаты исследования

Принятие всех возможных мер по обеспечению благополучия населения, охрана жизни и здоровья человека – центральная задача государства. В современном мире все большее значение приобретает благополучие человечества в целях ликвидации чрезвычайных ситуаций биологического характера, оказывающих огромное влияние социально-экономической и геополитической значимостью на существование всего человечества, ставя под угрозу жизнь миллионов людей.

Одним из значимых факторов, оказавших сильнейшее влияние в последние десятилетия на общемировую сферу здравоохранения, стали инфекционные заболевания. Они отличаются быстротой распространения и массовостью, что становится очень опасным явлением не только в рамках национальных систем, но и угрожая целым континентам. В данных условиях перед международными организациями здравоохранения становится задача создания структуры и содержания международного механизма реагирования на возникающие проблемы, а также готовности к экстренному реагированию к появлению массовых инфекционных заболеваний.

Наряду с инфекционными заболеваниями значительной опасностью обладают неинфекционные заболевания токсического происхождения. Они обусловлены существованием ставящих под угрозу жизни настоящих и будущих поколений биологических, химических и радиоактивных факторов. Неправильное применения данных факторов оказывает наиболее длительное и вредоносное воздействие не только на человечество, но и на все окружающую среду, нарушая экосистемы на десятилетия, а иногда и на столетия. Поэтому важной вехой разви-

тия правовых механизмов в данном направлении становится выработка алгоритмов работы с данными опасными материалами, заключающаяся в своевременном и рациональном подходе к осуществлению таких действий, которые могли бы наиболее эффективным образом минимизировать их воздействие на экосистемы и экономические отношения.

Также из числа современных угроз невозможно не отметить нозологические формы, называемых «хроническими» или «затянувшимися» заболеваниями, характеризующиеся вовлечением огромного количества ресурсов для их излечения в связи с их большой социально-экономической значимостью. К таким заболеваниям принято относить туберкулез, малярию, ВИЧ/СПИД, COVID-19, то есть эпидемии и пандемии, охватившие весь земной шар и поставившие под угрозы миллионы жизней.

Следующей важной современной угрозой является группа инфекционных заболеваний, вызывающая вспышки масштаба ЧС международного значения, хотя они управляемы специфическими средствами иммунопрофилактики. Например, корь, краснуха, дифтерия, полиомиелит, менингококковая инфекция, которые время от времени вспыхивают во многих регионах планеты.

Характеризуя современные международные вызовы в сфере здравоохранения, необходимо учитывать возрастание методических возможностей биотерроризма и технологий двойного назначения и иных видов деятельности, увеличивающих арсенал средств биотерроризма.

Серьезную озабоченность в контексте противодействия химическим и биологическим угрозам представляет деятельность отдельных зарубежных стран по созданию сети биологических лабораторий в ряде стран постсоветского пространства, в частности, на Украине. При этом работы в этом направлении американцами проводятся, очевидно, с конца Второй мировой войны, когда к ним в руки попал генерал-лейтенант императорской армии Японии Иси Сиро, руководитель печально известного «Отряда 731», занимавшегося испытаниями биологического оружия на военнопленных и мирных жителях. Получив иммунитет от преследо-

вания за военные преступления и так и не представ перед Токийским трибуналом в обмен на данные об исследованиях биологического оружия, он, по некоторым сведениям, посещал США и продолжал свои исследования в штате Мэриленд¹. Современное расследование деятельности американских лабораторий только началось, и в его результатах заинтересована не только Россия, но и Китай и многие другие государства, биологическая безопасность которых находится под угрозой.

Повсеместно фиксируется и широкая деградация окружающей среды. Эта проблема постоянно увеличивает свой нарастающий характер, и каким образом она проявится в дальнейшем, лишь предстоит узнать будущим поколениям.

Массовые заболевания стали одним из глобальных вызовов современности, что обусловлено появлением новых инфекционных болезней, а также появлением их форм, резистентных к традиционным лекарствам. Начиная с 1970-х гг., вновь возникающие болезни регистрируются с беспрецедентной частотой – по одной и более в год. В настоящее время уже известно около 40 заболеваний, совсем не известных предыдущему поколению².

Мы были свидетелями того, как внезапно возникшая угроза массового распространения вируса Эболы в 2014 г. за пределы Западной Африки заставила многие государства мира объединить усилия и выступить единым фронтом против болезни. К сожалению, в вопросе распространения новой коронавирусной инфекции подобной консолидации международных усилий удалось добиться далеко не сразу.

Эпидемии и пандемии имеют комплекс причин, условий и последствий политического, медицинского, технологического, психологического, экономического, социального и организационного характера. Не

будем подробно останавливаться на их характеристиках, отметим лишь две, представляющие несомненный интерес.

Косвенные медицинские последствия пандемий могут способствовать дальнейшему повышению уровня заболеваемости и смертности. Драйверами этих последствий являются истощение ресурсов, ограничение доступа к медицинской помощи вследствие невозможности перемещаться на транспорте, страха и других факторов.

Эпидемии и пандемии способны иметь серьезные социальные и политические последствия, ослабляя государства, вызывая трения между странами и гражданами, способствуя перемещению населения и повышая уровень социальной напряженности и дискриминации [3–8].

В странах с высоким уровнем политической поляризации, с недавними гражданскими войнами или со слабыми властными институтами постоянные вспышки заболеваний могут привести к не менее постоянным и острым политическим трениям.

Текущая пандемия также изобилует примерами использования фактора коронавирусной инфекции как во внутри-, так и во внешнеполитических интересах, достаточно вспомнить резонансное решение США о выходе из Всемирной организации здравоохранения.

Вспышки массовых заболеваний имеют прямые и косвенные социальные последствия. Например, распространение паники среди населения может вызвать его быструю миграцию.

Внезапное перемещение населения может возыметь дестабилизирующий эффект, при этом мигранты сталкиваются с повышенным риском вследствие антисанитарных условий проживания, плохого питания и других факторов. Миграция также несет с собой риск дальнейшего распространения болезни.

И, наконец, вспышки массовых заболеваний могут спровоцировать стигматизацию уязвимых социальных групп, таких как этнические меньшинства, которых будут обвинять в появлении и распространении болезней.

В этой связи актуализируется проблема распространения эпидемий, пандемий и

¹ Генерал Сиро: что стало с самым жестоким японским палачом // NewsRambler. 2019. 19 авг. URL: https://news.rambler.ru/other/42684151/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 20.06.2022).

² Медведева Л.А. Новые болезни, открытые за последние годы // Food and health. 2021. 27 сент. URL: <https://foodandhealth.ru/info/novye-bolezni-otkrytye-zaposlednie-gody/> (дата обращения: 20.06.2022).

массовых заболеваний как возможное основание международной ответственности государств и международных организаций [9, с. 30-32]. Важным юридическим аспектом является использование действий или бездействий отдельных государств в качестве возможного основания международной ответственности.

Наиболее проблемным моментом является определение конкретных форм международной ответственности. По итогам кодификации права международной ответственности можно констатировать, что и для государств, и для международных организаций таких форм существует три: компенсация, реституция и сатисфакция.

Однако по состоянию на сегодняшний день реализация ответственности государств за распространение массовых заболеваний невозможна (исключение составляет добровольная выплата компенсаций *exgratia*).

Задачу локализации чрезвычайных ситуаций необходимо решать на уровне стран, чтобы они не становились проблемой международного сообщества. При этом международное сообщество может и должно разработать комплекс действенных мер поддержки стран в период устранения чрезвычайных ситуаций и их последствий [10; 11].

Ни одна страна, независимо от своих возможностей, богатства и технического уровня, не в состоянии в одиночку предотвращать, выявлять или реагировать на все угрозы общественному здравоохранению, что требует координации соответствующих действий как на международном уровне, в связи с тем, что угрозы и вызовы в сфере здравоохранения носят трансграничный характер, так и на национальном уровне.

Для достижения обозначенных целей существует Всемирная организация здравоохранения, разрабатывающая нормы универсального характера для наиболее эффективного реагирования и предотвращения воздействия современных вызовов здравоохранения. Помимо этого, она выступает в роли основного субъекта публичного управления на международном уровне, выступая в качестве и регулятора, и правоприменителя.

Согласно Уставу ООН, ВОЗ является специализированным ее учреждением, обладающим мандатом в сфере охраны здоровья

на международном уровне. Это подразумевает, что так или иначе общественные отношения каким-либо образом, касающиеся здравоохранения, находятся в ведении ВОЗ. Целью создания является достижение всеми людьми возможного высшего уровня здоровья. К задачам относится борьба с распространением вирусных заболеваний и ликвидации их; установление универсальных международных правовых санитарных правил; проверка качества и эффективности лекарственных средств; осуществление контроля за санитарным состоянием окружающей среды и т. п.

Также организация обязана ежегодно собирать статистические данные по различным критериям, анализировать их и в последующем на этой основе разрабатывать и реализовывать программы, призванные улучшать здоровье людей и увеличивать продолжительность их жизни.

Так, созданные структурные подразделения ВОЗ взаимодействуют со странами и влияют на формирование национальных систем здравоохранения. В свою очередь, ВОЗ оказывает помощь и поддержку в развитии здравоохранения не только в глобальном контексте, но и на уровне национальных систем и законодательства: развитие нормативно-правовых актов в сфере здравоохранения, техническая помощь, надлежащее применение медицинских технологий, развитие медицинских кадров, улучшение экономики здравоохранения, создание программ здравоохранения с учетом руководящей роли содружества. Именно ВОЗ стала той организацией, которая в начале распространения новой коронавирусной инфекции предоставила государствам рекомендации по мерам борьбы с заболеванием. И хоть ВОЗ не обладает юридическими полномочиями обеспечения своих решений, именно эти рекомендации предопределили возможно эффективное реагирование национальных систем здравоохранения на распространение инфекционного заболевания.

Проблема сохранения и укрепления здоровья граждан является одной из приоритетных задач и в Российской Федерации. Большая часть медицинских организаций является государственной или муниципальной собственностью, однако они находятся

под перманентным исключительным государственным контролем.

Заключение

С учетом изложенного представляется, что интеграционные процессы, столь характерные для современных международных отношений в различных областях человеческой деятельности, следует использовать и для координации и консолидации усилий в сфере общественного здравоохранения по противодействию вновь формируемым вызовам и угрозам. Пандемии и массовые заболевания, а также иные угрозы в сфере общественного здравоохранения наглядно демонстрируют, что без усилий как на внутреннем уровне, так и на уровне международного сообщества их преодолеть будет затруднительно.

Обеспечение глобальной безопасности общественного здравоохранения зависит от уровня доверия и сотрудничества как между государственным и частным секторами общества, так и внутри каждого из них [12–15]. При этом одну из ключевых ролей в данном процессе должна продолжить играть Всемирная организация здравоохранения, опираясь на свои системы санэпиднадзора, глобального оповещения и ответных действий, а также на свой многолетний опыт в качестве лидера в области глобального общественного здравоохранения.

Таким образом, ВОЗ создана как специализированная организация, играющая ведущую роль в разрешении проблем здравоохранения глобального масштаба, разрабатывающая пути выхода из сложившейся

ситуации, устанавливающая нормы и стандарты, научно обоснованные пути развития политики государств, обеспечивая их техническую поддержку и оснащение, а также осуществляющая мониторинг и оценивающая тенденции в сфере здравоохранения. Для осуществления всех этих функций и задач ВОЗ наделена правом издавать правовые акты и воздействовать на национальное законодательство, а также вырабатывать новые доктринальные подходы к развитию здравоохранения в отдельных регионах планеты.

Один из путей выхода из кризиса видится в постоянном и своевременном укреплении национальных систем здравоохранения. Это обеспечит раннее прогнозирование возникающих угроз, выработку соответствующих мер и их локализацию. Именно подобного не хватило при распространении последней пандемии.

Основным вопросом в осмыслении глобального здравоохранения является принятие руководящей роли ВОЗ как на международном, так и на национальных уровнях, так как эта организация является специализированным учреждением ООН, которое занимается осуществлением охраны здоровья на международном уровне. Однако невозможно разрешить все возникающие вызовы здравоохранения в современном мире, поэтому важно обеспечить многопрофильное сотрудничество и с иными организациями здравоохранения, чтобы развивать новые механизмы реагирования на существующие проблемные вопросы.

Список источников

1. *Большакова В.М., Землин А.И., Наумов П.Ю.* Вопросы единовременной выплаты военнослужащим и сотрудникам в связи с пандемией новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 38–43. DOI [10.24412/2073-0454-2021-6-38-43](https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-38-43)
2. *Большакова В.М., Землин А.И., Наумов П.Ю.* Вопросы осуществления единовременных выплат военнослужащим (сотрудникам) в связи с Указом Президента России от 1 февраля 2021 года № 60 // Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако: материалы 5 Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2021. Т. 2. С. 243–246.
3. *Бабайцева Е.С., Большакова В.М., Наумов П.Ю.* Вопросы исполнения обязанностей военной службы при оказании военнослужащим медицинской помощи или прохождения ими медицинского освидетельствования // Военное право. 2021. № 5 (69). С. 78–86.
4. *Гребенюк А.Н., Холиков И.В.* Усилия НАТО по противодействию химическим, биологическим, радиологическим и ядерным угрозам // Военно-медицинский журнал. 2013. Т. 334. № 3. С. 91–93.
5. *Калачев О.В., Холиков И.В., Самохвалов И.М. и др.* 3 Европейский конгресс по военной медицине // Военно-медицинский журнал. 2014. Т. 335. № 11. С. 89–93.

6. Холиков И.В., Сазонова К.Л. Международно-правовые аспекты ответственности государств и международных организаций за распространение эпидемий, пандемий и массовых заболеваний // Военно-медицинский журнал. 2015. Т. 336. № 8. С. 51-57.
7. Холиков И.В. Распространение эпидемий, пандемий и массовых заболеваний как глобальный вызов современности // Пути к миру и безопасности. 2020. № 2 (59). С. 27-40. DOI [10.20542/2307-1494-2020-2-27-40](https://doi.org/10.20542/2307-1494-2020-2-27-40)
8. Шапо В.В., Холиков И.В., Паришин М.Ж. Международное сотрудничество в области военной медицины и здравоохранения как фактор снижения угрозы распространения ВИЧ-инфекции // Военно-медицинский журнал. 2006. Т. 327. № 2. С. 85-87.
9. Большакова В.М., Наумов П.Ю., Енгибарян Г.В. Нормативное правовое регулирование обязанности медицинских организаций войск национальной гвардии Российской Федерации по информированию граждан о получении медицинской помощи в рамках программ государственных гарантий // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2021. № 4 (285). С. 30-38.
10. Бакалкин С.В., Наумов П.Ю. Структура педагогических условий формирования способности будущих офицеров выполнять профессиональные задачи в особых условиях // Педагогический журнал. 2020. Т. 10. № 6-1. С. 62-69. DOI [10.34670/AR.2020.69.16.007](https://doi.org/10.34670/AR.2020.69.16.007)
11. Бакалкин С.В., Наумов П.Ю., Большакова В.М. Структура способности будущих офицеров выполнять задачи в «особых условиях» // Профессиональное образование в современном мире. 2021. Т. 11. № 4. С. 130-139. DOI [10.20913/2618-7515-2021-4-14](https://doi.org/10.20913/2618-7515-2021-4-14)
12. Большакова В.М., Наумов П.Ю., Енгибарян Г.В., Лаптев А.А. Реализация мер правовой и социальной защиты военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей: к проблеме правового регулирования соответствующих обязанностей федеральных судов общей юрисдикции // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2021. № 5 (286). С. 83-91.
13. Большакова В.М., Енгибарян Г.В., Наумов П.Ю. Медицинское обеспечение как особый вид обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов: комментарий к статье 17.1 Федерального закона «Об обороне» от 31 мая 1996 года // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2021. № 2 (283). С. 30-37.
14. Большакова В.М., Наумов П.Ю., Кононов А.Н. Доказательства и доказывание при осуществлении судебной защиты интересов военно-медицинских организаций // Военное право. 2021. № 2 (66). С. 210-217.
15. Большакова В.М., Енгибарян Г.В., Наумов П.Ю. Отдельные аспекты организации и осуществления судебной защиты интересов медицинских организаций федеральных органов исполнительной власти, где федеральным законом предусмотрена военная служба // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10. № 12-1. С. 49-56. DOI [10.34670/AR.2020.80.63.016](https://doi.org/10.34670/AR.2020.80.63.016)

References

1. Bolshakova V.M., Zemlin A.I., Naumov P.Y. Voprosy edinovremennoy vyplaty voyennosluzhashchim i sotrudnikam v svyazi s pandemiyei novoy koronavirusnoy infektsii (COVID-2019) [Issues of one-time payment to military and employees in connection with the new coronavirus infection pandemic (COVID-2019)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii – Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 6, pp. 38-43. DOI [10.24412/2073-0454-2021-6-38-43](https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-38-43). (In Russian).
2. Bolshakova V.M., Zemlin A.I., Naumov P.Y. Voprosy osushchestvleniya edinovremennykh vyplat voyennosluzhashchim (sotrudnikam) v svyazi s Ukazom Prezidenta Rossii ot 1 fevralya 2021 goda № 60 [Issues of making lump-sum payments to military personnel (employees) in connection with Decree of the President of Russia dated February 1, 2021 no. 60]. *Materialy 5 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Tambovskie pravovyye chteniya imeni F.N. Plevako»: v 2 t.* [Proceedings of the 5th International Scientific and Practice Conference “Tambov Legal Readings named after F.N. Plevako”: in 2 vols.]. Tambov, Publishing House “Derzhavinsky”, 2021, vol. 2, pp. 243-246. (In Russian).
3. Babaytseva E.S., Bolshakova V.M., Naumov P.Y. Voprosy ispolneniya obyazannostey voyennoy sluzhby pri okazanii voyennosluzhashchim meditsinskoy pomoshchi ili prokhozhdeniya imi meditsinskogo osvidetel'stvovaniya [Issues of performing the duties of military service when providing medical care to military personnel or passing a medical examination by them]. *Voyennoye pravo – Military Law*, 2021, no. 5 (69), pp. 78-86. (In Russian).
4. Grebenyuk A.N., Kholikov I.V. Usiliya NATO po protivodeystviyu khimicheskim, biologicheskim, radiologicheskim i yadernym ugrozam [Chemical, biological, radiologic and nuclear countermeasures of

- NATO]. *Voyenno-meditsinskiy zhurnal – Military Medical Journal*, 2013, vol. 334, no. 3, pp. 91-93. (In Russian).
5. Kalachev O.V., Kholikov I.V., Samokhvalov I.M. et al. 3 Evropeyskiy kongress po voyennoy meditsine [The 3rd European congress of military medicine]. *Voyenno-meditsinskiy zhurnal – Military Medical Journal*, 2014, vol. 335, no. 11, pp. 89-93. (In Russian).
 6. Kholikov I.V., Sazonova K.L. Mezhdunarodno-pravovyye aspekty otvetstvennosti gosudarstv i mezhdunarodnykh organizatsiy za rasprostraneniye epidemiy, pandemiy i massovykh zabolevaniy [International legal aspects of responsibility of states and international organizations for the spread of epidemics, pandemics and mass diseases.]. *Voyenno-meditsinskiy zhurnal – Military Medical Journal*, 2015, vol. 336, no. 8, pp. 51-57. (In Russian).
 7. Kholikov I.V. Rasprostraneniye epidemiy, pandemiy i massovykh zabolevaniy kak global'nyy vyzov sovremennosti [The spread of epidemics, pandemics, and mass diseases as a contemporary global challenge]. *Puti k miru i bezopasnosti – Pathways to Peace and Security*, 2020, no. 2 (59), pp. 27-40. DOI [10.20542/2307-1494-2020-2-27-40](https://doi.org/10.20542/2307-1494-2020-2-27-40) (In Russian).
 8. Shappo V.V., Kholikov I.V., Parshin M.Z. Mezhdunarodnoye sotrudnichestvo v oblasti voyennoy meditsiny i zdravookhraneniya kak faktor snizheniya ugrozy rasprostraneniya VICH-infektsii [International cooperation in the field of military medicine and healthcare as a factor in reducing the threat of the spread of HIV infection]. *Voyenno-meditsinskiy zhurnal – Military Medical Journal*, 2006, vol. 327, no. 2, pp. 85-87. (In Russian).
 9. Bolshakova V.M., Naumov P.Y., Engibaryan G.V. Normativnoye pravovoye regulirovaniye obyazannosti meditsinskiykh organizatsiy voysk natsional'noy gvardii Rossiyskoy Federatsii po informirovaniyu grazhdan o poluchenii meditsinskoy pomoshchi v ramkakh programm gosudarstvennykh garantiy [Normative legal regulation of the obligation of medical organizations of the troops of the National Guard of the Russian Federation to inform citizens about the receipt of medical care under the programs of state guarantees]. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh – Voyenno-pravovoye obozreniye – Law in the Armed Forces – Military-Legal Review*, 2021, no. 4 (285), pp. 30-38. (In Russian).
 10. Bakalkin S.V., Naumov P.Y. Struktura pedagogicheskikh usloviy formirovaniya sposobnosti budushchikh ofitserov vpolnyat' professional'nyye zadachi v osobykh usloviyakh [Structure of pedagogical conditions for forming ability of future officers to perform professional tasks under special conditions]. *Pedagogicheskiy zhurnal – Pedagogical Journal*, 2020, vol. 10, no. 6-1, pp. 62-69. DOI [10.34670/AR.2020.69.16.007](https://doi.org/10.34670/AR.2020.69.16.007). (In Russian).
 11. Bakalkin S.V., Naumov P.Y., Bolshakova V.M. Struktura sposobnosti budushchikh ofitserov vpolnyat' zadachi v «osobykh usloviyakh» [The ability structure of future officers to perform tasks in “special conditions”]. *Professional'noye obrazovaniye v sovremennom mire – Professional Education in the Modern World*, 2021, vol. 11, no. 4, pp. 130-139. DOI [10.20913/2618-7515-2021-4-14](https://doi.org/10.20913/2618-7515-2021-4-14). (In Russian).
 12. Bolshakova V.M., Naumov P.Y., Engibaryan G.V., Laptev A.A. Realizatsiya mer pravovoy i sotsial'noy zashchity voyennosluzhashchikh, grazhdan, uvolennykh s voyennoy sluzhby, i chlenov ikh semey: k probleme pravovogo regulirovaniya sootvetstvuyushchikh obyazannostey federal'nykh sudov obshchey yurisdiktsii [Implementation of measures of legal and social protection of military personnel, citizens discharged from military service, and members of their families: to the problem of legal regulation of the relevant duties of federal courts of general jurisdiction]. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh – Voyenno-pravovoye obozreniye – Law in the Armed Forces – Military-Legal Review*, 2021, no. 5 (286), pp. 83-91. (In Russian).
 13. Bolshakova V.M., Engibaryan G.V., Naumov P.Y. Meditsinskoye obespecheniye kak osoby vid obespecheniya Vooruzhennykh Sil Rossiyskoy Federatsii, drugikh voysk, voinskiykh formirovaniy i organov: kommentariy k stat'ye 17.1 Federal'nogo zakona «Ob oborone» ot 31 maya 1996 goda [Medical support as a special type of support for the Armed Forces of the Russian Federation, other troops, military formations and bodies: commentary on Article 17.1 of the Federal Law “On Defense” of May 31, 1996]. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh – Voyenno-pravovoye obozreniye – Law in the Armed Forces – Military-Legal Review*, 2021, no. 2 (283), pp. 30-37. (In Russian).
 14. Bolshakova V.M., Naumov P.Y., Kononov A.N. Dokazatel'stva i dokazyvaniye pri osushchestvlenii sudebnoy zashchity interesov voyenno-meditsinskiykh organizatsiy [Evidence and proving in the exercise of judicial protection of interests of military medical organizations]. *Voyennoye pravo – Military Law*, 2021, no. 2 (66), pp. 210-217. (In Russian).
 15. Bolshakova V.M., Engibaryan G.V., Naumov P.Y. Otdel'nyye aspekty organizatsii i osushchestvleniya sudebnoy zashchity interesov meditsinskiykh organizatsiy federal'nykh organov ispolnitel'noy vlasti, gde federal'nym zakonom predusmotrena voyennaya sluzhba [certain aspects of the organization and implementation of judicial protection of the interests of medical organizations of federal executive bodies, where mili-

tary service is provided for by federal law]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava – Matters of Russian and International Law*, 2020, vol. 10, no. 12-1, pp. 49-56. DOI [10.34670/AR.2020.80.63.016](https://doi.org/10.34670/AR.2020.80.63.016). (In Russian).

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 29.07.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 24.09.2022

Принята к публикации / Accepted for publication 21.11.2022

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПРАВО SUBSTANTIVE LAW

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.24+347.78

DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-4-556-566

Шифр научной специальности 5.1.3

Отдельные вопросы правового регулирования размещения объектов интеллектуальной собственности в сети Интернет: проблемные аспекты и поиск путей решения

© ИДРИСОВ Хусейн Вахаевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса, ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», Российская Федерация, Чеченская Республика, 364024 г. Грозный, ул. А. Шерипова, 32, ORCID: [0000-0002-7008-8904](https://orcid.org/0000-0002-7008-8904), ResearcherID: [AAV-9553-2020](https://www.researcherid.com/AAV-9553-2020), ScopusID: [57394819300](https://orcid.org/57394819300), huseyn23@rambler.ru

Аннотация

Приведена правовая характеристика возникающих проблем в результате размещения объектов интеллектуальной собственности в сети Интернет, опосредованных нарушений прав законных правообладателей. Цель исследования: проведение юридического анализа (нормативно-правовая характеристика и анализ судебной практики) проблемных вопросов регулирования размещения объектов интеллектуальной собственности в сети Интернет. Указано, что правовая защита субъектов интеллектуальной собственности возможна посредством реализации мер уголовно-правового и гражданско-правового характера, адаптированных под существующие объективные реалии в киберпространстве. Осуществлена характеристика субъектного состава правообладателей и субъектов ответственности, приведены дела из судебной практики. Кроме того, рассмотрены досудебные способы урегулирования споров между авторами произведений и владельцами интернет-ресурсов. Исследование построено на основе формально-юридического и сравнительно-правового методов, которые нашли свое применение при правовом анализе проблематики защиты аудиовизуальных произведений в сети Интернет. В качестве вывода высказана необходимость в более эффективной, действенной защите данного института права на современном этапе его развития путем оптимизации уголовно-правовых и гражданско-правовых средств защиты института интеллектуального права и законных интересов правообладателей.

Ключевые слова

контент, сайт, суд, авторские права, защита, охрана, аудиовизуальные произведения, Интернет, «цифровое пиратство», Уголовный кодекс Российской Федерации, Гражданский кодекс Российской Федерации

Для цитирования

Идрисов Х.В. Отдельные вопросы правового регулирования размещения объектов интеллектуальной собственности в сети Интернет: проблемные аспекты и поиск путей решения // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 4. С. 556-566. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-4-556-566](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-4-556-566)

ORIGINAL ARTICLE

DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-4-556-566](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-4-556-566)

Certain issues of legal regulation of the placement of intellectual property objects on the Internet: problematic aspects and search for solutions

© Hussein V. IDRISOV,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of Civil Law and Process Department, Kadyrov Chechen State University, 32 A. Sheripova St., Grozny 364024, Chechen Republic, Russian Federation, ORCID: [0000-0002-7008-8904](https://orcid.org/0000-0002-7008-8904), Researcher ID: [AAV-9553-2020](https://orcid.org/AAV-9553-2020), Scopus ID: [57394819300](https://orcid.org/57394819300), huseyn23@rambler.ru

Abstract

We provide a legal description of the problems that arise as a result of the placement of intellectual property objects on the Internet, mediated violations of the rights of legitimate copyright holders. The purpose of the study: to conduct a legal analysis (legal characteristics and analysis of judicial practice) of problematic issues of regulating the placement of intellectual property objects on the Internet. We point out that the legal protection of intellectual property subjects is possible through the implementation of criminal law and civil law measures adapted to the existing objective realities in cyberspace. We carry out a characterization of the subject composition of copyright holders and subjects of responsibility, cases from judicial practice are given. In addition, we consider pre-trial ways to resolve disputes between authors of works and owners of Internet resources. The study is based on formal legal and comparative legal methods, which have found their application in the legal analysis of the problems of protecting audiovisual works on the Internet. As a conclusion, we express the need for more effective, efficient protection of this institution of law at the present stage of its development by optimizing the criminal law and civil law means of protecting the institution of intellectual property law and the legitimate interests of copyright holders.

Keywords

content, website, court, copyright, protection, security, audiovisual works, Internet, “digital piracy”, Criminal Code of the Russian Federation, Civil Code of the Russian Federation

For citation

Idrisov H.V. Otdel'nyye voprosy pravovogo regulirovaniya razmeshcheniya ob'yektov intellektual'noy sobstvennosti v seti Internet: problemnyye aspekty i poisk putey resheniya [Certain issues of legal regulation of the placement of intellectual property objects on the Internet: problematic aspects and search for solutions]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2022, vol. 6, no. 4, pp. 556-566. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-4-556-566](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-4-556-566) (In Russian, Abstr. in Engl.)

Введение

В современную эпоху информационного века, в век дальнейшего развития информационно-телекоммуникационной сети Интернет (далее – сеть Интернет) мы являемся свидетелями немалого количества правонарушений в данной сфере, связанных с доступом к информации и ее распространением. Поисковые системы сети Интернет откры-

вают неограниченный доступ к информации, обладающей всевозможным многообразием, большая часть которой находится в открытом доступе и может быть использована злоумышленниками в своих корыстных целях и интересах. Более того, такие действия напрямую затрагивают права и законные интересы тех или иных лиц (авторов, законных

правообладателей), причиняют им вред, в том числе и моральный.

Как известно, «в сети Интернет можно не только находить и использовать информацию, но и распространять ее, делиться научными исследованиями, произведениями искусства, литературы, музыкой, прочими объектами интеллектуальной собственности» [1, с. 165-166]. И, к сожалению, происходит это довольно часто противоправными методами. Подобную закономерность отмечают и ряд авторов на современном этапе анализа поставленной проблемы [1; 2, с. 511; 3]. Информация, в том числе, материализуется и в результатах интеллектуальной деятельности физического лица, в объектах интеллектуальной собственности, которые обладают своей спецификой содержания. Такие специфические объекты гражданского права подвержены в современном мире действиям противоправного характера, сопряженными с причинением убытков (вреда, ущерба) их законным правообладателям. В этом плане довольно остро на сегодняшний день стоит проблема эффективной защиты прав и законных интересов правообладателей на такие специфические объекты правоотношений, которые нашли свое выражение в плане их размещения в сети Интернет. Исходя из обозначенных аспектов и обоснована актуальность темы настоящего исследования.

Результаты исследования

Законодательные аспекты проблемы охраны и защиты объектов интеллектуальной собственности

Вообще, что касается объектов права, то, как отмечают некоторые ученые, «объект правоотношения характеризуется посредством целого ряда правовых категорий» [4, с. 92]. Вместе с тем, как отмечает другой исследователь А.А. Умарова касательно структуры объекта, то «структура всяческого объекта отображает стабильную совместность связей, поддерживающих в первоначальном виде его ключевые качества при происходящих внутри и снаружи трансформациях, она не меняется при любых превращениях, иначе говоря, отображает статичные свойства системы – координаты, устройство, некий порядок составляющих рассматриваемого объекта» [5, с. 133]. Объекты интеллекту-

ального права обладают своей известной спецификой, связанной с тем, что они представляют из себя результат умственного труда, творчества человека, его личностного созидания в окружающем мире. И такое «созидание» уникально в каждом отдельном случае.

В этом контексте интерес представляет трендовое за последнее время развитие нейросетей, основанных на работе так называемого «искусственного интеллекта», и их применение в различных сферах человеческой деятельности. Так, например, на ресурсах в сети Интернет можно воспользоваться возможностью создания собственной живописной работы, введя определенный набор слов, вследствие чего алгоритм нейросети «рисует» по введенному пользователем тексту. В итоге получаются уникальные произведения искусства, нарисованные не человеком, а ЭВМ¹. Более того, такие творения искусства, получаемые в результате манипуляций искусственного интеллекта, находят своих почитателей и даже продаются с площадок всемирно известных аукционов за сотни тысяч долларов². Другой пример, известная IT-компания Яндекс разработала необычное приложение Яндекс.Автопоэт, основанное на искусственном интеллекте, которое «сочиняет» стихотворения, содержанием которых служат случайные заголовки новостей и поисковых запросов пользователей, подходящих по рифме³, в результате получается необычный «интеллектуальный» продукт искусственного интеллекта.

При этом необходимо отметить, что такая сфера отношений («интеллектуальный» продукт не интеллектуального субъекта – искусственного интеллекта) на сегодняшний день находится вне сферы воздействия права, то есть не отрегулирована. Отметим, что указанные вопросы относительно продуктов деятельности искусственного интеллекта требуют своего более скрупулезного изуче-

¹ См., напр., нейросеть Midjourney. URL: <https://www.midjourney.com/home/> (дата обращения: 16.04.2022).

² См.: Искусственный интеллект написал картину, и ее продали на аукционе// РБК: сайт. 2018. 26 окт. URL: <https://style.rbc.ru/impressions/5bd2de049a7947fd4d2ec2ce> (дата обращения: 16.04.2022).

³ См.: Проект Яндекс.Автопоэт. URL: <https://yandex.ru/autopoet/> (дата обращения: 18.04.2022).

ния и выходят за рамки объема и содержания настоящей работы.

Как показывает анализ на предмет содержания контента того или иного сайта в сети Интернет (и не только отдельного сайта, но и личных аккаунтов в социальных сетях и мессенджерах), как правило, большинство недобросовестных владельцев «заимствуют» фотографии, видеоматериалы и иные объекты интеллектуальной собственности у своих конкурентов. В связи с чем у интернет-пользователей сложилась недобросовестная практика использования чужой интеллектуальной собственности. Зачастую эти самые пользователи не бывают даже в курсе того, что своими действиями нарушают права и законные интересы авторов (законных правообладателей).

Если говорить о мерах юридической ответственности, которые могут быть применены к данным правонарушителям, то, как правило, речь идет о применении к ним либо санкций уголовно-правового характера, либо гражданско-правового свойства. Нормы Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) содержат ряд специальных составов, посвященных исследуемой проблематике. Так, статья 146 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за противоправные действия в сфере нарушения авторских и смежных прав. Приводится и легальная дефиниция такой категории, как «плагиат»: в соответствии с частью 1 статьи 146 УК РФ «плагиат – это присвоение авторства»⁴. В свою очередь, статья 147 УК РФ посвящена вопросам нарушения изобретательских и патентных прав. Определений патента и изобретения в нормах данной статьи мы не находим, однако исходим из того, что под патентом понимается определенный документ, который выдается уполномоченным государственным органом и «удостоверяет приоритет изобретения, полезной модели или промышленного образца, авторство и исключительное право на изобретение, полезную модель или промышленный образец»⁵.

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁵ Гражданский кодекс РФ (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 11.06.2021) // Собрание

Касательно же мер гражданско-правового свойства, которые могут быть применены к субъектам нарушения интеллектуальных прав, то они урегулированы нормами части четвертой ГК РФ⁶.

Исследование проблем «по указанной проблематике позволяет сделать вывод, что с появлением и развитием сети «Интернет» приобрела новый масштаб проблема охраны объектов интеллектуальной собственности, в частности авторских прав. Владельцы интернет-сайтов все чаще размещают на своих ресурсах контент без указания авторов» [1, с. 166], в высшей степени это сказывается на аудиовизуальных произведениях.

Существуют различного рода исследования, в том числе и на базе статистических данных по указанной проблематике. Так, в 2017 г. в рамках проведенных исследований британская компания «Muso» по разработке «антипиратских» технологий опубликовала отчет, где были размещены данные о «Топ-5 стран-потребителей пиратского контента». Верхнюю строчку в этом списке занимает США (27,9 млрд посещений «пиратских» ресурсов), вторую строчку занимает Россия (20,6 млрд), затем следуют Индия (17 млрд), Бразилия (12,7 млрд) и Турция (11,9 млрд)⁷.

Примечательно, что чаще всего пользователи сети Интернет посещают сайты, где размещены в качестве контента художественные сериалы, вслед за ними идут сайты с музыкальным контентом и полнометражными фильмами.

Как правило, «само по себе нарушение авторских прав в аудиовизуальной сфере происходит посредством передачи, а также копирования фильмов или иных видеоматериалов через компьютерные сети. Подобные действия противозаконного характера совершаются с целью получения прибыли или же без нее, то есть для свободного «тиражирования» через, так называемые, «файлообменники»» [1, с. 166]. На сегодняшний день широкую популярность приобрели интер-

законодательства Российской Федерации. 2006. № 52 (Ч. I). Ст. 5496.

⁶ Там же.

⁷ Global piracy increases throughout 2017 (MUSO reveals). URL: <https://www.muso.com/magazine/global-piracy-increases-throughout-2017-muso-reveals/> (accessed: 12.04.2022).

нет-сайты, именуемые «онлайн-кинотеатрами». Предпринимаются меры по их блокировке, однако вместо заблокированного сайта или страницы в сети Интернет создается его зеркальная копия. Такие онлайн-кинотеатры предоставляют возможность пользователям данных сайтов просматривать нелегальный контент, то есть кинофильмы в режиме онлайн, не прибегая к скачиванию нелегальных копий на свой компьютер, что само по себе является очень удобным и не накладным с точки зрения использования интернет-трафика.

Между тем изучение указанных вопросов предполагает и необходимость выяснения и понятийного аппарата. Важно дать определение самому понятию «аудиовизуальное произведение». Так, согласно пункту 1 статьи 1263 ГК РФ: «аудиовизуальным произведением признается произведение, состоящее из зафиксированной серии связанных между собой изображений (с сопровождением или без сопровождения звуком) и предназначенное для зрительного и слухового (в случае сопровождения звуком) восприятия с помощью соответствующих технических устройств»⁸.

Таким образом, к аудиовизуальным произведениям «относятся кинофильмы, видеофильмы, зафиксированные на материальном носителе телепередачи, клипы, диафильмы, слайд-фильмы и т. п., при этом отдельный кадр фильма (передачи) не подпадает под данное понятие. Аудиовизуальное произведение является сложным объектом в силу пункта 1 статьи 1240 ГК РФ, так как сочетает в себе несколько самостоятельных объектов авторских и смежных прав»⁹.

Касательно субъектного состава правообладателей, то статья 1263 ГК РФ указывает авторов аудиовизуальных произведений, к которым относятся: режиссер-постановщик, автор сценария и композитор – автор музыкального произведения, специально созданного для этого аудиовизуального произведения. Однако «в действительности этот список куда обширнее, помимо вышеперечис-

ленных лиц, правообладателями могут являться и другие лица, применительно к каждому произведению индивидуально. К ним относятся:

- авторы, сохранившие исключительное право на свои произведения, специально созданные для определенного аудиовизуального произведения;

- авторы, сохранившие исключительное право на свои ранее созданные произведения, используемые в определенном аудиовизуальном произведении;

- лицо, организовавшее создание аудиовизуального произведения – продюсер»¹⁰.

Вместе с тем, «что касается субъектов ответственности в рассматриваемой сфере, то для лучшего их понимания стоит рассмотреть такое понятие, как «информационный посредник», официальное определение которого установлено в пункте 1 статьи 1253.1 ГК РФ» [1, с. 167]. При анализе данной статьи становится очевидным, что «информационными посредниками являются лица:

- обеспечивающие пользователям свободное размещение какой-либо информации на сайте. К ним отнесены владельцы сайтов, администраторы;

- обеспечивающие пользователям открытый доступ к сети Интернет – к ним отнесены операторы, провайдеры;

- обеспечивающие пользователям возможность размещения сайта и его содержания на своих технических площадках – к ним отнесены хостинг-провайдеры» [6].

Анализ некоторых дел судебной практики по вопросам защиты объектов интеллектуальных прав в сети Интернет

Вообще, «разрешение споров, связанных с защитой интеллектуальной собственности в сети Интернет, находится в компетенции органов правосудия. Например, к компетенции Московского городского суда отнесены дела по защите прав на кино- и телефильмы» [1, с. 167].

Для полноты анализа понятия «информационный посредник» обратимся более детально к судебной практике. Приведем подробный анализ дела, окончательное решение по которому состоялось в начале 2022 г.

⁸ Гражданский кодекс РФ (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 11.06.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 52 (Ч. I). Ст. 5496.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

Так, по обстоятельствам дела усматривается, что ООО «Издательство Джем» (далее – издательство «Джем») обратилось в Арбитражный суд города Москвы с иском к ООО «В контакте» (далее – общество «В контакте») и к ООО «Объединенное Медиа Агентство» (далее – общество «ОМА») о взыскании солидарно с ответчиков компенсации за нарушение исключительных авторских и смежных прав в общем размере 5 600 000 рублей, а также об обязанности ответчиков опубликовать решение суда о допущенном нарушении с указанием действительного правообладателя в печатном СМИ «Ведомости».

В обоснование своих требований издательство «Джем» пояснило, что заключило договор от 1 сентября 2017 г. № 316 D об исключительной лицензии с музыкальным исполнителем на право использовать ряд музыкальных произведений автора (с приложением к нему компакт-диска, содержащего объекты, права на которые были предоставлены по названному лицензионному договору.)

Впоследствии Издательству «Джем» стало известно об использовании на сайте <https://vk.com/vkmusic>, принадлежащем обществу «В контакте», 11 октября 2019 г. упомянутых музыкальных произведений, фонограмм и исполнений. Факт использования названных объектов интеллектуального права подтверждается нотариальным протоколом осмотра интернет-страницы от 11 октября 2019 г., которым зафиксировано размещение спорных объектов в свободном доступе на указанном интернет-сайте на странице сообщества «Музыка ВКонтакте».

Согласно пунктам 3.1 и 4.1 пользовательского соглашения, размещенного на данном сайте, правообладателем сайта в целом и доменного имени является общество «В контакте». В порядке досудебного урегулирования спора издательство «Джем» направило претензию обществу «В контакте» с требованием о выплате компенсации за нарушение исключительных прав. В ответе на претензию последний подтвердил факт размещения и доведения до всеобщего сведения спорных объектов и сослался на заключенный с обществом «ОМА» договор, согласно которому общество «ОМА» гаранти-

ровало урегулирование претензий обладателей прав на результаты интеллектуальной деятельности и возникших споров с тем, чтобы исключить убытки общества «В контакте», связанные с такими претензиями.

Общество «ОМА» в ответ на претензию истца от 2 декабря 2019 г. не признало факт неправомерного использования объектов интеллектуального права. Ссылаясь на то, что путем распространения, воспроизведения и доведения до всеобщего сведения общество «В контакте» и общество «ОМА» нарушили исключительные права на музыкальные произведения, на литературные произведения, на фонограммы, на записи исполнений, удалили без разрешения правообладателя информацию об авторском и смежном праве, а также по причине оставления изложенных в претензиях требований без удовлетворения, издательство «Джем» обратилось в Арбитражный суд города Москвы с иском к обществу «В контакте» и обществу «ОМА» с требованием взыскать солидарно с ответчиков в счет возмещения нарушения исключительных авторских и смежных прав денежную сумму в размере 5 600 000, а также обязать ответчиков опубликовать решение суда о допущенном нарушении с указанием действительного правообладателя в печатном СМИ.

Суд первой инстанции частично удовлетворил исковые требования и взыскал солидарно с ответчиков компенсацию в размере 225000 рублей¹¹. Данное решение было отменено Девятым арбитражным апелляционным судом и было им рассмотрено в качестве суда первой инстанции. Удовлетворяя при первоначальном рассмотрении исковые требования частично, суд апелляционной инстанции исходил из доказанности наличия у издательства «Джем» права на защиту исключительных прав на указанные музыкальные произведения, фонограммы и исполнения музыканта <Т.А.А.>, и нарушения обществом «ОМА» исключительных прав на данные объекты интеллектуальных прав. При этом суд апелляционной инстанции, взыскивая с общества «ОМА» компенсацию

¹¹ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 22.10.2020 по делу № А40-338270/2019. Доступ из СПС «Гарант».

в размере 270000 рублей, в то же время пришел к выводу об отсутствии оснований для удовлетворения требований к обществу «В контакте», так как последнее является информационным посредником. Оснований для удовлетворения требований в остальной части суд апелляционной инстанции не усмотрел¹².

При рассмотрении настоящего дела в кассационной инстанции Суд по интеллектуальным правам установил, что суд апелляционной инстанции рассмотрел дело без учета уточненного искового заявления, просительная часть которого отличается от просительной части изначально поданного искового заявления. В связи с чем данное дело было направлено на новое рассмотрение апелляционного суда¹³.

При новом рассмотрении суд апелляционной инстанции пришел к мнению, что общества «В контакте» и «ОМА» являются информационными посредниками, соответственно не имеют прямого отношения к загрузке музыкального контента, а лишь предоставляют технические услуги по передаче информации, предоставленной другими лицами (например, пользователь страницы на сайте «В контакте»).

При этом суд апелляционной инстанции отметил, что в нарушение положений статьи 65 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации истец не представил доказательств, подтверждающих использование ответчиками спорных объектов интеллектуальных прав и получение доходов непосредственно от их использования (например, продажа альбома, аудиозаписи).

Учитывая, что, по мнению суда апелляционной инстанции, представленный истцом лицензионный договор от 1 сентября 2017 г. № 316 D достоверно не подтверждает, в отношении каких произведений, исполнений и фонограмм издательство «Джем» обладает исключительной лицензией, а также отсутствие в материалах дела самих объектов интеллектуальных прав, суд апелляционной

инстанции пришел к выводу о недоказанности истцом права на обращение в суд с иском, а также факта нарушения исключительных прав на спорные объекты. В конечном итоге суд апелляционной инстанции вынес решение об отказе в удовлетворении исковых требований, отменив при этом решение суда первой инстанции¹⁴.

На данное решение апелляционного суда была заинтересованной стороной вынесена кассационная жалоба, которую рассматривал Суд по интеллектуальным правам. Суд в своем решении отметил, что в каталоге, являющемся приложением к названному лицензионному договору, содержатся индивидуализирующие признаки объектов, права на которые предоставляются лицензиату в рамках данного договора: название произведения/фонограммы/исполнения, автор музыки и текста произведения, изготовитель фонограммы, дата ее изготовления и хронометраж, исполнитель.

В ответе на претензию общество «В контакте» признало факт размещения и доведения до всеобщего сведения спорных объектов.

При этом, заявляя соответствующие доводы, ответчики не представили информации и соответствующих доказательств существования иных объектов авторских и смежных прав с тождественными характеристиками и принадлежности прав на них другим лицам.

Между тем суд кассационной инстанции согласился с тем, что фонограмма представляет собой исключительно звуковую запись, следовательно, при заключении договора такие записи должны передаваться на материальном носителе вместе с договором для целей идентификации объекта, в отношении которого предоставляются права по договору, во избежание возможных споров об идентичности объектов.

Вместе с тем Суд по интеллектуальным правам согласился с мнением суда апелляционной инстанции, что применительно к способу и порядку размещения контента по смыслу статьи 1253.1 ГК РФ ответчики от-

¹² Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 28.04.2021 № 09АП-70179/20 по делу № А40-338270/2019. Доступ из СПС «Гарант».

¹³ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 23.06.2021 № С01-974/2021 по делу № А40-338270/2019. Доступ из СПС «Гарант».

¹⁴ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 11.10.2021 № 09АП-42877/21 по делу № А40-338270/2019. Доступ из СПС «Гарант».

носятся к информационным посредникам. Более того, в рассматриваемом случае в материалах дела действительно отсутствуют доказательства того, что ответчики самостоятельно использовали спорные объекты интеллектуального права и получили доходы от непосредственного их использования (продажа альбома, аудиозаписи).

При этом суд апелляционной инстанции установил, что после получения информации о возможном нарушении исключительных прав обществом «ОМА» были предприняты меры по защите этих прав путем обращения к партнеру, предоставившему спорный контент – компании «Merlin».

Суд кассационной инстанции также отметил, что в материалах дела также отсутствуют доказательства, достоверно подтверждающие загрузку ответчиками спорных объектов интеллектуального права в социальную сеть «ВКонтакте» и в приложение «Boom».

Таким образом, суд апелляционной инстанции, оценив представленные в материалы данного дела доказательства, пришел к правомерному выводу о том, что в рассматриваемом случае ответчики как информационные посредники не несут ответственности за размещение музыкального контента, содержащего в себе объекты интеллектуальных прав, права пользования на которые были предоставлены истцу на основании исключительной лицензии.

Исходя из указанной позиции Суда по интеллектуальным правам заявленные истцом требования не были удовлетворены, и в иске было отказано¹⁵.

Обратимся к другому судебному делу, которое было рассмотрено Московским городским судом в 2017 г. Телекомпания «ТНТ-Телесеть» предъявило иски к ООО «Телекоммуникационная Компания МАРОСНЕТ», компании «ЭлКат». Суть требований истца сводилась к тому, что в вину ответчику вменялось нарушение «исключительных прав на аудиовизуальное произведение «ФИЗРУК, 3-й сезон», размещенное на сайтах в сети Интернет по адре-

сам: <http://dok911.ru>, и <http://namba.kg>»¹⁶ [1, с. 167]. Истец заявлял и обосновывал исключительные права на данное аудиовизуальное произведение и вменял ответчикам, что они разместили на своих сайтах данный контент без согласия истца и без иного основания, предусмотренного ГК РФ, тем самым нарушая исключительные права истца.

По результатам рассмотрения данного дела суд «запретил ответчикам создание технических условий, обеспечивающих размещение на их сайтах в сети Интернет аудиовизуального произведения «ФИЗРУК 3-й сезон», без согласия правообладателя или иного законного основания, а также взыскал в пользу акционерного общества «ТНТ-Телесеть» расходы по уплате государственной пошлины в размере трех тысяч рублей с каждого ответчика и ограничил на постоянной основе доступ к их сайтам в информационно-телекоммуникационной сети Интернет по адресам: <http://dok911.ru>, <http://namba.kg>»¹⁷.

Как можем видеть в приведенных судебных делах, в первом случае суд посчитал информационных посредников не виновными в нарушении исключительных интеллектуальных прав, во втором – наоборот, признал информационного посредника виновным и иск удовлетворил. Таким образом, вопрос привлечения к юридической ответственности информационного посредника должен решаться применительно к каждому отдельному случаю с учетом наличия в его действиях фактора вины [7, с. 118].

Наряду с этим, «кроме судебной процедуры защиты нарушенных интеллектуальных прав, законом предусмотрены досудебные способы урегулирования возникших споров. Правообладатель, чьи авторские права были нарушены незаконным размещением его интеллектуальной собственности на сайте в сети Интернет, должен обратиться к провайдеру, обеспечивающему дос-

¹⁵ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 9.02.2022 № С01-974/2021 по делу № А40-338270/2019. Доступ из СПС «Гарант».

¹⁶ Прим.: В данный момент доступ к информационным ресурсам ограничен на основании Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.

¹⁷ Решение Московского городского суда от 20.02.2017 по делу № 3-0087/2017. Доступ из СПС «Право.ru». URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/95166357> (дата обращения: 25.05.2022).

туп к этому сайту, и потребовать удалить нелегальный контент, сославшись на нарушение статьи 15.7 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». В свою очередь, в течение 24 часов после обращения правообладателя провайдеру необходимо связаться с непосредственным владельцем сайта, который обязан удалить незаконный контент в течение следующих 24 часов» [1, с. 168].

Если же никакой реакции не последовало, то есть «если провайдер не отреагировал на обращение или владелец сайта отказался удалить, не принадлежащий ему на законных основаниях контент, который нарушает авторские права, то правообладатель может смело обращаться в суд за восстановлением своих прав. Однако в данном контексте авторы произведений зачастую сталкиваются с трудностями при сборе доказательств, и связано это с тем, что нарушитель, в свою очередь, после обращения в суд законного правообладателя может моментально удалить весь незаконный контент с сайта в сети Интернет, подтверждающий несанкционированное использование произведения, и тем самым избежать юридической ответственности» [1, с. 168].

В данном процессе необходимо сделать одно уточнение: «блокировка незаконного контента выполняется в отношении конкретной страницы, а не всего сайта и, основываясь на этом, заявитель должен указать именно веб-адрес страницы, где размещен нелегальный информационный контент» [1, с. 168]. Также следует подчеркнуть, что нарушитель не освобождается от ответственности за размещение незаконного контента или несанкционированное использование произведения без указания автора произведения.

В рамках исследования обозначенного вопроса теории сталкиваются с проблемой следующего характера: «всевозможное многообразие информации, предоставляемой глобальной сетью, ее хранение и распространение, сетевая активность самих пользователей, а также свобода доступа к информации, гарантированная Конституцией Российской Федерации, находятся во взаимном противоречии друг с другом, принимая во внимание положения законодательства об авторском праве, которое установи-

ло границы, пределы, распространенные в том числе и на нормы, связанные с интернет-деятельностью» [1, с. 168].

И еще один аспект. «Необходимость реформирования законодательства в данной области возникла после вступления в силу в России в 2013 г. так называемого «антипиратского закона»¹⁸, прототипом которого в определенной степени стал американский законопроект “Stop Online Piracy Act”. Действие данного закона распространялось только на аудиовизуальные произведения, но с принятием второго пакета «антипиратского закона»¹⁹ эта защита была существенно расширена включением охраны и других авторских и смежных прав в сети Интернет, а именно литературных и музыкальных произведений, в том числе и программного обеспечения» [1, с. 169].

Существующее современное законодательство, и не только российское, не регулирует в должной мере, как того требуют интересы законного правообладателя, взаимоотношения субъектов глобальной Сети относительно контента, размещаемого в ней. Некоторые пользователи зачастую выступают за свободное использование интернет-ресурсов, ссылаясь на ограничение законом своих прав на информационный обмен. Информационные посредники, «в свою очередь, утверждают, что принятые законы задерживают развитие интернет-сервисов и сетевых алгоритмов. В свою очередь, сами правообладатели заявляют, что авторское право не гарантирует должную защиту их прав, а «цифровое пиратство» препятствует развитию их творческого потенциала, лишая возможности получать прибыль за интеллектуальный продукт, который они создают».

Исходя из этого, «на сегодняшний день в российском законодательстве по указан-

¹⁸ О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях: Федеральный закон от 2.07.2013 № 187-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 27. Ст. 3479.

¹⁹ О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Гражданский процессуальный кодекс РФ: Федеральный закон от 24.11.2014 № 364-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 48. Ст. 6645.

ной проблематике имеет место ситуация «столкновения» интересов трех сторон: авторов произведений, владельцев интернет-ресурсов и пользователей. В связи с этим становится затруднительным в должной мере регулировать вопросы защиты в сфере интеллектуальной собственности, так как юридическая сторона в данном вопросе находится в конфликте с информационно-технической. Правовые нормы устаревают, в связи с чем существующее законодательство отстает от современных информационных технологий, прогрессирующих и усложняющихся с каждым днем» [1, с. 170]. Другими словами, констатируем в рамках обозначенного аспекта, что существующие механизмы охраны и защиты законных интересов правообладателей в киберпространстве порой значительно уступают как в своей качественной составляющей, так и в организационной методам и алгоритмам, применяемым правонарушителями в сети Интернет. К сожалению, правоприменитель в таком инструментарии, какой есть у злоумышленников, ограничен, в связи с чем мы и констатируем массовый характер правонарушительной деятельности в киберпространстве.

Заключение

Подводя итог по настоящему исследованию, отметим следующее.

В условиях современных рыночных отношений и глобализации не только и не столько экономических отношений (в том числе и в силу экономико-политических событий негативного характера, происходящих в последнее время), но и, в первую очередь, информационно-телекоммуникационных технологий, когда информации и информационной составляющей в деятельности, в том числе и государств, уделяется повышенное внимание, в ситуации, когда информация становится все более весомым объектом гражданского оборота, а объективированные результаты информации, выступая в качестве объектов гражданского права в виде интеллектуальной собственности, получают все большее распространение в сети Интернет, очевидна необходимость более эффективной уголовно-правовой и гражданско-правовой защиты института интеллектуального права и законных интересов правообладателей. Насколько она будет эффективна, системна и последовательна, настолько же будет и эффективна защита правообладателей интеллектуальной собственности.

Список источников

1. *Мажиев М.Х.* К вопросу о проблемах защиты аудиовизуальных произведений в сети Интернет // Современный юрист. 2020. № 3 (32). С. 164-172.
2. *Родина Е.А.* Виктимологическое предупреждение преступлений в киберпространстве // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 19. С. 510-524. DOI [10.20310/2587-9340-2021-5-19-510-524](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-19-510-524).
3. *Колосова Т.Е.* Проблемы реализации охранительной функции государства в сфере защиты прав человека в цифровом пространстве // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 2. С. 151-157. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-2-151-157](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-2-151-157).
4. *Муцалов Ш.Ш., Идилов Ш.К.* Объекты правоотношения и его особенности в различных отраслях права // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2021. № 4 (44). С. 90-93.
5. *Умарова А.А.* Анализ института правовых ограничений // Вестник Чеченского государственного университета. 2020. № 1 (37). С. 132-136.
6. *Ельчанинова Н.Б.* Проблемы правовой охраны интеллектуальной собственности в сети Интернет // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 12. С. 118-120.
7. *Козловская В.В.* Условия гражданско-правовой ответственности поставщиков интернет-услуг за нарушение прав на объекты промышленной собственности, используемые в сети Интернет // Алтайский юридический вестник. 2014. № 3 (7). С. 116-118.

References

1. *Mazhiyev M.K.* K voprosu o problemakh zashchity audiovizual'nykh proizvedeniy v seti Internet [To the question of protection of audiovisual works on the internet]. *Sovremennyy yurist* [Modern Lawyer], 2020, no. 3 (32), pp. 164-172. (In Russian).

2. Rodina E.A. Viktimologicheskoye preduprezhdeniye prestupleniy v kiber-prostranstve [Victimological prevention of cyberspace crime]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2021, vol. 5, no. 19, pp. 510-524. DOI [10.20310/2587-9340-2021-5-19-510-524](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-19-510-524). (In Russian).
3. Kolosova T.E. Problemy realizatsii okhranitel'noy funktsii gosudarstva v sfere zashchity prav cheloveka v tsifrovom prostranstve [Problems of implementation of the state protective function in the field of human rights protection in the digital space]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2022, vol. 6, no. 2, pp. 151-157. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-2-151-157](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-2-151-157). (In Russian).
4. Mutsalov S.S., Idilov S.K. Ob'ekty pravootnosheniya i ego osobennosti v razlichnykh otraslyakh prava [Objects of legal relations and its features in various branches of law]. *Vestnik Chechenskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.A. Kadyrova – Bulletin of the Kadyrov Chechen State University*, 2021, no. 4 (44), pp. 90-93. (In Russian).
5. Umarova A.A. Analiz instituta pravovykh ogranicheniy [Analysis of the institute of legal restrictions]. *Vestnik Chechenskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Chechen State University*, 2020, no. 1 (37), pp. 132-136. (In Russian).
6. Elchaninova N.B. Problemy pravovoy okhrany intellektual'noy sobstvennosti v seti Internet [The problems of legal protection of intellectual property on the Internet]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo – Society: Politics, Economics, Law*, 2016, no. 12, pp. 118-120. (In Russian).
7. Kozlovskaya V.V. Usloviya grazhdansko-pravovoy otvetstvennosti postavshchikov internet-uslug za naru-sheniye prav na ob'ekty promyshlennoy sobstvennosti, ispol'zuyemye v seti Internet [Terms of civil liability of Internet service providers for infringement of industrial property rights used on the Internet]. *Altayskiy yuridicheskiy vestnik – Altai Law Journal*, 2014, no. 3 (7), pp. 116-118. (In Russian).

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 23.05.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 26.08.2022

Принята к публикации / Accepted for publication 21.11.2022

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 338.14+614.2

DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-4-567-575

Шифр научной специальности 5.1.4

Коррупционные преступления в сфере здравоохранения: анализ и практика

© КОЗОДАЕВА Олеся Николаевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса Института права и национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», Российская Федерация, 392000 г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, ORCID: [0000-0003-4177-3037](https://orcid.org/0000-0003-4177-3037), tam_fon@mail.ru

© МИХИНА Елена Геннадиевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Института права и национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», Российская Федерация, 392000 г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, ORCID: [0000-0002-2567-0292](https://orcid.org/0000-0002-2567-0292), mikhina.elena2017@yandex.ru

Аннотация

Периоды нестабильности и катастроф всегда были сопряжены с особыми рисками коррупционных проявлений. Пандемия коронавирусной инфекции обострила все проблемы, существующие в здравоохранении, в том числе связанные с совершением коррупционных преступлений и иных противоправных злоупотреблений в медицине. Предметом исследования являются коррупционные преступления в сфере здравоохранения, анализ и практика их совершения с учетом действующего законодательства. Цель исследования связана с выявлением и анализом недостатков в организации деятельности по охране здоровья граждан, с оценкой эффективности нормативно-правовой базы, качества и прозрачности оказания медицинских услуг, а также различного рода злоупотреблений уголовно-правового характера в этой сфере. Задачи исследования: оценить состояние преступности коррупционной направленности, в том числе коррупцию в сфере здравоохранения, проанализировать нормы уголовного законодательства, фигурирующие в правоприменительной практике по уголовным делам рассматриваемой группы преступлений, определить причинный комплекс криминогенных коррупционных проявлений, а также разработать научно-практические рекомендации и предложения, направленные на снижение рисков преступлений коррупционной направленности. Использование диалектического, статистического и сравнительно-правового методов в совокупности с применением системного анализа позволило комплексно изучить данную проблему.

Ключевые слова

коррупционные преступления, здравоохранение, уголовная ответственность, должностные лица, злоупотребления, проблемы квалификации, взяточничество

Для цитирования

Козодаева О.Н., Михина Е.Г. Коррупционные преступления в сфере здравоохранения: анализ и практика // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 4. С. 567-575. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-4-567-575](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-4-567-575)

Corruption crimes in healthcare: analysis and practice

© Olesya N. KOZODAEVA,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of Criminal Law and Procedure Department of Law and National Security Institute, Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation, ORCID: 0000-0003-4177-3037, tam_fon@mail.ru

© Elena G. MIKHINA,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of Criminal Law and Procedure Department of Law and National Security Institute, Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation, ORCID: 0000-0002-2567-0292, mikhina.elena2017@yandex.ru

Abstract

Periods of instability and disasters have always been associated with special risks of corruption. The coronavirus pandemic infection has exacerbated all the problems existing in healthcare, including those related to the commission of corruption crimes and other illegal irregularities in medicine. The subject of the study is corruption crimes in the field of healthcare, analysis and practice of their commission taking into account the current legislation. The purpose of the study is to identify and analyze shortcomings in the organization of activities for the protection of citizens' health, to assess the effectiveness of the regulatory framework, the quality and transparency of medical services, as well as various kinds of irregularities of a criminal nature in this area. In the work, we set the following tasks: to assess the state of corruption-related crime, including corruption in healthcare sector, to analyze the norms of criminal legislation appearing in law enforcement practice in criminal cases of the group of crimes under consideration, to determine the causal complex of criminogenic corruption manifestations, as well as to develop scientific and practical recommendations and proposals aimed at reducing the risks of corruption-related crimes. The use of dialectical, statistical and comparative legal methods in combination with the use of system analysis made it possible to comprehensively study this problem.

Keywords

corruption crimes, healthcare, criminal liability, officials, irregularities, qualification problems, bribery

For citation

Kozodaeva O.N., Mikhina E.N. Korruptsionnyye prestupleniya v sfere zdravookhraneniya: analiz i praktika [Corruption crimes in healthcare: analysis and practice]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2022, vol. 6, no. 4, pp. 567-575. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-4-567-575](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-4-567-575) (In Russian, Abstr. in Engl.)

Введение

На протяжении нескольких десятилетий здравоохранение признается многими политическими и общественными лидерами, правоохранительными структурами и представителями научного сообщества одной из наиболее коррупционнo-емких сфер. В связи с большой распространенностью нарушений требований законодательства, злоупотреблений при оказании медицинской помощи данная проблема в Российской Федерации требует к себе особого внимания. На современном этапе развития уголовно-правовых отношений в рассматриваемой сфере существует ряд дискуссионных аспектов не только в нормативно-правовом регулировании, но и в правоприменении. Ведущие позиции

в научных исследованиях коррупционных преступлений в сфере здравоохранения занимали такие ученые, как Ю.М. Антонян, Л.А. Букалерева, О.Л. Усманова, Л.А. Батманова, А.В. Полукаров, Т.А. Балебанова, В.Д. Ларичев, С.В. Плохов, А.В. Грошев, А.Н. Варыгин, А.С. Шеметов, Ю.Ю. Бражин, Е.В. Попова, А.В. Тихомиров. Междисциплинарные связи и бланкетный характер уголовно-правовых норм позволили нам сформировать в работе авторскую позицию на некоторые теоретические и практические аспекты исследования. Актуальность рассматриваемой темы не вызывает сомнений. Законодательство и практика не совершенны. Несмотря на латентный характер преступлений в данной сфере, общественная

опасность такого рода посягательств остается быть высокой.

Согласно судебной статистике, 20 % из общего числа осужденных за взяточничество – работники здравоохранения. По данным опросов населения, проведенных ВЦИОМ, около 20 % россиян считают здравоохранение наиболее коррумпированной сферой¹, деньги и подарки медицинским работникам давали 52 % опрошенных². Кроме этого, аналитические данные Генеральной прокуратуры России показали, что нацпроект «Здравоохранение» в наибольшей степени подвержен противоправным посягательствам коррупционной направленности. Из общего числа преступлений в 2020 г., связанных с реализацией данного проекта, 68,4 % преступлений имели коррупционную направленность³.

Результаты исследования

1. Вопросы влияния пандемии COVID-19 на состояние коррупции в сфере здравоохранения: международный аспект

Проблема коррупции в медицине характерна не только для России, она встречается в большинстве государств мира. Об этом свидетельствуют и данные международного Центра исследований и инициатив Интернешнл, который в докладе «О положении дел с коррупцией в мире» проанализировал коррупционные схемы в здравоохранении⁴. Эксперты пришли к выводам, что в современном мире коррупция пронизывает весь цикл медицинских услуг независимо от того, предоставляются ли они государственными

или частными учреждениями, носят простой либо сложных характер.

В качестве особой зоны риска появления коррупции еще в 2006 г. эксперты международного Центра исследований и инициатив Интернешнл обозначили периоды «широкомасштабных катастроф, когда необходимость экстренной медицинской помощи заставляет обходить существующие надзорные механизмы». Пандемия коронавируса подтвердила полную обоснованность такой позиции. Массовая заболеваемость людей привела к повышенной нагрузке на системы здравоохранения всех государств и послужила триггером роста коррупционных преступлений в медицине [1, с. 7].

Пандемия показала, что максимального внимания требуют проблемы повышения эффективности расходов в сфере здравоохранения. В 2019 г. сотрудниками Питтсбургского университета и экспертами компании Humana Inc. был подготовлен доклад «Потери в системе здравоохранения США. Оценки издержек и потенциала для экономии» (Waste in the US Health Care System. Estimated Costs and Potential for Savings), опубликованный в журнале Американской медицинской ассоциации (American Medical Association) [2]. Эксперты подсчитали, что необоснованные расходы в здравоохранении США превысили 25 % от общих расходов. Злоупотребления и мошенничество (fraud and abuse) причинили ущерб в размере 58,5–83,9 млрд долл., неэффективные расходы на «административные процедуры» превысили 265,6 млрд долл. в год, потери от завышения цен на лечение и лекарственные средства (pricing failure) – 230,7–240,5 млрд долл.

По мнению исследователей, коррупция охватывает отношения между медицинскими учреждениями и населением; государственными органами и фармацевтическими компаниями и медицинскими учреждениями.

Государственные органы здравоохранения осуществляют закупки фармацевтической продукции в объемах, превышающих реальные потребности. Допускаются случаи необоснованного завышения цен закупок, неправомерной выдачи FDA (Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов) разрешительных

¹ Коррупция в России: мониторинг: доклад ВЦИОМ России // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://anticorr29.ru/documents/Мониторинг%20коррупции%20в%20России%20ВЦИОМ%20окт%202015%20г.pdf> (дата обращения: 16.05.2022).

² В Государственной Думе состоялось совместное заседание Комитета по безопасности и Комиссии по законодательному обеспечению противодействия коррупции // Парламентский клуб: официальный сайт. URL: www.parlament-club.ru/news,1,745.htm (дата обращения: 16.05.2022).

³ Доклад Генерального прокурора Российской Федерации о состоянии законности и правопорядка в 2020 г. // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=61267146> (дата обращения: 16.05.2022).

⁴ О положении дел с коррупцией в мире: доклад // Официальный сайт Трансперенси Интернешнл Россия. URL: www.transparency.org.ru/INTER/inter_gcr.asp (дата обращения: 16.05.2022).

документов на медицинские препараты без проведения полного объема клинических испытаний. Нередки факты злоупотреблений со стороны медицинских работников, которые из личной заинтересованности в силу договоренностей с фармацевтическими кампаниями выписывают пациентам реализуемые конкретными фирмами лекарства (при общем объеме продаж медикаментов в США в 2020 г. в сумме 539 млрд долл. на рецептурные препараты пришлось 64,6 %).

«Времена социального, политического и экономического стресса предоставляют коррумпированным субъектам возможность действовать коррумпированно, и кризис, вызванный новым коронавирусом, не стал исключением», — отмечает Дж. Виттори. «...даже аппараты ИВЛ и другое медицинское оборудование, связанное с кислородом, были предметом взяток и откатов, иногда приводя к трагической гибели пациентов»⁵. Фонд Карнеги в марте 2020 г. опубликовал исследование Дж. Виттори «Коррупционная уязвимость в ответных мерах США на коронавирус». В исследовании представлены данные о многочисленных коррупционных злоупотреблениях, повлекших хищения и неэффективное расходование значительной части из 150 млрд долл. бюджетных средств, выделенных на борьбу с распространением коронавируса (преимущественно через механизмы применения завышенных цен на оборудование, медицинские услуги и лекарственные препараты).

Отметим, что фармацевтические цепочки поставок также очень восприимчивы к коррупции. В условиях пандемии коронавируса возросли риски поступления на рынок поддельных фармацевтических препаратов, поскольку сложнее обеспечить эффективную подотчетность и надзор за ними [3, с. 84].

2. Проблемные аспекты коррупции в системе здравоохранения России (с примерами из судебной и иной практики)

Коррупция в здравоохранении представляет особую общественную опасность, так как следствием ее становятся не только

финансовые, но и репутационные потери. Такая коррупция сопряжена с болью и страданиями пациентов, которые не смогли получить необходимую им медицинскую помощь либо получили ее на иных, чем должны были условиях. Извлечение медицинским работником личной выгоды нередко оплачено здоровьем десятков людей или даже их жизнями, и, несмотря на это, количество коррупционных преступлений не снижается, а их масштабы поражают.

Не менее распространены случаи злоупотреблений на уровне медицинских учреждений, допускаемые руководителями структурных подразделений, врачей, медицинских сестер и иных сотрудников здравоохранения [4, с. 7]. Обычно потерпевшими от таких преступлений являются пациенты, лица, нуждающиеся в медицинской помощи, и их родственники.

Так, в 2021 г. Центральный районный суд Новосибирска признал виновным заместителя директора Национального медицинского исследовательского центра (НМИЦ) Минздрава РФ в совершении растраты вверенного ему имущества организованной группой с использованием служебного положения (часть 4 статьи 160 УК РФ). Суд установил, что в 2015–2019 гг. с целью личного обогащения П. создал для семи подконтрольных фирм условия для победы на аукционах по закупке НМИЦ медицинских товаров на общую сумму более 7,8 млрд руб. В результате преступных действий ими было похищено 1,9 млрд руб. бюджетных средств, перечисленных организациям за поставленные по завышенным ценам товары⁶. По искам прокуратуры Советским районным судом Новосибирска были приняты решения об изъятии в доход государства двух принадлежащих П. квартир в США общей стоимостью более 2,5 млн долл.

Губернаторам Пензенской области и Еврейской автономной области также предъявлены обвинения в получении взяток

⁵ Vittori J. Corruption Vulnerabilities in the U.S. Response to the Coronavirus. 2020. March 20. URL: <https://carnegieendowment.org/2020/03/20/corruption-vulnerabilities-in-u.s.-response-to-coronavirus-pub-81336> (accessed: 15.05.2022).

⁶ Уголовное дело № 1-287/2021, Центральный районный суд Новосибирска, приговор от 3.11.2021 в отношении Покушалова Евгения Анатольевича. URL: https://centralny--nsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=246248296&case_uid=7cbdb2bd-a8d3-4b0d-a256-2d635da76cf3&delo_id=1540006 (дата обращения: 10.05.2022).

за приобретение медицинского оборудования и препаратов по завышенным ценам. Так, экс-губернатор Еврейской автономной области из личной заинтересованности давал указания закупать на торгах медоборудование для онкодиспансера по завышенной стоимости, в результате чего был причинен ущерб на сумму более 24 млн руб. Биробиджанский районный суд признал его виновным по части 4 статьи 33, части 2 статьи 285 УК РФ⁷.

Министры здравоохранения Ульяновской области, используя свое служебное положение, воспрепятствовали проведению больницами самостоятельных закупок (только совместные, через министерство) и оказали давление на руководителей лечебных учреждений в целях признания победителем торгов АО «Ульяновскфармация» и заключили с обществом контракты по завышенным ценам, что привело к хищению 12 млн руб. Виновные в мошеннических действиях должностные лица осуждены по части 4 статьи 159 УК РФ.

Обвинения по уголовным делам коррупционной направленности, связанные с получением взяток либо с хищениями, предъявлены в последние годы главным врачам (директорам) десятков медицинских учреждений. Например, главному врачу ТОГБУЗ ВО «Городская клиническая больница скорой медицинской помощи г. Владимира», главному врачу Пермского онкологического диспансера и НИИ туберкулеза г. Новосибирска, директору ГБУЗ ВО «Медицинский информационно-аналитический центр» и мн. др.

Наряду со злоупотреблениями при проведении закупок медицинских препаратов и оборудования большие объемы потерь бюджетных средств ежегодно фиксируются при строительстве и реконструкции объектов здравоохранения.

К примеру, размер ущерба от мошенничества при строительстве инфекционного госпиталя для зараженных коронавирусом COVID-19, рассчитанного на 360 коек, в Иваново, по данным МВД, превысил 1,2 млрд руб.⁸

⁷ Новости России и мира сегодня: официальный сайт. URL: <https://lenta.ru> (дата обращения: 15.05.2022).

⁸ Глава ГУЭБиПК МВД России: в условиях пандемии возрастают риски хищения бюджетных денег //

В ходе исследования нами были проанализированы официальные сайты 28 больниц городов Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Новосибирска, Екатеринбурга, Тамбовской, Нижегородской, Ивановской и других областей, а также интернет-ресурсы, содержащие отзывы пациентов о качестве предоставленных медицинских услуг (otzovik.com, med-otzov). Исследование показало, что в отношении каждого из учреждений десяткам пациентов сообщались данные о грубых нарушениях их права на бесплатное получение качественной и доступной медицинской помощи.

К примеру, пациентка разместила отзыв о Елизаветинской больнице Санкт-Петербурга: «Без денег на взятки вас никто лечить не будет. Говорят, в России мало получают медработники. Нет. Они возможно и получают мало официальной зарплаты, но взятками они получают больше, чем депутаты. Врачи за бесплатно не хотят ничего делать, и приходится лезть в долги, чтоб тебя лечили».

Больной, проходивший лечение в ФГБУ «НМИЦ ССХ им. А.Н. Бакулева», разместил отзыв на сайте med-otzov: «Оперировавший хирург Ш. пригласил к себе в кабинет и начал объяснять, что важно заплатить 50 000 рублей ему на руки, чтобы он поставил, с его слов, импортное оборудование. Я сообщил, что денег нет, но он продолжал настаивать».

Другой больной написал: «...когда оформили квоту, заплатили 5400, далее положили в отделение, лечащий врач сообщил, что нам надо отблагодарить анестезиолога и хирурга, ну и его самого... и заплатить каждому по 10 тысяч... итого 30000».

Подобные отзывы имели не единичный характер. Возмущенные незаконными поборами родственники операционных больных делились возникшими проблемами: «пока я не дала денег, их просто молчаливо вымогали, так как «врачи» проверяли всех пациентов в палате, кроме моей мамы», «вымогали взятку... сказали, что моя мать умрет, если не заплачу», «иногда врачи специально приписывают жалобы и фальсифицируют диагноз,

ИТАР-ТАСС: официальный сайт. URL: <https://tass.ru/interviews/13145931> (дата обращения: 15.05.2022).

чтобы провести операцию, в которой пациенты не нуждаются, но которая дорого стоит», «врач в течение нескольких лет писала в карту жалобы, которых у ребенка не было, «подготавливая» таким образом к операции».

Таким образом, проведенный анализ показал, что в значительном количестве случаев «благодарность» пациента врачу носит вынужденный характер и обусловлена невозможностью получения без такой оплаты необходимой услуги либо помощи.

3. Проблемные аспекты уголовной ответственности за коррупционные преступления в сфере здравоохранения

Преступления коррупционной направленности представляют собой угрозу национальной безопасности. Об этом своем Указе «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» говорит Президент РФ. В соответствии с ФЗ «О противодействии коррупции» категории взяточничество определено ведущее место, как явлению, которое широко распространено в обществе и государстве и которое обладает высокой степенью общественной опасности. Данное положение подтверждает и Постановление Пленума Верховного суда РФ № 24 от 9 июля 2013 г.

Институт взяточничества регламентирован уголовным законом. Законодатель классифицировал данные преступления в зависимости от степени общественной опасности на четыре состава: «Получение взятки» статья 290 УК РФ, «Дача взятки» статья 291 УК РФ, «Посредничество во взяточничестве» статья 291.1 УК РФ и «Мелкое взяточничество» статья 291.2 УК РФ. Совершение преступных посягательств медработниками влечет за собой не только уголовную ответственность, но и ряд других социально значимых проблем: снижение профессионализма сотрудников медицинских организаций, ухудшается качество оказания медицинских услуг, население теряет доверие к медицинским работникам и многие другие [5, с. 10].

Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривает весьма суровую ответственность за получение взяток. Мелкое взяточничество в сумме менее 10 тыс. руб. в статье 291.2 УК РФ считается преступлением, а санкция статьи 290 УК РФ предусматривает до 15 лет лишения свободы.

Реализуемый в России комплекс мер антикоррупционной направленности (повышение уровня прозрачности предоставления государственных и муниципальных услуг, законодательная конкретизация полномочий государственных и муниципальных служащих и установление регламентов и сроков предоставления государственных услуг населению, антикоррупционное декларирование о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера во взаимосвязи с мерами административной и уголовной ответственности) способствовали снижению уровня низовой коррупции при предоставлении государственных и муниципальных услуг. Однако сектор медицинских услуг, к сожалению, не демонстрирует подобной динамики [6, с. 225].

Проблема, прежде всего, сокрыта в субъектном составе коррупционеров от здравоохранения, поскольку привлечены к ответственности за получение взяток, злоупотребление должностными полномочиями, служебный подлог могут быть только те медицинские работники, которые имеют статус должностного лица (либо выполняют отдельные функции должностного лица по специальному распоряжению) [6, с. 225].

Должностными лицами согласно примечанию к статье 285 УК РФ признаются: лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, государственных компаниях.

Организационно-распорядительные функции в медицинском учреждении включают руководство коллективом или структурным подразделением, планирование работы, организацию труда подчиненных, поддержание трудовой дисциплины, применение мер поощрения и дисциплинарных взысканий. Данные функции выполняют директора и руководители учреждений, главные врачи, их заместители, начальники структурных подразделений, заведующие отделениями лечебного учреждения и другие руководящие медицинские работники.

К административно-хозяйственным функциям относятся полномочия по распоряжению (управлению/закупке) активами, имуществом и денежными средствами учреждений, а также по принятию решений о начислении заработной платы, премий, стимулирующих выплат, платных медицинских услуг и т. п.

Рядовые медработники (врачи, фельдшеры, акушерки, медицинские сестры, медрегистраторы) статуса должностных лиц не имеют, а следовательно, субъектами получения взятки или коммерческого не являются. Получение ими незаконной «благодарности» не влечет уголовной ответственности за взяточничество. Пленум Верховного суда РФ в постановлении от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» изложил позицию, согласно которой «к организационно-распорядительным функциям относятся полномочия лиц по принятию решений, имеющих юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия». Основываясь на данных разъяснениях, дальнейшая судебная и следственная практика пошла по пути привлечения к ответственности за взяточничество врачей, осуществляющих незаконную возмездную выдачу больничных, заключений о негодности в военной службе, документов об установлении инвалидности.

Согласно пункту 7 постановления Пленума Верховного суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» говорится: «Не образует состав получения взятки принятие денег за совершение действий (бездействия), хотя и связанных с исполнением его профессиональных обязанностей, но при этом не относящихся к полномочиям представителя власти, организационно-распорядительным либо организационно-хозяйственным функциям».

Заключение

В результате проведенного нами научно-практического исследования можно выделить следующие наиболее распространенные коррупционные проявления в здравоохранении:

- незаконное предоставление либо присвоение и хищение лекарственных средств и медицинского оборудования, медицинских изделий;

- хищение и растрата бюджетных средств, выделенных на финансирование здравоохранения должностными лицами органов государственной власти, местного самоуправления, медицинских учреждений;

- мошенничество, взяточничество, присвоения, злоупотребления и растраты в сфере государственных закупок;

- подделка документов на оплату медицинских услуг, направляемых в страховые компании и выставление незаконно завышенных счетов;

- необоснованное завышение расходов на строительство, реконструкцию и капитальный ремонт больниц, приобретение дорогостоящего оборудования;

- выставление счетов пациентам в отношении не оказанных услуг либо услуг, подлежащих предоставлению бесплатно;

- неправомерное расходование средств учреждений здравоохранения в интересах «привилегированных» пациентов;

- получение незаконного вознаграждения врачами за направление пациентов в конкретную фармацевтическую, диагностическую или медицинскую организацию;

- коррупция в системе поставок лекарственных препаратов.

Изучение судебной и следственной практики, а также общедоступной информации о злоупотреблениях при оказании медицинских услуг пациентам показало, что число нарушений в данной сфере продолжает оставаться стабильно высоким, нарушения носят крайне разнообразный характер, но с учетом наиболее часто встречающихся противоправных деяний их предлагается разделить на следующие группы:

- получение должностными лицами (главными врачами, заведующими отделений, лицами, наделенными организационно-распорядительными полномочиями) взяток за помещение в медицинское учреждение, предоставление доступа к медицинской помощи, внеочередное проведение обследования, более качественное лечение;

– внесение в платежные документы пациентов не соответствующих действительности сведений о количестве и стоимости проведенных обследований, оказанных медицинских услуг, введение пациентов в заблуждение относительно необходимости отдельных видов лечения, манипуляций, приема медицинских препаратов;

– хищение медицинских препаратов путем использования подложных рецептов и иными способами;

– получение взяток за незаконную выдачу документов о временной нетрудоспособности, справок, допусков и иных документов;

– истребование оплаты за качественное проведение операции, наркоз и послеоперационное наблюдение;

– получение (требование) врачами «благодарности» за медицинские услуги или препараты, подлежащие бесплатному предоставлению, а также за направления на разные виды лечения.

Список источников

1. Усманова О.Л. Особенности совершения коррупционных преступлений в сфере здравоохранения в период пандемии COVID-19 // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 2. С. 5-14.
2. Shrank W.H., Rogstad T.L., Parekh N. Waste in the US Health Care System. Estimated Costs and Potential for Savings // Journal of the American Medical Association. 2019. № 322 (15). P. 1501-1509. DOI [10.1001/jama.2019.13978](https://doi.org/10.1001/jama.2019.13978)
3. Афанасьев А.Ю., Репин М.Е. Коррупционные риски регионального законодательства в сфере здравоохранения // Право и практика. 2017. № 4. С. 82-88.
4. Филиппов Ю.Н., Коптева Л.Н., Галова Е.А., Дощанников Д.А., Хлапов А.Л., Соколова О.В. К вопросу информированности врачей об ответственности за коррупционные преступления // Медицинский альманах. 2019. № 2 (59). С. 6-9. DOI [10.21145/2499-9954-2019-2-6-9](https://doi.org/10.21145/2499-9954-2019-2-6-9)
5. Крылова Е.С., Бильданова Л.И. Актуальные вопросы уголовной ответственности медицинских работников за получение взятки и незаконного вознаграждения // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 4. № 7. С. 9-15.
6. Шеметов А.С. Организация и тактика пресечения экономических и коррупционных преступлений в сфере здравоохранения // Образование и право. 2019. № 11. С. 224-227.
7. Санина Н.П., Чупрова А.Ю. Особенности медицинского работника как субъекта коррупционных преступлений // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 2 (54). С. 117-122. DOI [10.36511/2078-5356-2021-2-117-122](https://doi.org/10.36511/2078-5356-2021-2-117-122)

References

1. Usmanova O.L. Osobennosti soversheniya korrupsionnykh prestupleniy v sfere zdravookhraneniya v period pandemii COVID-19 [The specificities of healthcare corruption offences during the COVID-19 pandemic]. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki – Vestnik IKBFU. Humanities and Social Sciences*, 2022, no. 2, pp. 5-14. (In Russian).
2. Shrank W.H., Rogstad T.L., Parekh N. Waste in the US Health Care System. Estimated Costs and Potential for Savings. *Journal of the American Medical Association*, 2019, no. 322 (15), pp. 1501-1509. DOI [10.1001/jama.2019.13978](https://doi.org/10.1001/jama.2019.13978)
3. Afanasyev A.Y., Repin M.E. Korrupsionnyye riski regional'nogo zakonodatel'stva v sfere zdravookhraneniya [Corruption risks of regional legislations in health sector]. *Pravo i praktika – Law and Practice*, 2017, no. 4, pp. 82-88. (In Russian).
4. Filippov Y.N., Kopteva L.N., Galova E.A., Doshchannikov D.A., Khlapov A.L., Sokolova O.V. K voprosu informirovannosti vrachey ob otvetstvennosti za korrupsionnyye prestupleniya [To the question of knowledge of doctors of responsibility for corruption crimes]. *Meditinskiy al'manakh – Medical Almanac*, 2019, no. 2 (59), pp. 6-9. DOI [10.21145/2499-9954-2019-2-6-9](https://doi.org/10.21145/2499-9954-2019-2-6-9). (In Russian).
5. Krylova E.S., Bildanova L.I. Aktual'nyye voprosy ugovnoy otvetstvennosti meditsinskikh rabotnikov za polucheniye vzyatki i nezakonnogo voznaग्रazhdeniya [Current issues of criminal responsibility of medical personnel for bribery and illegal gratification]. *Uchenyye zapiski Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Scientific Notes of Kazan Law Institute of Mia of Russia*, 2019, vol. 4, no. 7, pp. 9-15.

6. Shemetov A.S. Organizatsiya i taktika presecheniya ekonomicheskikh i korruptsionnykh prestupleniy v sfere zdravookhraneniya [Organization and tactics of suppression of economic and corruption crimes in the sphere of health care]. *Obrazovaniye i pravo – Education and Law*, 2019, no. 11, pp. 224-227. (In Russian).
7. Sanina N.P., Chuprova A.Y. Osobennosti meditsinskogo rabotnika kak sub'yekta korruptsionnykh prestupleniy [Features of a medical worker as a subject of corruption crimes]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vest-nik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii – Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of The Ministry Of Internal Affairs Of Russia*, 2021, no. 2 (54), pp. 117-122. DOI [10.36511/2078-5356-2021-2-117-122](https://doi.org/10.36511/2078-5356-2021-2-117-122). (In Russian).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Authors declare no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 21.06.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 27.08.2022

Принята к публикации / Accepted for publication 21.11.2022

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.77

DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-4-576-583

Шифр научной специальности 5.1.3

Гражданско-правовое регулирование зависимого принудительного лицензирования на примере сферы здравоохранения

© ЛАТЫНЦЕВ Александр Викторович,

кандидат юридических наук, директор, Научно-исследовательский институт правовых экспертиз и комплексных исследований, Российская Федерация, 125480 г. Москва, ул. Героев Панфиловцев, 9, корп. 3, ORCID: 0000-0002-5698-6302, info@niilex.ru

Аннотация

В современных условиях правовые механизмы принудительного лицензирования приобретают особую актуальность в качестве важного инструментария развития отечественных технологий. Данные институты призваны стимулировать обладателей интеллектуальной собственности к более эффективному ее использованию в общественных и национальных интересах. Рассмотрены актуальность, особенности и проблемы принудительного лицензирования по искам правообладателей зависимых объектов патентной охраны. Для лаконичности терминологии данный вид принудительного лицензирования предложено именовать «зависимое принудительное лицензирование». Отдельное внимание уделено спорности законодательного требования о необходимости доказывания истцом важности технического достижения и существенности экономических преимуществ его зависимого результата интеллектуальной деятельности. По результатам сравнительного анализа сделан вывод, что имеет место более жесткое регулирование в российском гражданском законодательстве по сравнению с международными обязательствами, принятыми на себя Российской Федерацией, в частности, в рамках Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности от 24 июля 2017 г. Данное ужесточение может препятствовать дальнейшему улучшению и повышению эффективности использования объектов патентной охраны. Обоснован вывод, что используемые в части 2 статьи 1362 Гражданского кодекса Российской Федерации правовой инструментарий и понятийный аппарат требуют детальной проработки и уточнения с целью создания правовых условий для распространения зависимого принудительного лицензирования на практике, в частности, в сфере здравоохранения.

Ключевые слова

патенты, результаты интеллектуальной деятельности, принудительное лицензирование, зависимое изобретение, зависимое принудительное лицензирование, лицензии, Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности, проблемы нормативного регулирования

Для цитирования

Латынцев А.В. Гражданско-правовое регулирование зависимого принудительного лицензирования на примере сферы здравоохранения // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 4. С. 576-583. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-4-576-583](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-4-576-583)

Civil law regulation of dependent compulsory licensing on the example of the healthcare sector

© Alexander V. LATYNTSEV,

Candidate of Law, Director, The science and research institute of legal and integrated studies, bldg. 3, 9 Geroev Panfilovtsev St., Moscow 125480, Russian Federation, ORCID: [0000-0002-5698-6302](https://orcid.org/0000-0002-5698-6302), info@niilex.ru

Abstract

In modern conditions, the legal mechanisms of compulsory licensing are of particular relevance as an important tool for the development of domestic technologies. These institutions are designed to encourage owners of intellectual property to use it more effectively in the public and national interests. The relevance, features and problems of compulsory licensing on the claims of the right holders of dependent objects of patent protection are considered. For brevity of terminology, this type of compulsory licensing is proposed to be called “dependent compulsory licensing”. Special attention is paid to the controversial legal requirement that the plaintiff prove the importance of a technical achievement and the materiality of the economic advantages of its dependent result of intellectual activity. Based on the results of a comparative analysis, it was concluded that there is more stringent regulation in Russian civil law compared to international obligations assumed by the Russian Federation, in particular, under the Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights dated July 24, 2017. This tightening may impede further improvement and efficiency in the use of objects of patent protection. The conclusion is substantiated that the legal tools and conceptual apparatus used in pt 2 of Article 1362 of the Civil Code of the Russian Federation require detailed study and clarification in order to create legal conditions for the distribution of dependent compulsory licensing in practice, in particular, in the healthcare sector.

Keywords

patents, results of intellectual activity, compulsory licensing, dependent invention, dependent compulsory licensing, licenses, Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights, regulatory issues

For citation

Latyntsev A.V. Grazhdansko-pravovoye regulirovaniye zavisimogo prinuditel'nogo litsenzirovaniya na primere sfery zdravookhraneniya [Civil law regulation of dependent compulsory licensing on the example of the healthcare sector]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2022, vol. 6, no. 4, pp. 576-583. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-4-576-583](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-4-576-583) (In Russian, Abstr. in Engl.)

Введение

Лицензионные правоотношения в патентном праве имеют исключительно большое значение в качестве правового инструмента для эффективного использования объектов патентной охраны. При этом приходится согласиться с выводами многих экспертов о том, что правовая природа лицензионных правоотношений договоров в сфере интеллектуальной собственности остается малоизученной в современной юридической науке. Более того, данные лицензионные договоры требуют самостоятельной квалификации, которую не может заменить поиск аналогий со смежными правовыми институтами [1, с. 130].

В составе лицензионных правоотношений необходимо отдельно выделить принудительное лицензирование (статьи 1239,

1362, 1423 Гражданского кодекса РФ), призванное повысить эффективность и широту использования объектов патентной охраны.

Институт принудительного лицензирования призван согласовать разновекторные и в большинстве своем коллидирующие интересы патентообладателей и заинтересованных инноваторов, имеющих реальную возможность использования уже запатентованных решений с объективными потребностями перманентного развития научно-технического прогресса [2, с. 140]. А.Ю. Иванов обращает внимание, что принудительное лицензирование призвано обеспечивать эффективность работы инновационных рынков путем снижения рисков использования патентов как барьеров для изобретательства и инноваций [3, с. 80].

Правовые механизмы принудительного лицензирования, не противоречащие международным соглашениям, могут стать дополнительным инструментом для точечного решения возникающих проблем технологического развития. Также они призваны стимулировать обладателей интеллектуальной собственности к более эффективному ее использованию в общественных и национальных интересах.

Особую актуальность институты принудительного лицензирования приобретают в настоящее время при необходимости поиска вариантов развития отечественных технологий в условиях санкций.

Результаты исследования

1. Основные виды принудительного лицензирования

Анализ положений статьи 1362 Гражданского кодекса РФ позволяет выделить следующие виды принудительного лицензирования на изобретения, полезные модели или промышленные образцы:

1) принудительное лицензирование при недостаточном использовании объекта патентной охраны;

2) принудительное лицензирование по искам правообладателей зависимых объектов патентной охраны. Для лаконичности терминологии данный вид принудительного лицензирования предлагается именовать зависимым принудительным лицензированием.

На оба указанных вида принудительного лицензирования распространяются общие требования, предусмотренные статьей 1239 Гражданского кодекса РФ.

Инициаторам получения принудительной лицензии необходимо учитывать, что:

1) односторонний отказ от принудительной лицензии недопустим;

2) во всех перечисленных в гражданском законодательстве случаях принудительного лицензирования необходима государственная регистрация как предоставления, так и прекращения права использования объекта патентной охраны на основании соответствующего судебного решения (часть 3 статьи 1362 Гражданского кодекса РФ).

Сравнительный анализ показывает, что зависимое принудительное лицензирование намного меньше изучено по сравнению с принудительным лицензированием при не-

достаточном использовании объекта патентной охраны, поэтому заслуживает более пристального внимания.

2. Условия применения зависимого принудительного лицензирования

В силу требований части 2 статьи 1362 Гражданского кодекса РФ, зависимое принудительное лицензирование может применяться при соблюдении следующих условий:

1) обладатель второго по времени получения патента, то есть зависимого патента, не может использовать изобретение, на которое он имеет исключительное право, не нарушая при этом прав обладателя первого по времени получения (основного) патента на изобретение или полезную модель.

Согласно статье 1358.1 Гражданского кодекса РФ, зависимым изобретение, полезная модель или промышленный образец признаются в случае, если использование его в продукте или способе невозможно без использования охраняемых патентом и имеющих более ранний приоритет другого объекта патентной охраны.

Необходимо при этом учитывать законодательный запрет применения зависимого объекта патентной охраны без получения согласования от владельца основного патента с более ранним приоритетом. Однако с целью исключения злоупотреблений со стороны данного правообладателя за владельцем зависимого изобретения закреплено право требования принудительного лицензирования.

Л.В. Санникова и Ю.С. Харитоновна отмечают, что сложность применения правил статьи 1358.1 Гражданского кодекса РФ заключается в том, что в законодательстве не установлен порядок признания изобретения зависимым [4, с. 131];

2) имел место отказ обладателя основного патента от заключения с заинтересованным обладателем зависимого патента лицензионного договора на условиях, соответствующих установившейся практике;

3) патентообладатель, имеющий исключительное право на зависимое изобретение (обладатель зависимого патента), может доказать, что данное изобретение представляет собой важное техническое достижение и имеет существенные экономические преимущества перед изобретением или полез-

ной моделью обладателя первого по времени получения патента.

При соблюдении указанных выше условий обладатель зависимого патента имеет право обратиться в суд с иском к обладателю основного патента о предоставлении принудительной лицензии на использование на российской территории изобретения или полезной модели, указанной в основном патенте. При этом данная принудительная лицензия может быть только неисключительной.

Но в данной ситуации оказывается неприемлемым предоставление лицензии на условиях, соответствующих установившейся практике. Поэтому условия такой неисключительной принудительной лицензии определяет суд, в том числе с учетом предложений обладателя зависимого патента [5, с. 374]. В исковом требовании должны быть указаны предлагаемые обладателем зависимого патента условия предоставления ему такой лицензии, в том числе объем использования изобретения или полезной модели, размер, порядок и сроки платежей.

При соблюдении перечисленных выше условий суд принимает решение о предоставлении патентообладателю, имеющему исключительное право на зависимое изобретение, принудительной лицензии. Суммарный размер платежей за принудительную лицензию должен быть установлен в решении суда не ниже цены лицензии, определяемой при сравнимых обстоятельствах.

Интерес представляет позиция суда, изложенная в постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 21 декабря 2020 г. № 09АП-66600/2020-ГК по делу № А40-245729/2018¹, согласно которой дела о выдаче принудительной лицензии по сути представляют собой дела о нарушении права лица, являющегося правообладателем зависимого патента на изобретение, которое представляет собой важное техническое достижение и имеет существенные экономические преимущества на использование

уникального и значимого результата интеллектуальной деятельности.

В российском законодательстве закреплены два аспекта зависимого принудительного лицензирования, которые важно учитывать на практике:

1) полученное по зависимой принудительной лицензии право использования изобретения, охраняемое основным патентом, не может быть передано другим лицам, кроме случая отчуждения зависимого патента. Иными словами, самостоятельная передача права использования предшествующего изобретения не допускается; оно может быть передано другим лицам только совместно с отчуждением этим лицам исключительного права на зависимое изобретение [6]. Поскольку приобретатель зависимого патента не может реализовать свое право без лицензии в отношении основного патента, принудительная лицензия в этом случае следует судьбе зависимого патента [5, с. 361];

2) у обладателя первого патента сохраняется право на перекрестное лицензирование, то есть на предъявление требования о предоставлении ему принудительной неисключительной лицензии на использование зависимого изобретения, в связи с которым была выдана принудительная лицензия на условиях, соответствующих установившейся практике.

По замечанию С.А. Сеницына, требует проработки вопрос о целесообразности закрепления особых требований осуществления и защиты прав по зависимому и основному патентам [1, с. 410]. Действие принудительной лицензии создает заведомо ограниченные возможности использования объекта патентной охраны для инноватора-лицензиара. Ему предоставляется адресное неисключительное право на коммерческое использование изобретения без правомочия выдачи сублицензий третьим лицам или отчуждения принудительной лицензии, а нередко и с ограничением возможности экспорта производимой на основе принудительной лицензии продукции [2, с. 141].

3. Спорность законодательного требования о необходимости доказывания важности технического достижения и существенности экономических преимуществ зависимого объекта патентной ох-

¹ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 21.12.2020 № 09АП-66600/2020-ГК по делу № А40-245729/2018. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/195417c9-d893-46d0-9f18-a05c96083957/861ec69d-4217-43c4-8779-00ff0f66cab3/A40-245729-2018_20190730_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 20.05.2022).

раны по сравнению с указанным в основном патенте

Суд по интеллектуальным правам в своем постановлении от 29 октября 2019 г. № С01-906/2019 по делу № А40-166505/2017 отметил, что приведенный в части 2 статьи 1362 Гражданского кодекса РФ критерий «важности технического достижения» не имеет легального определения в законодательстве, и в отношении его толкования не имеется устойчивой судебной практики².

А.И. Сидоренко обращает внимание на отсутствие в законодательстве определения понятия «существенные экономические преимущества одного изобретения по отношению к другому» [7, с. 109].

Как отмечают Р.Г. Галифанов и Р.А. Карлиев, формула зависимых изобретений обычно отражает характеристики только одной их новизны. Соответственно оценка патентоспособности в этом случае осуществляется в основном на соответствие условию изобретательского уровня [8, с. 36].

По мнению Э.П. Гаврилова, с учетом того, при проверке новизны и изобретательского уровня зависимого изобретения заявитель уже обосновал, что его изобретение представляет собой техническое достижение и имеет экономическое значение, данное обстоятельство не требует отдельного обоснования и должно презюмироваться [9]. Аналогичной позиции придерживается Р.М. Садыхов, обращая внимание, что лицо, получившее патент на изобретение, уже фактически доказало важность соответствующего изобретения как технического достижения и его экономическое значение [10, с. 51].

С данной позицией не согласен С.А. Сеницын, отмечая, что правила части 2 статьи 1362 Гражданского кодекса РФ имеют специальное назначение и применимы к четко определенной ситуации столкновения интересов патентообладателей по основному и зависимому патентам, что позволяет считать соответствующее обоснование обязатель-

ным. При этом российский законодатель не устанавливает критериев определения существенных экономических преимуществ. Данные пробелы в законодательстве могут быть преодолены исключительно конкретизацией законодательства, а не разъяснениями высших судебных инстанций, что не умаляет значимости их рекомендаций по применению законодательства [1, с. 411]. При этом С.А. Сеницын обращает внимание на некоторые расхождения положений российского права и Соглашения ТРИПС в вопросах определения условия принудительного лицензирования по зависимому патенту. Так, согласно статье 31 Соглашения ТРИПС для предоставления зависимой принудительной лицензии требуется установление, что техническое достижение по зависимому патенту имеет большое экономическое значение, а не преимущества в сравнении с основным патентом (как того требует часть 2 статьи 1362 Гражданского кодекса РФ. — А.Л.). Очевидно, что экономическое значение и преимущества как признаки и критерии, определенные законодательством в качестве условий предоставления принудительной лицензии, не могут отождествляться и даже лингвистически не совпадают по смыслу [1, с. 412].

На то, что в Соглашении ТРИПС понятие «важное техническое достижение» в определенной степени характеризуется через второй критерий (экономический эффект), обращает внимание также М.М. Пучинина [11, с. 124].

Таким образом, имеет место более жесткое регулирование в российском гражданском законодательстве по сравнению с международными обязательствами, принятыми на себя Российской Федерацией, в частности, в рамках Соглашения ТРИПС, что может создавать необоснованные дополнительные препятствия для дальнейшего развития со стороны инноваторов новых вариантов применения, способов и иных направлений дальнейшего повышения эффективности общественно-полезного использования объекта патентной охраны, в частности, в сфере охраны здоровья.

В.И. Елисеев пришел к выводу, что институт зависимого принудительного лицензирования не выполняет своего социального

² Постановление Суда по интеллектуальным правам от 29.10.2019 № С01-906/2019 по делу № А40-166505/2017. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/3a0440d1-5ba5-4049-ac4c-7be5b9edc09c/2029a6d3-73e3-40b4-963e-f7258fe9da21/A40-166505-2017_20191029_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 17.05.2022).

назначения в таком виде [12, с. 98]. Вряд ли стоит согласиться со столь категоричным утверждением, однако нельзя не отметить, что используемый в анализируемой правовой норме понятийный аппарат требует детальной проработки и уточнений как по итогам юридических исследований, так и правоприменительной практики.

4. Особенности зависимого принудительного лицензирования в сфере здравоохранения

На возможное злоупотребление правом с применением инструментария принудительного лицензирования, но уже со стороны обладателей основных патентов, обращают внимание Л.В. Санникова и Ю.С. Харитонов, анализируя практику «патентного озеленения» в фармацевтической сфере. Патентообладатель может формально модифицировать свое изобретение, чтобы получить на него новый патент. При этом новое изобретение становится зависимым и позволяет фактически продлить патентообладателю действие старого патента с возможностью продолжать удерживать монополю на высокую цену на продукты, в которых используется данное изобретение [4, с. 132].

В.И. Елисеев предлагает дополнить часть 2 статьи 1362 Гражданского кодекса РФ описанием того, что именно является важным техническим достижением в той или иной отрасли [12, с. 98].

По мнению А.С. Ворожевич, при рассматриваемых обстоятельствах для того, чтобы, например, лекарственный препарат был признан экономически эффективным, потенциальный лицензиат должен доказать в суде значительно более низкую цену нового препарата и его позитивное влияние на качество и продолжительность жизни пациентов [13, с. 93]. Представляется данная позиция излишне узкой и необоснованной, так как экономические преимущества в лекарственной сфере не ограничиваются только указанными обстоятельствами.

Более того, представляется целесообразным в гражданском законодательстве для сферы здравоохранения закрепить особый подход с учетом ее высокой социальной значимости, зачастую нетехнической специфики данной сферы и обычно неважности

экономических преимуществ, когда речь идет о здоровье, особенно детей.

Предлагается для правоотношений в данной сфере внести изменения в часть 2 статьи 1362 Гражданского кодекса РФ и исключить обязанность обладателя зависимого патента при предъявлении иска о получении рассматриваемого вида принудительной лицензии в доказывании важности технического достижения и существенности экономических преимуществ.

На примере фармацевтических инноваций можно отметить, что в современных условиях они в основном представляют собой незначительные с технической точки зрения улучшения в использовании и разработке уже существующих продуктов. Л.В. Санникова и Ю.С. Харитонов обоснованно предлагают при оценке зависимого изобретения с точки зрения «важности технического решения» учитывать значение предлагаемого решения для удовлетворения общественных интересов [4, с. 131].

Заключение

В настоящее время современная практика, в частности, отечественное здравоохранение, остро нуждается в широком распространении эффективных и удобных правовых механизмов принудительного лицензирования.

В контексте создания правовых условий для дальнейшего стимулирования инноваторских разработок, проводимых с учетом уже запатентованных результатов интеллектуальной деятельности, необходима модернизация правового регулирования зависимого принудительного лицензирования. Используемые в части 2 статьи 1362 Гражданского кодекса РФ правовой инструментарий и понятийный аппарат требуют детальной проработки и уточнений. Так, необходимо учитывать замечания Суда по интеллектуальным правам, приведенные в его постановлении от 29 октября 2019 г., о том, что указанный в части 2 статьи 1362 Гражданского кодекса РФ критерий «важности технического достижения» не имеет легального определения. В российском законодательстве также отсутствует определение понятия «существенные экономические преимущества одного изобретения по отношению к другому».

При этом представляется целесообразным в гражданском законодательстве для сферы здравоохранения закрепить особый подход с учетом ее высокой социальной значимости, зачастую нетехнической специфики данной сферы и обычно неважности экономических преимуществ, когда речь идет об здоровье. Так, предлагается для правоотношений в данной сфере внести изменения в часть 2 статьи 1362 Гражданского кодекса РФ в части исключения обязанности обладателя зависимого патента при предъ-

явлении иска о получении рассматриваемого вида принудительной лицензии в доказывании важности технического достижения и существенности экономических преимуществ.

Предлагаемые изменения в российском гражданском законодательстве позволят устранить излишние нормативные барьеры для инноваторских улучшений в использовании и разработке запатентованных объектов, необходимых для интенсификации развития сферы отечественного здравоохранения.

Список источников

1. Синицын С.А. Сравнительное патентное право: актуальные проблемы / Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Инфотропик Медиа, 2022. 416 с.
2. Гутников О.В., Синицын С.А., Аюрова А.А., Цомартова Ф.В. Защита исключительных прав на изобретения, используемые в лекарственных препаратах: проблемы правового регулирования и направления совершенствования законодательства / отв. ред. О.В. Гутников, С.А. Синицын. М.: ИЗиСП: КОНТРАКТ, 2019. 208 с.
3. Иванов А.Ю. Принудительное лицензирование для инновационного развития: о необходимости балансировки режима интеллектуальных прав // Закон. 2017. № 5. С. 78-93.
4. Санникова Л.В., Харитонова Ю.С. Защита прав патентообладателей при коллизии патентов на лекарственные препараты // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 43. С. 121-145. DOI [10.17072/1995-4190-2019-43-121-145](https://doi.org/10.17072/1995-4190-2019-43-121-145)
5. Российское гражданское право: в 2 т. / В.В. Витрянский, В.С. Ем, Н.В. Козлова и др.; отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2011. Т. 2: Обязательственное право. 1206 с.
6. Еременко В.И. Исключения из патентной монополии в соответствии с частью четвертой ГК РФ // Законодательство и экономика. 2008. № 8. С. 28-34.
7. Сидоренко А.И. Судебные доктрины в сфере интеллектуальных прав в России и за рубежом // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 3. С. 100-115. DOI [10.12737/jflcl.2021.032](https://doi.org/10.12737/jflcl.2021.032)
8. Галифанов Р.Г., Карлиев Р.А. Идея, научное открытие, изобретение // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2021. № 9. С. 33-54.
9. Гаврилов Э.П. Зависимое изобретение и «столкновение» патентных заявок // Патенты и лицензии. 2008. № 3. С. 17а-26.
10. Садыков Р.М. Проблемы правовой охраны зависимых объектов патентных прав // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2018. № 5. С. 48-52.
11. Пучинина М.М. Условие предоставления принудительной лицензии для использования зависимого изобретения // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 11 (132). С. 117-132. DOI [10.17803/1994-1471.2021.132.11.117-132](https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.132.11.117-132)
12. Елисеев В.И. Правовая охрана зависимых объектов патентных прав // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 1 (47). С. 91-102.
13. Ворожжевич А.С. Принудительное лицензирование в пользу обладателей зависимых фармацевтических изобретений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. Т. 12. № 1. С. 73-98. DOI [10.21638/spbu14.2021.105](https://doi.org/10.21638/spbu14.2021.105)

References

1. Sinitsyn S.A. *Sravnitel'noye patentnoye pravo: aktual'nyye problemy* [Comparative Patent Law: Actual Problems]. Moscow, Infotropic Media Publ., 2022, 410 p. (In Russian).
2. Gutnikov O.V., Sinitsyn S.A., Ayurova A.A., Tsomartova F.V. *Zashchita isklyuchitel'nykh prav na izobreteniya, ispol'zuyemyye v lekarstvennykh preparatakh: problemy pravovogo regulirovaniya i napravleniya sovershenstvovaniya zakonodatel'stva* [Protection of Exclusive Rights to Inventions Used in

- Medicines: Problems of Legal Regulation and Directions for Improving Legislation]. Moscow, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation Publ., "KONTRAKT" Publ., 2019, 208 p. (In Russian).
3. Ivanov A.Y. Prinuditel'noye litsenzirovaniye dlya innovatsionnogo razvitiya: o neobkhodimosti balansirovki rezhima intellektual'nykh prav [Compulsory licensing for stimulating innovation: on the necessity to balance the intellectual property regime]. *Zakon – Statute*, 2017, no. 5, pp. 78-93. (In Russian).
 4. Sannikova L.V., Kharitonova Y.S. Zashchita prav patentoobladateley pri kollizii patentov na lekarstvennyye preparaty [Protection of patent holders' rights under a conflict of drug patents]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskiye nauki* [Bulletin of the Perm University. Legal Sciences], 2019, no. 43, pp. 121-145. DOI [10.17072/1995-4190-2019-43-121-145](https://doi.org/10.17072/1995-4190-2019-43-121-145). (In Russian).
 5. Vitryanskiy V.V., Em V.S., Kozlova N.V. *Rossiyskoye grazhdanskoye pravo: v 2 t.* [Russian Civil Law: in 2 vol.]. Moscow, Statut Publ., 2011, vol. 2, 1206 p. (In Russian).
 6. Eremenko V.I. Isklyucheniya iz patentnoy monopolii v sootvetstvii s chast'yu chetvertoy GK RF [Exceptions from the patent monopoly in accordance with part four of the Civil Code of the Russian Federation]. *Zakonodatel'stvo i ekonomika* [Legislation and Economics], 2008, no. 8, pp. 38-34. (In Russian).
 7. Sidorenko A.I. Sudebnyye doktriny v sfere intellektual'nykh prav v Rossii i za rubezhom [Judicial doctrines in intellectual property law in Russia and abroad]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya – Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2021, vol. 17, no. 3, pp. 100-115. DOI [10.12737/jfcl.2021.032](https://doi.org/10.12737/jfcl.2021.032). (In Russian).
 8. Galifanov R.G., Karliyev R.A. Ideya, nauchnoye otkrytiye, izobreteniya [Idea, scientific discovery, invention]. *Intellektual'naya sobstvennost'. Promyshlennaya sobstvennost' – Intellectual Property. Industrial Property*, 2021, no. 9, pp. 33-54. (In Russian).
 9. Gavrilov E.P. Zavisimoye izobreteniya i «stolknoveniye» patentnykh zayavok [Dependent invention and "clash" of patent applications]. *Patenty i litsenzii – Patents and Licenses*, 2008, no. 3, pp. 17a-26. (In Russian).
 10. Sadykov R.M. Problemy pravovoy okhrany zavisimykh ob'yektov patentnykh prav [Problems of legal protection of dependent objects of patent rights]. *Patenty i litsenzii. Intellektual'nyye prava – Patents and Licenses. Intellectual Rights*, 2018, no. 5, pp. 48-52 (In Russian).
 11. Puchinina M.M. Usloviye predostavleniya prinuditel'noy litsenzii dlya ispol'zovaniya zavisimogo izobreteniya [Conditions for granting compulsory license for dependent invention use]. *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava – Actual Problems of Russian Law*, 2021, vol. 16, no. 11 (132), pp. 117-132. DOI [10.17803/1994-1471.2021.132.11.117-132](https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.132.11.117-132). (In Russian).
 12. Elishev V.I. Pravovaya okhrana zavisimykh ob'yektov patentnykh prav [Legal protection of dependent objects of patent rights]. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal – Leningrad Legal Journal*, 2017, no. 1 (47), pp. 91-102. (In Russian).
 13. Vorozhevich A.S. Prinuditel'noye litsenzirovaniye v pol'zu obladateley zavisimykh farmatsevticheskikh izobreteniy [Compulsory licensing in favor of the patentholders of dependent pharmaceutical inventions]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo – Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2021, vol. 12, no. 1, pp. 73-98. DOI [10.21638/spbu14.2021.105](https://doi.org/10.21638/spbu14.2021.105). (In Russian).

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 06.07.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 05.09.2022

Принята к публикации / Accepted for publication 21.11.2022

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.352

DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-4-584-590

Шифр научной специальности 5.1.4

Предупреждение коррупции в сфере земельно-строительных отношений, криминологический аспект

© ОРЛОВ Павел Петрович,

кандидат юридических наук, начальник штаба, подполковник внутренней службы, Межмуниципальный отдел Министерства внутренних дел России «Моршанский», Российская Федерация, Тамбовская обл., 393959 г. Моршанск, ул. Первомайская, 54, ORCID: 0000-0002-2143-9253, eagle196@yandex.ru

Аннотация

Значимость данного исследования обусловлена важностью земли, как основного стратегического ресурса. Отношения, складывающиеся по поводу земли и строительства, рассмотрены с позиции единых земельно-строительных отношений, основанных на принципе единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов. Цифровые технологии, позволяющие перейти к цифровому государству, включают в себя облачные сервисы, квантовые технологии, искусственный интеллект и др. Сам переход является цифровой трансформацией. На этой точке зрения основана данная работа. Цель исследования – привлечение внимания к проблеме коррупции в сфере земельно-строительных отношений. На основе анализа статистических данных, а также изучения мнений ученых определен ряд обстоятельств, позволяющих отнести предупреждение коррупции в сфере земельно-строительных отношений к наиболее важному. Затрагивая уголовно-правовой аспект защиты исследуемых отношений в условиях цифровой трансформации, предложено внести отдельную норму в уголовное законодательство с целью защиты земельно-строительных отношений. С учетом стремительного вхождения в нашу жизнь цифровых технологий предпринята попытка осмысления цифровых возможностей предупреждения коррупции на современном этапе, отмечена важность внедрения данных технологий как средства предупреждения коррупции в исследуемой сфере на примере государства Китай. Обозначено мнение об актуальности и необходимости развития личностных характеристик в борьбе с коррупцией на фоне развития цифровых технологий.

Ключевые слова

коррупция, земля, земельно-строительные отношения, предупреждение коррупции, цифровая трансформация, личность

Для цитирования

Орлов П.П. Предупреждение коррупции в сфере земельно-строительных отношений, криминологический аспект // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 4. С. 584-590. DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-4-584-590

Prevention of corruption in the field of land and construction relations, criminological aspect

© Pavel P. ORLOV,

Candidate of Law, Chief of Staff, Lieutenant Colonel of the Internal Service, Intermunicipal Department of the Ministry of the Interior of Russia "Morshansky", 54 Pervomayskaya St., Morshansk 393959, Tambov Region, Russian Federation, ORCID: 0000-0002-2143-9253, eagle196@yandex.ru

Abstract

The significance of this study is due to the importance of land as the main strategic resource. The relations that develop over land and construction are considered from the standpoint of unified land-building relations based on the principle of the unity of the fate of land plots and objects firmly associated with them. Digital technologies that allow the transition to a digital state include cloud services, quantum technologies, artificial intelligence, etc. The transition itself is a digital transformation. This work is based on this point of view. The purpose is to draw attention to the problem of corruption in the field of land and construction relations. Based on the analysis of statistical data, as well as the study of the opinions of scientists, a number of circumstances have been identified that make it possible to attribute the prevention of corruption in the field of land and construction relations to the most important ones. Touching upon the criminal-legal aspect of the protection of the relations under study in the context of digital transformation, it is proposed to introduce a separate rule into the criminal legislation in order to protect land-building relations. Taking into account the rapid entry of digital technologies into our lives, an attempt was made to comprehend the digital possibilities for preventing corruption at the present stage, the importance of introducing these technologies as a means of preventing corruption in the studied area was noted using the example of the state of China. The opinion on the relevance and necessity of developing personal characteristics in the fight against corruption against the backdrop of the development of digital technologies is indicated.

Keywords

corruption, land, land and construction relations, corruption prevention, digital transformation, personality

For citation

Orlov P.P. Preduprezhdeniye korruptsii v sfere zemel'no-stroitel'nykh otnosheniy, kriminologicheskii aspekt [Prevention of corruption in the field of land and construction relations, criminological aspect]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2022, vol. 6, no. 4, pp. 584-590. DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-4-584-590 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Введение

Уникальность земли как основного ресурса обусловлена ее невозможностью перемещения и восполнения, а также связью с возведенными на ней сооружениями, в том числе жилыми домами. Сложность управления земельно-строительными отношениями обусловлена рядом причин, сменой экономической формации в конце прошлого века, кризисом государственного управления в девяностых годах прошлого века и начала двухтысячных, слабая правовая грамотность и др.

Получение права собственности на землю или строение подразумевает прохождение множества бюрократических процедур, в результате которых оформляются необхо-

димые документы должностными лицами. В этой связи некоторые ученые имеют мнение о том, что деформированные нравственные ориентиры при совершении преступлений коррупционной направленности присущи всем должностным лицам [1, с. 274]. Отсюда можно заключить, что деформированное нравственное и правовое сознание, сложности в процессе управления земельными ресурсами и строительной отрасли, пробелы законодательства способствуют извлечению материальной и иной выгоды при осуществлении земельно-строительных отношений.

Результаты исследования

1. Значимость предупреждения коррупционных преступлений в сфере земельно-строительных отношений

О значимости предупреждения преступлений в рассматриваемой сфере свидетельствует ряд обстоятельств. Во-первых, имеется наличие прироста выявленных коррупционных преступлений в сфере строительства на 14 %, зарегистрированных в 2021 г. по отношению к 2017 г.

Во-вторых, статистические сведения по преступлениям, связанным с «взяточничеством» (статьи 290, 291, 291.1 УК РФ) в сфере строительства, имеют увеличение удельного веса в общем количестве выявленных коррупционных преступлений в сфере строительства, удельный вес которых в 2017 г. составил 20,2 %, в 2018 г. – 16,3 %, в 2019 г. – 34,5 %, в 2020 г. – 30,5 %, в 2021 г. – 35,6 %. Здесь необходимо отметить, что при осуществлении действий, связанных с «взяточничеством», в большинстве случаев обе стороны являются заинтересованными в исходе сделки [2, с. 45]. Данная закономерность существенно осложняет выявление такого вида коррупционных преступлений правоохранительными органами.

В-третьих, более настораживающим обстоятельством можно отметить наличие роста удельного веса коррупционных преступлений в сфере строительства, совершенных в составе организованной преступной группы и организованного преступного сообщества от общего числа зарегистрированных коррупционных преступлений в сфере строительства, удельный вес которых в 2017 г. составил – 1,3 %, в 2018 г. – 0,8 %, в 2019 г. – 2,9 %, в 2020 г. – 5,5 %, в 2021 г. – 8,2 %¹. Данные статистические сведения свидетельствуют о возрастающей организованности коррупционных преступлений в сфере строительства.

В-четвертых, остается сложной ситуация с «обманутыми дольщиками»². Данная

категория граждан часто участвует в длительных судебных процессах, что серьезно подрывает здоровье граждан, вплоть до смертельных случаев во время судебного заседания. В настоящий момент на территории РФ 1795 домов общей площадью 11272 м² имеют проблемы в окончании строительства, а чтобы полностью решить проблему с «обманутыми дольщиками», необходимо около 300 млрд руб.³ Обозначенные обстоятельства позволяют сделать заключение о недоверии граждан, попавших под категорию «обманутых дольщиков», к государственной власти, что подталкивает людей выходить на пикетирования и проводить собрания [3, с. 73].

В-пятых, многие авторы считают латентными коррупционные преступления, совершаемые в сфере строительства, а также в сфере земельных отношений [1, с. 31; 2, с. 56; 3, с. 59]. Следовательно, данных преступлений и лиц, их совершивших, гораздо больше. Вышеобозначенное позволяет отнести коррупционные преступления, совершенные в сфере земельно-строительных отношений, к наиболее важным направлениям в области борьбы с коррупцией, так как для каждого жителя нашего государства земля и жилище являются основой уверенности в завтрашнем дне, а также залогом укрепления семьи и демографии.

2. Уголовно-правовой аспект защиты земельно-строительных отношений в условиях цифровой трансформации

Учитывая, что земельно-строительные отношения являются стратегическими [4, с. 69], необходимо отметить важность их защиты со стороны уголовного законода-

¹ Сведения, полученные из отчета «Коррупция» ФКУ ГИАЦ МВД России: форма «592» за период времени с 2017 по 2021 г.

² Автор рассуждает об «обманутых дольщиках» как о категории по причине того, что законодатель определил критерии отнесения к данным гражданам (см.: Приказ Минстроя России от 12.08.2016 № 560/пр (ред. от 24.01.2018) «Об утверждении критериев отнесения граждан, чьи денежные средства привлечены для строительства многоквартирных домов и чьи права нарушены, к числу пострадавших граждан, и правил ведения реестра пострадавших граждан» (зарегистри-

ровано в Минюсте России 30.12.2016 № 45092)), в настоящее время данная категория формируется в соответствии с Федеральным законом от 27.06.2019 № 151-ФЗ (ред. от 30.12.2021, с изм. от 21.07.2022) «О внесении изменений в Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022).

³ Хуснулин сообщил, сколько денег нужно для решения проблем обманутых дольщиков. Бизнесонлайн. URL: <http://m/business-gazeta.ru/news/490703> (дата обращения: 26.05.2022).

тельства, сделав акцент на развитии цифровых технологий и сети Интернет.

В настоящий момент уголовный закон РФ не предусматривает отдельной главы, посвященной безопасности при использовании цифровых технологий и цифрового пространства. В Уголовном кодексе РФ имеется глава 28, которая объединяет в себе преступления в сфере компьютерной информации. Ученые, изучающие проблемы противодействия преступности в сфере экономической деятельности, основанной на цифровых технологиях, имеют мнение, что деяния, запрещенные уголовным законом в данной отрасли, нашли свое отражение в различных статьях Уголовного кодекса РФ⁴.

Как выше было отмечено, преступления, связанные с неправомерным получением права собственности на землю и строения, маскируются в бюрократических проводочках гражданско-правовых сделок, следовательно, из распространенных нарушений уголовного кодекса в сфере земельно-строительных отношений можно выделить мошенничество, совершаемое в совокупности со служебным подлогом (статья 292 УК РФ) или подделкой документов (статья 327 УК РФ) [3, с. 98; 4, с. 282]. Законодатель отметил, что документ, заверенный электронной подписью, приравнивается к собственноручному подписанию, подделать которую невозможно⁵. В этой связи предполагаем, что на данном этапе развития науки и техники законодатель посчитал не целесообразным осуществить уголовно-правовую защиту электронной подписи от подделки. Однако, с учетом цифровой трансформации, имеют место случаи мошенничества, где незаконно полученный доступ к электронной цифровой подписи со стороны злоумышленника лишает право собственности на

квартиры самые незащищенные слои общества⁶. Можно добавить, что электронную подпись могут скопировать, украсть, получить доступ к ней при помощи хищений персональных данных (СНИЛС, паспорт, логин и пароль). Более того, цифровую подпись можно оформить на подставное лицо или фирму. Данные обстоятельства подталкивают на необходимость рассмотреть вопрос о внесении отдельной нормы в уголовное законодательство, предусматривающей наказание за умышленное неправомерное использование электронной подписи, а также за выпуск электронной подписи на подставное юридическое или физическое лицо, тем самым законодатель создаст брандмауэр от преступных посягательств цифровой сферы земельно-строительных отношений.

Как было отмечено выше, земля является стратегическим и уникальным ресурсом, поэтому охране цифровой информации, посредством которой осуществляются земельно-строительные отношения, необходимо уделять особое внимание. В этой связи необходимо подготовить единые официальные правила доступа к данной информации в сфере земельно-строительных отношений соответствующих лиц. Впоследствии нарушение данных правил формально повлечет за собой уголовную ответственность по статье 274 УК РФ⁷.

Следует отметить, что стремительное вхождение современных отношений в цифровое пространство создает предпосылки к смещению преступности в данную сторону, а также позволяет предположить о развитии в будущем цифровой преступности в качестве основного ее вида. В этой связи очевиден риск трансформации земельно-имущественных отношений в цифровое пространство, так как законодательное регулирование данных процессов находится на стадии первоначального набора опыта практической

⁴ Исследование, проведенное Суходоловым А.П., Колпаковой Л.А., Спасенковым Б.А., показало, что статьи 159³, 159⁶, 171², 185³, 187 напрямую участвуют в охране отношений в сфере телекоммуникационных технологий, реже участвуют статьи 159, 172¹, 172², 174, 180, 183, 185⁶. См.: Суходолов А.П., Колпакова Л.А., Спасенков Б.А. Проблемы противодействия преступности в сфере цифровой экономики // Всероссийский криминологический журнал. 2017. № 2.

⁵ См.: ст. 6 Федерального закона «Об электронной подписи» от 06.04.2011 № 63-ФЗ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/32938> (дата обращения: 20.06.2022).

⁶ Названы самые популярные схемы мошенничества с жильем. URL: <https://realty.ria.ru/20210217/moshennichestvo-1597643041.html> (дата обращения: 17.06.2022).

⁷ Статья 274 УК РФ «Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей», диспозиция данной статьи ссылается на нарушение официальных правил доступа к информационно-телекоммуникационным сетям.

реализации, а в некоторых случаях разра-
ботки.

3. Цифровые возможности предупре- ждения коррупции на современном этапе

Можно заключить, что наше государст-
во проходит стадию стремительного входа в
цифровую экономику, которая не в полном
объеме набрала опыт реализации регулиро-
вания и защиты отношений, затрагивающих
землю и строительство. На этом фоне зако-
нодатель имеет отставание от регламентиро-
вания данных процессов со стороны защиты
земельно-имущественных отношений, где
возможность получения права собствен-
ности также находится на стадии цифровой
трансформации, что позволяет энтропии сис-
темы данных отношений стремиться в поло-
жительную сторону. Обозначенные обстоя-
тельства должны подталкивать законодателя
к эволюции всех сфер законодательства.

В этой связи Национальным планом
противодействия коррупции предусмотрен
специальный раздел, позволяющий приме-
нять цифровые технологии в целях противо-
действия коррупции, а также использовать
данные технологии для разработки мер про-
тиводействия коррупции⁸.

Учитывая то, что цифровое пространст-
во не имеет границ, становится актуальным
международное сотрудничество и междуна-
родный опыт в области цифровых отноше-
ний и на этом фоне противодействие кор-
рупции. Зарубежные страны, к примеру, Ки-
тай, имеют большой опыт борьбы с корруп-
цией, применяя цифровые технологии. Одно
из его современных достижений – это вне-
дрение системы «ZeroTrust» [5, с. 70]. Дан-
ная система позволяет сопоставлять различ-
ные индикаторы с целью получения вывода
о наличии признаков коррупции. Особенно
свою эффективность программа показала в
сфере государственной приватизации,
строительстве, покупке земельных участков,
сносе домов и др. Более того, Китай исполь-
зует искусственный интеллект для борьбы с
коррупцией в судах. Через него будут про-
ходить огромные потоки информации, в ре-

зультате судьям будут поступать рекомен-
дации в части принятия вердикта [5, с. 71]. В
свою очередь, наше государство приступило
к эксплуатации информационной системы в
области противодействия коррупции «По-
сейдон», которая предназначена для профи-
лактики коррупционных и иных правонару-
шений посредством сбора, учета, хранения и
анализа информации⁹. Можно предпо-
ложить, что данная программа возьмет на себя
реализацию сложных механизмов противо-
действия коррупции, имеющихся в законо-
дательстве РФ, где при помощи искусствен-
ного интеллекта будет производиться анализ
поступающих сведений. Сведения, получен-
ные в результате эксплуатации программы
«Посейдон», найдут свое отражение в науч-
ных и исследовательских материалах.

Актуальность развития личностных характеристик в борьбе с коррупцией

Необходимо отметить, что, уделяя боль-
шое внимание цифровой трансформации как
средству борьбы с коррупцией, на второй
план уходит развитие внутренних убежде-
ний человеческого сознания, направленного
на правомерное антикоррупционное поведе-
ние. Применяя цифровые технологии, мы
старемся создать барьер между деформиро-
ванными в сторону коррупции убеждениями
личности и получением права собственности
на недвижимость, что позволяет в начале
принятия таких мер снизить коррупционную
напряженность, но затем находить возмож-
ности обхода выстроенных антикоррупци-
онных барьеров. В этой связи необходимо
вернуться к важности личностных характе-
ристик, среди которых необходимо воспи-
тывать и развивать убеждения, позволяю-
щие осуществлять антикоррупционную по-
литику через призму сознания, создавать
внутреннюю нетерпимость к проявлениям
коррупции. Одним из действенных способов
развития данной нетерпимости является
внедрение системы поощрения антикорруп-

⁸ См.: О Национальном плане противодействия
коррупции на 2021–2024 гг.: Указ Президента РФ от
16.08.2021 № 478. URL: [http://www.consultant.ru/docu-
ment/cons_doc_LAW_392999/?ysclid=l8cuilnozs420578679](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_392999/?ysclid=l8cuilnozs420578679)
(дата обращения: 22.06.2022).

⁹ См.: О государственной информационной сис-
теме в области противодействия коррупции «Посей-
дон» и внесении изменений в некоторые акты Прези-
дента Российской Федерации» (вместе с «Положением
о государственной информационной системе в обла-
сти противодействия коррупции «Посейдон»): Указ
Президента РФ от 25.04.2022 № 232. URL: [http://www.
consultant.ru/document/cons_doc_LAW_415707/?ysclid=
l8cv482pnm841106463](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_415707/?ysclid=l8cv482pnm841106463) (дата обращения: 22.06.2022).

ционного поведения, а также повсеместного внедрения принципа меритократии в органах государственной власти.

Заключение

Подводя итог, отметим, что антикоррупционная система нашего государства имеет эффективный механизм функционирования, однако при исследовании наиболее важных сфер, к которым отнесены земельно-строительные отношения, мы старались привлечь внимание к проблеме коррупции в исследуемой сфере. В этой связи необходимо дальнейшее развитие научного осмысления данной темы с целью совершенствования сферы, затрагивающей защиту земель-

но-строительных отношений от коррупции. В целом, поставленные нами задачи, важность предупреждения коррупционных преступлений в сфере земельно-строительных отношений, уголовно-правовой аспект защиты земельно-строительных отношений в условиях цифровой трансформации, цифровые возможности предупреждения коррупции на современном этапе, актуальность развития личностных характеристик в борьбе с коррупцией достигли своего решения в материалах данной статьи, которые могут быть использованы как в практической, так и в научной деятельности широкого круга читателей.

Список источников

1. Личность коррупционного преступника / под общ. ред. Р.В. Жубрина. М.: Проспект, 2019. 383 с.
2. *Кашикаров А.А.* Должностная преступность в органах публичной власти и ее предупреждение в условиях смены государственной принадлежности территории: дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2019. 423 с.
3. *Квасникова Т.В.* Криминологическая и уголовно-правовая характеристика в сфере оборота жилья (по материалам Дальневосточного федерального округа): дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2016. 222 с.
4. *Орлов П.П.* Предупреждение коррупционных преступлений в сфере земельных отношений. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2021. 342 с.
5. *Евсиков К.С., Суворов А.А., Братчикова Л.Р.* Цифровая трансформация противодействия коррупции // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2022. № 1. С. 65-78. DOI [10.24412/2071-6184-2022-1-67-81](https://doi.org/10.24412/2071-6184-2022-1-67-81)
6. *Булгаков В.В., Родионова А.А.* Становление принципа справедливости в земельном законодательстве России // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 20. С. 602-615. DOI [10.20310/2587-9340-2021-5-20-602-615](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-20-602-615)
7. *Жданова Р.В., Смирнова М.А., Рулева Н.П.* Развитие системы инвентаризации земель в России // Московский экономический журнал. 2021. № 3. С. 160-168. DOI [10.24411/2413-046X-2021-10192](https://doi.org/10.24411/2413-046X-2021-10192)
8. *Иванова А.А.* Эффективность уголовного наказания за коррупционные преступления // Lex Russica. 2022. Т. 75. № 6 (187). С. 59-73. DOI [10.17803/1729-5920.2022.187.6.059-073](https://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.187.6.059-073)

References

1. Zhubrina R.V. (gen. ed.). *Lichnost' korruptsionnogo prestupnika* [The Identity of the Corrupt Criminal]. Moscow, Prospekt Publ., 2019, 383 p. (In Russian).
2. *Kashkarov A.A.* *Dolzhnostnaya prestupnost' v organakh publichnoy vlasti i ee preduprezhdeniye v usloviyakh smeny gosudarstvennoy prinaldlezhnosti territorii: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Official Delinquency in Public Authorities and its Prevention in the Context of a Change in the State Affiliation of the Territory. Dr. jurid. sci. diss.]. Krasnodar, 2019, 423 p. (In Russian).
3. *Kvasnikova T.V.* *Kriminologicheskaya i ugovolno-pravovaya kharakteristika v sfere oborota zhil'ya (po materialam Dal'nevostochnogo federal'nogo okruga): dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminological and Criminal Legal Characteristics of Crimes in the Sphere of Housing Turnover (by the Materials of the Far Eastern Federal District). Cand. jurid. sci. diss.]. Vladivostok, 2016, 222 p. (In Russian).
4. Orlov P.P. *Preduprezhdeniye korruptsionnykh prestupleniy v sfere zemel'nykh otnosheniy* [Prevention of Corruption Crimes in the Field of Land Relations]. Tambov, Publishing House "Derzhavinsky", 2021, 342 p. (In Russian).
5. *Evsikov K.S., Suvorov A.A., Bratchikova L.R.* *Tsifrovaya transformatsiya protivodeystviya korruptsii* [Digital transformation of anti-corruption]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskiye*

- i yuridicheskiye nauki – Izvestiya Tula State University. Economical and Law Sciences*, 2022, no. 1, pp. 65-78. DOI [10.24412/2071-6184-2022-1-67-81](https://doi.org/10.24412/2071-6184-2022-1-67-81) (In Russian).
6. Bulgakov V.V., Rodionova A.A. Stanovleniye printsipa spravedlivosti v zemel'nom zakonodatel'stve Rossii [Development of justice principle in the land legislation of Russia]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2021, vol. 5, no. 20, pp. 602-615. DOI [10.20310/2587-9340-2021-5-20-602-615](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-20-602-615). (In Russian).
 7. Zhdanova R.V., Smirnova M.A., Ruleva N.P. Razvitiye sistemy inventarizatsii zemel' v Rossii [Development of the land inventory system in Russia]. *Moskovskiy ekonomicheskoy zhurnal – Moscow Economic Journal*, 2021, no. 3, pp. 160-168. DOI [10.24411/2413-046X-2021-10192](https://doi.org/10.24411/2413-046X-2021-10192). (In Russian).
 8. Ivanova A.A. Effektivnost' ugovnogo nakazaniya za korruptsiyonnyye prestupleniya [Effectiveness of criminal punishment for corruption crimes]. *Lex Russica*, 2022, vol. 75, no. 6 (187), pp. 59-73. DOI [10.17803/1729-5920.2022.187.6.059-073](https://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.187.6.059-073). (In Russian).

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 25.08.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 29.09.2022

Принята к публикации / Accepted for publication 21.11.2022

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.3

DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-4-591-600

Шифр научной специальности 5.1.4

Противодействие коррупции: современное состояние

© ПОПОВА Надежда Анатольевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Института права и национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина», Российская Федерация, 392000 г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, ORCID: [0000-0001-6502-7915](https://orcid.org/0000-0001-6502-7915), nad-popova-62@mail.ru

Аннотация

Проанализированы меры противодействия коррупции, актуальные на сегодняшний день, с учетом всех особенностей коррупционных преступлений, довольно часто встречающихся за последние несколько лет. Исследование направлено на всестороннее изучение коррупции – не просто в качестве явления, но и в качестве обособленного социального института негативной окраски. При помощи таких методов, как анализ, синтез, сравнение, была поставлена следующая цель – выявить, какие формы противодействия коррупции актуальны для России именно сейчас. Для достижения этой цели определены следующие задачи: проанализировать особенности явления коррупции и его наиболее опасные тенденции развития, оценить состояние коррупции на современном этапе развития общества, привести наиболее эффективные формы противодействия коррупционным явлениям. Проанализировано, какие позиции в современной России занял институт коррупции, какие методы и способы противодействия ей актуальны на сегодняшний день. Отдельное внимание уделено составу посредничества во взяточничестве. Также рассмотрены особенности развития общественного контроля как самостоятельной формы противодействия коррупции на современном этапе.

Ключевые слова

коррупция, противодействие коррупции, взятка, посредничество во взяточничестве, общественный контроль

Для цитирования

Попова Н.А. Противодействие коррупции: современное состояние // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 4. С. 591-600. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-4-591-600](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-4-591-600)

Anti-corruption: current state

© Nadezhda A. POPOVA,

Candidate of Law, Associate Professor of Criminal Law and Procedure Department of Law and National Security Institute, Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation, ORCID: 0000-0001-6502-7915, nad-popova-62@mail.ru

Abstract

We analyze the current anti-corruption measures, taking into account all the features of corruption crimes that have been quite common over the past few years. The study is aimed at a comprehensive study of corruption – not just as a phenomenon, but also as a separate social institution of negative connotation. With the help of such methods as analysis, synthesis, comparison, the following goal is set – to identify what forms of combating corruption are relevant for Russia right now. To achieve this goal, the following tasks are defined: to analyze the features of the phenomenon of corruption and its most dangerous development trends, to assess the state of corruption at the present stage of development of society, to present the most effective forms of counteracting corruption phenomena. We analyze what positions the institution of corruption has taken in modern Russia, what methods and means of counteracting it are relevant today. Special attention is paid to the composition of mediation in bribery. We also consider the features of the development of public control as an independent form of combating corruption at the present stage.

Keywords

corruption, anti-corruption, bribery, mediation in bribery, public control

For citation

Popova N.A. Protivodeystviye korruptsii: sovremennoye sostoyaniye [Anti-corruption: current state]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2022, vol. 6, no. 4, pp. 591-600. DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-4-591-600 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Введение

Вопрос правовых средств борьбы с коррупцией является актуальным не только в России: это острая проблема, без преувеличения, всех стран мира. В современных условиях можно наблюдать качественные преобразования и расширение границ коррупционной деятельности. В настоящее время коррупция – оформленный самостоятельный социальный институт.

Предметом исследований данной тематики является анализ трех основных аспектов противодействия коррупции, которые принято выделять в научной литературе: профилактика коррупционных проявлений, противодействие коррупционным деяниям и минимизация последствий коррупционных правонарушений [1, с. 26].

В рамках настоящей статьи коррупция исследуется не только как острое социальное явление – таких исследований много как в отечественной правовой литературе, так и в зарубежном опыте, а как социальный институт, имеющий соответствующее предпо-

сылки и формы проявления. По нашему мнению, коррупция давно переросла себя как явление – она превратилась в социальный институт со всеми характеризующими таковой признаками, а именно субъектов данного состава преступления (как того, кто дает взятку, так и того, кто ее принимает или же передает) всегда отличают определенные модели поведения и психологические черты, особенности личности. Также этих субъектов отличают определенный набор ценностей, особый тип моральных устоев, разграничение ролей субъектов преступления. Этого достаточно, чтобы, с точки зрения социологии, признать коррупцию обособленным институтом [2, с. 217].

Несмотря на широкий круг исследований данной острой общественной проблемы (в ряду ученых, посвятивших свои труды причинам и способам эффективной борьбы с коррупцией, такие имена, как, например, А.Г. Лахман [3], А.С. Кожушко [4], А.А. Кулешенский, Л.В. Петелина [5], О.В. Епархина [6], К.С. Евсиков [7], Т.И. Шукайло [8],

А.М. Краснов [9]), представляется довольно слабым освещение проблем именно противодействия коррупции как социальному институту, а меж тем, как мы полагаем, это и есть корень проблемы. Антикоррупционные меры, не подкрепленные фундаментальными научными исследованиями, не будут столь эффективны, как с опорой на уголовно-правовую доктрину узкой специализации – исследование уголовно-правовых и в целом социальных форм борьбы с коррупционными явлениями. Именно этим, в первую очередь, и был обусловлен выбор темы.

Следует рассмотреть наиболее эффективные, по нашему мнению, способы борьбы с коррупцией. Такой порядок изучения проблемы представляется нам наиболее рациональным и последовательным с логической точки зрения. Этот подход позволяет точно определить, какие способы борьбы с коррупцией не могут применяться конкретно на сегодняшнем этапе развития российского общества, какие способы устарели, но их можно переработать и применять вновь, и какие способы необходимо опробовать исходя из психологии и модели поведения современного коррупционера.

Результаты исследования

1. Коррупция в современной России: особенности института и его наиболее опасные тенденции развития

В настоящее время можно наблюдать процесс качественного преобразования такого социального явления, как коррупция. Долгое время данное понятие ассоциировалось с деятельностью государственных служащих, которые «в обход закона» помогали «своим» людям совершать определенные действия ради их выгоды за определенные материальные или нематериальные ценности, блага. В современном обществе можно видеть резкое расширение границ данного явления: оно превратилось в неотъемлемую часть социально-экономической жизнедеятельности всего общества. Также следует отметить, что коррупционная деятельность уже давно стала не только сопутствующим явлениям государственной службы, а оформилось в отдельную бизнес сферу, которая, как нам представляется, является высокодоходным для должностных лиц.

Высокая латентность, а также общественное «смирение» с наличием и распространенностью данного явления говорят о низком уровне противодействия коррупции. Противодействие коррупции – одно из актуальных направлений деятельности государственных органов. Необходимо признать тот факт, что победить коррупцию силами исключительно государственных органов невозможно. В связи с этим имеет место максимальное привлечение в процесс по противодействию коррупции институтов гражданского общества.

С целью ужесточения наказания имеет место пересмотр основных положений уголовного законодательства в рамках противодействия коррупции. Помимо этого, весьма эффективным будет ограничение возможностей реализации коррупционерами преступно нажитых средств и иного имущества.

Можно смело говорить о том, что в настоящее время коррупция – оформленный самостоятельный социальный институт: она имеет определенную устойчивую форму, структурную развитость, данный феномен объединяет большое количество субъектов: как должностных лиц, так и субъектов бизнеса, которые активно используют коррупционные инструменты в своей деятельности с целью решения определенных проблем, вопросов [10, с. 260].

Проблема коррупции в современном мире является одной из наиболее значимых, препятствующих решению важнейших экономических и политических задач, подрывающих авторитет власти в глазах народа, мешающих эффективному развитию международных торгово-экономических и иных связей. Коррупция прямо или опосредованно влияет на общественные ценности, мораль и устои государственности. По масштабам распространенности коррупции в том или ином обществе или государстве делаются выводы о вероятности политических, экономических и социальных рисков, а также степени развития гражданского общества.

В российских реалиях в связи со сложными традиционно-историческими обстоятельствами коррупция стала частью менталитета населения, неким психологическим отклонением. Так, многие граждане нашего государства пытаются «отблагодарить» лю-

дей за оказание услуги, профессиональную помощь уже после сделанной работы и не из-за корыстных побуждений (какой-либо договоренности относительно формы, количества, сроков «благодарностей»), а с наилучшими побуждениями, так сказать – выразить почтение, значимость данному человеку. Но проблема в том, что данное отклонение и является основой для развития института коррупции во всех ее негативных проявлениях, когда бизнесмены с использованием «помощи» недобросовестных должностных лиц обходят законы, устраняют конкурентов. В связи с массовой и устойчивой распространенностью коррупция получила статус «неизбежного, непреодолимого» явления для российского общества, с которым проще свыкнуться, приспособиться и по возможности использовать для решения своих дел, достижения своих интересов. Отдельными лицами коррупция воспринимается не столько как правонарушение, сколько как «норма жизни», которая всех устраивает и используется обеими сторонами коррупционной «сделки».

2. Оценка состояния коррупции на современном этапе развития общества

О признании коррупции как социально опасного и деструктивного института со стороны государства свидетельствует постоянная разработка, принятие и реализация специальных мер, обобщаемых в принимаемых на определенный период национальных планах противодействия коррупции, утверждаемые непосредственно главой государства.

В настоящее время действует Национальный план противодействия коррупции на 2021–2024 гг. В частности, предусмотрены меры по совершенствованию системы антикоррупционных запретов и ограничений, по повышению эффективности мер по предотвращению конфликта интересов. Затронуты вопросы административного и уголовного наказания за коррупцию, противодействия коррупции в сфере государственных закупок и в частном секторе экономики, антикоррупционного просвещения, вовлечения гражданского общества в борьбу с коррупцией, развития международного сотрудничества в этой сфере. Поставлены задачи по борьбе с новыми формами коррупции, свя-

занными с цифровыми технологиями (в том числе с использованием криптовалют)¹.

Вместе с этим, говоря об оценке состояния коррупции, следует отметить, что объективную оценку данному феномену дать невозможно, так как оно имеет сложные общественно-правовые проявления, высокий уровень латентности, большую вовлеченность широкого круга лиц и т. д. Согласно рейтингу компании «Transparency International» Россия занимает 137 строчку из 180 (28 баллов соответственно). Наше государство находится на уровне коррупции, согласно данному рейтингу, с такими странами, как Кения, Ливан, Либерия, Уганда. Таким образом, Россия с ее уровнем развития, развитой и эффективной системой правоохранительных органов находится на уровне с «бедными» африканскими государствами, в которых система противодействия коррупции значительно уступает отечественной. В 2015 г. РФ занимала 131 строчку рейтинга, но за 5 лет потеряла 6 позиций, что говорит о неэффективности противодействия коррупции и увеличении объемов данного негативного социального феномена². Согласно официальным статистическим данным, в 2015 г. произошло снижение зарегистрированных преступлений по статье 290 УК РФ (получение взятки) и увеличение по статье 291 УК РФ (дача взятки) в сравнении с 2010 г., а после 2015 г. отмечается устойчивое количество выявляемых соответствующих преступлений (табл. 1).

Примечательно, что в России довольно распространены случаи так называемой «бытовой коррупции» – коррупция в сфере образования, медицины и ЖКХ. Связано ли это с низким уровнем правовой культуры населения или же зависит от внутренних устоев общества, трудно судить.

Стоит отметить, что высокий уровень коррупции взаимосвязан, в том числе, и с рисками коррупционных злоупотреблений в правоохранительных структурах, что естест-

¹ О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы: Указ Президента РФ от 16.08.2021 № 478 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 34. Ст. 6170.

² Данные официального сайта «Transparency International». URL: <https://transparency.org.ru/research/index-vospriyatiya-korrupsii> (дата обращения: 15.07.2022).

Таблица 1

Динамика зарегистрированных преступлений по статье 290 УК РФ
(получение взятки) и статье 291 УК РФ (дача взятки)

Table 1

Dynamics of registered crimes under Article 290 of the Criminal Code of the Russian Federation
(taking a bribe) and Article 291 of the Criminal Code of the Russian Federation (giving a bribe)

Статья УК РФ	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2022 г.
Статья 290 УК РФ (получение взятки)	7747	6495	4174	4925
Статья 291 УК РФ (дача взятки)	4265	6816	3649	4110

венно отражается на эффективности борьбы с ней. Так, органы и должностные лица, призванные бороться с взяточничеством, на практике активно пользуются «даным механизмом»³. Как следствие, подрывается общественный авторитет как ко всей системе государственных органов, так и к специализированным ее структурно-видовым элементам – правоохранительным органам.

Такое положение дел может спровоцировать социальные протесты населения, что, в свою очередь, может выступить основой для пропагандистских лозунгов, различных экстремистских элементов с целью разжигания ксенофобии, межнациональной розни и т. д.

В этом контексте представляется обоснованным и целесообразным поручение Генеральной прокуратуры РФ в рамках выполнения Национального плана противодействия коррупции на 2021–2024 годы с участием Министерства внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Федеральной таможенной службы и Федеральной службы судебных приставов продолжить реализацию мер по предотвращению злоупотреблений служебным положением со стороны должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов и обоснованного проведения оперативно-ро-

зыскных мероприятий, а также по недопущению применения мер процессуального принуждения, препятствующих осуществлению хозяйственной деятельности организаций⁴.

3. Развитие форм противодействия коррупции

Наиболее эффективным способом воспитательного и предупредительного характера в предупреждении и пресечении коррупционной преступности выступает привлечение виновных лиц к уголовной ответственности. В современный период происходит пересмотр основных положений уголовного законодательства в рамках противодействия коррупции. Так, теоретико-правовой анализ, а также практические наблюдения говорят о том, что по статьям 290 и 291 УК РФ⁵ доминируют штрафные санкции в качестве приоритетных мер наказания за данные деяния. Также наблюдаются и весьма мягкие сроки наказания, связанные с лишением свободы.

Практическая деятельность констатирует тот факт, что часто мера уголовного наказания (в частности размер штрафа) не пропорциональна объемам взятки (коррупции). В связи с таким положением имеет место пересмотр как размеров штрафа, так и сроков лишения свободы, вплоть до пожизненного заключения. Также необходимо пересмотреть приоритет штрафных санкций как

³ См. например: Чернышева Т. Тамбовский полицейский попался на взятке в 1,4 миллиона рублей. URL: <https://www.tambov.kp.ru/online/news/4705997/> (дата обращения: 15.07.2022); Макишин С. У полковников отобрали даже надежду. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5503867> (дата обращения: 15.07.2022); Акимов А. Лучший следователь МВД осужден за взятку в \$800. URL: <https://legal.report/luchshij-sledovatel-mvd-osuzhden-za-vzyatku-v-800/> (дата обращения: 15.07.2022).

⁴ О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы: Указ Президента РФ от 16.08.2021 № 478 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 34. Ст. 6170.

⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

меры наказания за коррупционное преступление.

Важным шагом для противодействия коррупции является разработка и внедрение механизмов ограничения использования материальных средств, полученных в рамках данных деяний. Коррупция – одна из составных элементов теневого сектора экономики, которая не только создает неучтенные финансы, но и помогает их реализовывать путем их «отмывания», в том числе посредством предоставления взяток.

Цель совершения коррупционного деяния для взяточника – получение прибыли. Нерадивый чиновник пытается улучшить свое материальное положение, удовлетворить свой корыстный интерес. Однако денежные средства, полученные данным путем, носят статус неофициальных (незаклассифицированных), что осложняет их оборот и использование. Конечно, преступник старается всеми возможными как законными, так и незаконными способами «обелить» (узаконить) полученные финансы. В связи с данным заключением имеют место ограничения возможностей реализации преступно нажитых средств и иного имущества, что преодолевается за счет такой формы коррупции, как «откат», то есть незаконное предоставление имущественной выгоды должностному лицу другими физическими лицами.

Ограничения сводятся к созданию специфических условий для должностных лиц с целью отражения максимально прозрачного финансового положения (состояния) должностных лиц: полученных денежных средств, недвижимости или иного имущества, в том числе полученного в качестве предмета взятки, иных имущественных прав. Необходим строгий и периодический контроль за движением финансовых средств у таких лиц, строгой отчетности по доходам, в том числе и членов семьи, ближайших родственников, запрете открывать и иметь денежные средства в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами, а также введении законодателем иных ограничений. При использовании денежных средств (например, покупки недвижимости, инвестиций, открытия вкладов) имеет место

создание условий, при которых чиновник объяснял бы и подтверждал бы правомерность происхождения данных денежных средств (как например, декларацией) [11, с. 107]. На настоящий момент налажены способы выявления случаев превышения фактических доходов над доходами, полученными законным путем. Такие способы стали возможны за счет механизма предоставления сведений о доходах лиц, замещающих государственные должности, государственных служащих, а также членов их семей (супругов и несовершеннолетних детей). Однако этот механизм может быть обойден посредством привлечения к реализации коррупционных схем третьих лиц, выступающих фактическими соучастниками. Посредничество во взяточничестве было признано отдельным уголовно наказуемым деянием с одновременным установлением квалифицированных составов в 2011 г. и в 2016 г. претерпело изменения преимущественно в части корректировки назначаемых наказаний. Ключевое значение имеет предмет посредничества, который может включать как материальные предметы, так и услуги имущественного характера, подлежащие материальной оценке. Здесь решающую роль играет размер взятки, так как часть 1 статьи 291 УК РФ предусматривает ответственность за посредничество, если размер взятки имел значительный характер (25000 рублей исходя из примечания к статье 290 УК РФ). Возникает обоснованный вопрос, как квалифицировать посредничество во взяточничестве, если размер взятки ниже указанной суммы. С одной стороны, эти деяния могут быть квалифицированы как участие в преступной группе с функцией пособника. С другой стороны, это может значить, что законодатель декриминализует такое деяние, но с учетом общественной опасности любых коррупционных проявлений считать так было бы неверным. Согласно правовой позиции Пленума Верховного суда РФ, лицо, оказавшее посреднические услуги при передаче взятки на сумму, не превышающую 25000 рублей, не может нести ответственности как соучастник в получении и даче взятки, мелком взяточничестве или коммерческом подкупе, мелком коммерческом подкупе со ссылкой на статью 33 УК

РФ⁶. Этим обосновывается одно из предусмотренных действующим Национальным планом противодействия коррупции о том, что Министерству юстиции Российской Федерации было поручено совместно со Следственным комитетом Российской Федерации, Министерством внутренних дел Российской Федерации и Федеральной службой безопасности Российской Федерации о внесении изменений в части 1 и 4 статьи 204.1 и части 5 статьи 291.1 УК РФ изменений, направленных на устранение диспропорции в применении уголовных наказаний, заключающейся в том, что за посредничество во взяточничестве или в коммерческом подкупе в значительном размере назначается менее строгое наказание, чем за обещание или предложение посредничества во взяточничестве⁷.

Необходимо признать и тот факт, что противодействовать коррупции силами исключительно государственных органов невозможно: это выражается, прежде всего, в конкуренции внутри системы – одни должностные лица-коррупционеры стремятся защитить действующее положение, внедрить новые схемы и т. д., а другие должностные лица пытаются им противостоять, искоренить данный феномен, но могут находиться у первых в служебной или иной административной зависимости. В связи с этим актуализируется вопрос привлечения в процесс по противодействию коррупции других субъектов, а именно институтов гражданского общества.

Одной из наиболее популярных и рациональных форм является общественный контроль. Общественный контроль является важнейшим институтом гражданского общества и давно доказал свою значимость как эффективный инструмент обеспечения законности и профилактики различных правонарушений на всех уровнях власти, в том числе и коррупционного характера. Обще-

ственные советы в настоящее время реализованы на базе многих органов государственной власти.

В рамках реализации активной политики противодействия коррупции имеет место создание специализированных антикоррупционных общественно-наблюдательных советов как при органах государственной власти, так и при органах местного самоуправления. Это будет способствовать как вовлечению дополнительных субъектов гражданского общества, так и расширению масштабов (объемов) наблюдательной деятельности в рамках фиксирования и передачи фактов правонарушения, связанных с коррупцией.

В действующем Национальном плане противодействия коррупции отдельный раздел посвящен применению дополнительных мер по расширению участия граждан и институтов гражданского общества в реализации государственной политики в области противодействия коррупции. В этом контексте следует выделить такие направления, как:

а) подготовка предложений о мерах по стимулированию и расширению участия граждан, общественных объединений, иных некоммерческих организаций в деятельности в области противодействия коррупции;

б) анализ эффективности участия субъектов общественного контроля в деятельности в области противодействия коррупции и подготовить предложения по повышению эффективности участия субъектов общественного контроля в указанной деятельности;

в) изучение целесообразности включения направления «Противодействие коррупции и антикоррупционное просвещение» в перечень приоритетных направлений деятельности в сфере оказания общественно полезных услуг, утвержденный Правительством Российской Федерации;

г) подготовка предложений о мерах по привлечению добровольческих (волонтерских) организаций и движений к системной работе по противодействию коррупции и антикоррупционному просвещению.

К реализации данных направлений подключена Общественная палата Российской Федерации с участием Министерства юстиции Российской Федерации и Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации.

⁶ О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: Постановление Пленума Верховного суда РФ от 9.07.2013 № 24 (с изм. и доп.) // Российская газета. 2013. 17 июля. № 154.

⁷ О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы: Указ Президента РФ от 16.08.2021 № 478 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 34. Ст. 6170.

Также к реализации мер, направленных на участие институтов гражданского общества, подключены Правительство Российской Федерации, высшие должностные лица субъектов РФ и непосредственно общественные структуры, такие как Общероссийская общественно-государственная просветительская организация «Российское общество «Знание», Общероссийская общественная организация «Ассоциация юристов России».

Основная форма участия гражданского общества заключается в антикоррупционном просвещении, предоставлении мер поддержки социально ориентированным некоммерческим организациям, осуществляющим в соответствии с учредительными документами деятельность в области противодействия коррупции.

На наш взгляд, обоснованным представляется дальнейшее расширение участия институтов гражданского общества в антикоррупционной политике.

Заключение

В ходе изучения современного состояния противодействия коррупции мы пришли к следующим выводам.

1. В исследовании вопросов коррупции следует опираться, прежде всего, на российский опыт, а не на зарубежный, так как путь борьбы с коррупционными явлениями самобытен в каждой правовой системе, в том числе и российской, о чем свидетельствуют такие условия и факторы современной российской политико-правовой действительности, как довольно лояльное отношение со стороны общества в целом, что порождает высокий уровень «бытовой» коррупции, так и применение коррупционных схем для получения политических и экономических преференций отдельным лицам и их группам, что содействует высокой степени латентности коррупционной преступности, что требует внедрения новых, передовых способов борьбы, а также модернизации (пересмотра) уже существующих.

2. Исходя из имеющейся на данный момент обстановки в обществе стоит применять те формы противодействия коррупции, которые актуальны именно сейчас (общественный контроль, ужесточение уголовной ответственности за совершение коррупционных преступлений, повсеместное введение

обязательного жесткого и прозрачного контроля за движением финансовых средств всех госслужащих и их родственников, учет имущества чиновников). Необходимо как можно скорее пересмотреть нормы уголовного законодательства, касающиеся преступлений коррупционной направленности, на законодательном уровне – стоит принять решительные меры относительно увеличения сумм штрафа и увеличения срока наказания в виде лишения свободы – вплоть до пожизненного заключения. Представляется целесообразным и обоснованным дальнейшее расширение участия институтов гражданского общества в антикоррупционной политике и развитие форм такого участия, в частности, посредством таких форм общественного контроля, как участие независимых экспертов в выявлении коррупционных правонарушений, анализе сведений о доходах лиц, замещающих государственные должности, государственных служащих и членов их семей, выявлении имеющих место завуалированных коррупционных форм, связанных с посредничеством во взяточничестве, «откатами» и отмыыванием доходов, полученных коррупционным путем.

3. С развитием организационных и административно-правовых форм контроля за должностными лицами в форме предоставления сведений о доходах лиц, замещающих государственные должности, государственных служащих, а также членов их семей (супругов и несовершеннолетних детей), развиваются такие коррупционные проявления, которым свойственны привлечение третьих лиц для содействия противоправному умыслу, в связи с чем в настоящее время актуализируется вопрос о практике применения положений статьи 291.1 УК РФ о посредничестве во взяточничестве. С учетом неопределенности вопроса о квалификации посредничества во взяточничестве в случаях, когда оно не превышает установленного значительного размера, во избежание расхождений в правоприменительной практике считаем обоснованным указать в примечании к статье 291.1 УК РФ, что посредничество во взяточничестве в размере ниже значительного квалифицируется как пособничество при привлечении к ответственности виновных лиц за дачу или получение взятки

в зависимости от активности участия пособника в даче или получении как в той или

иной форме коррупционного действия, связанного с передачей и получением взятки.

Список источников

1. Федулов И.Н., Квач С.С. Противодействие коррупции в Российской Федерации: современное состояние и перспективы // Вестник Югорского государственного университета. 2019. № 3 (54). С. 26-31. <https://elibrary.ru/jvmbym>
2. Луньков А.С. Коррупция в общественных институтах разного типа. Социально-философский анализ // Актуальные проблемы научного правительства государственной политики Российской Федерации в области противодействия реформе. Екатеринбург, 2014. № 1. С. 216-223. <https://elibrary.ru/tuatlf>
3. Лахман А.Г. Коррупция и противодействие коррупции: проблемы правопонимания // Власть и управление на Востоке России. 2013. № 1 (62). С. 100-109. <https://elibrary.ru/pyadbb>
4. Кожушко А.С. Коррупция общества, коррупция индивида // Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 6. С. 109-116. <https://elibrary.ru/rabyqb>
5. Куленинский А.А., Петелина Л.В. Психология коррупции // Психопедагогика в правоохранительных органах. 1997. № 2. С. 59-63. <https://elibrary.ru/lscwva>
6. Епархина О.В. Моделирование коррупции // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 1. С. 110-117. <https://elibrary.ru/reddur>
7. Евсиков К.С. Коррупция в бизнесе // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2011. № 2-2. С. 105-110. <https://elibrary.ru/rdkwdj>
8. Шукайло Т.И. Диагностика коррупции // Вестник ВИ МВД России. 2013. № 3. С. 186-192. <https://elibrary.ru/rcnlbf>
9. Краснов А.М. Презумпция коррупции // Юридическая техника. 2010. № 4. С. 262-266. <https://elibrary.ru/rcibub>
10. Ягодин Р.С., Волкова П.А. Противодействие коррупции // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 2. С. 259-264. <https://elibrary.ru/zdozar>
11. Алимеев С.А. Особенности общесоциального предупреждения коррупционных правонарушений // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 1. С. 106-110. <https://elibrary.ru/qqt0oe>

References

1. Fedulov I.N., Kvach S.S. Protivodeystviye korruptsii v Rossiyskoy Federatsii: sovremennoye sostoyaniye i perspektivy [Anti-corruption in the Russian Federation: current state and prospects]. *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta – Yugra State University Bulletin*, 2019, no. 3 (54), pp. 26-31. <https://elibrary.ru/jvmbym>. (In Russian).
2. Lunkov A.S. Korruptsiya v obshchestvennykh institutakh raznogo tipa. Sotsial'no-filosofskiy analiz [Corruption in social institutions of various types. Socio-philosophical analysis]. *Aktual'nyye problemy nauchnogo pravitel'stva gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v oblasti protivodeystviya reforme* [Actual Problems of the Scientific Government of the State Policy of the Russian Federation in the Field of Opposition to Reform]. Yekaterinburg, 2014, no. 1, pp. 216-223. <https://elibrary.ru/tuatlf>. (In Russian).
3. Lakhman A.G. Korruptsiya i protivodeystviye korruptsii: problemy pravoponimaniya [Corruption and anti-corruption: problems of legal understanding]. *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii – Power and Administration in the East of Russia*, 2013, no. 1 (62), pp. 100-109. <https://elibrary.ru/pyadbb>. (In Russian).
4. Kozhushko A.S. Korruptsiya obshchestva, korruptsiya individa [Corruption of society, corruption of the individual]. *Gumanitar-nyye i sotsial'nyye nauki – The Humanities and Social Sciences*, 2012, no. 6, pp. 109-116. <https://elibrary.ru/rabyqb> (In Russian).
5. Kuplenskiy A.A., Petelina L.V. Psikhologiya korruptsii [Psychology of corruption]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh – Psychopedagogics in Law Enforcement*, 1997, no. 2, pp. 59-63. <https://elibrary.ru/lscwva> (In Russian).
6. Eparkhina O.V. Modelirovaniye korruptsii [Simulation of corruption]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2013, no. 1, pp. 110-117. <https://elibrary.ru/reddur>. (In Russian).
7. Evsikov K.S. Korruptsiya v biznese [Corruption in business]. *Izvestiya TulGU. Ekonomicheskiye i yuridicheskiye nauki – News of the Tula State University. Economic and Legal Sciences*, 2011, no. 2-2, pp. 105-110. <https://elibrary.ru/rdkwdj>. (In Russian).

8. Shukaylo T.I. Diagnostika korruptsii [Corruption diagnostics]. *Vestnik VI MVD Rossii – Vestnik of Voronezh Institute of the Ministry of Interior of Russia*, 2013, no. 3, pp. 186-192. <https://elibrary.ru/rcnlbf>. (In Russian).
9. Krasnov A.M. Prezumpsiya korruptsii [Presumption of Corruption]. *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal Technique]. 2010, no. 4, pp. 262-266. <https://elibrary.ru/rcibub>. (In Russian).
10. Yagodin R.S., Volkova P.A. Protivodeystviye korruptsii [Anti-corruption]. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal – Leningrad Legal Journal*, 2017, no. 2, pp. 259-264. <https://elibrary.ru/zdozar>. (In Russian).
11. Alimpeyev S.A. Osobennosti obshchesotsial'nogo preduprezhdeniya korruptsionnykh pravonarusheniy [features of general social prevention of corruption offenses]. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*, 2019, no. 1, pp. 106-110. <https://elibrary.ru/qqtooe>. (In Russian).

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 15.08.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 05.10.2022

Принята к публикации / Accepted for publication 21.11.2022

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 34.343.215

DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-4-601-610

Шифр научной специальности 5.1.4

**К вопросу об отсутствии понятия уголовно-правового
регулирования использования технологии
искусственного интеллекта**

© СИНЕЛЬЩИКОВ Александр Владимирович,

аспирант, кафедра уголовного права, криминалистики и криминологии, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева», Российская Федерация, Республика Мордовия, 430005 г. Саранск, ул. Большевикская, 68/1, ORCID: [0000-0003-3666-3837](https://orcid.org/0000-0003-3666-3837), saneksin_7@mail.ru

Аннотация

Рассмотрены основные нормативно-правовые и нормативно-технические акты, упорядочивающие применение технологий искусственного интеллекта на территории Российской Федерации и в странах дальнего и ближнего зарубежья, а также доказана необходимость оперативного разрешения общеправовых проблем и вопросов уголовно-правового характера, поскольку основной особенностью, отличающей преступления с использованием искусственного интеллекта от традиционных видов преступлений, является возможность массового распространения программного обеспечения с его применением, открытость информационных площадок, форумов и сайтов, на которых обсуждаются методики и способы его применения, а также высокая вероятность анонимности преступников, совершающих преступления с применением искусственного интеллекта за вознаграждение в криптовалюте. Цель – дать авторскую дефиницию понятия и сущности технологии искусственного интеллекта. В ходе исследования раскрыты свойства искусственного интеллекта, проанализированы различные доктринальные подходы к определению понятия искусственного интеллекта и его сущностные признаки, на основе которых вырабатывается авторское видение рассматриваемой категории. Упорядочены различные научные определения искусственного интеллекта по соответствию различным критериям, исследованы основные особенности, присущие искусственному интеллекту, выделены необходимые и достаточные условия для признания системы интеллектуальной.

Ключевые слова

искусственный интеллект, механизм правового регулирования использования технологий искусственного интеллекта, уголовно-правовые последствия в вопросах нарушения пределов использования технологии искусственного интеллекта

Для цитирования

Синельщиков А.В. К вопросу об отсутствии понятия уголовно-правового регулирования использования технологии искусственного интеллекта // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 4. С. 601-610. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-4-601-610](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-4-601-610)

On the issue of the absence of criminal law regulation of the use of artificial intelligence

© Alexander V. SINELSHCHIKOV,

Post-Graduate Student, Criminal Law, Criminalistics and Criminology Department, National Research Ogarev Mordovia State University, 68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation, ORCID: 0000-0003-3666-3837, saneksin_7@mail.ru

Abstract

The main regulatory and regulatory and technical acts that streamline the use of artificial intelligence technologies in the Russian Federation and in countries of far and near abroad are considered, and the need for prompt resolution of general legal problems and issues of a criminal law nature is proved, since the main feature that distinguishes crimes with the use of artificial intelligence from traditional types of crimes is the possibility of mass distribution of software with its use, the openness of information platforms, forums and sites where methods and methods of its application are discussed, as well as the high probability of anonymity of criminals who commit crimes using artificial intelligence for a fee in cryptocurrency. The goal is to give the author's definition of the concept and essence of artificial intelligence technology. In the course of the study, the properties of artificial intelligence are revealed, various doctrinal approaches to the definition of the concept of artificial intelligence and its essential features are analyzed, on the basis of which the author's vision of the category under consideration is developed. Various scientific definitions of artificial intelligence are ordered in accordance with various criteria, the main features inherent in artificial intelligence are investigated, the necessary and sufficient conditions for recognizing an intellectual system are identified.

Keywords

artificial intelligence, the mechanism of legal regulation of the use of artificial intelligence technologies, criminal law consequences in matters of violation of the limits of the use of artificial intelligence technology

For citation

Sinelshchikov A.V. K voprosu ob otsutstvii ponyatiya ugovovno-pravovogo regulirovaniya ispol'zovaniya tekhnologii iskusstvennogo intellekta [On the issue of the absence of criminal law regulation of the use of artificial intelligence]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2022, vol. 6, no. 4, pp. 601-610. DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-4-601-610 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Введение. Постановка проблемы

Стремительное внедрение и повсеместное использование технологий искусственного интеллекта в различных областях жизнедеятельности повлекло за собой ряд изменений и дополнений в законодательную базу многих стран. Применение технологии искусственного интеллекта вызвало необходимость регламентирования и регулирования действий, связанных с использованием искусственного интеллекта при создании и разработке многих современных программных продуктов и объектов информатизации, использующих на всех этапах жизненного цикла применяемые технологии искусственного интеллекта.

Выработка единого подхода к определению понятия и сущности искусственного интеллекта позволит комплексно трансфор-

мировать систему нормативного регулирования в России, что, в свою очередь, приведет к стиранию пробелов в законодательстве в данной области и в дальнейшем позволит создать систему правового регулирования, достаточного для эффективного развития и безопасной пенетрации названных технологических методов, базирующихся на триаде интересов человек – общество – государство, а кроме того, компаний-разработчиков (и робототехники) систем искусственного интеллекта и потребителей данных услуг.

Результаты исследования

Определение понятия и сущности технологии искусственного интеллекта на законодательном уровне, а также определение единых целей и принципов при построении, разработке и внедрении программно-аппаратных комплексов и иных объектов ин-

форматизации, использующих в своей работе указанные технологии, позволит ответить на ключевые вопросы использования систем искусственного интеллекта в контексте уголовно-правовых и гражданско-правовых отношений, в том числе позволит оценить возможный вред и (или) негативные последствия для общества и государства в целом.

Российская Федерация является, конечно, не первой в деле разработки системы правового регулирования сферы общественных отношений, связанных с использованием технологии искусственного интеллекта, в том числе и документов стратегического планирования. Во многих странах дальнего и ближнего зарубежья кроме имеющихся национальных стратегий развития технологий искусственного интеллекта также вступают в непосредственное действие официальные документы, детально регулирующие исследуемые общественные отношения [1, с. 43].

В Российской Федерации последние два года активно ведется разработка и внедрение нормативно-правовых и нормативно-технических актов в области технологий искусственного интеллекта с целью регламентации и стандартизации данного явления. Данные мероприятия проводятся в соответствии с принятыми как отечественными нормативно-правовыми актами, такими как Национальная стратегия, национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» и Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг., утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», а также на основании предписаний иных нормативно-правовых актов и методических документов, с учетом международных и зарубежных документов стратегического планирования¹.

Несомненным приоритетом Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. является создание и развитие информационного

поля, принимая во внимание потребности потребителей в получении качественных и достоверных сведений; формирование и применение российских информационных и коммуникационных технологий, обеспечение их конкурентоспособности на международном уровне. Названный документ отражает потребность в обеспечении национальных интересов, входящих в область цифровой экономики, а также указывает на разработку эффективной правовой платформы на международном уровне, в соответствии с которой будет создана и применена партнерская система доверия в сети Интернет, гарантирующая конфиденциальность и безопасность каждого субъекта, а также влекущая справедливую и соразмерную ответственность для правонарушителей.

Впоследствии было принято Распоряжение Правительства Российской Федерации от 19 августа 2020 г. № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 года»², которое на сегодняшний день является основополагающим документом в сфере регламентирования и правового регулирования применения технологии искусственного интеллекта и представляет собой в некоем роде «дорожную карту» в данной области.

Так, указанная концепция содержит систему принципов, определяет цели и задачи правового регулирования общественных отношений в сфере искусственного интеллекта. Документ также называет перечень существующих проблем, предусматривает возможность создания эффективных механизмов упрощенного внедрения продуктов с использованием современных технологий. Концепция отражает совокупность вопросов оптимизации режима оборота данных, предусматривает возможность поддержки экспорта систем искусственного интеллекта и робототехники, раскрывает направления

¹ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 20. Ст. 2901.

² Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 года: Распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 35. Ст. 5593.

развития страховых институтов обеспечения информационной безопасности.

Также стоит отметить принятие и утверждение Росстандартом важных нормативно-технических актов в сфере стандартизации технологии искусственного интеллекта³, а именно, ГОСТа Р 59277-2020 «Системы искусственного интеллекта. Классификация систем искусственного интеллекта»⁴, ГОСТа Р 58776-2019 «Средства мониторинга поведения и прогнозирования намерений людей. Термины и определения»⁵ и ГОСТа Р 58777-2019 «Воздушный транспорт. Аэропорты. Технические средства досмотра. Методика определения показателей качества распознавания незаконных вложений по теневым рентгеновским изображениям»⁶.

Разработка вышеописанных нормативных правовых актов обусловлена настоятельной потребностью в эффективном обеспечении коммуникации интеллектуальных робототехнических систем и человека, в том числе взаимодействия человека и беспилотных транспортных средств.

Подобное взаимодействие интеллектуальных систем, несомненно, предполагает наличие прогностической функции у каждой из сторон взаимодействия (включая искусственный интеллект), что позволит предвидеть намерения друг друга и в соответствии с этим поэтапно выстраивать свое поведение

сообразно прогнозу. Прогностическая функция, например, может быть использована для предупреждения правонарушений, в частности, с целью выявления людей с деструктивными намерениями для повышения качества и эффективности решения задач безопасности. Так, к примеру, применение стандарта ГОСТ Р 58777-2019⁷ позволит обеспечить установление единых требований к системам и алгоритмам распознавания незаконных вложений в багаже и ручной клади по теневым рентгеновским изображениям, а также повысить достоверность результатов испытаний систем и алгоритмов.

Разработанные стандарты являются первыми в своей области и учитывают отечественный и мировой опыт по применению и эксплуатации различных технических и программно-аппаратных средств и объектов информатизации, использующих в своей работе технологии искусственного интеллекта, а также содержат и описывают требования к проводимым испытаниям, показателям качества и важные действия, необходимые при внедрении и дальнейшей безопасной эксплуатации. При разработке и подготовке вышеперечисленных документов экспертным сообществом и различными профильными ведомствами проводился тщательный анализ передовых международных практик и научных работ, содержащих основные принципы, сущность и понятие искусственного интеллекта, а также международных регуляторных практик в данной области.

Научный анализ вышеупомянутых нормативных правовых и нормативно-технических актов позволяет прийти к обоснованному выводу о том, что комплекс технологических решений, который предоставляет возможность имитировать когнитивные функции человека, а также выполнять конкретные практически значимые задачи по обработке данных, позволяет получить результаты, вполне сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности.

Обозначенный комплекс технологических мер и решений включает в свое содержание информационно-коммуникационные инфраструктуры, а также программные обеспечения, применяющие в числе прочих

³ Утверждены первые национальные стандарты в сфере ИИ // Плас. 2019. 27 дек. URL: <https://plus-world.ru/daily/tehnologii/utverzhdny-pervye-natsionalnye-standarty-v-sfere-ii/> (дата обращения: 08.05.2022).

⁴ ГОСТ Р 59277-2020 Системы искусственного интеллекта. Классификация систем искусственного интеллекта: Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 23.12.2020 № 1372-ст. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». Текст приказа официально опубликован не был.

⁵ ГОСТ Р 58776-2019 Средства мониторинга поведения и прогнозирования намерений людей. Термины и определения: Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 20.12.2019 № 1429-ст. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». Текст приказа официально опубликован не был.

⁶ ГОСТ Р 58777-2019 Воздушный транспорт. Аэропорты. Технические средства досмотра. Методика определения показателей качества распознавания незаконных вложений по теневым рентгеновским изображениям: Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 20.12.2019 № 1429-ст. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». Текст приказа официально опубликован не был.

⁷ Там же.

и методы машинного обучения, процессы и сервисы по обработке данных, анализу и синтезу решений.

В Европейском союзе также ведутся работы по определению единого подхода к понятию и сущности искусственного интеллекта, однако они отличаются от положений нормативно-правовых документов, принятых в Российской Федерации. В Резолюции Европарламента от 16 февраля 2017 г. 2015/2013(INL) «О регулировании робототехники» понятие робототехники и искусственного интеллекта взаимоувязаны⁸.

Основываясь на анализе данного документа, можно прийти к логическому выводу, что одним из свойств искусственного интеллекта является способность к автономности действий, совершаемых роботом в каком-либо процессе в различных сферах жизнедеятельности, областях экономики и производственных процессах (цепочках). Чем выше степень и сложность совершаемых автономных действий механической конструкции (робота), тем выше показатели «интеллектуальности» данного технологического оборудования. Исходя из вышеуказанного, следует, что, применимо к роботам, использующим в своей работе технологии искусственного интеллекта, и тем процессам, которые им обеспечиваются, термины «автономность» и «интеллектуальность» взаимосвязаны. При этом термин «автономность» отражен в пункте 2.2 международного стандарта ISO 8373:2012 «Роботы и робототехнические устройства»⁹ и в широко обсуждаемой «Модельной конвенции о робототехнике и искусственном интеллекте»¹⁰, как способность робота выполнять задачи по назначению на основе текущего состояния и восприятия внешней среды без вмешательства человека.

⁸ О регулировании робототехники: Резолюция Европарламента от 16.02.2017 2015/2013(INL) P8_TA-PROV (2017)0051. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Стандарт ISO 8373:2012 «Роботы и робототехнические устройства». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Проект Конвенции о робототехнике и искусственном интеллекте // Роботправо. URL: https://robopravo.ru/modielnaia_konvientsiia (дата обращения: 30.05.2022).

В специальной памятке «Искусственный интеллект: как это работает, почему это имеет значение, и что мы можем с этим сделать», подготовленной для членов Европейского парламента, используется термин «искусственный интеллект». Согласно положениям данного документа, искусственный интеллект относится к системам, которые демонстрируют разумное поведение, анализируя окружающую среду и предпринимая действия – с некоторой степенью автономии – для достижения определенных целей¹¹.

Термин «умный робот» содержится в одном из первых нормативно-правовых актов, регламентирующих использование объектов робототехники, использующих в своей работе технологии искусственного интеллекта, – в законе Южной Кореи № 9014 от 28 марта 2008 г. «О содействии развитию и распространению умных роботов»¹². Согласно положениям данного документа, умным роботом является механическое устройство, которое способно воспринимать окружающую среду, распознавать обстоятельства, в которых оно функционирует, и целенаправленно передвигаться самостоятельно.

В США разработан проект закона «Об основополагающем понимании применимости и реалистичной эволюции искусственного интеллекта» (Закон о будущем искусственного интеллекта), регламентирующий некоторые основные аспекты применения искусственного интеллекта. Указанный проект нормативно-правового акта интересен с научной точки зрения, так как в нем содержится глубокий анализ такого понятия, как искусственный интеллект. В соответствии с положениями указанного проекта нормативного правового акта, под искусственным интеллектом стоит понимать любые искусственные системы, которые выполняют задачи в изме-

¹¹ Boucher P. Artificial intelligence: How does it work, why does it matter, and what can we do about it? // European Parliamentary Research Service. 2020. June. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/641547/EPRS_STU\(2020\)641547_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/641547/EPRS_STU(2020)641547_EN.pdf) (accessed: 25.05.2022).

¹² Закон о содействии развитию и распространению умных роботов от 28.03.2008 № 9014 // Искусственный интеллект. Информационные технологии и право. URL: https://robopravo.ru/zakon_iuzhnoi_koriei_2008 (дата обращения: 11.05.2022).

няющихся и непредсказуемых обстоятельствах, без значительного человеческого контроля, или которые могут извлечь уроки из своего опыта и улучшить свои показатели¹³.

Также в проекте совершается разделение искусственного интеллекта на «общий» и «узкий». Под «общим» искусственным интеллектом подразумевается «интеллектуальное поведение, по крайней мере, такое же продвинутое, как у человека, в диапазоне когнитивного, эмоционального и социального поведения». В свою очередь, под «узким» искусственным интеллектом понимается система, которая предназначена для конкретных областей применения, таких как стратегические игры, языковой перевод, автомобили с автоматическим управлением и распознавание изображений [2, с. 45].

Схожий разносторонний подход к определению понятия искусственного интеллекта отражен в работах отечественных специалистов в области информатики и вычислительной техники А.В. Шилейко [3] и П.М. Морхата [4, с. 43]. Исходя из вычислительных возможностей и степени сложности решаемых искусственным интеллектом задач, А.В. Шилейко разделяет понятие на «слабый» интеллект – разработанный и используемый для решения определенного рода задач (уже применяется в настоящее время) и «сильный» интеллект – гипотетически равный по уровню мышления человеческому мозгу и не ограниченный по своим характеристикам какой-либо сферой применения; его разработка завершится, по мнению автора, не скоро.

Таким образом, можно констатировать единство взглядов вышеуказанных авторов при формировании понятия искусственный интеллект, так как они в своих работах выделяют вычислительные способности искусственного интеллекта и сложность решаемых искусственным интеллектом задач, при

этом гипотетически сравнивая их с существующими возможностями человеческого разума.

А.Г. Волеводз и В.А. Шестак под искусственным интеллектом понимают «автоматическое программное управление, при котором алгоритмы не задаются оператором заранее, а создаются внутри системы самостоятельно на основе кодированных описаний различного вида целей, представлений о действиях и информационной базы о внешнем окружении» [5, с. 197]. Как отмечают ученые, указанное ими понятие не является всесторонним и применимо только к технической стороне рассматриваемого явления.

По мнению С.Н. Павлова, искусственный интеллект как «программно-аппаратный комплекс или его элемент представляет собой компьютерную, креативную систему со сложной структурой, использующую накопление и корректировку знаний для постановки и достижения цели, адаптации к изменениям среды и внутреннего состояния путем изменения среды или внутреннего состояния» [6, с. 12].

Как отмечает П.П. Ищенко, с точки зрения компьютерных наук, программы, использующие технологию искусственного интеллекта, самостоятельно выполняют задание, указанное пользователем (оператором), в течение длительного промежутка времени и являются вычислительными системами, помещенными во внешнюю среду, способными взаимодействовать с ней, совершая автономные рациональные действия для достижения определенных целей [7, с. 100].

Более широкий подход к определению понятия используется в работе [2]. По мнению авторов, искусственным интеллектом является самоорганизующаяся система, обладающая искусственными средствами для взаимодействия с окружающей средой, принимающая решения на основании информации и в соответствии со способностями и возможностями [2, с. 78].

По мнению Ю.С. Харитоновой и В.С. Савиной, «современная технология искусственного интеллекта подразумевает собой программное обеспечение, приводящее к созданию результатов – интеллектуальной деятельности либо иного характера, позволяю-

¹³ Mr. Delaney (for himself, Mr. Olson, Mr. Ted Lieu of California, Mr. Khanna, Mr. Clever, Mr. Desaulnier, and Mr. Michel F. Doyle of Pennsylvania). A BILL. To require the Secretary of Commerce to establish the Federal Advisory Committee on the Development and Implementation of Artificial Intelligence, and for other purposes // 115th Congress. 1st Session. URL: <https://www.cantwell.senate.gov/imo/media/doc/The%20FUTURE%20of%20AI%20Act%20Introduction%20Text.pdf> (accessed: 25.05.2022).

щее на основании определенных обобщенных данных принимать решения» [8, с. 524].

Как видно из множества представленных определений, с точки зрения компьютерных наук, вычислительной техники, программирования, а также информационных систем и технологий *под искусственным интеллектом следует понимать* способность программных алгоритмов (кода) к самообучению для поддержания автоматизации процессов и автономности действий определенного вида, в которых они применяются.

В зарубежной научной литературе еще в 1956 г. А. Барром и Э. Фейгенбаумом в работе «Справочник по искусственному интеллекту» было дано определение искусственного интеллекта, как набора теорий и техник, используемых для создания машин, способных имитировать человеческий интеллект [9, р. 15; 10, р. 7; 11, р. 6; 12, р. 4; 13, р. 7].

С.Г. Далвиндер формулирует определение искусственного интеллекта как механическую систему моделирования сбора и обработки информации, а также ее сравнения и интерпретации, для совершения мыслительных процессов [14].

В работе П. Норвига и С. Рассела «Искусственный интеллект: современный подход» упорядочиваются различные научные определения искусственного интеллекта по соответствию различным критериям мыслительных процессов и человеческого поведения, таким как:

1) наличие мышления, подобного человеку, включающего в себя такие способности, как принятие решений, решение проблем и обучение на ошибках и опыте;

2) наличие рационального мышления с признаками логического и дедуктивного мышления;

3) способность действовать как человек. Подразумевает способность машины пройти тест Тьюринга (и подобные ему тесты), то есть способность машины отвечать на заданные вопросы как человек;

4) способность компьютера действовать рационально в различных ситуациях, то есть действовать «по-человечески». Считается наиболее развитой формой искусственного интеллекта [15, р. 90].

Вышеуказанные пункты можно отнести к критериям относимости тех или иных компьютеризированных систем и комплексов к объектам, обладающим признаками искусственного интеллекта.

Необходимо выделить два важных критерия, указанных ранее в пунктах один и четыре, поскольку способность искусственного интеллекта к принятию решений, основанных на обучении на совершенных ранее ошибках и опыте, относится к понятию машинного обучения – важной способности искусственного интеллекта, значительно влияющей на его качественные характеристики [16, с. 130].

Статистическое обучение представляет собой особую технологию. В рамках указанной технологии создается база примеров, позволяющая искусственному интеллекту самонастраиваться, то есть обучаться. Подобная настройка-обучение позволяет искусственному интеллекту достоверно распознавать, систематизировать и классифицировать поступающие новые исходные данные. Таким образом, указанная технология является совокупностью алгоритмов и методов, которые предоставляют возможность научить искусственный интеллект делать выводы на основании поступивших исходных данных. Его также иногда называют и машинным обучением.

Наличие машинного обучения в алгоритмах искусственного интеллекта является его важной особенностью и может развеять устоявшееся ранее мнение, что компьютерные системы никогда не смогут сравняться с человеком, так как в своей разумной деятельности он опирается не только на усвоенные знания, но и на эмпирический опыт. Также одна из особенностей искусственного интеллекта – это «способность к накоплению и корректировке знаний на основе активного восприятия информации о мире и обобщенного опыта и к целенаправленному поведению на основе логического вывода и алгоритмов различной степени неопределенности представления и управления сложных систем» [6, с. 12].

Характеризуя основные особенности, присущие искусственному интеллекту, важно выделить следующие условия:

- наличие собственной внутренней модели внешнего мира;
- способность пополнения имеющихся знаний;
- способность к дедуктивному выводу, то есть к генерации информации, которая в явном виде не содержится в системе;
- умение оперировать в ситуациях, связанных с различными аспектами нечеткости, включая «понимание» естественного языка;
- способность к диалоговому взаимодействию с человеком;
- способность к адаптации» [17, с. 8].

При этом в научной литературе отсутствует конкретный ответ на вопрос, все ли перечисленные условия обязательны и (или) необходимы для признания системы интеллектуальной, или же достаточным будет выполнение хотя бы одного из перечисленных выше условий.

Исходя из вышеперечисленного, основными признаками, присущими объектам информатизации, использующим в своей работе технологии искусственного интеллекта, являются:

- наличие определенной степени автономности при совершении определенного рода задач;
- самостоятельная ориентация в пространстве (информационном – применительно к информационным системам и программному обеспечению, а также пространственно-временном – применительно к программно-аппаратным комплексам (объектам) по типу «умный робот»);
- проведение действий, совершаемых с определенной степенью сложности с одинаковым результатом во времени;
- наличие возможности информационных систем и программных комплексов «думать», то есть совершать определенные действия и решать определенные задачи в разных областях жизнедеятельности как человек (или на его уровне).

Основной особенностью, отличающей преступления с использованием искусственного интеллекта от традиционных видов преступлений, является возможность массо-

вого распространения программного обеспечения с его применением, открытость информационных площадок, форумов и сайтов, на которых обсуждаются методики и способы его применения, а также высокая вероятность анонимности преступников, совершающих преступления с применением искусственного интеллекта за вознаграждение в криптовалюте. Следовательно, возникает большая вероятность того, что преступники могут передать на аутсорсинг более сложные аспекты своей преступной деятельности с использованием искусственного интеллекта¹⁴.

Заключение

Таким образом, в настоящее время существует множество различных способов применения технологии искусственного интеллекта. В целом все способы создаваемых и применяемых информационных систем и программных средств, использующих искусственный интеллект, были разработаны с добрыми намерениями, однако современные реалии и возможности некоторых правонарушителей и преступных групп позволяют применять возможности и элементы искусственного интеллекта в преступных целях.

Развитие систем искусственного интеллекта повлияло на их способность к высокой степени автономности при решении различных задач и при проведении определенных процессов во многих сферах жизнедеятельности общества, что в свою очередь повлекло за собой снижение человеческого контроля и роли участия человека в целом.

Дальнейшие меры, направленные на регулирование технологии искусственного интеллекта, должны разрабатываться с учетом положений фундаментальных научных работ, раскрывающих понятие и сущность искусственного интеллекта, с учетом мнения разработчиков и интеграторов систем искусственного интеллекта, имеющих значительный практический опыт в данной области.

¹⁴ Evil AI: These are the 20 most dangerous crimes that artificial intelligence will create // ZDNET. URL: <https://www.zdnet.com/article/evil-ai-these-are-the-20-most-dangerous-crimes-that-artificial-intelligence-will-create/> (accessed: 25.05.2022).

Список источников

1. Архипов В.В., Бакуменко В.В., Волюнец А.Д. и др. Регулирование робототехники: введение в «робоправо». Правовые аспекты развития робототехники и технологий искусственного интеллекта / под ред. А.В. Незнамова. М.: Инфотропик-Медиа, 2018. 243 с.
2. Теория правового регулирования искусственного интеллекта, роботов и объектов робототехники в Российской Федерации / под ред. Г.Ф. Ручкиной. М.: ЛитРес, 2020. 298 с.
3. Шилейко А.В. Дискуссии об искусственном интеллекте. М.: Знание, 1970. 48 с.
4. Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд. М.: Буки Веди, 2017. 257 с.
5. Волеводз А.Г., Шестак В.А. Современные потребности правового обеспечения искусственного интеллекта: взгляд из России // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 2. С. 197-206. DOI [10.17150/2500-4255.2019.13\(2\).197-206](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13(2).197-206)
6. Павлов С.Н. Системы искусственного интеллекта: в 2 ч. Томск: Эль Контент, 2011. Ч. 1. 176 с.
7. Иценко П.П. Хватит ли «интеллектуальным агентам» искусственного интеллекта, чтобы заменить следователя? // Проблемы борьбы с преступностью в условиях цифровизации: теория и практика. Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае: сб. ст. 18 Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. С.И. Давыдов, В.В. Поляков. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. С. 98-103.
8. Харитонова Ю.С., Савина В.С. Технология искусственного интеллекта и право: вызовы современности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 49. С. 524-549. DOI [10.17072/1995-4190-2020-49-524-549](https://doi.org/10.17072/1995-4190-2020-49-524-549)
9. Barr A., Feigenbaum E.A. The Handbook of artificial intelligence: Vol. 1. Stanford, California: HeurisTech Press; Los Altos, California: William Kaufmann, 1981. 363 p.
10. Legg S., Hutter M. Universal Intelligence: a Definition of Machine Intelligence. Berlin: Springer, 2007. 50 p. DOI [10.48550/arXiv.0712.3329](https://doi.org/10.48550/arXiv.0712.3329)
11. Jackson P. Introduction to Artificial Intelligence. N. Y.: Dover, 1985. 453 p.
12. Luger G., Stubblefield W. Artificial Intelligence: Structures and Strategies for Complex Problem Solving. Redwood City, California: Benjamin Cummings Publ. Co., 2004. 740 p.
13. Neapolitan R., Jiang X. Artificial Intelligence: With an Introduction to Machine Learning. L.: Chapman and Hall/CRC Press, 2018. 480 p. DOI [10.1201/b22400](https://doi.org/10.1201/b22400)
14. Dalvinder S.G. A Critical Conceptual Analysis of Definitions of Artificial Intelligence as Applicable to Computer Engineering // Journal of Computer Engineering (IOSR-JCE). 2014. Vol. 16. Issue 2. Ver. I (Mar–Apr.). P. 09-13. DOI [10.9790/0661-16210913](https://doi.org/10.9790/0661-16210913)
15. Norvig P., Russell S.J. Artificial Intelligence: A Modern Approach. N. J.: Englewood Cliffs, 1995. 946 p.
16. Пройдаков Э.М. Современное состояние искусственного интеллекта // Научно-исследовательские исследования. 2018. № 2018. С. 129-153. DOI [10.31249/scis/2018.00.09](https://doi.org/10.31249/scis/2018.00.09)
17. Орешников И.М., Шкерица Т.И. Философские размышления о проблеме искусственного интеллекта // История и педагогика естествознания. 2017. № 4. С. 5-11.

References

1. Arkhipov V.V., Bakumenko V.V., Volynets A.D. et al. *Regulirovaniye robototekhniki: vvedeniye v «robopravo»*. *Pravovyye aspekty razvitiya robototekhniki i tekhnologiy iskusstvennogo intellekta* [Regulation of robotics: an introduction to “robotlaw”. Legal aspects of the development of robotics and artificial intelligence technologies]. Moscow, Infotropik-Media Publ., 2018, 243 p. (In Russian).
2. Ruchkina G.F. (ed.). *Teoriya pravovogo regulirovaniya iskusstvennogo intellekta, robotov i ob'ektov robototekhniki v Rossiyskoy Federatsii* [The Theory of Legal Regulation of Artificial Intelligence, Robots and Robotics Objects in the Russian Federation]. Moscow, LitRes Publ., 2020, 298 p. (In Russian).
3. Shileyko A.V. *Diskussii ob iskusstvennom intellekte* [Discussions about Artificial Intelligence]. Moscow, Znaniye Publ., 1970, 48 p. (In Russian).
4. Morkhat P.M. *Iskusstvennyy intellekt: pravovoy vzglyad* [Artificial Intelligence: Legal View]. Moscow, Bu-ki Vedi Publ., 2017, 257 p. (In Russian).
5. Volevodz A.G., Shestak V.A. *Sovremennyye potrebnosti pravovogo obespecheniya iskusstvennogo intellekta: vzglyad iz Rossii* [Modern requirements of the legal support of artificial intelligence: a view from Russia]. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal – Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 2, pp. 197-206. DOI [10.17150/2500-4255.2019.13\(2\).197-206](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13(2).197-206). (In Russian).
6. Pavlov S.N. *Sistemy iskusstvennogo intellekta: v 2 ch.* [Artificial Intelligence Systems: in 2 pt]. Tomsk, El' Kontent Publ., 2011, pt 1, 176 p. (In Russian).

7. Ishchenko P.P. Khvatit li «intellektual'nym agentam» iskusstvennogo intellekta, chtoby zamenit' sledovatelya? [Will "intelligent agents" have enough artificial intelligence to replace the investigator?]. *Sbornik statey 18 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Problemy bor'by s prestupnost'yu v usloviyakh tsifrovizatsii: teoriya i praktika. Ugolovno-protsessual'nyye i kriminalisticheskiye chteniya na Altai»* [Proceedings of the 18th International Scientific and Practical Conference "Problems of Combating Crime in the Context of Digitalization: Theory and Practice. Criminal Procedure and Forensic Readings in Altai"]. Barnaul, Altai State University Publ., 2020, pp. 98-103. (In Russian).
8. Kharitonova Y.S., Savina V.S. Tekhnologiya iskusstvennogo intellekta i pravo: vyzovy sovremennosti [Artificial intelligence technology and law: challenges of our time]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskiye nauki – Bulletin of Perm University. Legal Sciences*, 2020, no. 49, pp. 524-549. DOI [10.17072/1995-4190-2020-49-524-549](https://doi.org/10.17072/1995-4190-2020-49-524-549). (In Russian).
9. Barr A., Feigenbaum E.A. *The Handbook of Artificial Intelligence: vol. 1*. Stanford, California, HeurisTech Press; Los Altos, California, William Kaufmann Publ., 1981, 363 p.
10. Legg S., Hutter M. *Universal Intelligence: a Definition of Machine Intelligence*. Berlin, Springer Publ., 2007, 50 p. DOI [10.48550/arXiv.0712.3329](https://doi.org/10.48550/arXiv.0712.3329).
11. Jackson P. *Introduction to Artificial Intelligence*. New York, Dover Publ., 1985, 453 p.
12. Luger G., Stubblefield W. *Artificial Intelligence: Structures and Strategies for Complex Problem Solving*. Redwood City, California, Benjamin Cummings Publ. Co., 2004. 740 p.
13. Neapolitan R., Jiang X. *Artificial Intelligence: with an Introduction to Machine Learning*. London, Chapman and Hall/CRC Press, 2018, 480 p. DOI [10.1201/b22400](https://doi.org/10.1201/b22400).
14. Dalvinder S.G. A Critical Conceptual Analysis of Definitions of Artificial Intelligence as Applicable to Computer Engineering. *Journal of Computer Engineering (IOSR-JCE)*, 2014, vol. 16, issue 2, ver. I (Mar–Apr.), pp. 09-13. DOI [10.9790/0661-16210913](https://doi.org/10.9790/0661-16210913)
15. Norvig P., Russell S.J. *Artificial Intelligence: a Modern Approach*. New Jersey, Englewood Cliffs Publ., 1995. 946 p.
16. Proydakov E.M. Sovremennoye sostoyaniye iskusstvennogo intellekta [Current state artificial intelligence]. *Naukovedcheskiye issledovaniya – Scientific Research*, 2018, no. 2018, pp. 129-153. DOI [10.31249/scis/2018.00.09](https://doi.org/10.31249/scis/2018.00.09). (In Russian).
17. Oreshnikov I.M., Shkerina T.I. Filosofskiye razmyshleniya o probleme iskusstvennogo intellekta [Philosophical reflections on the problem of artificial intelligence]. *Istoriya i pedagogika estestvoznaniya – History and Pedagogy of Natural Science*, 2017, no. 4, pp. 5-11. (In Russian).

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 01.07.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 14.09.2022

Принята к публикации / Accepted for publication 21.11.2022

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.9

DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-4-611-618

Шифр научной специальности 5.1.4

Защита половой неприкосновенности несовершеннолетних в сети Интернет

© ШУНЯЕВА Вера Анатольевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса Института права и национальной безопасности, директор Института права и национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», Российская Федерация, 392000 г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, ORCID: [0000-0003-0035-8013](https://orcid.org/0000-0003-0035-8013), SPIN-код: [9161-1221](https://www.spin-code.ru/9161-1221), AuthorID: 626797, vera1705@mail.ru

Аннотация

Защита половой неприкосновенности несовершеннолетних является одной из ключевых задач уголовно-правовой охраны. Защита детей от сексуального насилия закреплена как в отечественном законодательстве, так и на уровне международных актов. При этом данные преступления всегда считались одними из самых опасных преступных деяний, так как они приводят к потере здоровья и жизни этих детей, а также к разрушенной психике. Не последнее место в совершении насильственных преступлений против половой неприкосновенности детей играет сеть Интернет. Целью исследования стала гипотеза о необходимости повышения эффективности противодействия преступлениям, посягающим на половую неприкосновенность несовершеннолетних посредством сети Интернет. Методологическую основу исследования составили методы анализа и синтеза, которые позволяют выявить причинно-следственную связь сети Интернет и роста преступлений против половой неприкосновенности. Статистический метод дал возможность проследить динамику роста рассматриваемых преступлений, были также использованы логический метод изложения материала исследования, а также метод моделирования и абстрагирования. Проанализированы возможности сети Интернет для совершения обозначенных преступлений. К таким возможностям было отнесено: разнообразие специальных цифровых программ, позволяющих установить контакт с большим количеством детей, помогающих также собирать данные о детях и использовать их для вовлечения несовершеннолетних в совершении в отношении них преступлений, посягающих на их половую неприкосновенность; широкое распространение мобильных устройств с выходом во Всемирную сеть позволяет и самим несовершеннолетним распространять свои изображения сексуального характера, которые становятся достоянием взрослых лиц, заинтересованных в их получении. Акцентируется внимание на средствах совершения обозначенных преступлений: массовом распространении, размещении и продвижении в сети Интернет материалов, содержащих изображения сексуального насилия над детьми; непосредственной реализации и получении финансового вознаграждения за такие материалы; создании веб-студий для просмотра порнографических материалов; организации детского секс-туризма. Выделены следующие формы сексуальной эксплуатации и насилия над детьми: интернет-приставания, втягивание детей в просмотр материалов пагубного для его развития характера, где демонстрируется и культивируется алкоголизм, наркотизм, проституция; вовлечение несовершеннолетних в сексуальный контакт; кибербуллинг на основе реальных и фейковых изображений сексуального характера несовершеннолетних; торговля несовершеннолетними в сексуальное рабство и т. д. Результаты проведенного

исследования направлены на совершенствование механизма противодействия преступлениям, посягающим на половую неприкосновенность несовершеннолетних посредством сети Интернет.

Ключевые слова

информационные технологии, кибербуллинг, половая неприкосновенность несовершеннолетних, сеть Интернет, сексуальное насилие

Для цитирования

Шуяева В.А. Защита половой неприкосновенности несовершеннолетних в сети Интернет // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 4. С. 611-618. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-4-611-618](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-4-611-618)

ORIGINAL ARTICLE

DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-4-611-618

Protection of sexual integrity of minors on the Internet

© Vera A. CHUNYAEVA,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of Criminal Law and Procedure Department of Law and National Security Institute, Director of Law and National Security Institute, Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation, ORCID: [0000-0003-0035-8013](https://orcid.org/0000-0003-0035-8013), SPIN-код: [9161-1221](https://www.spin-code.ru/9161-1221), AuthorID: 626797, vera1705@mail.ru

Abstract

Protection of the sexual integrity of minors is one of the key tasks of criminal law protection. The protection of children from sexual violence is enshrined both in domestic legislation and at the level of international acts. At the same time, these crimes have always been considered one of the most dangerous criminal acts, as they lead to the loss of health and life of these children, as well as to a destroyed psyche. Not the last place in the commission of violent crimes against the sexual integrity of children is the Internet. The purpose of the study is a hypothesis about the need to increase the effectiveness of countering crimes that infringe on the sexual integrity of minors through the Internet. The methodological basis of the study is the methods of analysis and synthesis, which make it possible to identify a causal relationship between the Internet and the growth of crimes against sexual integrity. The statistical method makes it possible to trace the dynamics of the growth of the crimes under consideration, the logical method of presenting the research material is also used, as well as the method of modeling and abstraction. We analyze the possibilities of the Internet for committing the indicated crimes. These opportunities include: a variety of special digital programs that allow you to establish contact with a large number of children, also helping to collect data on children and use them to involve minors in committing crimes against them that infringe on their sexual integrity; the widespread use of mobile devices with access to the World Wide Web allows minors themselves to distribute their images of a sexual nature, which become the property of adults who are interested in receiving them. We focus on the means of committing the indicated crimes: mass distribution, placement and promotion on the Internet of materials containing images of sexual abuse of children; direct sale and receipt of financial rewards for such materials; creation of web studios for viewing pornographic materials; organization of child sex tourism. We identify the following forms of sexual exploitation and abuse of children: Internet harassment, drawing children into viewing materials that are detrimental to their development, where alcoholism, drug addiction, and prostitution are demonstrated and cultivated; involvement of minors in sexual contact; cyberbullying based on real and fake images of the sexual nature of minors; trafficking in minors into sexual slavery, etc. The results of the study are aimed at improving the mechanism for counteracting crimes that infringe on the sexual integrity of minors through the Internet.

Keywords

information technology, cyberbullying, sexual integrity of minors, Internet, sexual violence

For citation

Chunyaeva V.A. Zashchita polovoy neprikosnovennosti nesovershennoletnikh v seti Internet [Protection of sexual integrity of minors on the Internet]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2022, vol. 6, no. 4, pp. 611-618. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-4-611-618](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-4-611-618) (In Russian, Abstr. in Engl.)

Введение (постановка проблемы)

Защита половой неприкосновенности несовершеннолетних является одной из ключевых задач уголовно-правовой охраны. Уголовным кодексом Российской Федерации предусмотрены нормы, регулирующие ответственность за подобного рода преступления: статьи 131, 132, 133, 134, 135, 240, 240.1, 241, 242, 242.1, 242.2¹. Защита детей от сексуального насилия закреплена и на уровне международных актов, например, в статье 34 Конвенции ООН о правах ребенка², а также Конвенцией Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия³.

При этом данные преступления всегда считались одними из самых опасных преступных деяний, так как их последствия крайне разрушительны. Они проявляются не только в потере здоровья и жизни этих детей, но и в разрушенной психике, которая может привести к совершению аналогичных преступлений уже выросшими детьми в отношении других несовершеннолетних, что порождает некий круговорот таких преступлений.

Не последнее место в совершении насильственных преступлений против половой неприкосновенности детей играет сеть Интернет.

Современная социализация детей уже практически невозможна без интернет-пространства, которое наряду с положительным эффектом развития личности (образование, просвещение, реализация творческого потенциала) оказывает и крайне негативное, деструктивное влияние, выступая средством массовой сексуальной эксплуатации и насилия.

По данным различных источников, количество времени, проведенного детьми в сети Интернет, растет, а возраст существенно снижается. Так, 99 % детей пользуются сетью Интернет и проводят в нем более 20 часов в неделю⁴, и лишь менее 30 % из них проводят время на образовательных ресурсах.

Особую тревогу вызывает несовершенство обеспечения информационной безопасности в сети Интернет, используемого как средство совершения преступлений, посягающих на несовершеннолетних. Современные информационные технологии позволяют многим преступникам успешно скрывать свою личность. А высокая латентность не позволяет получить достоверные статистические данные о масштабе проблемы, что в свою очередь не дает возможности реализовать принцип неотвратимости наказания, безнаказанность, в свою очередь, порождает рост рецидива.

Несовершеннолетние, особенно малолетние дети, подвергаясь сексуальному насилию посредством сети Интернет, испытывают особый эмоциональный и психологический стресс, так как это связано с неограниченно широким кругом свидетелей их стыда. «Многих детей преследует мысль о том, что изображения сцен насилия над ними останутся в Интернете навечно» [1, с. 140].

Таким образом, двойственная природа сети Интернет проявляется в том, что он может стать как толчком положительного развития личности, так и средством совершения преступления и способом разрушения личности.

Результаты исследования

По данным различных источников статистика таких преступлений не снижается, а наоборот многократно возрастает. Так, с 2010 по 2019 г. количество сведений о контенте, содержащем сексуальное насилие над детьми, в Евросоюзе выросло с 23000 до 750000, то есть почти в 33 раза. За 2020 г. на 28 % по сравнению с 2019 г. увеличилось количество сообщений о сексуальной эксплуатации детей. В некоторых странах Европы такая негативная динамика возросла в разы: в Польше в 5 раз, в Испании в 2 раза, в других странах чуть меньше, но это также доказывает всю катастрофичность проблемы. Буквально за 2 месяца (май, июнь) 2021 г. почти в два раза с 8000 до 14000 увеличилось количество обращений от поставщиков электронных услуг об обнаружении ими ма-

¹ Российская газета. 1996. 17 июня.

² Сборник международных договоров СССР. М., 1993.

³ Бюллетень международных договоров. 2014. № 6.

⁴ Дети и родители: отчет об использовании средств массовой информации и отношении к ним. 2018. URL: <https://www.ofcom.org.uk/research-and-data/>

[media-literacy-research/childrens/children-and-parents-media-use-and-attitudes-report-2018](https://www.ofcom.org.uk/research-and-data/media-literacy-research/childrens/children-and-parents-media-use-and-attitudes-report-2018) (дата обращения: 12.06.2022).

териалов о сексуальном насилии над детьми [2, с. 78].

Изменяется и содержание фото- и видеоизображений с сексуальным насилием над несовершеннолетними. Так, существенно снизился и возраст детей на этих изображениях. В 2017 г. были выявлены 1,5 млн изображений с детьми младше 10 лет, а в 2019 г. таких изображений стало уже 3 млн. На данных изображениях встречались дети младенческого возраста, то есть до 1 года. В 2020 г. на 7,2 % больше совершено преступлений против половой неприкосновенности по сравнению с предыдущим годом, а в сравнении с 2012 г. эта разница составила уже 79 %⁵.

В 2021 г. возбуждено более 6000 уголовных дел по половым преступлениям с более чем 12000 эпизодами. 2/3 данных преступлений совершались против несовершеннолетних⁶. Более половины из этих преступлений попадают под квалификацию части 1 статьи 134 «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим возраста 16 лет». Чаще всего потерпевшим является подросток, достигший 15-летнего возраста. Второе место занимает статья 132 УК РФ «Насильственные действия сексуального характера».

При этом необходимо учитывать фактор латентности. По мнению различных ученых, официальную статистику необходимо увеличивать в 5–8 раз, чтобы хотя бы примерно представлять более реальную картину.

Однако некоторые лица не скрывают свои криминальные пристрастия. Ярким примером такой девиации стал Ричард Хакл, открыто призывающий признать педофилию легитимным и допустимым социальным явлением. Под видом благотворительной деятельности он совершал сексуальное насилие

над детьми в Малайзии и был признан виновным в более чем 70 изнасилованиях [3, с. 53]. Он также подготовил методические рекомендации для других педофилов с конкретными советами и руководством к действию, которое разместил наряду с фото- и видеоизображением его преступлений на своем веб-сайте.

В 2020 г. в Германии раскрыта международная сеть из более чем 30 тыс. человек, составляющих интернет-сообщество разделяющих сексуальное пристрастие к несовершеннолетним. Идентифицировать удалось менее 80 членов данной структуры.

15 % подростков являются объектами домогательства в виртуальном пространстве, то есть каждый 12-й подросток за год подвергался сексуальному воздействию в киберпространстве, к 60 % из них преступники обращаются с просьбами о личной встрече.

Приведенная статистика показывает, что наблюдается рост преступности против половой неприкосновенности, так как безнаказанность порождает вседозволенность.

Потенциальные педофилы получают посредством сети Интернет совсем иные возможности для достижения своих преступных целей.

– Современные информационные технологии расширяют преступные возможности, увеличивая способы привлечения несовершеннолетних к контактам с преступниками многократно в сравнении с личным общением. Порой дети даже не сразу осознают, что они вовлекаются в противоправные действия в отношении себя. Использование специального цифрового программного обеспечения позволяет установить аудиовизуальный контакт с ребенком, находясь на значительном расстоянии от него. Так были зафиксированы случаи одновременного совершения «преступлений, связанных с сексуальным насилием над несовершеннолетними в отношении 200 детей, которых вовлекали в данные преступления различными способами» [4], в том числе при помощи шантажа и угроз и других форм. Информационные технологии позволяют увеличить эпизодность насильственных преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних.

⁵ Кузнецова А. Доклад о деятельности Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка за 2020 г. 2022. 11 апр. С. 92 // Уполномоченный при Президенте РФ по правам ребенка: официальный сайт. URL: <https://cdnimg.rg.ru/pril/article/210/41/07/doklad2020.pdf> (дата обращения: 04.06.2022).

⁶ Интервью заместителя Председателя СК России Е. Леоненко информационному агентству «ТАСС». 2022. 17 янв. // Следственный комитет Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://sledcom.ru/press/interview/item/1647754/> (дата обращения: 04.06.2022).

– Безграничный потенциал киберпространства и гаджетов, связанных с ним, дает возможность собрать и использовать значительный объем информации о несовершеннолетних. С сайтов социальных сетей регулярно происходят утечки персональных данных, а также в свободном доступе находится личная и биографическая информация, которую размещают сами несовершеннолетние. Определенные социально-политические изменения, повлекшее за собой ограничение в свободном передвижении, реальном общении несовершеннолетних друг с другом, привели к тому, что они стали больше времени проводить в сети Интернет, что, в свою очередь, привело к увеличению количества потенциальных жертв через сеть Интернет. Размещая личную информацию, делая комментарии, дети дают преступникам всевозможные зацепки, помогающие им в их преступных замыслах. Специальные программы помогают собирать и обобщать информацию по заданным параметрам, кодовым словам, изображениям, создавая досье на ребенка, включая сведения о его месте жительства или учебы.

– Особенность широкого распространения материалов сексуального характера с изображением несовершеннолетних заключается в том, что зачастую сами несовершеннолетние создают такие материалы и передают их друзьям и иным заинтересованным лицам, в том числе и за получение финансовой выгоды, а иногда для привлечения к своему контенту дополнительных подписчиков.

– Доступность сети Интернет во многом сокращает финансовые траты преступников, упрощает технологию сбора и распространения информации, и в целом оптимизирует преступную деятельность всего криминального сообщества на всех этапах указанных преступлений. В настоящий момент техническая возможность есть практически у всех. Выход в сеть Интернет может осуществляться с различных устройств, что существенно расширяет круг лиц, входящих в Сеть. Специальные программы позволяют привлечь на различные сайты неограниченный круг пользователей и очень быстро предоставлять интересующую их информацию, в том числе и криминального характера.

Доступность различных образовательных программ, обучающих мастер-классов позволяют обойтись без привлечения программистов с целью максимального сокрытия своей преступной деятельности.

Вышеперечисленные возможности удешевляют процесс создания нового коммерческого продукта секс-индустрии, что дает еще больше обогащения, ведь спрос рождает предложение. Высокая степень анонимности, а следовательно, и отсутствие опасности привлечения к уголовной ответственности все больше и больше привлекают не только лиц, проявляющих сексуальный интерес к несовершеннолетним, но и желающих обогатиться на данной индустрии.

Обозначим следующие средства совершения указанных преступлений:

1) распространение материалов с изображением, в том числе и сексуального насилия над детьми. Такие материалы зачастую содержат различные формы извращений в отношении детей, доступных как в прямом эфире, так и в записи. Просмотр этих видео позволяет заинтересованным лицам почувствовать сопричастность к происходящему на экране;

2) размещение и продвижение в сети Интернет материалов с детской порнографией;

3) непосредственная реализация материалов порнографического характера, содержащих изображения несовершеннолетних, то есть получение денежного вознаграждения за данные изображения;

4) создание веб-студий, позволяющих осуществить просмотр материалов порнографического характера с изображением несовершеннолетних. В том числе организация просмотров заранее заказанного и транслируемого преступления сексуального характера в отношении несовершеннолетних в онлайн-режиме;

5) рекламирование и распространение услуг «детского секс-туризма» в сети Интернет [5, с. 95]. Это может быть как внутренний, так и внешний туризм, независимо от того, откуда прибыл человек – из другой страны или из другого города, его цель заключается во вступлении в сексуальные отношения с ребенком. Секс-туризм позволяет заранее заказывать и бронировать по своему предпочтению детей в разных странах или

разных городах одной страны, заказывается ребенок с конкретным типажом (пол, возраст, цвет кожи, волос, глаз, раса и т. д.).

К формам сексуальной эксплуатации и насилия детей в интернет-пространстве относятся:

- интернет-знакомства (приставания). Налаживание контакта с ребенком посредством различных манипуляционных технологий (общие темы, интересы, запугивания, мотивация финансированием и т. д.). Цель знакомства – расположить ребенка к себе для вступления с ним в сексуальные отношения;

- втягивание детей в просмотр материалов пагубного для его развития характера, где демонстрируется и культивируется алкоголизм, наркотизм, проституция [6, с. 138];

- вовлечение несовершеннолетних в сексуальный контакт, то есть склонение его как к развратным действиям, так и непосредственно к половому акту. Такое участие несовершеннолетнего возможно, в том числе и при подключении его веб-камеры к порновидеокадрам, где в режиме реального времени клиенты требуют от ребенка совершения им определенных манипуляций со своим телом, а также могут потребовать привлечения других несовершеннолетних к участию в данных «забавах». Также втягивание может носить прямой насильственный характер, когда происходит либо изнасилование, либо иные насильственные действия сексуального характера, которые записываются и в последующем распространяются в сети Интернет;

- немаловажной формой сексуальной эксплуатации и насилия в сети Интернет являются киберзапугивание, киберпреследование и кибертравля. Все это осуществляется при помощи не только реальных фото- и видеоматериалов с участием несовершеннолетних в действиях сексуального характера, но и при помощи распространения таких фэйковых изображений, созданных как при помощи специальных интернет-технологий, так и при помощи фотомонтажа;

- торговля несовершеннолетними. Потеряв интерес к своей жертве, насильник может выставить ее на продажу для других педофилов. Ребенок меняет не только на-

сильника, но и расширяет круг лиц, свидетельствующих о его стыде;

- доведение до самоубийства посредством кибербуллизма с требованием осуществить трансляцию видеозаписи своей смерти.

Заключение

Таким образом, половая неприкосновенность несовершеннолетних подлежит уголовно-правовой охране, в том числе и посредством применения международных нормативных актов, регулирующих как защиту несовершеннолетних, так и ответственность за совершение подобных преступлений.

В связи с информационно-технологическим скачком многократно увеличились формы осуществления таких преступлений посредством сети Интернет. Официальные статистические данные доказывают недостаточный уровень защиты детей от преступлений, посягающих на их половую неприкосновенность. Возросло не только их количество, но и увеличилось число эпизодов по данным преступлениям, а также потерпевших от использования сети Интернет в качестве средства совершения данных преступлений.

Такое существенное увеличение числа преступлений в данном уголовно-наказуемом блоке определяется значительно выросшими возможностями, связанными с развитием информационных технологий. Оно позволяет совершать преступления против половой неприкосновенности в отношении большого количества детей, даже не вступая с ними в прямой контакт, получать информацию личного и биографического характера из страниц социальных сетей, используя в своих целях. Также доступное интернет-пространство и многочисленность обучающих программ по созданию и распространению фото- и видеоматериалов исключает доступ к таким материалам посторонних лиц, позволяя направлять их ограниченному заинтересованному кругу лиц или сообществам. Подобные преступные сообщества производят и распространяют материалы, содержащие сексуальное насилие над детьми, их члены также и сами зачастую совершают такие насильственные действия, в том числе посредством детского секс-туризма.

В целях противодействия сексуальному насилию посредством сети Интернет необходимо родителям (лицам их заменяющим) установить специальные программы-интернет-цензоры, которые оградят ребенка от подозрительных сайтов, родительский контроль также должен регулировать и время нахождения ребенка в сети Интернет. Доверительные беседы позволят предупредить ребенка о негативных аспектах интернет-пространства и о том, как минимально эффективно их обойти. Необходима регулярная работа школьных психологов, способных выявить скрытые тревоги детей, связанные с сексуальным насилием в отношении них. Такая диагностика позволит своевременно оказывать психологическую поддержку несовершеннолетним, минимизировав негативные последствия.

Правоохранительным органам следует улучшить систему выявления и пресечения деятельности интернет-сообществ и отдельных личностей, совершающих преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Это требует как улучшения технических возможностей, так и расширения штата сотрудников, специализирующихся именно на данного рода преступлениях. Особое профилактическое значение имеет максимальная реализация принципа неотвратимости ответственности. Что также зависит от выявлений и привлечения к уголовной ответственности и наказанию всех выявленных лиц, совершающих преступление в сфере посягательства на половую неприкосновенность несовершеннолетних независимо от того, участвовали ли они непосредственно в акте насилия или просто распространяли изображение такого насилия.

Список источников

1. Оганов А.А. Принципы, оказывающие влияние на противодействие преступлениям в отношении несовершеннолетних в глобальном пространстве // Вестник экономической безопасности. 2019. № 2. С. 139-144. DOI [10.24411/2414-3995-2019-10076](https://doi.org/10.24411/2414-3995-2019-10076)
2. Рыжков В.Б. Взаимодействие государств-участников Европейского Союза в борьбе с сексуальной эксплуатацией детей и детской порнографией // International Law and International Organizations. 2021. № 2. С. 77-91. DOI [10.7256/2454-0633.2021.2.35484](https://doi.org/10.7256/2454-0633.2021.2.35484)
3. Голованова Н.Е. Новые формы онлайн-преступности за рубежом // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 3. С. 42-57. DOI [10.12737/jflcl.2019.3.4](https://doi.org/10.12737/jflcl.2019.3.4)
4. Ильяшенко А.Н., Самойленко К.В., Сапрунов А.Г., Палазян А.С. Противодействие сексуальной насильственной преступности в семье. Краснодар, 2015. 170 с. <https://elibrary.ru/tunypx>
5. Клочкова А.В., Пристанская О.В. Виктимологические и уголовно-правовые проблемы информационной безопасности и их защиты от сексуальной эксплуатации // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2017. № 6. С. 86-105. <https://elibrary.ru/yrresk>
6. Оганов А.А. Признаки, воздействующие на борьбу с киберпреступностью в отношении несовершеннолетних в интернет-пространстве // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 3. С. 137-140. DOI [10.24411/2073-0454-2019-10152](https://doi.org/10.24411/2073-0454-2019-10152)

References

1. Oganov A.A. Printsipy, okazyvayushchiye vliyaniye na protivodeystviye prestupleniyam v otnoshenii nesovershennoletnikh v global'nom prostranstve [Principles influencing the counteraction of juvenile crimes in the global space]. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti – Vestnik of Economic Security*, 2019, no. 2, pp. 139-144. DOI [10.24411/2414-3995-2019-10076](https://doi.org/10.24411/2414-3995-2019-10076). (In Russian).
2. Ryzhkov V.B. Vzaimodeystviye gosudarstv-uchastnikov Evropeyskogo Soyuza v bor'be s seksual'noy ekspluatatsiyey detey i detskoy pornografiyey [Cooperation of the EU member-states for the prevention of sexual abuse of children and child pornography]. *International Law and International Organizations*, 2021, no. 2, pp. 77-91. DOI [10.7256/2454-0633.2021.2.35484](https://doi.org/10.7256/2454-0633.2021.2.35484). (In Russian).
3. Golovanova N.E. Novyye formy onlayn-prestupnosti za rubezhom [New types of online crimes abroad]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya – Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2019, no. 3, pp. 42-57. DOI [10.12737/jflcl.2019.3.4](https://doi.org/10.12737/jflcl.2019.3.4). (In Russian).

4. Ilyashenko A.N., Samoylenko K.V., Saprunov A.G., Palazyan A.S. *Protivodeystviye seksual'noy nasil'svennoy prestupnosti v sem'ye* [Counteracting Sexual Violent Crime in the Family]. Krasnodar, 2015, 170 p. <https://elibrary.ru/tunypx>. (In Russian).
5. Klochko A.V., Pristanskaya O.V. Viktimologicheskiye i ugovno-pravovyye problemy informatsionnoy bezopasnosti i ikh zashchity ot seksu-al'noy ekspluatatsii [Viktimological and criminal-legal problems of children's information security and their protection against sexual exploitation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo – Moscow University Bulletin. Series 11. Law*, 2017, no. 6, pp. 86-105. <https://elibrary.ru/yrresk>. (In Russian).
6. Oganov A.A. Priznaki, vozdelyuyushchiye na bor'bu s kiberprestupnost'yu v otnoshenii nesovershennoletnikh v internet-prostranstve [Signs affecting the fight against cybercrime against minors in the internet space]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii – Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 3, pp. 137-140. DOI [10.24411/2073-0454-2019-10152](https://doi.org/10.24411/2073-0454-2019-10152). (In Russian).

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 12.07.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 23.09.2022

Принята к публикации / Accepted for publication 21.11.2022

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО PROCEDURAL LAW

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.24+347.78

DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-4-619-628

Шифр научной специальности 5.1.3

Прекращение уголовного преследования и прекращение уголовного дела: современное состояние правоприменения

© ЕНДОЛЬЦЕВА Юлия Владимировна,

кандидат юридических наук, докторант Центра организационного обеспечения научной деятельности, ФГКУ «Всероссийский научно-исследовательский институт МВД Российской Федерации», Российская Федерация, 121069 г. Москва, ул. Поварская, 25, стр. 1, ORCID: [0000-0001-7501-9468](https://orcid.org/0000-0001-7501-9468), sivellinn@gmail.com

Аннотация

Освобождение лица от уголовной ответственности прекращением его уголовного преследования является альтернативной формой разрешения уголовно-правового конфликта, апробированной российской и зарубежной практикой. Для того чтобы понять, насколько такая практика в России эффективна, каково современное состояние правоприменения в рассматриваемом аспекте, были изучены научные труды, постановления и определения высших судов России, проанализированы статистические данные, представленные на официальных сайтах Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. Проведенная работа позволила сформулировать выводы, в том числе о том, что современная модель регулирования института прекращения уголовного преследования и прекращения уголовного дела несовершенна, законодатель находится в поиске оптимальных путей упрощения и ускорения уголовного производства, но с надлежащим обеспечением баланса частных и публичных интересов. Соотношение количества прекращенных уголовных дел между органами предварительного расследования и судами свидетельствует о неравномерном применении обозначенных правовых институтов в досудебном и судебном производстве, необходимости системного определения причин и условий, влияющих на данные факты, как с точки зрения уголовно-правовых и уголовно-процессуальных, так и криминологических аспектов, с выявлением их взаимосвязи и взаимопроникновения, что позволило бы установить и закрепить такой подход к определению эффективности правоохранительной деятельности в обозначенном вопросе, который бы полностью отвечал государственным целям и задачам в сфере уголовной политики и стал бы фундаментом для построения оптимальной модели правового регулирования институтов освобождения от уголовной ответственности, прекращения уголовного преследования, прекращения уголовного дела.

Ключевые слова

прекращение уголовного преследования, прекращение уголовного дела, освобождение от уголовной ответственности, основания прекращения уголовного преследования и прекращения уголовного дела

Для цитирования

Ендольцева Ю.В. Прекращение уголовного преследования и прекращение уголовного дела: современное состояние правоприменения // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 4. С. 619-628. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-4-619-628](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-4-619-628)

ORIGINAL ARTICLE

DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-4-619-628

Termination of criminal prosecution and termination of a criminal case: current state of law enforcement

© Yulia V. ENDOLTSEVA,

Candidate of Law, Doctoral Candidate of Center for Organizational Support of Research Activities, National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, 1 Bldg 25 Povarskaya St., Moscow 121069, Russian Federation, ORCID: [0000-0001-7501-9468](https://orcid.org/0000-0001-7501-9468), sivellinn@gmail.com

Abstract

The release of a person from criminal liability by terminating his criminal prosecution is an alternative form of resolving a criminal law conflict, tested by Russian and foreign practice. In order to understand how effective this practice is in Russia, what is the current state of law enforcement in this aspect, we study scientific works, decisions and rulings of the highest courts of Russia, analyze the statistical data presented on the official websites of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation and the Judicial Department at the Supreme Court Russian Federation. The accomplished work allows us to conclude, including that the modern model of regulation of the institution of termination of criminal prosecution and termination of criminal case is imperfect, the legislator is in search of optimal ways to simplify and speed up criminal proceedings, but with a proper balance of private and public interests. The ratio of the number of terminated criminal cases between the bodies of preliminary investigation and the courts indicates the uneven application of the indicated legal institutions in pre-trial and judicial proceedings, the need for a systematic determination of the causes and conditions affecting these facts, both from the point of view of criminal law and criminal procedure, and criminological aspects, with the identification of their relationship and interpenetration, which would make it possible to establish and consolidate such an approach to determining the effectiveness of law enforcement in the designated issue, which would fully meet the state goals and objectives in the field of criminal policy and would become the foundation for building an optimal model of legal regulation of institutions exemption from criminal liability, termination of criminal prosecution, termination of criminal case.

Keywords

termination of criminal prosecution, termination of a criminal case, exemption from criminal liability, grounds for termination of criminal prosecution and termination of criminal case

For citation

Endoltseva Y.V. Prekrashcheniye ugovnogo presledovaniya i prekrashcheniye ugovnogo dela: sovremennoye sostoyaniye pravoprimeneniya [Termination of criminal prosecution and termination of a criminal case: current state of law enforcement]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2022, vol. 6, no. 4, pp. 619-628. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-4-619-628](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-4-619-628) (In Russian, Abstr. in Engl.)

Введение

Конституция Российской Федерации в статьях первой и второй провозгласила Россию демократическим правовым государством, высшей ценностью которого являются человек, его права и свободы, а признание, соблюдение и защита прав и свобод челове-

ка и гражданина – обязанность государства¹. Эти основные постулаты определили назна-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020

чение главного курса государственной уголовной политики – это защита прав и законных интересов лиц и организаций.

Процесс формирования государства как правового все еще находится в динамике и далек от своего завершения. Такой вывод можно сделать исходя из постоянного реформирования различных отраслей правовой системы России, направленного на гуманизацию законодательства и приближение его к традиционным демократическим ценностям.

Современная российская уголовная политика направлена, с одной стороны, на реализацию положений о неотвратимости привлечения виновного к уголовной ответственности за совершенное им преступление, а с другой – принцип гуманизма, в определенных случаях закрепленный нормами уголовного права, предоставляет возможность государству не применять крайние меры принуждения, связанные с ограничением прав и свобод, к преступнику. В связи с этим в российском праве наряду с традиционным способом разрешения уголовно-правового конфликта закреплен и альтернативный – прекращение уголовного преследования, прекращение уголовного дела.

Освобождение лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности и, соответственно, прекращение в отношении него уголовного преследования или уголовного дела, поощряя таким образом его положительное постпреступное поведение, позволяет повлиять на исправление преступника, не прибегая к принудительному ограничению его прав и свобод, добиваясь цели предотвращения совершения им новых преступлений, позволяет сократить затрачиваемые ресурсы на уголовное судопроизводство при его помощи в раскрытии и расследовании преступления, восстановить социальную справедливость путем возмещения им вреда, причиненного преступлением.

И все же если, на первый взгляд, сущность данных правовых институтов как будто явна и достаточно ясна, то его правовая регламентация и практика применения свидетельствуют о существовании противоре-

чий его законодательного закрепления в нормах уголовного и уголовно-процессуального права, а также ведомственного нормативного регулирования, влияющих на эффективность потенциала этих правовых институтов. Пробелы закона влекут за собой непонимание правовых предписаний и разное их толкование, а соответственно, и неодинаковое применение материальных и процессуальных норм должностными лицами правоохранительных органов.

На уровне докторских диссертаций в XXI веке проблематику освобождения от уголовной ответственности, прекращения уголовного преследования и прекращения уголовного дела исследовали Л.В. Головкин «Альтернативы уголовному преследованию как форма процессуальной дифференциации: современные тенденции развития» (2003 г.) [1], А.В. Ендольцева «Институт освобождения от уголовной ответственности: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы» (2005 г.) [2], О.В. Волынская «Прекращение уголовного дела и уголовного преследования: теоретические и организационно-правовые проблемы» (2007 г.) [3], В.В. Сверчков «Концептуальные основы решения проблем освобождения от уголовной ответственности» (2008 г.) [4], А.Г. Антонов «Специальные основания освобождения от уголовной ответственности» (2013 г.) [5].

Порождаемая законодательными противоречиями активная дискуссия ученых правоведов и процессуалистов о природе [6, с. 95], видах [7, с. 167], основаниях [8], эффективности [9] и даже о возможности или необходимости существования институтов освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовного преследования, прекращения уголовного дела вносит неопределенность в правоприменительный процесс и указывает на необходимость продолжения проведения исследований названных правовых институтов с целью совершенствования теории и практики их применения и повышения их эффективности.

Непрекращающиеся дискуссии ученых и практиков привели к тому, что в 2013 г. было принято постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации «О применении судами законодательства, рег-

№ 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. 1 июля. № 31. Ст. 4398.

ламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»². В нем в целях формирования единообразной судебной практики по вопросам освобождения от уголовной ответственности судам были даны разъяснения теоретического характера не только в рамках уголовно-правового института, но и выделены самостоятельным разделом процессуальные особенности применения норм главы 11 Уголовного кодекса Российской Федерации³. Позже в него Постановлением Пленума Верховного суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 56⁴ были внесены изменения, связанные с разъяснением нового порядка освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, а также уточнением иных вопросов освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовного преследования, прекращения уголовного дела. Появление названного постановления дало ориентиры в решении возникавших проблем в правоприменении, но не дало ответы на все вопросы теории и практики рассматриваемых институтов.

Положения действующего Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации⁵ (далее – УПК РФ), регламентирующие правовые институты освобождения от уголовной ответственности, прекращения уголовного преследования и прекращения уголовного дела, подвергаются

модификации, что свидетельствует о недостаточной разрешенности многих вопросов, поставленных наукой и практикой, а также подчеркивает то обстоятельство, что законодатель находится в поиске оптимальных путей упрощения и ускорения уголовного производства, позволяющих в разумные сроки разрешить уголовно-правовой конфликт с обеспечением баланса частных и публичных интересов.

Результаты исследования

И все же, несмотря на некоторые явные пробелы закона, влекущие за собой непонимание правовых предписаний, разное их толкование, а соответственно, и неодинаковое применение материальных и процессуальных норм должностными лицами правоохранительных органов, а также споры ученых о правовой природе, видах и самой возможности существования института освобождения от уголовной ответственности в досудебном производстве, анализ ведомственной и судебной практики за прошедшие пять лет подтверждает стабильное применение уголовных и уголовно-процессуальных норм об освобождении от уголовной ответственности посредством прекращения уголовного преследования и прекращения уголовного дела в досудебном и судебном производстве.

Для наглядного понимания современного состояния правоприменительной деятельности в рассматриваемой области мы провели подробное исследование и анализ официальных статистических данных в Российской Федерации, представленных на сайтах Генеральной прокуратуры Российской Федерации⁶ и Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации⁷.

Так, по окончании предварительного расследования в суд первой инстанции для рассмотрения по существу в 2021 г. было на-

² О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016 г.) // Российская газета. 2013. 5 июля. Федеральный выпуск № 145 (6121).

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.07.2012) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.07.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. 17 июня. № 25. Ст. 2954.

⁴ О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 29.11.2016 № 56. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 14.07.2022, с изм. и доп., вступ. в силу от 25.07.2022) // Российская газета. 2001. 22 дек. № 249.

⁶ См.: Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации и о показателях преступности в России // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <https://cpp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics> (дата обращения: 09.06.2022).

⁷ См.: Данные судебной статистики // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 09.06.2022).

правлено 782354 уголовных дел, в 2020 г. – 778172, в 2019 г. – 820404, в 2018 г. – 884141, в 2017 г. – 915781 дело.

Прекращено в 2021 г. 80 738 дел (органами внутренних дел Российской Федерации (далее ОВД) – 60903), в 2020 г. – 82479 (ОВД – 64714), в 2019 г. – 83843 (ОВД – 66492), в 2018 г. – 71698 (ОВД – 56066), в 2017 г. – 75246 (ОВД – 61118) уголовных дел⁸. Из них:

- за отсутствием события преступления (пункт 1 статьи 24 УПК РФ): в 2021 г. – 10577 (ОВД – 4387), в 2020 г. – 9695 (ОВД – 4559), в 2019 г. – 9640 (ОВД – 4499), в 2018 г. – 9258 (ОВД – 4644), в 2017 г. – 8137 (ОВД 4431) уголовных дел;

- за отсутствием в деянии состава преступления (пункт 2 части 1 статьи 24 УПК РФ): в 2021 г. – 15215 (ОВД – 10016), в 2020 г. – 16299 (ОВД – 11271), в 2019 г. – 18810 (ОВД – 13405), в 2018 г. – 17739 (ОВД – 12655), в 2017 г. – 27862 (ОВД – 23266) уголовных дела, в том числе:

- в связи с изменением закона (часть 2 статьи 24 УПК РФ): в 2021 г. – 291 (ОВД – 251), в 2020 г. – 799 (ОВД – 477), в 2019 г. – 1794 (ОВД – 1614), в 2018 г. – 874 (ОВД – 834), в 2017 г. – 11320 (ОВД – 11244) уголовных дел;

- в связи с недостижением лицом к моменту совершения деяния возраста, с которого наступает уголовная ответственность (часть 3 статьи 27 УПК РФ): в 2021 г. – 419 (ОВД – 238), в 2020 г. – 498 (ОВД – 335), в 2019 г. – 607 (ОВД – 473), в 2018 г. – 698 (ОВД – 558), в 2017 г. – 715 (ОВД – 597) уголовных дел;

- в связи с примирением сторон (статья 25 УПК РФ): в 2021 г. – 27691 (ОВД – 27246), в 2020 г. – 29659 (ОВД – 29162), в 2019 г. – 29402 (ОВД – 28911), в 2018 г. – 22582 (ОВД – 22108), в 2017 г. – 18513 (ОВД – 18 081) уголовных дел;

- в связи с деятельным раскаянием (статья 28 УПК РФ): в 2021 г. – 10351 (ОВД – 7707), в 2020 г. – 10966 (ОВД – 8812), в 2019 г. – 10559 (ОВД – 8904), в 2018 г. – 7357 (ОВД –

6191), в 2017 г. – 6102 (ОВД – 5112) уголовных дела;

- в связи с возмещением в полном объеме ущерба по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (статья 28¹ УПК РФ): в 2021 г. – 458 (ОВД – 41), в 2020 г. – 391 (ОВД – 29), в 2019 г. – 495 (ОВД – 27), в 2018 г. – 507 (ОВД – 0), в 2017 г. – 509 (ОВД – 6) уголовных дел;

- за истечением сроков давности уголовного преследования в отношении установленного лица (пункт 3 части 1 статьи 24 УПК РФ): в 2021 г. – 6457 (ОВД – 4484), в 2020 г. – 6428 (ОВД – 4158), в 2019 г. – 6038 (ОВД – 4026), в 2018 г. – 6200 (ОВД – 4407), в 2017 г. – 6099 (ОВД – 4355) уголовных дел;

- в связи со смертью подозреваемого, обвиняемого (пункт 4 части 1 статьи 24 УПК РФ): в 2021 г. – 7095 (ОВД – 5440), в 2020 г. – 6531 (ОВД – 4972), в 2019 г. – 5715 (ОВД – 4370), в 2018 г. – 5571 (ОВД – 4408), в 2017 г. – 5566 (ОВД – 4429) уголовных дел;

- вследствие акта амнистии (пункт 3 части 1 статьи 27 УПК РФ): в 2021 г. – 28 (ОВД – 23), в 2020 г. – 37 (ОВД – 26), в 2019 г. – 108 (ОВД – 82), в 2018 г. – 186 (ОВД – 124), в 2017 г. – 546 (ОВД – 336) уголовных дел;

- прекращено в порядке пункта 1 части 1 статьи 439 УПК РФ: в 2021 г. – 56 (ОВД – 46), в 2020 г. – 47 (ОВД – 40), в 2019 г. – 68 (ОВД – 48), в 2018 г. – 56 (ОВД – 40), в 2017 г. – 61 (ОВД – 49) уголовное дело;

- по другим основаниям: в 2021 г. – 1553 (ОВД – 1513), в 2020 г. – 1 734 (ОВД – 1685), в 2019 г. – 2285 (ОВД – 2220), в 2018 г. – 1552 (ОВД – 1489), в 2017 г. – 1064 (ОВД – 1023) уголовных дела.

Прекращено дел за истечением сроков давности (виновное лицо не установлено): в 2021 г. – 1390447 (ОВД – 1389127), в 2020 г. – 1184505 (ОВД – 1183307), в 2019 г. – 1295105 (ОВД – 1293984), в 2018 г. – 1338527 (ОВД 1337568), в 2017 г. – 1592333 (ОВД – 1593094) уголовных дела.

Число лиц, в отношении которых прекращено уголовное преследование за непричастностью к совершению преступления во временной период с 2017 по 2021 г., равно нулю.

При осуществлении надзора за исполнением закона должностными лицами органов

⁸ Статистические данные приведены без учета прекращенных дел за истечением сроков давности при неустановлении лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

предварительного расследования в досудебных стадиях уголовного судопроизводства прокурорами в 2021 г. отменено 23298 постановлений о прекращении уголовного дела (уголовного преследования), в 2020 г. – 22652, в 2019 г. – 26156 и в 2018 г. – 26637 постановлений.

Число лиц, осужденных судами общей юрисдикции Российской Федерации, составляет в 2021 г. – 565317, в 2020 г. – 530998, в 2019 г. – 598214, в 2018 г. – 658291, в 2017 г. – 697054 лица.

Число лиц, в отношении которых были прекращены уголовные дела судами общей юрисдикции Российской Федерации в 2021 г. – 163673, в 2020 г. – 182235, в 2019 г. – 185544, в 2018 г. – 189301, в 2017 г. – 195980 лиц. Из них прекращено уголовных дел в связи с отсутствием состава преступления, события преступления, непричастностью к совершению преступления в 2021 г. в отношении 1172 человек, в 2020 г. – 1465, в 2019 г. – 488, в 2018 г. – 2102, в 2017 г. – 4676 лиц; а по иным основаниям в 2021 г. в отношении 162501, в 2020 г. – 180770, в 2019 г. – 184027, в 2018 г. – 188084, в 2017 г. – 191354.

Число лиц, в отношении которых уголовные дела были прекращены судами первой инстанции по реабилитирующим основаниям (отсутствие состава преступления, события преступления, непричастность к совершению преступления) в 2021 г. – 1138, в 2020 г. – 1297, в 2019 г. – 1590, в 2018 г. – 1722, в 2017 г. – 3457 лиц.

По другим основаниям судами первой инстанции было прекращено уголовных дел:

- в связи с отменой или изменением закона в 2021 г. в отношении 58, в 2020 г. – 106, в 2019 г. – 121, 2018 г. – 174, а в 2017 г. – 6949 лиц;

- в связи с актом об амнистии в 2021 г. в отношении 27, в 2020 г. – 35, в 2019 г. – 141, 2018 г. – 257, а в 2017 г. – 889 лиц;

- в связи с деятельным раскаянием в 2021 г. в отношении 11606, в 2020 г. – 10453, в 2019 г. – 11882, в 2018 г. – 14258, а в 2017 г. – 15000 лиц;

- в связи с примирением с потерпевшим в 2021 г. в отношении 103649, в 2020 г. –

102451, в 2019 г. – 108662, в 2018 г. – 127353, а в 2017 г. – 138177 лиц;

- в связи с отсутствием заявления потерпевшего в 2021 г. в отношении 384, в 2020 г. – 434, в 2019 г. – 619, в 2018 г. – 883, а в 2017 г. – 819 лиц;

- с применением принудительных мер воспитательного воздействия в 2021 г. в отношении 1577, в 2020 г. – 1879, в 2019 г. – 2408, в 2018 г. – 2385, а в 2017 г. – 2270 лиц;

- с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в 2021 г. в отношении 36791, в 2020 г. – 57061, в 2019 г. – 51213, в 2018 г. – 32050, а в 2017 г. – 18346 лиц;

- по иным основаниям в 2021 г. в отношении 53197, в 2020 г. – 72466, в 2019 г. – 66018, в 2018 г. – 45861, а в 2017 г. – 29262 лиц.

При этом в судах первой инстанции в 2021 г. было прекращено 159211 уголовных дел, а приговор был вынесен по 566430 уголовным делам, в 2020 г. прекращено 175535, а приговор вынесен по 530744, в 2019 г. прекращено 175641, приговор был вынесен по 579857, в 2018 г. прекращено 176563, приговор вынесен по 635289, и в 2017 г. прекращено 180407, приговор вынесен по 673695 уголовным делам.

Исходя из приведенных статистических данных, в 2021 г. доля прекращенных уголовных дел в досудебном производстве составила 9,35 %; в 2020 г. – 9,58 %, в 2019 г. – 9,27 %, в 2018 г. – 7,41, в 2017 г. – 7,59 % от общей массы уголовных дел, по которым должностными лицами были вынесены итоговые процессуальные решения. В то же время за период 2017–2021 гг. прокуроры отменили от 21 до 27 % направленных им для проверки постановлений следователей и дознавателей о прекращении уголовного дела.

Процентное соотношение прекращенных дел в досудебном производстве по реабилитирующим и нереабилитирующим основаниям составляет:

- в 2021 г. по реабилитирующим основаниям прекращено 31,07 % уголовных дел, по нереабилитирующим – 68,93 % (в ОВД, соответственно, 22,85 % против 77,15 %);

- в 2020 г. по реабилитирующим основаниям прекращено 29,22 % уголовных дел,

по нереабилитирующим – 70,78 % (в ОВД – 22,95 % против 77,05 %);

– в 2019 г. по реабилитирующим основаниям прекращено 31,07 % уголовных дел, по нереабилитирующим – 68,93 % (в ОВД – 23,79 % против 76,21 %);

– в 2018 г. по реабилитирующим основаниям прекращено 35,46 % уголовных дел, по нереабилитирующим – 64,85 % (в ОВД – 22,19 % против 77,81 %);

– в 2017 г. по реабилитирующим основаниям прекращено 32 % уголовных дел, по нереабилитирующим – 68 % (в ОВД – 21,07 % против 78,93 %).

В судебном производстве в 2021 г. доля лиц, в отношении которых было прекращено уголовное дело, составила 22,45; в 2020 г. – 25,55 %, в 2019 г. – 23,67 %, в 2018 г. – 22,33 %, в 2017 г. – 21,95 % от общей массы осужденных лиц и лиц, в отношении которых уголовные дела были прекращены. Из них: в 2021 г. по реабилитирующим основаниям – в отношении 0,72 % лиц, по нереабилитирующим – 99,28 %; в 2020 г. по реабилитирующим основаниям – 0,8 %, по нереабилитирующим – 99,2 %; в 2019 г. по реабилитирующим основаниям – 0,27 %, по нереабилитирующим – 99,73 %; в 2018 г. по реабилитирующим основаниям – 1,11 %, по нереабилитирующим – 98,89 %; в 2017 г. по реабилитирующим основаниям – 2,39 %, по нереабилитирующим – 97,61 % лиц.

В 2021 г. доля прекращенных уголовных дел судами первой инстанции составила 21,94 %; в 2020 г. – 24,85 %, в 2019 г. – 23,85 %, в 2018 г. – 21,75 %, в 2017 г. – 21,12 %.

Приведенные выше статистические данные указывают на то, что в судебном производстве уголовных дел прекращается в два раза больше, чем в досудебном. Это связано с тем, что следователи, дознаватели, их руководители в большой степени озабочены тем, чтобы любой ценой довести уголовное дело до суда, поскольку все иное влечет отрицательную или нейтральную оценку их работы. Исходя из количества отмененных прокурорами постановлений о прекращении уголовного дела (ежегодно около 30 %) мы видим, что прокуроры также считают невыгодным прекращение уголовных дел в досу-

дебном производстве, так как это может негативно сказаться на правовой статистике. Погоня за показателями раскрываемости преступлений, подтверждаемыми количеством направленных в суд дел с обвинительным заключением или обвинительным актом, является, на наш взгляд, неприемлемым критерием эффективности работы как органов предварительного расследования, так и надзирающих над ними органов прокуратуры.

При этом около 20 % направленных в суд уголовных дел прекращаются самими судами, причем 99 % из них прекращаются по нереабилитирующим основаниям, что свидетельствует о том, что основания для принятия такого решения чаще всего возникают еще в период предварительного расследования. Такой подход правоохранительной системы не позволяет решать в должной мере государственные задачи, связанные, в том числе, с экономией федеральных бюджетных средств и процессуальной репрессии. И правильным было бы прекращать такие уголовные дела еще в досудебном производстве.

С другой стороны, положительной оценки деятельности органов предварительного расследования заслуживает то, что на протяжении последних пяти лет процент лиц, в отношении которых прекращаются уголовные дела по реабилитирующим основаниям судами, варьируется в районе 1 %. Процент уголовных дел, которые прекращаются по реабилитирующим основаниям в досудебном производстве, в среднем 30 %. В органах внутренних дел Российской Федерации этот процент приближен к 20 %, что в полной мере соответствует назначению уголовного судопроизводства, включающего в себя в статье 6 УПК РФ защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения и осуждения.

Считаем, что представленный разброс данных требует осмысления не только на уровне научных исследований, но и должностными лицами органов предварительного расследования, прокуратуры и суда, что позволит установить такие ориентиры оценки эффективности правоохранительной деятельности, которые будут должным образом соответствовать основным принципам уго-

ловной политики Российской Федерации и назначению уголовного судопроизводства.

Также нельзя забывать и о нестыковках, противоречиях и пробелах уголовного и уголовно-процессуального закона, что, естественно, не способствует единообразному толкованию и применению правовых норм об освобождении от уголовной ответственности, прекращении уголовного преследования, прекращении уголовного дела.

Таких пробелов в законодательстве, к нашему сожалению, немало. Начиная от несоответствия названий видов освобождения от уголовной ответственности и оснований прекращения уголовного дела – статья 76 УК РФ регулирует освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, а в статье 25 УПК РФ дается уже иное название основанию прекращения уголовного дела – в связи с примирением сторон. В статье 78 УК РФ речь идет об освобождении от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности. При этом в науке уголовного права до сих пор ведется дискуссия, о каких сроках давности идет речь – сроках давности уголовной ответственности или же давности совершенного преступления. Однако пункт 3 части 1 статьи 24 УПК РФ называет основанием для отказа в возбуждении и прекращения уголовного дела – истечение сроков давности уголовного преследования, что вызывает неприятие у ученых правоведов.

Более того, Конституционный суд Российской Федерации в своих постановлениях обращал внимание на несоответствие некоторых норм о прекращении уголовного преследования и прекращении уголовного дела Конституции Российской Федерации. К примеру, в Постановлении Конституционного суда Российской Федерации от 18 июля 2022 г. № 33-П указывается, что часть вторая статьи 27 УПК РФ и пункт «в» части первой статьи 78 УК РФ признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации «в той мере, в какой они – допуская в своей взаимосвязи продолжение уголовного преследования после истечения на досудебной стадии уголовного судопроизводства срока давности привлечения к уголовной ответственности, в том числе за тяжкое преступление, в случае, если подоз-

реваемый или обвиняемый возражал в момент истечения этого срока против прекращения уголовного преследования по данному нереабилитирующему основанию, – не гарантируют достижения в разумные сроки определенности правового положения такого лица применительно к подозрению или обвинению в совершении преступления»⁹.

В настоящее время УПК РФ, установивший запрет на прекращение уголовного преследования в связи с истечением срока давности, если подозреваемый или обвиняемый против этого возражает, не закрепляет каких-либо предельных сроков допустимого расследования такого уголовного дела.

В связи с этим Министерство юстиции разработало законопроект, который должен будет привести нормы УК РФ и УПК РФ в соответствие с положениями Постановления Конституционного суда Российской Федерации. В данном законопроекте предлагается прекращать уголовные дела по истечении 12-ти месяцев производства предварительного расследования с момента истечения срока давности уголовного преследования в случае, если уголовное дело не передано в суд¹⁰. Будет ли принят данный законопроект и как отразятся данные нововведения на практике, если он будет принят, покажет только время.

Мы акцентировали внимание лишь на малой части проблем законодательного регулирования. Однако настоящий масштаб будет ясен лишь при проведении комплексных научных исследований более серьезного уровня, которые позволят определить реальную картину действующего порядка прекращения уголовного преследования и прекращения уголовных дел, а также вычислить все возможные пробелы, которые выявляются при осуществлении правоприменительной деятельности и озвучиваются учеными в своих научных разработках.

⁹ По делу о проверке конституционности части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта «в» части первой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А. Рудникова: Постановление Конституционного суда РФ от 18.07.2022 № 33-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ См.: Федеральный портал проектов нормативно-правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=131146> (дата обращения: 09.06.2022).

Заключение

Проанализировав ведомственную и судебную статистику, изучив правоприменительный опыт и позиции ученых, мы считаем, что современная модель регулирования института прекращения уголовного преследования и прекращения уголовного дела не совершенна. Пробелы и нестыковки уголовного закона и уголовно-процессуального законодательства требуют устранения. Соотношение количества прекращенных уголовных дел между органами предварительного расследования и судами свидетельствует о необходимости системного определения причин и условий, влияющих на данные факты, как с точки зрения уголовно-право-

вых и уголовно-процессуальных, так и криминологических аспектов, с выявлением их взаимосвязи и взаимопроникновения, что позволило бы установить и закрепить такой подход к определению эффективности правоохранительной деятельности, который бы полностью отвечал государственным целям и задачам в сфере уголовной политики, и стал бы фундаментом для построения оптимальной модели правового регулирования институтов освобождения от уголовной ответственности, прекращения уголовного преследования, прекращения уголовного дела, в том числе и на уровне ведомственных и межведомственных нормативных актов.

Список источников

1. Головки Л.В. Альтернативы уголовному преследованию как форма процессуальной дифференциации: современные тенденции развития: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. 463 с.
2. Ендольцева А.В. Институт освобождения от уголовной ответственности: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 396 с.
3. Волинская О.В. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования: теоретические и организационно-правовые проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. 462 с.
4. Сверчков В.В. Концептуальные основы решения проблем освобождения от уголовной ответственности: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2008. 396 с.
5. Антонов А.Г. Специальные основания освобождения от уголовной ответственности: дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2013. 381 с.
6. Фойер М.В. Правовая природа института освобождения от уголовной ответственности // *Ius Publicum et Privatum*. 2021. № 4 (14). С. 93-98.
7. Хатеневич Т.Г. Критерии классификации видов освобождения от уголовной ответственности и наказания // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Д. Экономические и юридические науки. 2019. № 14. С. 166-171.
8. Колесникова Л.Г. Классификация оснований прекращения уголовного дела и уголовного преследования // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: материалы Всерос. науч.-практ. симпозиума. Краснодар, 2019. С. 57-61.
9. Дворецкий М.Ю., Стромов В.Ю. Уголовная ответственность: реализация и эффективность: в 4 ч. Ч. 2. Уголовная ответственность: история законодательного закрепления, понятие, сущность, виды, основание, реализация в механизме отечественного уголовно-правового регулирования и ее эффективность. Тамбов, 2013. С. 277-310.

References

1. Golovko L.V. *Al'ternativy ugovolnomu presledovaniyu kak forma protsessual'noy differentsiatsii: sovremennyye tendentsii razvitiya: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Alternatives to Criminal Prosecution as a form of Procedural Differentiation: Current Development Trends. Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2003, 463 p. (In Russian).
2. Endoltseva A.V. *Institut osvobozhdeniya ot ugovolnoy otvetstvennosti: teoreticheskiye, zakonodatel'nyye i pravoprimenitel'noy problemy: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Institute of Exemption from Criminal Liability: Theoretical, Legislative and Law Enforcement Problems. Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2005, 396 p. (In Russian).
3. Volynskaya O.V. *Prekrashcheniye ugovalnogo dela i ugovalnogo presledovaniya: teoreticheskiye i organizatsionno-pravovyye problemy: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Termination of a Criminal Case and Criminal Pros-

- ecution: Theoretical, Organizational and Legal Problems. Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2007, 462 p. (In Russian).
4. Sverchkov V.V. *Kontseptual'nyye osnovy resheniya problem osvobozhdeniya ot ugovnoy otvetstvennosti: dis. ... d-ra jurid. nauk* [Conceptual Framework for Solving the Problems of Exemption from Criminal Liability. Dr. jurid. sci. diss.]. Nizhny Novgorod, 2008, 396 p. (In Russian).
 5. Antonov A.G. *Spetsial'nyye osnovaniya osvobozhdeniya ot ugovnoy otvetstvennosti: dis. ... d-ra jurid. nauk* [Special Grounds for Exemption from Criminal Liability. Dr. jurid. sci. diss.]. Tomsk, 2013, 381 p. (In Russian).
 6. Foyyer M.V. Pravovaya priroda instituta osvobozhdeniya ot ugovnoy otvetstvennosti [The legal nature of the institution of exemption from criminal liability]. *Ius Publicum et Privatum*, 2021, no. 4 (14), pp. 93-98. (In Russian).
 7. Khatenevich T.G. Kriterii klassifikatsii vidov osvobozhdeniya ot ugovnoy otvetstvennosti i nakazaniya [Criteria for classification of types of release from criminal liability and punishment]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya D. Ekonomicheskiye i yuridicheskiye nauki – Herald of Polotsk State University. Series D. Economics and Law Sciences*, 2019, no. 14, pp. 166-171. (In Russian).
 8. Kolesnikova L.G. Klassifikatsiya osnovaniy prekrashcheniya ugovnogo dela i ugovnogo presledovaniya [Classification of grounds for terminating a criminal case and criminal prosecution]. *Materialy Vserossiyskogo nauchno-prakticheskogo simpoziuma «Aktual'nyye problemy sudebnoy, pravookhranitel'noy, pravozashchitnoy, ugovno-protsessual'noy deyatel'nosti i natsional'noy bezopasnosti»* [Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Symposium "Current Issues of Judicial, Law Enforcement, Human Rights, Criminal Procedure and National Security"]. Krasnodar, 2019, pp. 57-61. (In Russian).
 9. Dvoretzkiy M.Y., Stromov V.Y. *Ugovnaya otvetstvennost': realizatsiya i effektivnost': v 4 ch. Ch. 2. Ugolovnaya otvetstvennost': istoriya zakonodatel'nogo zakrepleniya, ponyatiye, sushchnost', vidy, osnovaniye, realizatsiya v mekhanizme otechestvennogo ugovno-pravovogo regulirovaniya i eye effektivnost'* [Criminal Liability: Implementation and Effectiveness: in 4 pts. Pt 2. Criminal Liability: History of Legislative Consolidation, Concept, Essence, Types, Basis, Implementation in the Mechanism of Domestic Criminal Law Regulation and Its Effectiveness]. Tambov, 2013, pp. 277-310. (In Russian).

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 14.08.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 24.09.2022

Принята к публикации / Accepted for publication 21.11.2022

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Научная статья
УДК 394.98.067
DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-4-629-636
Шифр научной специальности 5.1.4

Проблемные подходы к понятию и сущности фальсификации доказательств в арбитражном процессе

© ЗАХАРОВ Александр Вячеславович,

кандидат юридических наук, заместитель председателя, Арбитражный суд Тамбовской области, Российская Федерация, 392020 г. Тамбов, ул. Пензенская, 67/12, ORCID: 0000-0002-8062-7510, zawtmb@yandex.ru

Аннотация

Рассмотрена проблема исследования доказательств в арбитражном процессе, в частности, процесс исследования и оценка доказательств, в том числе на предмет их достоверности и отсутствия фальсификации, в случаях поступления соответствующего ходатайства от лица, участвующего в деле. Цель настоящей статьи – анализ научных подходов к понятию и сущности фальсификации доказательств в арбитражном процессе. Задачи – исследовать понятийный аппарат на предмет отражения сущности арбитражного процесса состоянию арбитражного процессуального законодательства и взглядам, сформировавшимся в рамках юридической науки. На основе научного анализа предложены теоретические выводы по фальсификации доказательств как правовому институту, произведено сравнение с иными понятиями, как, например, признание доказательства недостоверным. Подробно исследованы действия судьи в случае заявления лицом, участвующим в деле, заявления о фальсификации доказательств, а также последствия подобного заявления. Теоретические выводы основаны на судебной практике Арбитражного суда Тамбовской области по вопросу рассмотрения заявлений о фальсификации доказательств, а также судебной практике вышестоящих судов по проверке соответствия судебных актов, вынесенных судом первой инстанции по результатам рассмотрения данных заявлений, нормам материального и процессуального права. Особый интерес имеют авторские рекомендации по формированию единого алгоритма рассмотрения данных заявлений и выявлению типичных недостатков, допускаемых при разрешении данных заявлений.

Ключевые слова

фальсификация доказательств, достоверность доказательства, оценка доказательства, недостоверность доказательства

Для цитирования

Захаров А.В. Проблемные подходы к понятию и сущности фальсификации доказательств в арбитражном процессе // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 4. С. 629-636. DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-4-629-636

Problematic approaches to the concept and essence of falsification of evidence in the arbitration process

© Alexander V. ZAKHAROV,

Candidate of Law, Vice Chairman, Arbitration Court of the Tambov Region, 67/12 Penzenskaya St., Tambov 392020, Russian Federation, ORCID: [0000-0002-8062-7510](https://orcid.org/0000-0002-8062-7510), zawtmb@yandex.ru

Abstract

The problem of examining evidence in the arbitration process is considered, in particular, the process of examining and evaluating evidence, including for their reliability and lack of falsification, in cases where a relevant request is received from a person participating in the case. The purpose is to analyze scientific approaches to the concept and essence of falsification of evidence in the arbitration process. Tasks - to explore the conceptual apparatus to reflect the essence of the arbitration process, the state of the arbitration procedural legislation and the views formed within the framework of legal science. On the basis of scientific analysis, theoretical conclusions on the falsification of evidence as a legal institution are proposed, a comparison is made with other concepts, such as, for example, the recognition of evidence as unreliable. The actions of the judge in the case of a statement by a person participating in the case, statements about the falsification of evidence, as well as the consequences of such a statement, are studied in detail. Theoretical conclusions are based on the jurisprudence of the Arbitration Court of the Tambov Region on the issue of considering applications for falsification of evidence, as well as the jurisprudence of higher courts on checking the compliance of judicial acts issued by the court of first instance based on the results of consideration of these applications, the norms of substantive and procedural law. Of particular interest are the author's recommendations on the formation of a unified algorithm for considering these applications and identifying typical shortcomings made when resolving these applications.

Keywords

falsification of evidence, reliability of evidence, assessment of evidence, unreliability of evidence

For citation

Zakharov A.V. Problemnyye podkhody k ponyatiyu i sushchnosti fal'sifikatsii dokazatel'stv v arbitrazhnom protsesse [Problematic approaches to the concept and essence of falsification of evidence in the arbitration process]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2022, vol. 6, no. 4, pp. 629-636. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-4-629-636](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-4-629-636) (In Russian, Abstr. in Engl.)

Введение. Постановка проблемы

Исследование проблемы фальсификации доказательств является актуальной проблемой юридической науки в целом и арбитражно-процессуальной в частности. При всей очевидности и понятности вопроса на практике возникает множество проблемных аспектов ее применения.

Часть 1 статьи 162 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) закрепляет обязанность арбитражного суда исследовать доказательства при рассмотрении дела, что предполагает совершение ряда действий: осмотр вещественных доказательств, знакомство с письменными доказательствами, имеющимися в деле, заслушивание пояснений и возражений лиц, участвующих в деле, пояснения лиц, содействующих осуществ-

лению правосудия (экспертов, свидетелей, специалистов и т. п.).

Как зафиксировано в части 3 статьи 71 АПК РФ, судом в результате проводимой проверки и исследования доказательств может быть сделан вывод о соответствии сведений, содержащихся в данном доказательстве, действительности, что влечет признание судом доказательства достоверным, что в свою очередь означает доверие к данному доказательству со стороны суда и возможность его использования для формирования знания об обстоятельствах рассматриваемого дела.

Вместе с тем арбитражное процессуальное законодательство закрепило возможность для лиц, участвующих в деле, заявлять возражения о достоверности доказательства и принятия его судом, предоставляя суду за-

явление о фальсификации доказательств в порядке статьи 161 АПК РФ.

Фальсификация доказательств, являясь межотраслевым институтом, изучалась различными учеными процессуалистами. Особую известность и популярность получили работы таких ученых, как М.З. Шварц, Н.В. Ершова, А.Ю. Коняева, А.С. Стражева, Н.С. Колесова, Ю.П. Гармаев, В.А. Попов, А.В. Акопян [1–8] и др.

Результаты исследования

Понятие «фальсификация» не закреплено в действующем российском законодательстве. Действующее уголовное законодательство (статья 303 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)) закрепляет лишь уголовную ответственность за совершение лицом действий по фальсификации доказательств.

Несмотря на отсутствие законодательного закрепления, само слово «фальсификация» происходит из латинского “falsificare”, что переводится как искажение, подделывание чего-либо, подмена подлинного ложным.

Исследуя доказательства в порядке части 1 статьи 162 АПК РФ арбитражный суд в силу частей 1, 3 статьи 71 АПК РФ «оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств. Доказательство признается арбитражным судом достоверным, если в результате его проверки и исследования выясняется, что содержащиеся в нем сведения соответствуют действительности»¹.

В научной литературе, с одной стороны, признается прогрессивность нормы, закрепленной частью 3 статьи 71 АПК РФ. С другой стороны, заслуживают внимания и критические высказывания ученых и практиков. Так, по авторитетному мнению М.З. Шварца, законодательное закрепление данной нормы является «неудачным, поскольку в данном определении содержится грубая логическая ошибка: невозможно осуществить проверку доказательства на его соответствие действительности, ибо никакого знания дей-

ствительности у суда нет. Более того, известная проблема характера устанавливаемой судом истины (объективной или формальной) как раз в том и состоит, что имевшим место в действительности будет считаться то, что установлено судом. Ранее чем суд оценит доказательства и установит на их основе факты, он не располагает никаким знанием действительности, на соответствие которому можно было бы проверить доказательство» [1, с. 80].

Необходимо определить, что будет являться первичным в рассматриваемом случае. Ведь оценка судом доказательства на предмет его достоверности осуществляется исходя из объективной истины, которая, в свою очередь, должна быть установлена судом на основе совокупности представленных сторонами доказательств. Но именно признание доказательств достоверными обуславливают факты, которые в последующем устанавливают суд, описывая в судебном акте.

Справедливым в этой связи является утверждение М.З. Шварца о том, что «сначала суд должен оценить доказательство как достоверное, отвергнуть недостоверное доказательство, затем на основе признанных достоверными доказательств установить обстоятельства дела, и именно эти обстоятельства и образуют действительность, получившую официальное признание в судебном решении» [1, с. 81].

Если суд признает доказательство достоверным, то это означает, что доказательство было исследовано, оценено и признано заслуживающим доверия. С учетом данного доказательства в последующем будет формироваться представление об обстоятельствах рассматриваемого дела.

Вместе с тем оценка доказательства дается судом, то есть восприятие доказательства уже является субъективным, а не объективным, в связи с чем нельзя его определять через соответствие реальной действительности.

Следовательно, оценка судом доказательства производится исходя из его содержания и формы, однако, заявление лицом, участвующим в деле, ходатайства о фальсификации доказательства предполагает опровержение самого существования доказательства. При этом суд ограничивается опреде-

¹ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.

лением формы или внешних признаков доказательства, а не его содержания.

Абзац 2 пункта 39 постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 23 декабря 2021 г. № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» предусматривает, что «в порядке статьи 161 АПК РФ подлежат рассмотрению заявления, мотивированные наличием признаков подложности доказательств, то есть совершением действий, выразившихся в подделке формы доказательства: изготовление документа специально для представления его в суд (например, несоответствие времени изготовления документа указанным в нем датам) либо внесение в уже существующий документ исправлений или дополнений (например, подделка подписей в документе, внесение в него дополнительного текста). В силу части 3 статьи 71 АПК РФ не подлежат рассмотрению по правилам названной статьи заявления, касающиеся недостоверности доказательств (например, о несоответствии действительности фактов, изложенных в документе)»².

В этой связи справедливым является утверждение А.С. Стражевой, что «фальсификация судебного доказательства происходит именно на уровне источника (материальная форма доказательства) и, как следствие, может повлечь ложность сведений о фактах (содержание доказательства), при этом средства доказывания (процессуальная форма доказательства) не задействованы в процессе фальсификации, но сфальсифицированный источник при этом получен в установленном законом порядке и не приравнивается к средству доказывания» [4, с. 42].

Доказательство, признанное судом сфальсифицированным, не рассматривается и не оценивается судом, полностью удаляется из процесса, при этом оставаясь в материалах дела. С позиции фальсификации доказательства фальсификация выступает поро-

ком формы доказательства, препятствующим оценке доказательства по его содержанию.

Поскольку доказательства, признанные достоверными, кладутся в основу судебного акта, арбитражным процессуальным законодательством предусматривается возможность лица, участвующего в деле, возражать против достоверности и оценки судом доказательства, представленного в материалы дела, заявив в порядке статьи 161 АПК РФ о фальсификации доказательств.

Конституционный суд Российской Федерации в своих разъяснениях указал, что «закрепление в процессуальном законе правил, регламентирующих рассмотрение заявления о фальсификации доказательства, направлено на исключение оспариваемого доказательства из числа доказательств по делу. Сами эти процессуальные правила представляют собой механизм проверки подлинности формы доказательства, а не его достоверности»³.

Следовательно, рассматривая в порядке статьи 161 АПК РФ заявление о фальсификации доказательств, суд, по сути, осуществляет проверку заявления о недостоверности доказательств, которые предоставлены в дело стороной, до принятия окончательного судебного акта по делу.

Подобная проверка заключается, с одной стороны, в проверке соответствия конкретных обстоятельств реальной ситуации и фактическим обстоятельствам дела, с другой стороны, в определении отсутствия воздействия на доказательство, которое могло исказить содержание доказательства и сформировать у суда ошибочное мнение об обстоятельствах, существовавших в действительности, которые имеют существенное значение для дела.

Понятие «фальсификация доказательств» предполагает совершение лицом, участвующим в деле, или его представителем умышленных действий, направленных на искаже-

² О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции: постановление Пленума Верховного суда РФ от 23.12.2021 № 46 // Бюллетень Верховного суда РФ. 2022. № 3.

³ Определение Конституционного суда Российской Федерации от 22.03.2012 № 560-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы открытого акционерного общества «Лизинговая компания «ФКС» на нарушение конституционных прав и свобод частью 3 статьи 65, статьей 161 и частью 2 статьи 268 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ние действительного содержания доказательства в арбитражном процессе.

Фальсификацию можно было бы определить как частный случай признания доказательства недостоверным. Следует критически отнестись к позиции Н.С. Колесовой, отмечавшей, что «понятие фальсифицированного доказательства в арбитражном процессе более широкое, чем в уголовном праве. Фальсифицированным доказательством в арбитражном процессе являются любые недостоверные, а также полученные с нарушением федерального закона письменные или вещественные доказательства» [5, с. 56].

По нашему мнению, требующей переосмысления является также позиция ученых, согласно которой рассмотрение заявления о фальсификации доказательства есть ни что иное, как проверка заявления о недостоверности доказательств, представленных стороной.

Вместе с тем сущность института «фальсификации» несколько отличается от сущности признания доказательства недостоверным.

В случае заявления стороной спора заявления о фальсификации, суд предлагает стороне представившей доказательство, в отношении которого заявлено о фальсификации, исключить его из числа доказательств по делу, то есть по сути забрать это доказательство без проверки его формы и содержания, без последующей оценки отдельно и с в совокупности с другими доказательствами.

Таким образом, смысл специального регулирования последствий заявления о фальсификации доказательств заключается в возможности стороны исключить представленное им доказательство из числа доказательств по делу.

В отношении сомнений в достоверности доказательств такое может и не происходить. Так, например, заключение эксперта или показания свидетеля, специалиста могут быть поставлены под сомнение лицом, участвующим в деле, может быть заявлено об их недостоверности. Однако исключить данные доказательства суду из числа доказательств не представляется возможным, даже если стороны согласны на такое исключение. Не вправе сторона забрать и свои пояснения или отзыв. А предоставление нового

отзыва, основанного на диаметрально противоположной позиции, может вызвать применение судом эстоппеля и расценить как противоречивое поведение стороны либо в ряде случаев – как злоупотребление правом.

Состязательность участников судопроизводства заключается в возможности предоставления доказательств в защиту своей позиции, а не возможности забирать эти доказательства. Так, если сторона опровергает доказательство, не заявляя о его фальсификации, суд оценивает данное доказательство в совокупности с иными доказательствами, может признать его недостоверным, но не исключает его из числа доказательств, как это происходит в случае заявления о фальсификации и согласии стороны на его исключении, либо в случае проверки доказательства по заявлению и установления факта фальсификации.

Следует согласиться с позицией М.З. Шварца, что «если следовать традиционному подходу и считать, что проверка доказательства на предмет фальсификации – это всегда оценка его достоверности, а сфальсифицированное доказательство – это всегда доказательство, содержащее ложные сведения о фактах, то всякое исследование доказательства на предмет достоверности должно заканчиваться лишь двумя взаимоисключающими выводами: признать доказательство достоверным или сфальсифицированным. Но суд не ограничен столь узкими рамками в своих выводах. Он оценивает на предмет достоверности и те доказательства, в отношении которых не заявлено сомнений в их подлинности» [1, с. 87].

Следовательно, недостоверность и фальсификация не являются взаимозаменяемыми понятиями, поскольку оценка судом доказательства как недостоверного не означает его фальсификацию и не влечет исключение из числа доказательств. Обратная ситуация тоже реальна – признание доказательства сфальсифицированным не влечет его автоматическую недостоверность, поскольку доказательство может отражать действительную ситуацию, но с точки зрения проверки формы доказательства быть сфальсифицированным. Данная ситуация по сути означает, что сам факт, в подтверждение которого представлено сфальсифициро-

ванное доказательство, в действительности имел место, что может даже признаваться стороной, заявляющей о фальсификации доказательства, а вот доказательства самого не существовало.

Как справедливо отмечается в научной литературе, «фальсификация доказательств – явление противоправное, за которое предусматривается ответственность. Кроме того, установление факта подлога может иметь значение для стороны процесса не ради отрицания устанавливаемого факта, а, например, ради того, чтобы в целом подорвать доверие суда к доказательствам и процессуальному поведению оппонента» [1, с. 86].

Следовательно, необходимо различать, что проверка доказательства на достоверность осуществляется в отношении содержания доказательства, а при проверке заявления о фальсификации исследуется лишь форма доказательства, независимо от правильности «отражения» в нем фактов реальной действительности.

Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации содержит последовательность действий судьи в случае заявления стороной о фальсификации доказательств. Так, согласно части 1 статьи 161 АПК РФ, «если лицо, участвующее в деле, обратится в арбитражный суд с заявлением в письменной форме о фальсификации доказательства, представленного другим лицом, участвующим в деле, суд:

- 1) разъясняет уголовно-правовые последствия такого заявления;
- 2) исключает оспариваемое доказательство с согласия лица, его представившего, из числа доказательств по делу;
- 3) проверяет обоснованность заявления о фальсификации доказательства, если лицо, представившее это доказательство, заявило возражения относительно его исключения из числа доказательств по делу.

В этом случае арбитражный суд принимает предусмотренные федеральным законом меры для проверки достоверности заявления о фальсификации доказательства, в том числе назначает экспертизу, истребует другие доказательства или принимает иные меры»⁴.

⁴ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 24.07.2002

Безусловно, конкретные способы проверки заявления о фальсификации доказательств определяются судом, однако их выбор обусловлен доводами, заявленными лицом в заявлении о фальсификации, а также конкретными обстоятельствами дела (назначение судебной экспертизы, свидетельские показания, сравнение и сопоставление документов, истребование дополнительных документов у сторон, третьих лиц, налоговых, кредитных органов, конкурсного управляющего и т. п.).

«Результаты рассмотрения заявления о фальсификации доказательства арбитражный суд отражает в протоколе судебного заседания» (часть 2 статьи 161 АПК РФ)⁵.

Следовательно, в протоколе судебного заседания должен быть отражен результат рассмотрения данного заявления:

- в случае удовлетворения заявления – отметка об удовлетворении доказательства и указание на исключение данного доказательства из доказательств по делу;
- в случае отказа в удовлетворении заявления – отметка об отказе в удовлетворении заявления и оценке данного доказательства наряду с иными доказательствами по делу.

Вместе с тем сложившаяся судебная практика не классифицирует отсутствие в протоколе судебного заседания результата рассмотрения заявления о фальсификации как нарушение процессуальных норм, влекущих безусловную отмену судебного акта в случае, если результат рассмотрения данного заявления зафиксирован в самом судебном акте.

Заключение

Несмотря на теоретические разногласия в юридической науке, судебная практика считает, что, рассматривая в порядке статьи 161 АПК РФ заявление о фальсификации доказательств, суд осуществляет проверку заявления о недостоверности доказательств, которые предоставлены в дело сто-

№ 95-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.

⁵ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.

роной до принятия окончательного судебного акта по делу.

Такая проверка должна заключаться, с одной стороны, в проверке соответствия подтверждающихся оспариваемым доказательством обстоятельств фактическим обстоятельствам дела и, с другой стороны, в установлении факта, искажающего воздействия на материальный носитель, которое может привести к возникновению у суда неверного представления о существующих либо существовавших в действительности обстоятельствах, имеющих существенное значение для дела.

Не подлежат рассмотрению в качестве заявления о фальсификации доказательств:

- заявления, касающиеся недостоверности доказательств (например, о несоответствии действительности фактов, изложенных в документе);
- выражение в данном заявлении лицом несогласия с содержанием представленного иным лицом, участвующим в деле, доказательства;
- заявления, в которых отсутствует указание на конкретные документы, о фальсификации которых заявляет лицо, участвующее в деле, не указаны обстоятельства, которые вызывают сомнения в подлинности доказательств (форма) либо содержащихся в них сведений (содержание), и способ фальсификации доказательств;
- текст заявления о фальсификации доказательств не содержит конкретные доводы и факты, подтверждающие вывод заявителя о фальсификации;

– заявление, которое заявлено в отношении доказательств, не имеющих отношения к рассматриваемому делу, а также если оно подано в отношении документа, подложность которого, по мнению суда, не повлияет на исход дела в связи с наличием в материалах дела иных доказательств, позволяющих установить фактические обстоятельства;

– если лицо, заявляя о фальсификации документов, в действительности оспаривает иные обстоятельства по делу.

Проверка обоснованности заявления о фальсификации доказательств в порядке части 1 статьи 161 АПК РФ осуществляется, если лицо, участвующее в деле, обратится в арбитражный суд с заявлением в письменной форме о фальсификации доказательства, представленного другим лицом, участвующим в деле, а вторая сторона отказывается в исключении оспариваемого доказательства из числа доказательств по делу.

Исключение доказательства из числа доказательств по делу не означает его физическое изъятия из материалов дела, предполагается, что данное доказательство не подлежит оценке судом при вынесении итогового судебного акта и не может быть положено в основу выводов суда.

Способы проверки заявления о фальсификации доказательств определяются судом, однако выбор этих способов должен соответствовать конкретным обстоятельствам дела и доводам, положенным в основу заявления о фальсификации.

Список источников

1. Шварц М.З. К вопросу о фальсификации доказательств в арбитражном процессе // Арбитражные споры. 2010. № 3. С. 79-92.
2. Еришова Н.В. Проверка достоверности заявления о фальсификации доказательства в гражданском судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 206 с.
3. Коняева А.Ю. Фальсификация доказательств: теория и практика // ЭЖ-Юрист. 2017. № 48 (999). С. 3.
4. Стражева А.С. Понятие и структура судебного доказательства применительно к явлению фальсификации доказательств в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 10. С. 40-44. DOI [10.18572/1812-383X-2021-10-40-44](https://doi.org/10.18572/1812-383X-2021-10-40-44)
5. Колесова Н.С., Ульянова В.В. Рассмотрение арбитражным судом заявлений о фальсификации доказательств // Арбитражные споры. 2021. № 3 (95). С. 56-72.
6. Гармаев Ю.П., Ладошкин Л.С. Проблемы выявления, раскрытия и расследования преступлений, связанных с фальсификацией доказательств в гражданском и арбитражном судопроизводстве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 8-9. С. 210-214.

7. Попов В.А. Некоторые вопросы назначения экспертизы давности совершения документов и оценки ее результатов в гражданском и арбитражном процессе // Армия и общество. 2014. № 2 (39). С. 30-34.
8. Акоюн А.В. Соотношение принципа поиска истины по делу и обоснованности судебного решения в гражданском процессе на примере института оценки письменных доказательств (документов и их копий) // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2019. Т. 1. № 2. С. 95-106.

References

1. Shvarts M.Z. K voprosu o fal'sifikatsii dokazatel'stv v arbitrazhnom protsesse [On the question of falsification of evidence in the arbitration process]. *Arbitrazhnyye spory* [Arbitration disputes], 2010, no. 3, pp. 79-92. (In Russian).
2. Ershova N.V. *Proverka dostovernosti zayavleniya o fal'sifikatsii dokazatel'stva v grazhdanskom sudoproizvodstve: dis. ... kand. yurid. nauk.* [Verification of the Reliability of the Statement of Falsification of Evidence in Civil Proceedings. Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2014, 206 p. (In Russian).
3. Konyayeva A.Y. Fal'sifikatsiya dokazatel'stv: teoriya i praktika [Falsification of evidence: theory and practice]. *EZh-Yurist* [E-journal Yurist], 2017, no. 48 (999), p. 3. (In Russian).
4. Strazheva A.S. Ponyatiye i struktura sudebnogo dokazatel'stva primenitel'no k yavleniyu fal'sifikatsii dokazatel'stv v grazhdanskom protsesse [The concept and structure of judicial evidence in relation to the phenomenon of falsification of evidence in a civil procedure]. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess* [Arbitration and Civil Process], 2021, no. 10, pp. 40-44. DOI [10.18572/1812-383X-2021-10-40-44](https://doi.org/10.18572/1812-383X-2021-10-40-44). (In Russian).
5. Kolesova N.S., Ulyanova V.V. Rassmotreniye arbitrazhnym sudom zayavleniy o fal'sifikatsii dokazatel'stv [Declaration of falsification of evidence to be considered by the arbitration court]. *Arbitrazhnyye spory* [Arbitration disputes], 2021, no. 3 (95), pp. 56-72. (In Russian).
6. Garmayev Y.P., Ladoshkin L.S. Problemy vyyavleniya, raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy, svyazannykh s fal'sifikatsiyey dokazatel'stv v grazhdanskom i arbitrazhnom sudoproizvodstve [Problems of identification, disclaimer and investigation of crimes related to falsification of evidence in civil and arbitration proceedings]. *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiy i obshchestvennyye nauki – Humanities, Social-Economic and Social Sciences*, 2016, no. 8-9, pp. 210-214. (In Russian).
7. Popov V.A. Nekotoryye voprosy naznacheniya ekspertizy davnosti soversheniya dokumentov i otsenki eye rezul'tatov v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse [Some issues of assigning examination of the limitation of documents and evaluation of its results in civil and arbitration proceedings]. *Armiya i obshchestvo* [Scientific Information Journal Army and Society], 2014, no. 2 (39), pp. 30-34. (In Russian).
8. Akopyan A.V. Sootnosheniye printsipa poiska istiny po delu i obosnovannosti sudebnogo resheniya v grazhdanskom protsesse na primere instituta otsenki pis'mennykh dokazatel'stv (dokumentov i ikh kopiy) [Correlation of the principle of search for truth in case and case of judicial decision in the civil process on the example of the institute for estimation of written evidence (documents and their copies)]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva – Vestnik of Volzhsky University named after V.N. Tatishchev*, 2019, vol. 1, no. 2, pp. 95-105. (In Russian).

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 15.07.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 03.09.2022

Принята к публикации / Accepted for publication 21.11.2022

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.62

DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-4-637-645

Шифр научной специальности 5.1.3

Преимущества и недостатки цифровизации гражданского, административного и арбитражного процесса

© МИТРОФАНОВ Никита Владиславович,

преподаватель кафедры гражданского и арбитражного процесса Института права и национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», Российская Федерация, 392000 г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, ORCID: 0000-0002-5541-0483, naiketmitro98@mail.ru

Аннотация

Цель настоящего исследования заключается в выявлении положительных и отрицательных цифровых изменений, повлиявших на деятельность судей и иных лиц, участвующих в деле, в рамках судебного процесса. Задачи исследования: изучение предпосылок появления веб-конференций как формы судебного разбирательства; рассмотрение основных проблем, возникающих на практике, в рамках электронного делопроизводства и судопроизводства; анализ позитивных законодательных нововведений в сфере цифровизации. Использованы общенаучные методы (диалектический, логический, системный), частные научные методы (исторический, статистический, социологический), а также специально-юридические (сравнительно-правовой, формально-юридический). Рассмотрены основные изменения, появившиеся в процессуальных кодексах с 1 января 2022 г. Обращено внимание на отсутствие законодательных сроков подачи ходатайства об участии в судебном заседании посредством использования системы веб-конференции. Проведены различия между веб-конференцией и видео-конференц-связью. Сделан вывод о том, что невозможно в полной мере соблюсти процессуальную форму в рамках онлайн-заседания. Это связано с требованиями, предъявляемыми к порядку проведения судебного процесса, том числе в части дачи показаний и объяснений. Отмечено, что имеется несоблюдение некоторых процессуальных принципов при применении системы онлайн-заседаний, а именно принципа гласности, состязательности и равноправия сторон. Указаны основные преимущества цифровизации, к которым относятся: появление нового способа подачи документов посредством использования портала государственных услуг, аналогичные возможности по получению итоговых судебных постановлений, а также электронное извещение о дате судебного заседания.

Ключевые слова

цифровизация, веб-конференция, порядок судебного заседания, процессуальные принципы, судебные извещения

Для цитирования

Митрофанов Н.В. Преимущества и недостатки цифровизации гражданского, административного и арбитражного процесса // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 4. С. 637-645. DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-4-637-645

Advantages and disadvantages of digitalization of civil, administrative and arbitration process

© Nikita V. MITROFANOV,

Lecturer of Civil and Arbitration Procedure Department of Law and National Security Institute, Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation, ORCID: [0000-0002-5541-0483](https://orcid.org/0000-0002-5541-0483), naiketmitro98@mail.ru

Abstract

The purpose of this study is to identify positive and negative digital changes that have affected the activities of judges and other persons involved in the case, within the framework of the trial. Research objectives: to study the prerequisites for the emergence of web conferences as a form of litigation; consideration of the main problems that arise in practice in the framework of electronic record keeping and legal proceedings; analysis of positive legislative innovations in the field of digitalization. We use general scientific methods (dialectical, logical, systemic), private scientific methods (historical, statistical, sociological), as well as special legal methods (comparative legal, formal legal). We review the main changes that have appeared in the procedural codes since January 1, 2022. We draw attention to the absence of legislative deadlines for filing a petition to participate in a court session through the use of the web conference system. We make a distinction between web conferencing and video conferencing. We conclude that it is impossible to fully comply with the procedural form within the framework of an online meeting. This is due to the requirements for the procedure for conducting a trial, including in terms of giving evidence and explanations. We note that there is a failure to comply with certain procedural principles in the application of the system of online meetings, namely the principle of publicity, competitiveness and equality of the parties. We indicate the main advantages of digitalization, which include: the emergence of a new way to submit documents through the use of the public services portal, similar opportunities for obtaining final court decisions, as well as electronic notification of the court session date.

Keywords

digitalization, web conference, court session order, procedural principles, court notices

For citation

Mitrofanov N.V. Preimushchestva i nedostatki tsifrovizatsii grazhdanskogo, administrativnogo i arbitrazhnogo protsesssa [Advantages and disadvantages of digitalization of civil, administrative and arbitration process]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2022, vol. 6, no. 4, pp. 637-645. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-4-637-645](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-4-637-645) (In Russian, Abstr. in Engl.)

Введение

Цифровизация в той или иной мере затрагивает практически каждого гражданина нашей страны, в том числе и в юридической сфере. Электронные системы «ГАС Правосудие» и «Мой арбитр» существуют достаточно давно. Также судами повсеместно принимаются различного рода электронные доказательства, среди которых наиболее распространенным стал «скриншот» [1, с. 347]. Однако в последние годы появились и новые явления, затрагивающие цифровизацию судопроизводства.

В связи с большим количеством комплексных нововведений в ГПК РФ, КАС РФ и АПК РФ, направленных на распространение проведения судебных заседаний без

личного участия сторон и иных субъектов процесса, а также по причине значительного расширения использования систем электронного судебного делопроизводства можно говорить об актуальности темы настоящего исследования.

Информационные возможности, связанные с цифровизацией судопроизводства, позволяют упростить ведение документооборота, а тем самым и работу аппарата суда. Право физических и юридических лиц на направление документов в электронном виде позволяет оперативно разрешать вопрос, затрагивающий необходимость своевременного представления доказательств в суд, а также надлежаще уведомлять о невозможности участия в конкретном судебном засе-

дании. Дополнительные преобразования, произведенные на уровне процессуального законодательства, расширяют сферу деятельности всех субъектов процесса, обеспечивая реализацию главной цели любого судопроизводства по защите нарушенного или оспариваемого права.

Результаты исследования

1. Появление веб-конференций как новой формы судебного заседания в гражданском, административном и арбитражном процессе в сфере цифровизации

В период пандемии и массовой изоляции на территории Российской Федерации произошли первые значительные изменения в рамках цифровизации процесса. Так, судам было рекомендовано при наличии технической возможности инициировать рассмотрение дел путем использования систем видеоконференц-связи¹. Необходимые указания затрагивали и организацию электронного делопроизводства, связанную со своевременным ведением судебной картотеки и ускоренным внесением документов. Обязанность обновления судебной картотеки дополнительно не освещалась в указанном документе, однако, с учетом сложившейся обстановки, многие сотрудники судебного аппарата в ускоренном режиме публиковали всю необходимую и доступную информацию по судебным делам.

Изначально вышеуказанное положение об использовании систем видеоконференц-связи активно применялось только в арбитражном судопроизводстве. Некоторые арбитражные суды субъектов РФ начали допускать проведение судебных заседаний «онлайн». На данный момент, согласно данным с сайта «Мой арбитр», 107 арбитражных судов предоставляют возможность участия в онлайн-заседании². Аналогичного списка для судов общей юрисдикции не существует, поэтому в каждом отдельном случае о технической возможности следует у-

навать в конкретном суде, рассматривающем дело.

С 1 января 2022 г. были внесены изменения в ГПК РФ, КАС РФ и АПК РФ³. Появилась возможность подачи процессуальных документов посредством портала государственных услуг напрямую, без использования систем «ГАС Правосудие» и «Мой арбитр», а также ряд иных преобразований, затрагивающих цифровизацию. В частности, аналогично арбитражному процессу, в рамках гражданского и административного судопроизводства появилась возможность участвовать в заседаниях вне помещения суда, путем использования системы веб-конференции. Данное нововведение произошло и по причине эффективного использования ранее внедренной системы онлайн-заседаний в арбитражном процессе.

В теории видео-конференц-связь и веб-конференция понимаются под таким термином, как «электронное правосудие», причем одни авторы приравнивают данное явление к цифровой форме, а другие говорят об его условности ввиду рассмотрения самого дела непосредственно человеком, а не компьютером [2, с. 345]. Стоит сказать и об ином понимании термина «электронное правосудие». При направлении документов в электронной форме они проверяются сотрудниками аппарата суда и могут быть приняты либо отклонены. Основания для принятия и отклонения не урегулированы каким-либо федеральным законом. В связи с этим в науке существует мнение о том, что правосудие является монополией судебного органа на реализацию специфичной государственной функции. Следовательно, при направлении документов в суд посредством использования информационных технологий можно говорить только об электронном документообороте в сфере правосудия как вспомогательной функции, а не об электронном правосудии ввиду того, что дальнейшие действия осуществляются судьей на основе норм процессуального права [3, с. 477].

Есть определенные проблемы относительно повсеместного распространения ор-

¹ Постановления Президиума Верховного суда Российской Федерации и Президиума Совета судей Российской Федерации от 08.04.2020 № 821. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Перечень судов, для которых доступна возможность проведения онлайн-заседаний. URL: <https://my.arbitr.ru/#help/4/56> (дата обращения: 27.06.2022).

³ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2021 № 440-ФЗ // Российская газета. 2022. 10 янв. № 1.

ганизации видео-конференц-связи. На данный момент, как справедливо отмечает В.В. Лазарева, нет оснований, по которым законодатель не допускает возможности нахождения участника судебного процесса в других органах государственной власти либо органах местного самоуправления, где также существует возможность идентификации участника судебного процесса [4, с. 281]. Следовательно, можно сделать вывод, что внедрение системы веб-конференции направлено на преодоление данного пробела и предоставление возможности участия в онлайн-заседаниях более широкому кругу лиц.

Возвращаясь к основным формам реализации электронного правосудия, отмечаем, что на практике система веб-конференции значительно отличается от системы видео-конференц-связи, поскольку связана с организацией судебного разбирательства без помощи стороннего суда. Так как между судами используются гарантированные каналы связи, можно сказать о том, что основным различием в двух способах неличного участия лиц в процессе выступает отсутствие проверенного интернет-соединения между всеми субъектами, вследствие чего минимизируется риск хакерских атак. Кроме того, участие путем использования видео-конференц-связи – более распространенное явление, у сотрудников суда выработан четкий механизм действий по организации судебных процессов. Также и у лиц, участвующих в деле, имеется определенное представление относительно сроков заявления ходатайства об участии в судебном заседании путем использования видео-конференц-связи. При заблаговременном направлении такого ходатайства имеется высокая вероятность допустимости организации процесса при участии иного суда. Веб-конференция не требует сторонней помощи, при этом нет предельно установленного срока, в который можно заявить об участии в таком процессе.

С учетом отсутствия необходимости привлечения иного суда и при наличии обязательного законодательного требования о вынесении отдельного судебного определения об организации онлайн-заседания следует закрепить на законодательном уровне срок, в пределах которого можно заявить ходатайство об участии в судебном заседа-

нии посредством использования веб-конференции. Указанное нововведение позволит защитить права участников процесса и четко регламентировать судебную деятельность для устранения возможных негативных последствий.

В процессуальных кодексах подробно регламентирован порядок допуска к веб-конференции, указано на необходимость направления ходатайства и перечислены два основных условия, при которых такое заседание недопустимо. К ним относятся отсутствие технической возможности проведения такого судебного процесса в самом суде и закрытое судебное заседание. Первое условие со временем станет преодолимым, ранее была указана информация о количестве арбитражных судов, среди которых уже все суды первой инстанции позволяют принять участие в онлайн-заседании. Второе условие носит сомнительный характер, поскольку правовая норма, посвященная регламенту участия в судебном заседании путем использования системы веб-конференции, содержит закрытый перечень лиц, имеющих право принять участие в таком процессе, в который не входит простая публика. Кроме того, на сайтах отдельных судов прописана подробная инструкция по организации проведения судебных заседаний путем использования веб-конференций. В частности, указаны минимальные требования по скорости интернет-соединения и рекомендации по использованию определенного браузера⁴.

Предполагается, что в дальнейшем система веб-конференций получит значительное распространение и будет активно применяться не только при участии в спорах сторон из разных субъектов Российской Федерации, но и при их нахождении в рамках одного населенного пункта и невозможности личного участия в судебном заседании.

2. Основные проблемы цифрового судопроизводства

Рассуждая о цифровизации процесса, нельзя не отметить ряд сложностей, с которыми сталкиваются практикующие юристы

⁴ Проведение судебных заседаний с использованием системы веб-конференции. URL: <https://2aas.arbitr.ru/deloproizvodstvo/provedenie-sudebnyh-zasedaniy-s-ispolzovaniem-sistemy-veb-konferencii> (дата обращения: 29.06.2022).

и судьи на практике. Так, можно выделить следующие проблемы, связанные с судебным процессом и затрагивающие следующие аспекты: трудности по реализации соблюдения порядка в судебном заседании; сложность идентификации лиц и проверки их полномочий; недостатки, связанные с технической составляющей организации онлайн-заседания; невозможность учета в полном объеме некоторых процессуальных принципов; порядок исследования отдельных средств доказывания.

Первая проблема электронного процесса затрагивает процедуру соблюдения процессуальной формы. В гражданско-процессуальной науке под процессуальной формой понимается установленный законом порядок осуществления правосудия по гражданским делам [5, с. 45]. М.К. Треушников указывает, что вся деятельность суда, а также участвующих в процессе лиц протекает в особой форме, называемой процессуальной [6, с. 16]. Также высказывается мнение, что форма – это не только абстрактная модель, но и реальное ее воплощение в деятельности участников рассмотрения конкретных дел [7, с. 79]. В контексте указанных тезисов, можно говорить, что процессуальная форма (в любом виде судопроизводства) и есть проведение самого судебного разбирательства. Фактически проблема соблюдения процессуальной формы связана с формальными требованиями, предъявляемыми к порядку проведения судебного заседания. Так, согласно положениям статьи 158 ГПК РФ, статьи 144 КАС РФ и статьи 154 АПК РФ при входе судей в зал судебного заседания все присутствующие в зале встают, в дальнейшем дают объяснения и показания, а также отвечают на вопросы также стоя. В части 4 статьи 154 АПК РФ дополнительно конкретизируется, что лица, присутствующие в зале судебного заседания или участвующие в судебном заседании, проводимом путем использования систем видео-конференц-связи либо системы веб-конференции, обязаны соблюдать установленный порядок⁵. В ином случае, их отключат от видео-конференц-связи либо

системы веб-конференции. Основной вопрос заключается в том, каким образом можно соблюдать требования закона относительно совершения устных действий, поскольку в рамках онлайн-заседания проблематично устно выступать в привычном виде по аналогии с очным участием в судебном процессе. На данном этапе разрешение указанного неудобства связано исключительно с субъективным фактором и поведением конкретного судьи, поскольку на практике допускается как исключение любого субъекта из судебного процесса при формальном нарушении вышеуказанного требования, так и отступление от правила с разрешением от председательствующего судьи.

Следующий вопрос затрагивает идентификацию участников процесса и подтверждение их полномочий. Для допуска в процесс достаточно авторизоваться в единой системе идентификации и аутентификации (ЕСИА). Учитывая регулярные проблемы, возникающие с порталом государственных услуг, и утечку данных пользователей, не всегда допуск к веб-конференции может получить действительный представитель стороны или иной участник процесса. Поскольку в качестве приложения к ходатайству об участии в онлайн-заседании необходимо добавить копию паспорта РФ и иных документов, подтверждающих полномочия, можно говорить о двойной идентификации субъекта. Поэтому следует говорить, что данная проблема уже разрешена. Однако подделка и исправление доверенностей при этом может применяться и применяется отдельными лицами.

Технические неполадки являются большой проблемой ввиду комплекса причин. Во-первых, несмотря на необходимую оснащенность как в зале суда, так и в иных местах, в случае отключения электричества судебный процесс будет прерван. Исчезновение любого участника процесса, скорее всего, повлечет к отложению судебного разбирательства. Иные последствия могут затронуть сам суд. При прерывании судебного заседания по вышеуказанной причине остается открытым вопрос о соблюдении требования относительно ведения видеопотоколирования и его восстановления. Во-вторых, говоря о менее масштабных вещах, у субъек-

⁵ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. 29 июля. № 30. Ст. 3012.

тов в процессе могут возникнуть и иные проблемы, например, с интернет-соединением, что также повлечет отложение дела и затягивание разбирательства.

Немаловажным вопросом является обеспечение соблюдения процессуальных принципов. Отмечается, что особенностью реализации гласности и открытости административного судопроизводства является ряд ограничений, связанных с необходимостью соблюдения конфиденциальности по вопросам, составляющим государственную или иную охраняемую законом тайну [8, с. 30]. Схожая особенность применяется в арбитражном и гражданском процессе. Однако на практике возможность проведения гласного онлайн-заседания фактически не реализуется. Ранее упомянутые нормы относительно соблюдения условий допустимости проведения веб-конференции опровергают данный тезис, поскольку «де-юре» не запрещают публике участвовать в веб-конференции, за исключением ограничений, связанных с закрытым судебным разбирательством. С учетом того обстоятельства, что на данный момент возможность подключения к конкретному делу носит частный характер, не допускается участие в судебном заседании иных лиц, не имеющих конкретного статуса в процессе, что является нарушением действующего законодательства.

Также имеются определенные особенности относительно применения принципов состязательности и равноправия сторон. В частности, указывается, что начала состязательности и равноправия обеспечиваются двумя способами: первый связан с извещением участников процесса судебной повесткой с уведомлением о вручении, в которой указываются время и место заседания; второй сопряжен с применением иных средств связи и доставки, фиксирующих вручение извещения [9, с. 143]. Возможность выбора способа свидетельствует о соблюдении указанных принципов. Однако их дальнейшая реализация вызывает сомнение, поскольку лицо, участвующее в процессе лично, имеет возможность заявить письменное ходатайство и совершить другие действия. Другая сторона, находящаяся в заседании посредством использования веб-конференции, при этом не сможет оперативно получить ука-

занное ходатайство и оценить его в полном объеме, кроме того, она будет лишена некоторых иных возможностей, предоставленных законом, например, не сможет сделать выписку из дела ознакомиться с ним.

В продолжение темы письменных доказательств можно говорить о следующем. Помимо невозможности ознакомления с ходатайством, находясь вне зала судебного заседания, имеются трудности по собиранию доказательственной базы. Цифровизация затронула деятельность некоторых государственных органов, в связи с чем судебный запрос о предоставлении информации, который ранее могла получить сторона нарочно, с целью ускоренного самостоятельного сбора доказательственной базы и самостоятельного обращения в конкретную организацию не всегда может быть реализован. Это связано с тем, что в некоторых случаях определенную информацию предоставляют только напрямую в суд в электронной форме⁶. В результате преимущества цифровизации нивелируются, поскольку сотрудники суда ввиду большой нагрузки на судебную систему не всегда успевают отследить полученную необходимую информацию и обеспечить эффективность электронного документооборота, а государственные органы не могут дать ответ на судебный запрос в бумажном виде.

Возникают проблемы и с определением достоверности показаний свидетелей. Так, Д.Ф. Максимова отмечает, что в случае использования видеоконференции будет намного проще давать неправдоподобные показания [10, с. 151]. В действительности, порядок проведения допроса свидетеля в законе не изменился. Однако детальная визуализация конкретного свидетеля позволяет судье сделать вывод о том, насколько он владеет определенной информацией и может ли она являться правдивой. Кроме того, при участии в онлайн-заседании свидетель не

⁶ Об установлении Порядка предоставления сведений, содержащихся в Едином государственном реестре недвижимости, и Порядка уведомления заявителей о ходе оказания услуги по предоставлению сведений, содержащихся в Едином государственном реестре недвижимости: приказ Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии от 08.04.2021 № П/0149 // Официальный интернет-портал правовой информации. 2021. 12 мая. № 0001202105120026. URL: www.pravo.gov.ru

сможет изложить показания, данные устно, в письменной форме.

Таким образом, подводя промежуточные итоги, можно сделать следующие выводы. Наличие новых законодательных изменений требует совершенствования и корректировок, поскольку не соблюдены все негативные последствия. При этом отдельные элементы, например, подделку электронного документа (доверенности), нельзя зафиксировать на законодательном уровне, так как это затрагивает частные случаи проявления недобросовестности отдельных субъектов.

3. Характеристика позитивных черт цифровизации процесса в контексте иных законодательных изменений

Несмотря на ряд негативных моментов, связанных с цифровизацией судопроизводства, преимущества использования информационных технологий неоспоримы. Среди них можно выделить: процессуальную экономию в судебной деятельности, сокращение финансовых трат для субъектов процесса, повышение информационной грамотности населения, обеспечение добросовестного поведения сторон в рамках формирования доказательственной базы, дополнительные гарантии в виде обязательного видеопроколирования судебного заседания и др.

Немаловажным новшеством является уже упомянутое увеличение электронного документооборота, что установлено в статье 35 ГПК РФ, статье 45 КАС РФ и статье 41 АПК РФ. Это распространяется как на получение итоговых документов – решений суда и судебных приказов, так и на новые возможности по инициированию судебного процесса. Подача исковых заявлений онлайн и ранее применялась достаточно широко, однако рядовой пользователь без юридических навыков и опыта не всегда был способен разобраться с навигацией сайта суда и порядком оформления документов. Добавление дополнительных возможностей посредством использования единого сервиса государственных услуг помогает простым гражданам в получении итоговых судебных постановлений и в направлении исков и отзывов со всеми необходимыми приложениями.

Следующим изменением является введение судебных повесток и иных судебных

извещений, направляемых в форме электронных документов, закрепленное в тех же статьях, посвященных правам и обязанностям лиц, участвующих в деле. Причем положение части 4 статьи 45 КАС РФ было принято еще в 2016 г.⁷ и реализовывалось посредством направления судебных извещений на электронную почту всех лиц, участвующих в деле. Данные изменения в законодательстве в сфере цифровизации позволяют ускорить порядок надлежащего уведомления всех лиц и дальнейшего рассмотрения дела по существу, поскольку должно снизиться количество отложенных дел по причине неявки стороны. Отмечается, что направление электронных судебных извещений в арбитражном, гражданском и административном процессе допускается только при даче согласия участником дела на портале государственных услуг⁸. Указанная формулировка позволяет участнику процессу самостоятельно выбирать – стоит ли ему нести возможные негативные последствия, связанные с игнорированием судебных заседаний.

Следовательно, помимо перечисленных в начале очевидных положительных явлений, связанных с цифровизацией в целом, можно отдельно выделить такие изменения, как расширение процессуальных возможностей в сфере документооборота и ускоренный способ судебного извещения.

Заключение

Таким образом, можно сделать определенные выводы. В последние годы цифровизация в сфере судебной деятельности широко распространяется на практике. Преимущественно она является положительным процессом. Но, несмотря на наличие позитивных тенденций, связанных с финансовой экономией для некоторых участников процесса, внедрением современных технологий в судебную деятельность, и развитие новой формы судопроизводства, нельзя не отметить наличие некоторых пробелов. Думает-

⁷ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти: федеральный закон от 23.06.2016 № 220-ФЗ // Российская газета. 2016. 29 июня. № 140.

⁸ АПК, ГПК, КАС: на какие изменения обратить внимание в начале 2022 года. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ся, что наиболее серьезными проблемами в рамках судопроизводства и цифровизации на практике выступают: отсутствие установленного срока, необходимого для заявления ходатайства об участии в веб-конференции; влияние субъективного фактора на осуществ-

ление порядка в судебном заседании и соблюдение процессуальной формы; технические неполадки, несоблюдение процессуальных принципов; исследование и оценка свидетельских показаний.

Список источников

1. Митрофанов Н.В. Электронные доказательства в гражданском и арбитражном процессах // Актуальные проблемы гражданского, арбитражного, административного процесса, исполнительного производства и адвокатской деятельности: сб. ст. по материалам 6 Регион. науч.-практ. конф. с междунар. участием студентов, магистрантов, аспирантов и соискателей / под ред. А.Д. Золотухина. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2019. С. 345-347.
2. Кривенков А.Д., Лошкарёв А.В., Фадеев А.В. Информационные технологии в гражданском процессе. Цифровизация гражданского процесса // Modern Science. 2019. № 12-1. С. 344-348.
3. Валеев Д.Х., Нуриев А.Г. Электронный документооборот в сфере правосудия в условиях цифровой экономики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 45. С. 467-489. DOI [10.17072/1995-4190-2019-45-467-489](https://doi.org/10.17072/1995-4190-2019-45-467-489)
4. Лазарева В.В. Основные направления цифровизации судебного процесса // Актуальные проблемы права, экономики и управления: сб. материалов студенческой науч. конф., посвящ. памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, ученого-правоведа, д-ра юрид. наук, проф. М.Н. Марченко. Саратов, 2022. С. 279-282.
5. Блажеев В.В. Гражданский процесс. М.: Проспект, 2015. 736 с.
6. Гражданский процесс / под ред. М.К. Треушникова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ОАО «Изд. Дом «Городец», 2007. 784 с.
7. Талыкин Е.А. Отдельные аспекты понятия цивилистической процессуальной формы // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2016. Т. 17. № 1. С. 78-85.
8. Носенко Л.И. Рассуждения о цифровизации судебной системы и реализации принципа гласности административного судопроизводства // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2020. Т. 17. № 2. С. 28-37. DOI [10.24147/1990-5173.2020.17\(2\).28-37](https://doi.org/10.24147/1990-5173.2020.17(2).28-37)
9. Афанасьев С.Ф. К вопросу о применении дистанционных технологий по гражданским и административным делам в контексте принципов состязательности и равноправия сторон // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 1. С. 141-147. DOI [10.24412/1608-8794-2021-1-141-148](https://doi.org/10.24412/1608-8794-2021-1-141-148)
10. Максимова Д.Ф. Цифровизация гражданского судопроизводства // Актуальные вопросы юриспруденции: сб. ст. 11 Междунар. науч.-практ. конф. Пенза, 2022. С. 149-153.

References

1. Mitrofanov N.V. Elektronnyye dokazatel'stva v grazhdanskom i arbitrazhnom protsessakh [Electronic evidence in civil and arbitration proceedings]. *Sbornik statey po materialam 6 Regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem studentov, magistrantov, aspirantov i soiskateley «Aktual'nyye problemy grazhdanskogo, arbitrazhnogo, ad-ministrativnogo protsessa, ispolnitel'nogo proizvodstva i advokatskoy deyatel'nosti»* [Collection of Works Based on Materials of the 6th Regional Scientific and Practical Conference with International Participation of Students, Master's Degree Students, Post-Graduate Students and Applicants "Current Issues of Civil, Arbitration, Administrative Process, Enforcement Proceedings and Advocacy"]. Tambov, Publishing House "Derzhavinsky", 2019, pp. 345-347. (In Russian).
2. Krivenkov A.D., Loshkarev A.V., Fadeyev A.V. Informatsionnyye tekhnologii v grazhdanskom protsesse. Tsifrovizatsiya grazhdanskogo protsessa [Information technologies in civil process. Digitization of the civil process]. *Modern Science*, 2019, no. 12-1, pp. 344-348. (In Russian).
3. Valeyev D.K., Nuriyev A.G. Elektronnyy dokumentooborot v sfere pravosudiya v usloviyakh tsifrovoy ekonomiki [Electronic document flow in the field of justice in the digital economy]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskiye nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2019, no. 45, pp. 467-489. DOI [10.17072/1995-4190-2019-45-467-489](https://doi.org/10.17072/1995-4190-2019-45-467-489). (In Russian).
4. Lazareva V.V. Osnovnyye napravleniya tsifrovizatsii sudebnogo protsessa [The main directions of digitalization of the judicial process]. *Aktual'nyye problemy prava, ekonomiki i upravleniya: sbornik materialov*

- studentcheskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati zaslužennogo deyatelya nauki Rossiyskoy Federatsii, uchenogo-pravoveda, doktora yuridicheskikh nauk, professora M.N. Marchenko* [Collection of Proceedings of the Student Scientific Conference Dedicated to the Memory of the Honored Scientist of the Russian Federation, Legal Scientist, Doctor of Law, Professor M.N. Marchenko "Current Issues of Law, Economics and Management"]. Saratov, 2022, pp. 279-282. (In Russian).
5. Blazheyev V.V. *Grazhdanskiy protsess* [Civil Procedure]. Moscow, Prospekt Publ., 2015, 736 p. (In Russian).
 6. Treushnikov M.K. (ed.). *Grazhdanskiy protsess* [Civil Procedure]. Moscow, OJSC "Publishing House "Gorodets", 2007, 784 p. (In Russian).
 7. Talykin E.A. Otdel'nyye aspekty ponyatiya tsivilisticheskoy protsessual'noy formy [Certain aspects of the civil law notion of procedural forms]. *Yuridicheskiy vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta – Law Herald of Dagestan State University*, 2016, vol. 17, no. 1, pp. 78-85. (In Russian).
 8. Nosenko L.I. Rassuzhdeniya o tsifrovizatsii sudebnoy sistemy i realizatsii printsipa glasnosti administrativnogo sudoproizvodstva [Discussions on the digitalization of the judicial system and the implementation of the principle of publicity of administrative proceedings]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo – Herald of Omsk University. Series Law*, 2020, vol. 17, no. 2, pp. 28-37. DOI [10.24147/1990-5173.2020.17\(2\).28-37](https://doi.org/10.24147/1990-5173.2020.17(2).28-37). (In Russian).
 9. Afanasyev S.F. K voprosu o primeneniі distantsionnykh tekhnologiy po grazhdanskim i administrativnym delam v kontekste printsipov sostyazatel'nosti i ravnopraviya storon [On the issue of the use of distance technologies in civil and administrative cases in the context of the principles competitiveness and equality of the parties]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn' – Legal Policy and Legal Life*, 2021, no. 1, pp. 141-147. DOI [10.24412/1608-8794-2021-1-141-148](https://doi.org/10.24412/1608-8794-2021-1-141-148). (In Russian).
 10. Maksimova D.F. Tsifrovizatsiya grazhdanskogo sudoproizvodstva [Digitalization of civil proceedings]. *Sbornik statey 11 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Aktual'nyye voprosy yurisprudentsii»* [Collection of Works of the 11th International Scientific and Practical Conference "Actual Issues of Jurisprudence"]. Penza, 2022, pp. 149-153. (In Russian).

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 22.07.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 19.08.2022

Принята к публикации / Accepted for publication 21.11.2022

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ NATIONAL SECURITY

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.113

DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-4-646-656

Шифр научной специальности 5.1.1

Промышленная безопасность по законодательству Российской Федерации: теоретико-правовой анализ

© **КОВАЛЕВА Наталья Витальевна,**

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры публичного права и правового обеспечения управления, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», Российская Федерация, 109542 г. Москва, Рязанский просп., 99; главный научный сотрудник, ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России», Российская Федерация, 125993 г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8, ORCID: [0000-0003-2982-871X](https://orcid.org/0000-0003-2982-871X), doktor.kovaleva.nv@yandex.ru

© **ЗОЗУЛЯ Александр Александрович,**

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева», Российская Федерация, 196105 г. Санкт-Петербург, Московский просп., 149, ORCID: [0000-0002-6571-136X](https://orcid.org/0000-0002-6571-136X), alezozulya@mail.ru

Аннотация

Реалии современного мироустройства объективно связаны с усложнением технологических процессов: встраиванием в них специфических субъектов, использованием искусственного интеллекта и технологий искусственного интеллекта, а также расширением регламентации на все больший спектр общественных отношений. Эти факторы ориентируют на модернизацию правового регулирования в сфере защиты индустриальных объектов. Проанализированы легальные дефиниции промышленной безопасности и сформулированы объективно присутствующие сложности при выявлении ее содержательной составляющей. Рассмотрены и сгруппированы существующие в науке базовые подходы к трактовке промышленной безопасности. При формировании легального определения, наиболее полно отражающего суть изучаемой категории, предложено выделить аспекты, которые должны быть учтены при дальнейшем исследовании промышленной безопасности и совершенствовании действующего законодательства, а именно: комплекс угроз различного происхождения, совокупность охраняемых интересов и деятельность субъектов обеспечения промышленной безопасности. Предпринята попытка авторской трактовки промышленной безопасности, как специфической области общественных отношений в промышленной сфере. Упорядочивание такого рода отношений в значительной степени происходит с помощью технических норм, где неизменно присутствует более детальное регулирование сложных операций и процессов. Обращение к истории регламентации промышленного производства Российской империи позволили сде-

лать обобщения и выводы о необходимости дальнейшего изучения данной категории с целью минимизации рисков и недопущения глобальных техногенных катастроф. Понимание правовой природы промышленной безопасности может иметь значение для более эффективной регламентации сложных правоотношений в промышленном секторе экономики.

Ключевые слова:

общественные отношения, правоотношения, правовое регулирование, техническое регулирование, технические нормы, технико-юридические нормы, безопасность, промышленная безопасность, угрозы

Для цитирования

Ковалева Н.В., Зозуля А.А. Промышленная безопасность по законодательству Российской Федерации: теоретико-правовой анализ // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 4. С. 646-656. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-4-646-656](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-4-646-656)

ORIGINAL ARTICLE

DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-4-646-656](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-4-646-656)

Industrial safety under the Russian Federation legislation: theoretical and legal analysis

© Natalya V. KOVALEVA,

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Public Law and Legal Support of Management Department, The State University of Management, 99 Ryazansky Ave., Moscow 420111, Russian Federation; Chief Research Scholar, The Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 8 Zoi i Aleksandra Kosmodemyanskikh St., Moscow 125993, Russian Federation, ORCID: [0000-0003-2982-871X](https://orcid.org/0000-0003-2982-871X), doktor.kovaleva.nv@yandex.ru

© Aleksandr A. ZOZULYA,

Candidate of Law, Associate Professor of Theory and History of State and Law Department, Saint-Petersburg University State Fire Service of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters named after the Hero of the Russian Federation, Army General E.N. Zinichev, 149 Moskovskiy Ave., St. Petersburg 196105, Russian Federation, ORCID: [0000-0002-6571-136X](https://orcid.org/0000-0002-6571-136X), alezozulya@mail.ru

Abstract

The realities of the modern world order are objectively related to the complication of technological processes: the embedding of specific subjects in them, the use of artificial intelligence and artificial intelligence technologies, as well as the expansion of regulation on an ever greater range of social relations. These factors focus on the modernization of legal regulation in the field of protection of industrial facilities. We analyze the legal definitions of industrial safety and formulate the objectively present difficulties in identifying its content component. We consider and group the basic approaches to the interpretation of industrial safety existing in science. When forming a legal definition that most fully reflects the essence of the category under study, it is proposed to highlight the aspects that should be taken into account in the further study of industrial safety and improvement of the current legislation, namely: a complex of threats of various origins, a set of protected interests and activities of industrial safety ensurers. We make an attempt of the author's interpretation of industrial safety as a specific area of public relations in the industrial sphere. The streamlining of such relations to a large extent occurs with the help of technical norms, where there is invariably a more detailed regulation of complex operations and processes. An appeal to the history of the regulation of industrial production in the Russian Empire made it possible to draw generalizations and conclusions about the need for further study of this category in order to minimize risks and prevent global man-made disasters. Understanding the legal nature of industrial safety can be important for more effective regulation of complex legal relations in the industrial sector of the economy.

Keywords

social relations, legal relations, legal regulation, technical regulation, technical standards, technical and legal standards, safety, industrial safety, threats

For citation

Kovaleva N.V., Zozulya A.A. Promyshlennaya bezopasnost' po zakonodatel'stvu Rossiyskoy Federatsii: teoretiko-pravovoy analiz [Industrial safety under the Russian Federation legislation: theoretical and legal analysis]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2022, vol. 6, no. 4, pp. 646-656. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-4-646-656](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-4-646-656) (In Russian, Abstr. in Engl.)

Введение

Происходящие в мире процессы ориентируют Россию на более интенсивное импортозамещение, а также более качественное развитие индустриального сектора экономики страны. В сфере промышленного производства это объективировалось ускоренными темпами модернизации существующих и созданием новых предприятий в большинстве высокотехнологичных областей экономики, что закономерно порождает новые риски техногенного характера.

Обращение к истории права позволяет отметить, что следствием подобного скачкообразного развития индустрии является актуализация вопросов правового обеспечения защиты производственных объектов от разнообразных угроз. Примечательно в этом аспекте законодательство Российской империи XIX – начала XX века, когда процессы формирования промышленного производства закономерно вызвали особое внимание со стороны государства, прежде всего в вопросах регулирования создания и размещения промышленных заведений [1, с. 9]. В качестве примера законодательного регулирования в области промышленной безопасности¹ этого периода можно привести «Правила об устройстве и содержании заводов для приготовления взрывчатых веществ, кроме обыкновенного селитряного пороха, и о надзоре за производством в них работ»².

Относительно регламентации условий безаварийного производства в настоящее время справедливо отмечается, что «нормативная правовая база, частично состоящая из подзаконных нормативных правовых актов, принятых до 1990 года, не соответствует за-

просам современной экономики и выступает искусственной преградой для развития предпринимательской деятельности» [2, с. 115]. Таким образом, вызванная новой экономической реальностью необходимость совершенствования правового обеспечения в рассматриваемой сфере обуславливает актуальность и практическую значимость исследования всего комплекса средств, связанных с этим вопросом, где особое место занимает формирование понятийно-терминологического аппарата.

Справедливо подчеркивается, что обеспечение защищенности «в разных сферах деятельности человека, общества и государства должно базироваться не только на эмпирическом опыте, но и, что немаловажно, на надежной теоретической основе» [3, с. 134]. В этом смысле значительным эвристическим потенциалом в обозначенной предметной области обладает методологический подход, основанный на анализе современных представлений о промышленной безопасности как отдельном направлении обеспечения национальной безопасности.

Результаты исследования**1. Легальные определения промышленной безопасности**

Регламентации отношений в области промышленного производства, включая аспекты защиты от разнообразных угроз, всегда уделялось значительное внимание. Уже в начале XIX века в Российской империи были введено множество норм, направленных на безопасное осуществление работ и процессов на производстве (см. подробнее: [4]).

На современном этапе развития общества техногенные катастрофы уносят множество жизней, наносят непоправимый вред природе, а мероприятия по восстановлению требуют значительных ресурсов (см., например: [5]). В этой связи изучение вопросов промышленной безопасности становится особенно актуальным, где разработке новых регуляторов с целью упорядочивания сложющихся общественных отношений

¹ Стоит подчеркнуть условность ретроспективного применения термина «промышленная безопасность», поскольку в рассматриваемый период он не использовался для обозначения отношений, связанных с минимизацией рисков техногенного характера (прим. авторов).

² Устав о промышленности фабрично-заводской и ремесленной // СЗРИ. СПб., 1913. Т. XI. Ч. 2. Ст. 207.

должно уделяться особое внимание, равно как и совершенствованию уже действующих нормативных правовых актов.

Обоснованный в юридической науке системный подход к регламентации деятельности в обозначенной сфере [6, с. 23] предполагает эффективное использование всех, в том числе юридических, средств. Следует подчеркнуть, что обязанность государства по обеспечению промышленной безопасности юридическими средствами берет свое начало именно в праве, например, в международном. Так, пункт 4 статьи 3 Конвенции о трансграничном воздействии промышленных аварий предписывает государствам-участникам принимать *«соответствующие законодательные, регулирующие, административные и финансовые меры в целях предотвращения аварий, обеспечения готовности к ним и ликвидации их последствий»*³. В Соглашении о сотрудничестве в области обеспечения промышленной безопасности на опасных производственных объектах отмечается необходимость формирования общих подходов и принципов правового регулирования (статья 2)⁴. Таким образом, защита от угроз, связанных с индустриальным производством, не может быть обеспечена вне права, поскольку реализация функций государства в этой сфере должна базироваться на грамотно сформированном балансе прав и обязанностей в структуре данных правоотношений. Выработка легальных определений для регламентации отношений, связанных с обеспечением промышленной безопасности, должна составить основу законодательства в этой области.

В некодифицированных нормативных правовых актах легальные дефиниции традиционно представлены в начальных статьях, содержащих основные понятия и терми-

ны регулируемой сферы. Высказано мнение *«о функционально-ролевой эквивалентности наименований юридический термин и юридическое понятие»* [7, с. 209], в то же время юридическая наука традиционно разграничивает «термин» и «понятие», воспринимая последнее в его философском значении – как отражение меняющихся явлений объективной действительности [8, с. 35].

Занимая ключевое место в понятийно-категориальном аппарате соответствующих актов, исследуемое понятие⁵ не случайно представлено легальными дефинициями, закрепленными действующим законодательством Российской Федерации. В статье 1 Федерального закона «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» от 21 июля 1997 г. № 116-ФЗ (далее по тексту – Закон) говорится о *«состоянии защищенности жизненно важных интересов личности и общества от аварий на опасных производственных объектах и последствий указанных аварий»*⁶. Подпункт «б» пункта 2 Основ государственной политики Российской Федерации в области промышленной безопасности (далее по тексту – Основы) дает следующую дефиницию – *«определяемое комплексом технических и организационных мер состояние защищенности промышленного объекта, которое характеризуется стабильностью параметров технологического процесса и исключением (сведением к минимуму) опасности возникновения аварии или инцидента, а в случае их возникновения – отсутствием опасности воздействия на людей опасных и вредных факторов и угрозы причинения вреда имуществу юридических и физических лиц, государственному или муниципальному*

³ О принятии Конвенции о трансграничном воздействии промышленных аварий: постановление Совета Министров – Правительства РФ от 04.11.1993 № 1118 // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1993. № 45. Ст. 4346.

⁴ Соглашение о сотрудничестве в области обеспечения промышленной безопасности на опасных производственных объектах (Москва, 28 сент. 2001 г.) (действ. ред. с учетом изм. и доп.) // Официальный интернет-портал правовой информации. 2017. 17 авг. № 0001201708170014. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 27.06.2022).

⁵ Столь емкое понятие «промышленная безопасность» может быть рассмотрено в качестве категории, отражающей широкий спектр включенных в нее общественных отношений (прим. авторов).

⁶ Необходимо отметить, что данное определение воспроизводит дефиницию, закрепленную в статье 1 Модельного закона СНГ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» (принят постановлением на десятом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 6.12.1997 № 10-5). URL: <https://base.garant.ru/2569032/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/> (дата обращения: 27.06.2022).

имуществу»⁷. Очевидно, что разница достаточно существенная, так как приведенные варианты отличаются по объекту защиты: в первом случае это интересы субъектов, а во втором – промышленные объекты.

Следует обратить внимание и на иные отличия в анализируемых определениях. Так, дефиниция Закона в некотором смысле отражает статику, представляя промышленную безопасность как некое состояние, в то же время в Основах подчеркивается динамический аспект, поскольку обозначенное состояние обусловлено деятельностью – комплексом технических и организационных мер. В отличие от дефиниции закона, Основы не содержат указания на опасные производственные объекты. Кроме того, дефиниция Основ расширяет перечень угроз (помимо аварий указаны инциденты) и конкретизирует охраняемые интересы – жизнь и здоровье людей, и также имущество всех форм собственности.

Изложенное выше позволяет отметить, что легальные понятийные конструкции вызывают определенные вопросы относительно их конгруэнтности. Исключая различия в используемой юридической технике и принимая во внимание значительный временной интервал между вступлением в силу этих норм, можно предположить, что указанная дуальность легальных дефиниций отчасти является следствием изменившихся общественно-политических, экономических и технологических условий. Как результат – наличие «дефектов неопределенности и несогласованности» [9, с. 3] на уровне норм-дефиниций, значение которых трудно переоценить, поскольку они закладывают основы регламентации общественных отношений. Таким образом, приходится констатировать, что на современном этапе нет единого подхода к формированию рассматриваемого понятия.

2. Разнообразие дефиниций

По одной из современных трактовок, выходящих за рамки легальных дефиниций,

⁷ Об Основах государственной политики Российской Федерации в области промышленной безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу: Указ Президента Российской Федерации от 06.05.2018 № 198 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 20. Ст. 2815.

промышленная безопасность есть «совокупность опосредованных опасными производственными объектами общественных отношений, регулируемых системой юридических и технических норм в целях предотвращения, локализации и ликвидации условий и факторов, создающих потенциальную или реальную опасность жизненно важным интересам личности, обществу и государству» [10, с. 34]. В этом развернутом определении примечателен акцент на общественные отношения, однако утверждение об их опосредованности средствами производства выглядит в определенной мере спорным.

Достаточно удачным представляется мнение, что промышленная безопасность «представляет состояние защищенности от аварий и инцидентов... обеспеченное системой норм, стандартов и требований в различных отраслях промышленной, производственной или хозяйственной деятельности» [11, с. 7], где подчеркивается ее правовой характер. Предлагается различать использование рассматриваемого понятия в «общеупотребительном смысле», включающем защиту «самых производственных объектов от внешнего воздействия на них», и в юридическом смысле, подразумевающем защищенность «от опасных производственных объектов предметов окружающей среды в случае выхода этих объектов из строя» [12, с. 97]. В практическом аспекте промышленная безопасность определяется таким состоянием «промышленного объекта или системы, при котором, с определенной долей вероятности, опасность не может реализоваться или проявиться в полной мере, благодаря специально разработанным и выполняемым мероприятиям» [13, с. 14].

На уровне подзаконных нормативных правовых актов также присутствует разнообразие в подходах к определению промышленной безопасности. Так, Методические указания Горгостехнадзора РД 09-167-97 примечательны акцентом на «комплекс технических и организационных мер», а также конкретизацией объектов защиты – люди и материальные ценности (пункт 13 Приложения 2)⁸. В Правилах безопасности при

⁸ Об утверждении «Методических указаний по организации и осуществлению надзора за конструиро-

строительстве подземных сооружений дано следующее определение промышленной безопасности – *«состояние защищенности работающих, населения, природной среды, зданий и сооружений при производстве работ»* (раздел «Термины и определения»)⁹. Таким образом, определяемые отношения в большей части сведены к обеспечению безопасных условий труда. Схожее определение присутствует в стандарте СТО 36554501-003-2006¹⁰, где рассматриваемое понятие представлено как *«состояние условий производства, перевозки, хранения, комплектации, монтажа и утилизации комплекта конструкций и изделий, условий эксплуатации здания, при котором отсутствует недопустимый риск причинения вреда жизни или здоровью людей и нанесения ущерба имуществу»* (статья 3 «Основные термины и определения»).

Ранее действовавший ГОСТ 22.0.05-97/ГОСТ Р 22.0.05-94 содержал определение промышленной безопасности в чрезвычайных ситуациях – *«состояние защищенности населения, производственного персонала, объектов народного хозяйства и окружающей природной среды от опасностей, возникающих при промышленных авариях и катастрофах в зонах чрезвычайной ситуации»* (пункт 3.2.5)¹¹. В данном случае была принята попытка определить специфику

ванием и изготовлением оборудования для опасных производственных объектов в химической, нефтехимической и нефтеперерабатывающей промышленности»: Приказ Госгортехнадзора РФ от 19.12.1997 № 221. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17470/

⁹ Об утверждении Правил безопасности при строительстве подземных сооружений: Постановление Госгортехнадзора РФ от 02.11.2001 № 49 // Нормативные документы межотраслевого применения по вопросам промышленной безопасности и охраны недр. Сер. 03, вып. 12. М.: ГУП «НТЦ по безопасности в промышленности Госгортехнадзора РФ», 2002. Документ действовал до 31.12.2020. Действие отменено на основании Федерального закона от 31.07.2020 № 247-ФЗ.

¹⁰ СТО 36554501-003-2006 Деревянные клееные конструкции несущие. Общие технические требования / ФГУП «НИЦ «Строительство». М.: ФГУП ЦПП, 2006. 24 с.

¹¹ ГОСТ 22.0.05-97/ГОСТ Р 22.0.05-94. Межгосударственный стандарт. Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Техногенные чрезвычайные ситуации. Термины и определения (утв. и введен в действие Постановлением Госстандарта России от 16.04.1998 № 122).

промышленной безопасности в зависимости от непроизводственных факторов, поскольку она обусловлена не характеристикой технологических процессов, как в представленных выше вариантах, а защищенностью от внешних воздействий. Примечательно, что разработчиками нового варианта аналогичного ГОСТа не выработано отдельного определения промышленной безопасности для чрезвычайных ситуаций, а воспроизводится содержащееся в законе (пункт 35 статьи 2)¹².

Приведенные выше положения позволяют говорить, что современные трактовки промышленной безопасности отражают различные подходы к пониманию столь многопланового явления, вызывают дискуссию. Это в свою очередь указывает на необходимость нового этапа теоретико-правовых исследований в обозначенной предметной области.

3. Юридическая природа промышленной безопасности

В юридической науке последнего десятилетия уделялось особое внимание вопросам защищенности промышленных объектов, которые преимущественно рассматривались в проекции национальной безопасности. Результаты этимологических изысканий в этом направлении, как правило, сводят понятие безопасности к отсутствию опасности или к защищенности от опасностей [14, с. 16]. Имеющееся разнообразие трактовок правовой природы безопасности можно представить тремя основными подходами, условно обозначенными в рамках настоящей статьи как риск-ориентированный, объектоцентристский и динамический.

Риск-ориентированный подход предполагает, что природа промышленной безопасности определяется комплексом угроз *«техногенно-производственного, природно-экологического и антропогенно-социального характера»* [10, с. 22], которые могут иметь место в процессе промышленного производства и обуславливают направления деятельности по защите охраняемых интересов. В частности указывалось, что *«в основе приро-*

¹² ГОСТ Р 22.0.05-2020. Национальный стандарт Российской Федерации. Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Техногенные чрезвычайные ситуации. Термины и определения (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 11.09.2020 № 644-ст).

ды промышленной безопасности находятся именно риски и их надлежащая и своевременная оценка, поскольку именно оценка возможных последствий от деятельности, обусловленной продуманным и запланированным риском, является регулятором допустимого поведения рабочего персонала и технологических процессов» [10, с. 28]. Опасность, угроза рассматривались как базовые категории национальной безопасности [15]. Применительно к индустриальному производству анализируются источники опасностей, проводится их классификация. Выделяют, в том числе, виртуальные риски, поскольку «проблематика и угрозы виртуального пространства несут весомую угрозу для практической (реальной) жизнедеятельности и функционирования общества и государства» [16, с. 163], что вполне справедливо и для сферы промышленного производства.

Объектоцентристский подход характеризуется акцентом на том или ином объекте защиты – определенной совокупности интересов личности, общества и государства, потенциально подверженных риску причинения ущерба вследствие обозначенных выше угроз. В законодательной дефиниции такой объект обозначен предельно широко – «жизненно важные интересы личности и общества», что представляется не вполне удачным, так как охватывается неопределенный круг общественных отношений. По критерию защищаемых интересов промышленная безопасность может сводиться к обеспечению безопасности труда – защищенности персонала от воздействия опасных производственных факторов¹³, к производственной безопасности [17, с. 10] или рассматриваться как составная часть национальной безопасности [11, с. 7]. Отдельно устанавливается, что потенциальный вред охраняемым интересам не должен превышать заданный (директивно-установленный) уровень [18, с. 321].

¹³ United Nations Industrial Development Organization, 2019. International Conference on Ensuring Industrial Safety: The Role of Government, Regulations, Standards and New Technologies. Vienna, 2019. P. 1. URL: <https://www.unido.org/sites/default/files/files/2020-01/International%20Conference%20on%20Ensuring%20Industrial%20Safety.pdf> (accessed: 01.06.2022).

При динамическом подходе природа промышленной безопасности проявляется в общественных отношениях, обеспечивающих согласованное и эффективное взаимодействие государства, общества и личности, направленное на предупреждение и предотвращение опасности или угрозы [10, с. 21]. Основой ее предлагается считать деятельность – систему «мероприятий, направленных на создание определенных безопасных условий» [19, с. 14].

В качестве обобщения можно предположить, что каждый из указанных выше подходов отражает определенный компонент содержания промышленной безопасности, включающий в себя: угрозы социально значимым интересам в процессе индустриального производства; комплекс охраняемых законом индивидуальных и общественных интересов как потенциальных объектов угроз; меры правового, организационного и материально-технического характера, направленные на достижение заданного уровня защищенности социальных интересов. При этом содержание правоотношений в рассматриваемой сфере целесообразно определить как обязанности соответствующих субъектов по обеспечению защищенности индивидуальных и общественных интересов от обозначенных выше угроз, и корреспондирующие им права.

Представляется, что вопрос правовой природы промышленной безопасности может быть частично решен исходя из следующего: ее юридическое содержание определяется не потенциальными рисками техногенного, природного и антропогенного характера, а совокупностью социальных интересов, которые должны быть защищены юридическими средствами. Данная позиция позволяет определить правовую природу с учетом социальных и юридических критериев. К таким критериям следует отнести интересы общества, индивидуальных и коллективных субъектов, защиту которых от указанных выше угроз обеспечивает государство посредством нормативного регулирования и применения права. В этом смысле содержание безопасности определяется в том числе уровнем правового регулирования ее обеспечения [20, с. 47].

Обозначенное выявляет специфику правового регулирования в рассматриваемой сфере, которая во многом определяется объективными тенденциями *«слияния систем управления технологическими процессами и организационного управления в некие объединенные системы управления»* [21, с. 20].

Обеспечение обороны страны и безопасности государства – одна из законодательно закреплённых целей стандартизации в технологической сфере (подпункт 4 пункта 1 статьи 3 Федерального закона «О стандартизации в Российской Федерации») ¹⁴. В Федеральном законе «О техническом регулировании» безопасность не обозначена в качестве его цели, она предполагается. Подтверждением этому являются технические регламенты, принимаемые в соответствии с названным законом, имеющие своей целью обеспечение защиты *«жизни или здоровья граждан, имущества физических или юридических лиц, государственного или муниципального имущества; охрану окружающей среды, жизни или здоровья животных и растений»* ¹⁵.

Изучение промышленной безопасности как некоей динамической системы, элементы которой в равной степени относятся к технической и социальной сферам, ориентирует на комплексный, междотраслевой характер правового регулирования рассматриваемых отношений. Обоснованно отмечается, что *«возможность «использования» технико-юридических норм в различных сферах деятельности указывает на процесс «взаимопроникновения» отраслей права и законодательства, не исключая процесс их некоего наложения, возможно, и совпадения»* [21, с. 21]. Подтверждение этому есть в Основах, которые причисляют к источникам опасности аварии и чрезвычайные ситуации вслед-

ствие террористических актов (пункт 9) ¹⁶. Этот же документ среди приоритетных направлений государственной политики в рассматриваемой сфере называет усиление защиты промышленных объектов от террористических угроз (подпункт «в» пункта 16). Таким образом, государственная политика относит к угрозам в сфере промышленной безопасности не только факторы техногенного и природного характера, что свойственно традиционному подходу, но и опасности социального происхождения.

Заключение

Изложенное выше позволяет наметить некоторые обобщения, которые могут стать предметом дальнейшего более детального исследования с целью совершенствования действующего законодательства.

Правовая природа промышленной безопасности определяется специфическими характеристиками, детальное изучение которых требуют реалии современного мироустройства: усложнение технологических процессов, встраивание в них специфических субъектов, нередко сложно идентифицируемых, а также использование искусственного интеллекта и технологий искусственного интеллекта, где цифровизация затрагивает в той или иной мере значительную часть общественных процессов.

В законодательстве Российской Федерации на современном этапе существует определение промышленной безопасности, которое может быть скорректировано и дополнено с учетом имеющихся научных разработок. Обозначены легальные определения промышленной безопасности, а проведенный анализ позволил определить специфику данной категории, выявить его признаки и особенности. Сформулированные подходы к ее изучению могут стать основой для дальнейших теоретических исследований и совершенствования действующего законодательства.

¹⁴ О стандартизации в Российской Федерации: федеральный закон от 29.06.2015 № 162-ФЗ (действ. ред. с учетом изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 27. Ст. 3953.

¹⁵ О техническом регулировании: федеральный закон от 27.12.2002 № 184-ФЗ (действ. ред. с учетом измен. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 52 (ч. I). Ст. 5140.

¹⁶ Об Основах государственной политики Российской Федерации в области промышленной безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу: Указ Президента Российской Федерации от 06.05.2018 № 198 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 20. Ст. 2815.

Список источников

1. Ковалева Н.В. Техничко-юридическое регулирование размещения, строительства и реконструкции промышленных заведений по законодательству Российской империи XIX – начала XX века // История государства и права. 2012. № 1. С. 9-14.
2. Ковалева Н.В., Немченко С.Б., Шенишин В.М. Регламентация контрольно-надзорной деятельности при обеспечении промышленной безопасности в ходе реализации «регуляторной гильотины» // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 113-117.
3. Арзамасов Ю.Г. Д.В. Ирошников. Безопасность как правовая категория // Государство и право. 2019. № 8. С. 133-137. DOI [10.31857/S013207690006255-2](https://doi.org/10.31857/S013207690006255-2)
4. Ковалева Н.В. Техничко-юридическое регулирование опасных производств в Российской империи (XIX – начала XX в.) // Журнал российского права. 2011. № 3. С. 94-102.
5. Сегаль М.Д. Экологические последствия крупных радиационных аварий и совершенствование российской политики безопасности атомной энергетики // Актуальные проблемы Европы. 2014. № 1. С. 112-129.
6. Ковалева Н.В. Системный подход к регламентации обеспечения безопасности жизнедеятельности в современном мире // Организационно-правовое регулирование безопасности жизнедеятельности в современном мире: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Э.Н. Чижилова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та ГПС МЧС России, 2016. С. 22-24.
7. Батюшкина М.В. Юридическое понятие и юридический термин: особенности соотношения и определений (на материале российских законов) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1. С. 207-215. DOI [10.21603/2078-8975-2020-22-1-207-215](https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-207-215)
8. Абрамова А.И. Правовые понятия в общем цикле развития российского законодательства // Журнал российского права. 2017. № 11. С. 34-42. DOI [10.12737/article_59f067bf2fb468.89553258](https://doi.org/10.12737/article_59f067bf2fb468.89553258)
9. Тихомирова Л.А. Дефекты нормотворчества в области промышленной безопасности: сложности правоприменения. URL: <https://base.garant.ru/57232455/> (дата обращения: 01.06.2022).
10. Аверин М.С. Административный надзор в области промышленной безопасности в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 151 с.
11. Кутыин Н.Г. Административно-правовой режим промышленной безопасности опасных производственных объектов в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. 39 с.
12. Кутыин Н.Г., Капинус Н.И. Основные дефиниции Федерального закона «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 3. С. 96-100.
13. Хоменко А.О. Промышленная безопасность. Электронный образовательный текстовый ресурс. Екатеринбург: УрФУ, 2018. 283 с. URL: <https://study.urfu.ru/Aid/Publication/13785/1/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%BC%D1%8B%D1%88%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D0%91%D0%B5%D0%B7%D0%BE%D0%BF%D0%B0%D1%81%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C%202018.pdf> (дата обращения: 01.06.2022).
14. Ирошников Д.В. Безопасность как правовая категория. М.: Юрид. ин-т РУТ (МИИТ), 2019. 224 с.
15. Зеленков М.Ю. Опасность, угроза – базовые категории теории национальной безопасности // Национальная безопасность / nota bene. 2015. № 1 (36). С. 32-47. DOI [10.7256/2073-8560.2015.1.14220](https://doi.org/10.7256/2073-8560.2015.1.14220)
16. Парамонов А.В., Харин В.В. Некоторые аспекты обеспечения национальной безопасности в информационной сфере // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 17. С. 161-170. DOI [10.20310/2587-9340-2021-5-17-161-170](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-17-161-170)
17. Производственная безопасность: учебно-методическое пособие для студентов направления подготовки «Техносферная безопасность» и специальности «Безопасность жизнедеятельности», специализация «Экологическая безопасность и охрана труда» / сост.: Н.Ф. Двойнова, С.В. Абрамова, З.Ф. Кривуца. Южно-Сахалинск: Изд-во СахГУ, 2014. 260 с.
18. Гуменюк В.И., Кармишин А.М., Киреев В.А. Проблемные вопросы промышленной безопасности // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. 2013. № 3 (178). С. 320-324.
19. Пасичник В.Н. Категория «безопасность» как методологическая основа государственной политики и управления национальной безопасностью // Вестник государственного и муниципального управления. 2013. № 3. С. 11-21.
20. Чапчиков С.Ю. Концептуальные основания национальной безопасности и механизм ее обеспечения: теоретико-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. Курск, 2018. 414 с.
21. Ковалева Н.В. Социальное и технико-юридическое регулирование в обществе // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 4 (86). С. 18-24.

References

1. Kovaleva N.V. Tekhniko-yuridicheskoye regulirovaniye razmeshcheniya, stroitel'stva i rekonstruktsii promyshlennykh zavedeniy po zakonodatel'stvu Rossiyskoy imperii XIX – nachala XX veka [Technical and legal regulation of the placement, construction and reconstruction of industrial establishments under the legislation of the Russian Empire in the 19th – early 20th centuries]. *Istoriya gosudarstva i prava – History of State and Law*, 2012, no. 1, pp. 9-14. (In Russian).
2. Kovaleva N.V., Nemchenko S.B., Shenshin V.M. Reglamentatsiya kontrol'no-nadzornoy deyatelnosti pri obespechenii promyshlennoy bezopasnosti v khode realizatsii «regulyatornoy gil'otiny» [Regulation of control and supervisory activities in ensuring industrial safety during the implementation of the “regulatory guillotine”]. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti – Vestnik of Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 1, pp. 113-117. (In Russian).
3. Arzamasov Y.G. D.V. Iroshnikov. Bezopasnost' kak pravovaya kategoriya [D.V. Iroshnikov. Safety as a legal category]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*, 2019, no. 8, pp. 133-137. DOI [10.31857/S013207690006255-2](https://doi.org/10.31857/S013207690006255-2). (In Russian).
4. Kovaleva N.V. Tekhniko-yuridicheskoye regulirovaniye opasnykh proizvodstv v Rossiyskoy imperii (XIX – nachala XX v.) [Technical legal regulation of dangerous manufacturing in the Russian Empire (19th – early 20th century)]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*, 2011, no. 3, pp. 94-102. (In Russian).
5. Segal M.D. Ekologicheskiye posledstviya krupnykh radiatsionnykh avariya i sovershenstvovaniye rossiyskoy politiki bezopasnosti atomnoy energetiki [Ecological consequences of large – scalaradiation accidents and improving Russian policy of atomic energy objects safety]. *Aktual'nyye problemy Evropy – Current Problems of Europe*, 2014, no. 1, pp. 112-129. (In Russian).
6. Kovaleva N.V. Sistemnyy podkhod k reglamentatsii obespecheniya bezopasnosti zhiznedeiatel'nosti v sovremennom mire [A systematic approach to the regulation of life safety in the modern world]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Organizatsionno-pravovoye regulirovaniye bezopasnosti zhiznedeiatel'nosti v sovremennom mire»* [Proceedings of the International Scientific and Practical Conference “Organizational and Legal Regulation of Life Safety in the Modern World”]. St. Petersburg, Saint-Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia Publ., 2016, pp. 22-24. (In Russian).
7. Batyushkina M.V. Yuridicheskoye ponyatiye i yuridicheskyy termin: osobennosti sootnosheniya i opredeleniy (na materiale rossiyskikh zakonov) [Legal concept and legal term: specificity of the correlation and definitions (based on Russian laws)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, 2020, vol. 22, no. 1, pp. 207-215. DOI [10.21603/2078-8975-2020-22-1-207-215](https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-207-215). (In Russian).
8. Abramova A.I. Pravovyye ponyatiya v obshchem tsikle razvitiya rossiyskogo zakonodatel'stva [Legal concepts in the general cycle of development of the Russian legislation]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*, 2017, no. 11, pp. 34-42. DOI [10.12737/article_59f067bf2fb468.89553258](https://doi.org/10.12737/article_59f067bf2fb468.89553258). (In Russian).
9. Tikhomirova L.A. Defekty normotvorchestva v oblasti promyshlennoy bezopasnosti: slozhnosti pravoprimereniya [Defects In Rule-Making in the Field of Industrial Safety: Difficulties in Law Enforcement]. (In Russian). Available at: <https://base.garant.ru/57232455/> (accessed 01.06.2022).
10. Averin M.S. *Administrativnyy nadzor v oblasti promyshlennoy bezopasnosti v Rossiyskoy Federatsii: dis. ... kand. yurid. nauk* [Administrative Supervision in the Field of Industrial Safety in the Russian Federation. Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2015, 151 p. (In Russian).
11. Kutin N.G. *Administrativno-pravovoy rezhim promyshlennoy bezopasnosti opasnykh proizvodstvennykh ob'yektov v Rossiyskoy Federatsii: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Administrative and Legal Regime of Industrial Safety of Hazardous Production Facilities in the Russian Federation. Dr. jurid. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2013, 39 p. (In Russian).
12. Kutin N.G., Kapinus N.I. Osnovnyye definitsii Federal'nogo zakona «O promyshlennoy bezopasnosti opasnykh proizvodstvennykh ob'yektov» [The main definitions of the Federal Law “On industrial safety of hazardous production facilities”]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2012, no. 3, pp. 96-100. (In Russian).
13. Khomenko A.O. *Promyshlennaya bezopasnost'. Elektronnyy obrazovatel'nyy tekstovyy resurs* [Industrial Safety. Electronic Educational Text Resource]. Yekaterinburg, Ural Federal University publ., 2018, 283 p. (In Russian). Available at: <https://study.urfu.ru/Aid/Publication/13785/1/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%BC%D1%8B%D1%88%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D0%91%D0%B5%D0%B7%D0%BE%D0%BF%D0%B0%D1%81%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C%202018.pdf> (accessed 01.06.2022).

14. Iroshnikov D.V. *Bezopasnost' kak pravovaya kategoriya* [Security as a Legal Category]. Moscow, Law Institute of Russian University of Transport (MIIT) Publ., 2019, 224 p. (In Russian).
15. Zelenkov M.Y. *Opasnost', ugroza – bazovyye kategorii teorii natsional'noy bezopasnosti* [Danger, threat – the basic categories of the theory of national security]. *Natsional'naya bezopasnost' / nota bene – National Security / nota bene*, 2015, no. 1 (36), pp. 32-47. DOI [10.7256/2073-8560.2015.1.14220](https://doi.org/10.7256/2073-8560.2015.1.14220). (In Russian).
16. Paramonov A.V., Kharin V.V. *Nekotoryye aspekty obespecheniya natsional'noy bezopasnosti v informatsionnoy sfere* [Some aspects of ensuring national security in the information sphere]. *Aktual'nyye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2021, vol. 5, no. 17, pp. 161-170. DOI [10.20310/2587-9340-2021-5-17-161-170](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-17-161-170). (In Russian).
17. Dvoynova N.F., Abramova S.V., Krivutsa Z.F. (compilers). *Proizvodstvennaya bezopasnost': uchebno-metodicheskoye posobiye dlya studentov napravleniya podgotovki «Tekhnosferная bezopasnost'» i spetsial'nosti «Bezopasnost' zhiznedeyatel'nosti», spetsializatsiya «Ekologicheskaya bezopasnost' i okhrana truda»* [Industrial Safety: Educational and Methodological Manual for Students of the Direction of Training “Technospheric Safety” and the Specialty “Life Safety”, Specialization “Environmental Safety and Labor Protection”]. Yuzhno-Sakhalinsk, Sakhalin State University Publ., 2014, 260 p. (In Russian).
18. Gumenyuk V.I., Karmishin A.M., Kireyev V.A. *Problemy promyshlennoy bezopasnosti* [Problem issues of industrial safety]. *Nauchno-tekhnicheskiye vedomosti Cankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta – St. Petersburg State Polytechnical University Journal*, 2013, no. 3 (178), pp. 320-324. (In Russian).
19. Pasichnik V.N. *Kategoriya «bezopasnost'» kak metodologicheskaya osnova gosudarstvennoy politiki i upravleniya natsional'noy bezopasnost'yu* [Category “security” as a methodological basis of state policy and management of national security]. *Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya – Journal of Public and Municipal Administration*, 2013, no. 3, pp. 11-21. (In Russian).
20. Chapchikov S.Y. *Kontseptual'nyye osnovaniya natsional'noy bezopasnosti i mekhanizm eye obespecheniya: teoretiko-pravovoye issledovaniye: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Conceptual Foundations of National Security and the Mechanism of Its Provision: Theoretical and Legal Research. Dr. jurid. sci. diss.]. Kursk, 2018, 414 p. (In Russian).
21. Kovaleva N.V. *Sotsial'noye i tekhniko-yuridicheskoye regulirovaniye v obshchestve* [Social and technical-legal regulation in society]. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of Ufa Law Institute*, 2019, no. 4 (86), pp. 18-24. (In Russian).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Authors declare no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 10.07.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 14.09.2022

Принята к публикации / Accepted for publication 21.11.2022

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.15

DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-4-657-665

Шифр научной специальности 5.1.1

Теоретико-правовые аспекты соблюдения прав пациентов в современных условиях

© ХАПЧАЕВ Султан Таласович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин, Краснодарский университет МВД Российской Федерации, Ставропольский филиал, Российская Федерация, 355047 г. Ставрополь, просп. Кулакова, 43, ORCID: [0000-0002-8677-5207](https://orcid.org/0000-0002-8677-5207), hapchaev82@yandex.ru

Аннотация

Обоснование темы заключается в том, что в вопросах обеспечения прав пациентов и в целом в вопросах здравоохранения накопился ряд проблем, требующих скорейшего решения. Многие из них не могут быть решены без существенной модернизации либо смены существующей организационной, финансовой и правовой модели оказания медицинской помощи. Предмет исследования выражается в совокупности общественных отношений, возникающих в сфере реализации гражданами права на доступную и квалифицированную медицинскую помощь. Цель исследования – обосновать идею о том, что отечественная система здравоохранения нередко оказывается не в состоянии выполнять свои обязательства и обеспечивать пациентам фактически необходимый объем медицинской помощи, причем на качественном уровне. Методы представленного исследования включают в себя традиционный набор научных средств познания: анализ, индукция, дедукция, синтез, аналогия, абстрагирование и др. Результаты исследования нашли отражение в тезисах автора о том, что реформирование отечественной системы здравоохранения по представленным в статье направлениям (повышение доступности медицинских услуг, развитие информационных технологий и телемедицины, контроль над финансированием, борьба с коррупционными проявлениями, реформирование нормативно-правовой базы и т. д.) напрямую определяют эффективность реализации прав пациентов. Содержащиеся в данном исследовании положения могут быть использованы в качестве материала для дальнейших научных разработок, а также в практической деятельности, направленной на совершенствование действующего законодательства в сфере защиты прав пациентов.

Ключевые слова

здравоохранение, пациент, принципы, медицинская помощь, законодательство, пандемия COVID-19

Для цитирования

Хапчаев С.Т. Теоретико-правовые аспекты соблюдения прав пациентов в современных условиях // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 4. С. 657-665. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-4-657-665](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-4-657-665)

Theoretical and legal aspects of observance of the rights of patients in modern conditions

© Sultan T. KHAPCHAEV,

Candidate of Law, Associate Professor of State and Civil Law Disciplines Department, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Stavropol Branch, 43 Kulakova Ave., Stavropol 355047, Russian Federation, ORCID: [0000-0002-8677-5207](https://orcid.org/0000-0002-8677-5207), hapchaev82@yandex.ru

Abstract

The substantiation of the topic lies in the fact that a number of problems have accumulated in matters of ensuring the rights of patients and in general in healthcare issues that need to be addressed as soon as possible. Many of them cannot be solved without a significant modernization or change in the existing organizational, financial and legal model of medical care. The subject of the study is expressed in the totality of social relations that arise in the sphere of citizens' realization of the right to affordable and qualified medical care. The purpose of the study is to substantiate the idea that the domestic healthcare system is often unable to fulfill its obligations and provide patients with the actually necessary amount of medical care, and at a qualitative level. The methods of the presented research include the traditional set of scientific means of cognition: analysis, induction, deduction, synthesis, analogy, abstraction, etc. services, the development of information technology and telemedicine, control over funding, the fight against corruption, reforming the legal framework, etc.) directly determine the effectiveness of the implementation of patients' rights. The provisions contained in this study can be used as material for further scientific developments, as well as in practical activities aimed at improving the current legislation in the field of protecting the rights of patients.

Keywords

healthcare, patient, principles, medical care, legislation, COVID-19 pandemic

For citation

Khapchaev S.T. Teoretiko-pravovyye aspekty soblyudeniya prav patsiyentov v sovremennykh usloviyakh [Theoretical and legal aspects of observance of the rights of patients in modern conditions]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2022, vol. 6, no. 4, pp. 657-665. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-4-657-665](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-4-657-665) (In Russian, Abstr. in Engl.)

Введение. Постановка проблемы

Медицина в современном мире (независимо от проводимых реформ и наличия/отсутствия специалистов помогающих профессий) значительно меняется: XXI век привнес в нашу жизнь цифровизацию, роботизацию, идеи телемедицины, установку на смену патерналистской модели общения врача и пациента на партнерские отношения и многое другое. Однако, несмотря на целый ряд позитивных изменений, в сфере современного здравоохранения имеется целый ряд проблем, который требуют к себе пристального внимания ученых и практиков.

В контексте избранной темы исследования в первую очередь необходимо обратить внимание на эффективность реализации прав пациентов в современной сложной эпидемиологической ситуации.

Как известно, 11 марта 2020 г. генеральный директор ВОЗ объявил о превращении чрезвычайной ситуации в области общественного здравоохранения в пандемию [1]. Это произошло после того, как инфекционное заболевание распространилось по 114 странам с 118000 подтвержденными случаями заболевания и 4291 смертельным исходом. Наиболее уязвимыми группами населения стали пожилые люди, инвалиды, женщины, дети, эмигранты, беженцы. При этом высокие показатели смертности наблюдались даже в странах с развитой экономикой. В России первые случаи заражения COVID-19 были зафиксированы 31 января 2020 г. в г. Чита и в Тюменской области. И это были скорее завозные случаи. Дальнейшее распространение инфекции произошло ввиду прибытия российских туристов или иностранных туристов из-за рубежа.

Пандемия COVID-19 выявила огромное количество проблем в здравоохранении РФ, начиная от дефицита антисептиков, медицинских масок, стационарных коек, кадрового медицинского персонала, заканчивая отсутствием четко функционирующей вертикали управления между федеральными и региональными органами исполнительной власти. Упрощение порядка допуска к оказанию медицинской помощи и введение дополнительных доплат федерального и регионального уровней позволили сохранить общую численность медицинского персонала в течение развития эпидемиологической ситуации, однако достичь увеличения численности, в особенности высококвалифицированного персонала (врачей-специалистов), не удалось. В этой связи дефицит кадров, который испытывали системы регионального здравоохранения до эпидемии, сегодня ощущается наиболее остро [2, с. 19]. Кроме того, на фоне развития пандемии был также официально признан тот факт, что отставание уровня развития здравоохранения в нашей стране от уровня развитых стран значительно сильнее, чем во многих других ключевых отраслях экономики [3, с. 30]. По этой причине в настоящее время ощущается острая необходимость в укреплении системы здравоохранения, расширении возможностей тестирования, лечения и отслеживания больных, вакцинации, а также обеспечении многосторонней помощи населению.

Результаты исследования

Несмотря на тот факт, что рост количества пациентов, обращающихся за медицинской помощью, в начале вспышки COVID-19 создал огромную нагрузку на систему отечественного здравоохранения, последняя за период работы в напряженных условиях пандемии получила неоценимый опыт в плане регулирования процесса маршрутизации пациентов на различных этапах ведения больных от момента обращения, обследования и лечения. Каждый этап требует не только качественного кадрового, материального обеспечения, но и правового сопровождения в соответствии с возникающими ситуациями [4]. На данный момент можно отметить, что врачебные алгоритмы действий разработаны и скорректированы на основании четких медицинских инструкций. В ча-

стности, врачам доступны рекомендации Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), которые постоянно актуализируются.

Однако в сфере отечественного здравоохранения до сих пор остается много нерешенных проблем, негативно сказывающихся на соблюдении прав пациентов. К примеру, немаловажную роль в выведении медицинской помощи на качественно иной уровень играет развитие информационных технологий и робототехники. Так, в 2018 г. в клиниках Хельсинки искусственный интеллект уже использовался для диагностики рака кожи и выявления случаев заболевания меланомой, а с помощью цифровых технологий ИИ распознавал различные диалекты и акценты голосов врачей, диктующих текстовые отчеты о лечении около 2 млн пациентов в год [5]. Однако при наличии робототехники врач все более отдаляется от пациента. Вопрос о том, какими должны стать взаимоотношения этих двух субъектов в цифровую эпоху, рассматривается и самими медиками, и специалистами иных «заинтересованных» профессий. Полагаем, что решение данного вопроса должно осуществляться взвешенно, поскольку, с одной стороны, бум технологий на основе искусственного интеллекта, способность «умных» машин решать сложные задачи и анализировать документы приводят к сокращению рабочих мест дипломированных специалистов, а с другой – именно цифровизация здравоохранения приводит к развитию устойчивой электронной коммуникации при анализе сложных медицинских данных и диагностики на ранних стадиях течения опасных заболеваний.

Эффективная реализация прав пациента при оказании медицинской помощи зависит в том числе и от финансирования социального обеспечения и здравоохранения, что ограничивает выбор преимуществ, недостатков и последствий различных диагностических и лечебных методов для оказания качественной, эффективной и безопасной медицинской помощи.

Государство должно обеспечивать наличие, доступность, приемлемость и хорошее качество медицинских товаров, услуг и объектов для всех. В данном контексте стоит подчеркнуть, что цель системы здраво-

охранения любой страны состоит в том, чтобы было найдено оптимальное соотношение между имеющимися ресурсами отрасли (или материально-технической базой) и способностью оказать медицинскую помощь пациентам, нуждающимся в стационарном и амбулаторно-поликлиническом лечении, без смещения необходимой медицинской стационарной помощи на амбулаторно-поликлинический уровень [6].

Отдельные исследователи отмечают высокий уровень коррупции в сфере государственных закупок медицинского оборудования и медицинских изделий в России. Имеет место получение «откатов», что становится причиной переплат за получаемые товары, а также обуславливает невозможность обеспечить их надлежащее качество. Почти треть граждан считает, что сектор здравоохранения коррумпирован или крайне коррумпирован [7, с. 38].

Учитывая тот факт, что высокая доля государственных закупок приходится на приобретения высокотехнологического медицинского оборудования, специализированных изделий медицинского назначения, лекарственных препаратов и т. д., что сопряжено с риском нанесения ущерба пациентам в связи с поставкой некачественного товара, осуществление закупок медицинского оборудования должно осуществляться в режиме жесткого нормативно-правового и финансового регулирования со стороны органов контроля в сфере закупок федеральных, региональных, муниципальных и ведомственных уровней [8, с. 284].

Стоит отметить, что на современном этапе часть обязательств государства по обеспечению бесплатности медицинских услуг не выполняются. Поэтому пациенты ввиду недоступности медицинской помощи в государственном секторе идут в частные медицинские учреждения [9]. В этой связи в число конституционных поправок 2020 г. были внесены положения, закрепляющие за россиянами конституционное право на получение доступной качественной медицинской помощи, где бы они не проживали. Стоит подчеркнуть, что данное положение в сфере здравоохранения является принципиальным новшеством, и, если органы власти не обеспечат людям достойное лечение, то это бу-

дет восприниматься как нарушение Конституции РФ – основного закона страны [3].

Развивая конституционные положения, законодательство РФ в сфере здравоохранения динамично развивается. Причем модернизируются нормативно-правовые акты, устанавливающие не только экономические, организационные, правовые и иные основы охраны здоровья, но и гарантии реализации прав человека в данной сфере. В частности, одной из важных новелл Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» является закрепление не только прав, но и обязанностей граждан в сфере охраны здоровья¹.

Как отмечает Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Т.Н. Москалькова, сейчас все более остро ощущается отсутствие единого международно-правового акта, который был бы направлен на регламентацию межгосударственных отношений в условиях пандемии и в других подобных обстоятельствах чрезвычайного характера [10]. Первая волна COVID-19, когда начались спешное закрытие границ, отказы в поставке медицинского оборудования соседним государствам, по большому счету поставила под угрозу европейскую солидарность и гуманизм – всю систему европейских ценностей. Вследствие закрытия границ возникали непреодолимые барьеры в возврате граждан в государства проживания, в правовом положении и социальной поддержке граждан иностранного государства [10, с. 7].

С высказанным Т.Н. Москальковой мнением можно согласиться лишь отчасти. Несмотря на то, что пандемия является чрезвычайной ситуацией в сфере здравоохранения, она не создает принципиально новых проблем, а лишь более рельефно демонстрирует уже существующие. Поэтому в условиях серьезных ценностно-идеологических различий между существующими правовыми системами и сложившейся геополитической ситуации, во многом подрывающей авторитет международного права,

¹ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 26.03.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. 28 нояб. № 48. Ст. 6724.

создание новых универсальных правовых актов, регламентирующих права пациентов, представляется нам излишним.

Главной задачей для национальных систем здравоохранения является не механическое копирование навязанных «сверху» стандартов здравоохранения, а органическая интеграция выработанных опытом многих поколений принципов сохранения здоровья человека. Здесь важно понимать, что права пациентов уже давно выступают одной из важнейших граней общепризнанной концепции прав человека. При этом права пациентов, отражающие минимальные стандарты оказания медицинской помощи, тесно переплетается с этическими принципами, поскольку за каждым конкретным правом пациента стоит один или несколько этических принципов, на которых это право основывается [11].

В этой связи считаем целесообразным выделить и раскрыть несколько наиболее, по нашему мнению, важных и основополагающих этико-правовых принципов современной медицины, реализация и интеграция которых в национальное законодательство (в том числе и российское) является теоретико-правовой базой для соблюдения прав пациентов в современных условиях.

1. Полезность (бенефициарность)

Полезность заключается в том, что медицинская помощь должна отвечать интересам пациента на протяжении всего процесса диагностики и лечения. В последнее время, например, с развитием остеопатической медицины, врачи вновь начали призывать к более целостному подходу к реализации принципа полезности, который включает в себя заботу об эмоциональном, социальном и духовном благополучии пациента в дополнение к заботе о его физическом здоровье.

Из всех принципиальных основ оказания медицинской помощи рассматриваемый принцип чаще всего вступает в противоречие с принципом автономии воли пациента. Этот конфликт привел к внедрению специальной документации, в которой пациент должен продемонстрировать свое понимание предсказуемых последствий его решения, действуя вопреки предписаниям врача. При возникновении разногласий между пациентом и поставщиком медицинских услуг

последний должен объяснить причины тех или иных рекомендаций, что позволит пациенту принять более взвешенное решение.

2. Автономия воли

Автономия или свобода воли в широком смысле предполагает возможность жить в соответствии со своими собственными убеждениями и мотивами. Что касается свободы простых граждан, то за последние три с половиной столетия западное общество претерпело радикальные изменения. До эпохи Просвещения большинство людей жили под властью монарха или аналогичного режима. Философы раннего Просвещения (например, Т. Гоббс, Дж. Локк и Ж.-Ж. Руссо) отстаивали взгляды, которые сейчас объединяются под названием «теория общественного договора». Согласно данной концепции, моральные и политические обязательства людей должны зависеть от соглашения между ними относительно того, какие правила будут соблюдаться в их конкретном обществе.

Более поздние философы выступали за индивидуальную автономию даже в большей степени, чем сторонники теории общественного договора. Автономия воли как фундаментальный аспект человеческого существования отстаивалась, главным образом, двумя социальными философами – Джоном Стюартом Миллем (представитель школы утилитаристского либерализма начала XIX века) и Иммануилом Кантом. И. Кант полагал, что каждый здравомыслящий человек вправе жить в моральной автономии, во-первых, определяя собственную шкалу моральных ценностей, а во-вторых, позволяя другим людям делать то же самое (см.: [12]). Д.С. Милль выступал за автономию в отношении способности человека управлять собой, а последующие философы и юристы расширили автономию, включив в нее другие формы самовыражения. Современные философия и право больше особо не задаются вопросом о том, является ли автономия в ее различных формах правом человека, а скорее направлены на разъяснение того, на кого она распространяется и в какой степени.

Пациент, наделенный автономией воли, может отстаивать собственные суждения относительно состояния своего здоровья, в силу чего он имеет право принимать реше-

ния, которые не совпадают с мнением врача относительно пользы тех или иных мер и процедур для здоровья данного пациента. Эта философская концепция стала юридически закрепленным правом практически во всем цивилизованном мире. Например, пациент может отказаться от лечения, которое врач считает целесообразным с точки зрения принципа полезности. В подобных случаях неписанный общественный договор между пациентом и врачом требует, чтобы медработники все равно предупреждали пациента о возможных последствиях действия вопреки совету врача. При этом автономия воли пациента нарушается, когда члены его семьи или медработники оказывают давление на пациента или когда они действуют от имени пациента без его разрешения (в неэкстренной ситуации).

3. Информированное согласие

Право на информированное согласие состоит из двух частей: во-первых, право быть информированным о потенциальном вреде здоровью, связанным с конкретными медицинскими процедурами, и, во-вторых, право на автономию воли. Начиная с XIX века, врачи стали выступать за то, чтобы пациенту было предоставлено достаточное количество информации для понимания состояния собственного здоровья.

Корни информированного согласия восходят к упомянутым выше представителям теории общественного договора. В соответствии с данной концепцией правомочия пациента в отношении своего тела аналогичны правомочиям собственника имущества. Поскольку медицинские процедуры создают потенциальную угрозу причинения вреда, пациенты имеют право самостоятельно решать, какие риски и затраты они готовы нести в отношении своего тела (здоровья). На протяжении большей части истории западной медицины врачи исходили из презумпции поддержки пациентом того плана лечения, который врач сочтет лучшим. Содержание же принципа автономии воли предполагает отсутствие у врача возможности узнать, чего хочет пациент. В этой связи врач должен предоставить пациенту возможность решать этот вопрос самостоятельно, разумеется, если психическое и физическое состояние пациента позволяет это сделать.

Так, в весьма резонансном деле «Кентербери против Спенса» американская система правосудия сформулировала важный прецедент, согласно которому риск причинения вреда хотя бы на уровне 1 % должен быть разъяснен пациенту до того, как его направят на какое-либо лечение, если названный вред может повлечь смерть или иное изменяющее жизнь пациента осложнение (например, слепоту, потерю конечности, паралич и иные формы инвалидности) [13].

4. Отказ от лечения (как со стороны пациента, так и врача)

Пациент может отказаться от лечения, которое поставщик медицинских услуг считает полезным, исходя из принципа автономии воли. И наоборот, врач может отказаться предложить лечение из соображений непричинения вреда, если сочтет, что лечение принесет больше вреда, чем пользы. Безусловно, отказ врача от лечения – более сложный вопрос, зависящий от ситуации. В любом случае, медицинский работник должен предоставить письменное объяснение по данному вопросу, когда это возможно (то есть в неэкстренных случаях).

5. Медицинская помощь в экстренной ситуации

Право на медицинскую помощь в экстренных случаях вытекает из принципов полезности и справедливости, и его концепция восходит к трудам Гиппократов. Меры по спасению жизни необходимо принимать до момента стабилизации состояния пациента, независимо от платежеспособности последнего. В настоящее время медицинские учреждения различаются по характеру реализации данного права. Во-первых, медицинские учреждения расходятся во мнениях относительно того, что именно представляет собой экстренная ситуация. Во-вторых, учреждения различаются в определении того, в какой момент пациент считается достаточно стабильным, чтобы прекратить лечение или потребовать некоторой гарантии компенсации в будущем, прежде чем проводить дополнительное лечение. Эти различия означают, что характер получаемой пациентом неотложной помощи может варьироваться в зависимости от конкретного медицинского учреждения.

6. Конфиденциальность

Конфиденциальность проистекает как из доверительных отношений между врачом и пациентом, так и из автономии воли. Пациент надеется, что врач не позволит другим узнать подробности болезни, то есть информацию, которая может быть использована третьими лицами, чтобы каким-либо образом навредить пациенту. При сохранении конфиденциальности пациентам предоставляется самостоятельность в том смысле, что они сохраняют контроль над тем, кто имеет доступ к информации о состоянии их здоровья [14]. Исключения в отношении конфиденциальности включают прямую опасность для пациента или других лиц и некоторые инфекционные заболевания. Подлежащие регистрации инфекции, передающиеся половым путем (ИППП), включают вирус папилломы человека, генитальный герпес, хламидиоз, гонорею, ВИЧ/СПИД и сифилис. В большинстве ситуаций, связанных с оказанием медицинской помощи, требуется согласие родителей, однако это не касается контрацепции, лечения ИППП и психиатрической помощи.

7. Непрерывность лечения

Непрерывность лечения относится к способности пациента определять конфигурацию будущих отношений с поставщиками медицинских услуг. Пациент имеет право соглашаться или отказываться от направлений к определенным специалистам, а также от разрабатываемых медицинской организацией планов домашнего лечения. Это отвечает интересам пациента (полезность), поскольку позволяет ему принимать самостоятельные решения относительно собственного лечения (автономия воли). Кроме того, непрерывность лечения помогает сохранить доверительные отношения между пациентом и врачом. Совместное принятие решений врачом и пациентом позволяет сделать его более эффективным, особенно в тех случаях, когда лечение предполагает неоднократные визиты к врачу. Принцип непрерывности лечения также предполагает, чтобы пациент получил разъяснение того, как поддерживать здоровье за пределами медицинского учреждения. Если требуется перевод в другое медучреждение, то пациент имеет право на разъяснение причин такого решения.

Заключение

По итогам проведенного исследования следует отметить, что совершенствование отечественной системы здравоохранения требует обращения пристального внимания на проблему доступности и высокого уровня качества оказываемой медицинской помощи, смену приоритетов в трудовой деятельности медицинских работников от лечения болезней к их профилактике, от количества услуг – к качеству их оказания, от стационарной – к амбулаторной помощи и т. д.

Приведение национального законодательства в соответствие с общепризнанными правами пациентов помогает стандартизировать оказание медицинской помощи в разных областях здравоохранения и позволяет пациентам сформировать общие представления о результатах своего лечения.

Активная разработка нормативной базы по оказанию квалифицированной медицинской помощи на международном и национальном уровне помогает людям рассчитывать на определенный уровень лечения независимо от их социально-экономического статуса, религиозной принадлежности, пола или национальности, дает человеку возможность играть активную роль в улучшении своего здоровья, укрепляет отношения пациентов и поставщиков медицинских услуг, а также создает гарантии для пациентов в отношениях со страховыми компаниями.

Права пациентов в современном мире проистекают из общепризнанного набора этических принципов, включающих неприкосновенность человеческой жизни, полезность (бенефициарность), автономию воли пациента, непричинение вреда, информированное согласие, конфиденциальность информации и пациенте, непрерывность лечения, фидуциарные (доверительные) отношения между пациентом и поставщиком медицинских услуг. Решение вопроса о том, имеет ли один принцип большую ценность, чем другой, варьируется в зависимости от конкретной правовой системы. Когда правового стандарта не существует, обязанностью поставщика медицинских услуг остается определение приоритетов этих принципов для достижения приемлемого результата лечения пациента.

Список источников

1. Zhou Z. et al. The Empirical Study on the Effect of Technology Exchanges in the Fourth Industrial Revolution between Korea and China: Focused on the Firm Social Network Analysis // *The Journal of Society for e-Business Studies*. 2020. № 25 (3). P. 41-61. DOI [10.7838/jsebs.2020.25.3.041](https://doi.org/10.7838/jsebs.2020.25.3.041)
2. Борисова Д.Е. Управление здравоохранением регионов в условиях распространения новой коронавирусной инфекции // *Проблемы социально-экономического развития Сибири*. 2020. № 4 (42). С. 19-24. DOI [10.18324/2224-1833-2020-4-19-24](https://doi.org/10.18324/2224-1833-2020-4-19-24), <https://elibrary.ru/juzavz>
3. Короткова О.А., Савенкова О.Р., Лукин С.В., Каверина А.О. Система здравоохранения в России: понятие, правовое регулирование // *Вестник Калужского университета*. 2021. № 1 (50). С. 30-33. <https://elibrary.ru/rvijha>
4. Козенко Ю.А., Козенко Т.Е. Правовое регулирование в сфере здравоохранения с применением технологий блокчейн-платформ // *Тенденции развития науки и образования*. 2021. № 73-7. С. 33-35. DOI [10.18411/lj-05-2021-262](https://doi.org/10.18411/lj-05-2021-262), <https://elibrary.ru/rakjre>
5. Жилкин В.А. Правовые аспекты применения искусственного интеллекта в здравоохранении Финляндии // *Право и цифровая экономика*. 2020. № 4 (10). С. 39-45. <https://elibrary.ru/bhmgrm>
6. Журавлева Т.А., Ямицкова Т.Н., Извеков Ф.С. Материально-техническая база сферы здравоохранения в условиях цикличности // *Финансовая жизнь*. 2020. № 1. С. 24. <https://elibrary.ru/cypvay>
7. Матвеев В.Г. Правовые и организационные особенности государственных закупок в сфере здравоохранения // *Молодежь, наука, образование: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. ст. 3 Междунар. науч.-практ. конф. Пенза, 2021*. С. 35-38. <https://elibrary.ru/gysdjn>
8. Северина М.А., Пономарев А.В. Коррупционные правонарушения в сфере здравоохранения в период пандемии COVID-19 // *Modern Science*. 2021. № 11-3. С. 281-287. <https://elibrary.ru/uonyvz>
9. Журавлева Т.А. Проблемы здоровья населения отдельных регионов России и доступность услуг здравоохранения // *Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии*. 2019. № 1. С. 26. <https://elibrary.ru/nkassx>
10. Москалькова Т.Н. Философско-правовые аспекты защиты прав человека в условиях распространения новой коронавирусной инфекции // *Защита прав человека в условиях распространения новой коронавирусной инфекции: теория и практика: сб. материалов науч.-практ. конф. М., 2021*. С. 5-9. <https://elibrary.ru/pwwwxs>
11. Young M., Wagner A. Medical Ethics // *StatPearls. Treasure Island (FL): StatPearls Publishing*. 2022. Jan. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/30570982/> (accessed: 05.07.2022).
12. Артемьева О.В. Универсальность и автономия в этике И. Канта // *Философские науки*. 2018. № 11. С. 93-94. DOI [10.30727/0235-1188-2018-11-86-102](https://doi.org/10.30727/0235-1188-2018-11-86-102), <https://elibrary.ru/plhcoz>
13. Laskey J.L. Canterbury v. Spence – Informed Consent Revisited // *The Forum (Section of Insurance, Negligence and Compensation Law, American Bar Association)*. 1976. Vol. 11. № 3. P. 713-715. URL: <http://www.jstor.org/stable/25761135> (accessed: 05.07.2022).
14. Olejarczyk J.P., Young M. Patient Rights and Ethics // *StatPearls. Treasure Island (FL): StatPearls Publishing*. 2022. Jan. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/30855863/> (accessed: 05.07.2022).

References

1. Zhou Z. et al. The Empirical Study on the Effect of Technology Exchanges in the Fourth Industrial Revolution between Korea and China: Focused on the Firm Social Network Analysis. *The Journal of Society for e-Business Studies*, 2020, no. 25 (3), pp. 41-61. DOI [10.7838/jsebs.2020.25.3.041](https://doi.org/10.7838/jsebs.2020.25.3.041)
2. Borisova D.E. Upravleniye zdravookhraneniym regionov v usloviyakh rasprostraneniya novoy koronavirusnoy infektsii [Regional healthcare management in the face of COVID-19 pandemic]. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri – Issues of Social-Economic Development of Siberia*, 2020, no. 4 (42), pp. 19-24. DOI [10.18324/2224-1833-2020-4-19-24](https://doi.org/10.18324/2224-1833-2020-4-19-24), <https://elibrary.ru/juzavz>. (In Russian).
3. Korotkova O.A., Savenkova O.R., Lunin S.V., Kaverina A.O. Sistema zdravookhraneniya v Rossii: ponyatiye, pravovoye regulirovaniye [Healthcare system in Russia: concept, legal regulation]. *Vestnik Kaluzhskogo universiteta – Bulletin of Kaluga University*, 2021, no. 1 (50), pp. 30-33. <https://elibrary.ru/rvijha>. (In Russian).
4. Kozenko Y.A., Kozenko T.E. Pravovoye regulirovaniye v sfere zdravookhraneniya s primeneniym tekhnologiy blokcheyn-platform [Legal regulation in the field of healthcare using blockchain platform technologies]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya – Trends in the Development of Science and Education*, 2021, no. 73-7, pp. 33-35. DOI [10.18411/lj-05-2021-262](https://doi.org/10.18411/lj-05-2021-262), <https://elibrary.ru/rakjre>. (In Russian).

5. Zhilkin V.A. Pravovyye aspekty primeneniya iskusstvennogo intellekta v zdravookhraneni Finlyandii [Legal aspects of the use of artificial intelligence in Finnish healthcare]. *Pravo i tsifrovaya ekonomika – Law and Digital Economy*, 2020, no. 4 (10), pp. 39-45. <https://elibrary.ru/bhmgrm>. (In Russian).
6. Zhuravleva T.A., Yamshchikova T.N., Izvekov F.S. Material'no-tehnicheskaya baza sfery zdravookhraneniya v usloviyakh tsiklichnosti [Material and technical base of the healthcare sector in cyclical conditions]. *Finansovaya zhizn' – Financial Life*, 2020, no. 1, pp. 24. <https://elibrary.ru/cypvay>. (In Russian).
7. Matveyev V.G. Pravovyye i organizatsionnyye osobennosti gosudarstvennykh zakupok v sfere zdravookhraneniya [Legal and organizational features of public procurement in the sphere of healthcare]. *Sbornik statey 3 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Molodezh', nauka, obrazovaniye: aktual'nyye voprosy, dostizheniya i innovatsii»* [Collection of works of the 3rd International Scientific and Practical Conference "Youth, Science, Education: Topical Issues, Achievements and Innovations"]. Penza, 2021, pp. 35-38. <https://elibrary.ru/gysdjin>. (In Russian).
8. Severina M.A., Ponomarev A.V. Korruptsionnyye pravonarusheniya v sfere zdravookhraneniya v period pandemii COVID-19 [Corruption offenses in healthcare during the COVID-19 pandemic]. *Modern Science*, 2021, no. 11-3, pp. 281-287. <https://elibrary.ru/uonyvz>. (In Russian).
9. Zhuravleva T.A. Problemy zdorov'ya naseleniya otdel'nykh regionov Rossii i dostupnost' uslug zdravookhraneniya [Problems of health of the population of certain regions of Russia and the availability of health services]. *Konkurentosposobnost' v global'nom mire: ekonomika, nauka, tekhnologii – Competitiveness in the Global World: Economics, Science, Technology*, 2019, no. 1, pp. 26. <https://elibrary.ru/nkassx> (In Russian).
10. Moskal'kova T.N. Filosofsko-pravovyye aspekty zashchity prav cheloveka v usloviyakh rasprostraneniya novoy koronavirusnoy infektsii [Philosophical and legal aspects of the protection of human rights in the context of the spread of a new coronavirus infection]. *Sbornik materialov nauchno-prakticheskoy konferentsii «Zashchita prav cheloveka v usloviyakh rasprostraneniya novoy koronavirusnoy infektsii: teoriya i praktika»* [Collection of Materials of the Scientific-Practical Conference "Protection of Human Rights in the Context of the Spread of a New Coronavirus Infection: Theory and Practice"]. Moscow, 2021, pp. 5-9. <https://elibrary.ru/pwwxws>. (In Russian).
11. Young M., Wagner A. Medical Ethics. *StatPearls. Treasure Island (FL): StatPearls Publishing*. 2022. Jan. Available at: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/30570982/> (accessed 05.07.2022).
12. Artemyeva O.V. Universal'nost' i avtonomiya v etike I. Kanta [Universality and autonomy in I. Kant's moral philosophy]. *Filosofskie nauki – Russian Journal of Philosophical Sciences*, 2018, no. 11, pp. 93-94. DOI 10.30727/0235-1188-2018-11-86-102, <https://elibrary.ru/plhcoz>. (In Russian).
13. Laskey J.L. Canterbury v. Spence – Informed Consent Revisited. *The Forum (Section of Insurance, Negligence and Compensation Law, American Bar Association)*. 1976, vol. 11, no. 3, pp. 713-715. Available at: <http://www.jstor.org/stable/25761135> (accessed 05.07.2022).
14. Olejarczyk J.P., Young M. Patient Rights And Ethics. *StatPearls. Treasure Island (FL): StatPearls Publishing*. 2022. Jan. Available at: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/30855863/> (accessed 05.07.2022).

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 15.08.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 24.10.2022

Принята к публикации / Accepted for publication 21.11.2022

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ СТАТЕЙ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА»

Всех авторов просим обратить внимание на требования к оформлению статей, поскольку игнорирование хотя бы одного вышеуказанного пункта дает редакции право отказать в публикации Вашей статьи.

Обязательными компонентами условий включения статьи в научный журнал являются:

- представление автором текста статьи и комплекта сопутствующих документов в строгом соответствии с названными требованиями;
- подписание лицензионного договора;
- согласие автора на редактирование статьи, включение ее в электронные базы данных и использование персональных данных (оригинал согласия на обработку персональных данных). В случае соавторства каждый из авторов заполняет от руки, подписывает отдельное согласие и отправляет его в редакцию или приносит лично.

При подготовке рукописи автору следует ориентироваться на профиль и рубрики журнала. При проверке в системе «[Антиплагиат](#)» оригинальность текста должна составлять не менее 70 %.

Редакция оставляет за собой право не публиковать статьи с уникальностью текста менее 70 %, в остальные 30 % могут входить следующие корректные заимствования: ссылки на научные источники, нормативно-правовые акты, а также совпадение терминов и устойчивых словосочетаний, принятых в данной сфере науки, а также наименование публикаций, конференций, нормативно-правовых актов, ГОСТов, физических и юридических лиц и т. д., компактные группы высказываний и отдельные высказывания с соответствующими сносками на них.

Авторы представляют статьи, подготовленные к публикации, в соответствии с Правилами для авторов, устанавливаемыми редколлегией журнала, по адресу: 392000, г. Тамбов, ул. Советская, 181 Б, каб. 209, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Институт права и национальной безопасности или по электронной почте lexnauka.tgu@yandex.ru.

Публикуются научные статьи объемом от 0,3 до 1,0 п.л. (13–40 тыс. знаков).

Статья должна быть набрана в программе MicrosoftWord, формат А4, поля по 2 см с каждой стороны. Шрифт TimesNewRoman. Размер шрифта 14. Выравнивание по ширине. Межстрочный интервал полуторный (1,5). Абзацный отступ – 0,7. Переносы включены. Все страницы рукописи с вложенными таблицами, рисунками, подписями к рисункам, списком литературы должны быть пронумерованы. Шрифтовые выделения в самом тексте статьи допускаются в виде курсива или полужирным шрифтом.

В верхнем левом углу первой страницы проставляется код УДК, который должен достаточно подробно отражать тематику статьи.

На следующей строке необходимо указать код специальности согласно номенклатуре научных специальностей ВАК.

Далее по центру жирным шрифтом печатается название статьи (прописная буква только первая).

Ниже приводятся данные об авторе: фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, почетные звания (при наличии), должность, место работы (полное название организации, адрес с почтовым индексом), электронный адрес автора, контактные телефоны, ORCID.

Очередность упоминания авторов зависит от их вклада в выполненную работу либо указывается в алфавитном порядке, если вклад авторов равный.

Название организации (на русском и английском языке) должно совпадать с названием в Уставе.

Ниже через строку помещается текст аннотации на русском и английском языке. Аннотация (150–200 слов) в обязательном порядке должна включать введение (постановка проблемы), цель и задачи исследования (в виде подтверждения или опровержения научной гипотезы), описание методов и методологии исследования, информацию об основных научных результатах,

область применения результатов, выводы о достижении цели исследования (например, Рассмотрено... Обосновано... Доказано... Проанализировано... Сформировано... Сделан вывод).

Авторское резюме в обязательном порядке должно быть:

- информативного характера (не содержать общих слов) и давать возможность установить основное содержание документа, его актуальность, цель, задачи, значимость для науки и практики, методологию и т. д.;
- содержательным (отражать основную суть статьи и полученные результаты исследования);
- структурированным (следовать логике описания результатов в статье);
- оформлено в качестве англоязычной версии, представляющей собой качественный перевод на английский язык русскоязычного авторского резюме;
- компактным и, вместе с тем, формирующим общее представление о научно-исследовательских характеристиках работы.

Затем приводятся ключевые слова на русском и английском языках (не более 10 ключевых слов или словосочетаний, отражающих специфику темы, объект, результаты исследования и служащих ключом при поиске соответствующей информации). Еще через строку помещают основной текст статьи.

Благодарности (информация об источниках финансирования научного исследования, а также выражение благодарности людям, способствовавшим публикации статьи в журнале, но не являющимся ее соавторами, рецензентами, редакторами).

Рекомендуемая структура научной статьи:

Статья в ОБЯЗАТЕЛЬНОМ ПОРЯДКЕ должна быть структурирована, каждый раздел статьи – **ПОИМЕНОВАН**.

– **В обязательном введении должна быть отражена постановка проблемы** в общем виде и ее связь с исследованиями в данной области и публикациями с обязательными ссылками в тексте на используемую литературу (также все заимствования в статье должны быть корректно оформлены);

– **методы**, позволяющие воспроизвести результаты исследования;

– **результаты/обсуждение**: изложение основного материала исследования с обоснованием полученных научных результатов;

– **в заключении – выводы о разрешении поставленной научной проблемы**, научная новизна, теоретическое или практическое значение исследования, а также перспективы дальнейших научных разработок в данном направлении;

– список источников (обязательно) должен включать 10 и более источников, имеющих автора. Ссылка на собственные работы – не более 10 % от общего количества источников. Список литературы в обязательном порядке должен содержать ссылки на современные периодические источники, опубликованные за последние 2–3 года (не менее 50 %). Не допускаются многократные цитирования одного автора. Приветствуется введение в текст статьи ссылок на научные работы, ранее опубликованные в журналах ТГУ им. Г.Р. Державина;

– **References** (пристатейный библиографический список в романском алфавите (латинице) – полное транслитерирование источников и их перевод на английский язык);

– Информацию о конфликте интересов или его отсутствии.

В конце статьи должна быть надпись *Статья публикуется впервые. Проверено системой антиплагиат. Уникальность текста ...%* – ставится дата и подписи авторов.

За ошибки и неточности научного и фактического характера, перевод аннотации и ключевых слов ответственность несет автор (авторы) статьи.

Список источников

Список источников является ОБЯЗАТЕЛЬНЫМ атрибутом любой научной статьи. Указание в списке всех цитируемых работ обязательно.

Библиографические ссылки в списках источников оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Автор несет ответственность за точность приводимых в его статье сведений, цитат и правильность указания названий книг и других источников.

В случае, если источник имеет DOI и EDN, то их указание обязательно.

В тексте следует ссылаться следующим образом: в квадратных скобках ставится номер в порядке упоминания источника в тексте статьи с указанием страниц – [1, с. 34], (см. например: [2, с. 56]), (цит. по: [6, с. 88]), в случае ссылки на несколько номеров – [1, с. 55; 2, с. 346; 3, с. 78]. Если имеется в виду ссылка на работу в целом, то в тексте страницы допустимо не указывать. В списке литературы для статей обязательно приводятся первая и последняя страницы в журнале или в сборнике статей, для монографий указывается общее количество страниц.

Ссылки на нормативные акты (включая законы, изданные отдельными брошюрами, конституции), архивные документы, рукописи, статистические справочники, публикации из Интернета, газеты, иные источники, не имеющие авторства, на разного рода пояснения автора и т. п. оформляются в виде обычных постраничных сносок и **в список источников не включаются**. При оформлении ссылок на газету необходимо указывать год, день и месяц ее выхода.

Не допускаются цитирование и заимствования интернет-ресурсов, содержащих банки данных курсовых, рефератов, ссылки на неопубликованные работы. Диссертации являются рукописями, ссылки на них могут быть только при наличии письменного разрешения автора на использование его диссертации. Не все диссертации, представленные в Интернете, были защищены, также в Сети размещены диссертации со 100%-ным **плагиатом**, и эти факты тоже нужно учитывать. Поэтому цитировать можно только авторефераты диссертаций, которые являются юридическими документами и напечатаны типографским способом.

Политика свободного доступа

Весь контент журнала распространяется на условиях лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](#) Всемирная

Статьи этого журнала доступны всем желающим с момента публикации, что обеспечивает свободный открытый доступ к результатам исследований и способствует увеличению глобального обмена знаниями. Все содержимое журнала доступно для пользователей бесплатно. Пользователям разрешается читать, скачивать, копировать, распространять, распечатывать, производить поиск, находить полные тексты статей журнала без предварительного разрешения издателя и автора.

Процесс рецензирования

Журнал проводит «двустороннее слепое» рецензирование поступающих рукописей. Рецензенту предоставляется на рецензирование рукопись без указания фамилий авторов. Автор не знает фамилии рецензента.

Плата за публикацию

Журнал следует политике [Open Access Journals](#), доступ к опубликованным в журнале статьям – свободный для всех (без необходимости регистрации).

Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов. Редакция не вступает с авторами в переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доводкой статей до необходимого научно-методического уровня.

